

СЕРГЕЙ БУРКАТОВСКИЙ

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВЧЕРА
БУДЕТ ВОЙНА

Annotation

Новый поворот классического сюжета о «провале во времени»! Самый неожиданный и пронзительный роман в жанре альтернативной истории! Удастся ли нашему современнику, попавшему в лето 1941 года, предупредить Сталина о скором нападении Германии, предотвратить трагедию 22 июня, переписать прошлое набело? И какую цену придется за это заплатить?

Содержание

Сергей Буркатовский

Вчера будет война

Глубокие благодарности военно-историческому форуму VIF2NE.ru и Александру «Новику» Москальцу, а также многим участникам данного форума, поименное перечисление которых съело бы половину объема книги.

Особая признательность — смолянам Григорию Пернавскому и Виталию Соколову — за исполнение обязанностей заградотряда, временами поддерживающего автора огнем.

А также знатному танковеду Василию Фофанову — за разрешение воспользоваться именем и фамилией.

Посвящается великому поколению 30-50-х годов, огромной ценой сберегшему детей, но потерявшему внуков.

Пролог

03 января, год не определен

«Петрович! Поискал нашу пропажу — полный глухарь. В Тайге сел (опознали местные, по описанию), в Острожске вроде не выходил. Пассажиров, что с ним ехали, хрен найдешь. В общем, либо сам объявится, либо весной где-нибудь на перегоне оттаает. Продержи дело до мая и сдавай в архив. Родственникам говори — ищем».

Записка на обратной стороне ксерокопии приказа по Острожскому областному УВД от 24.12.20... (год затерт).

— Эй, молодой-красивый, золотой-бриллиантовый! Позолоти ручку — всю правду расскажу, что было, что будет! — Андрей дернулся со сна. Закутанная в кучу платков цыганка неопределенного возраста сверкала традиционными «желтого металла» зубами, нависая над задремавшим потенциальным клиентом. Со стороны плотно расположившегося в углу зала ожидания табора уже подтягивалась группа поддержки — пара смуглых цыганят и еще одна гадалка, помоложе. Сколько Андрей ни помнил эту станцию — табор тут бывал регулярно. И то сказать — Транссиб, большая дорога, где ж им еще тусоваться, как не здесь. Он что-то буркнул, поднимаясь, гадалка не отставала.

— Не торопись, яхонтовый, узнай судьбу. Вижу, дорога у тебя дальняя, на сердце печаль. Позолоти ручку, грусть-печаль сниму, дорога легкой будет! — Андрей, на всякий случай (цыганята вертелись под ногами) придерживая плеер за пазухой, пошел к выходу. Цыганка забежала вперед, перегородив дверь. Андрей попытался проскользнуть, не коснувшись ее — не получилось. И задел-то слегка, а визгу, проклятий! Тут тебе и дороги не будет, тут тебе и дом казенный. Ладно, на перроне патруль, их эти тетки тоже небось достали.

Уже стоя на морозце, Андрей вспомнил, что недочитанная книжка по сорок первому осталась на лавке в зале. Возвращаться дико не хотелось, тем более что электричка уже подходила. Ладно, невелика потеря. Уже на первой странице пожалел, что взял. Думал почитать еще чего-нибудь толкового, а нарвался на очередного разоблачителя. Сколько раз читано — Сталин тупой был, разведка говорила, а он не верил типа. Автор зато умный, ага. Его бы туда — уж он бы, как Ингосстрах, «все правильно сделал». Ну, может, цыганка попросвещается. Или еще кто. Хорошо ноут не взял. А то пока он дрых — ушла бы «Тоша» налево как пить дать. Да и вообще — всю жизнь мечтал ездить налегке, еще с детства, когда родителям рук не хватало, навьючивали мелкого Андриюшенцию всякими авоськами. Все же Николай Второй — скотина. Нет бы — провести Транссиб через Острожск — так срезал угол. Теперь мотайся из-за него на перекладных.

В натопленной электричке, да с холода — лепота, только опять в сон клонит. Благо половина ламп то ли перегорела, то ли отключена в целях экономии. Отвалиться на изрезанный ножом диванчик, в наушниках — еле-еле слышен Ричи Блэкмор (Айрон Мэйден

и Высоцкого побережем для другого настроения). Вообще, надо бы взять наладонник — тут тебе и музыка, и книжки в одном флаконе. Так бы закачать десяток текстов да сотню мегов музыки — и на всю дорогу сенсорный голод исключен. Ну ничего. Сдадим проект — либо сайт салона красоты для домашних питомцев достроим (надо же, и в Сибирь московская зараза добралась, век бы ее не видеть), либо, что более приятно, аутсорс по флэш-движку для Роскосмоса таки заказчику пропишем. Хотя сколько волокиты с перечислением бабок от госструктур, да еще через московскую контору, которая себя тоже обижать не хочет — это повеситься легче. Один черт — сразу берем наладонник. Дорого — но полезно. Да и мобила встроенная. А то старый «Сименс» — машинка хорошая, но барахлит уже. И акумулятор к нему не найдешь. В общем, решено. За пару дней добить собачий салон, а прямо завтра вечером дернуть по аське Мишку из московской конторы и намекнуть, что очередной платеж давно пора бы и перечислить.

На этом мысли спутались, навалилась дрема. Сидеть было неудобно, от стекла подхоложивало, но очень уж умотался. Снилось всякая фигня.

Дремал до самого Острожка, проснулся от резкого гудка. Проснулся и остолбенел. Какого черта? Засыпал в обычном вагоне электрички, проснулся — вроде в общем, да еще и в древнем, как дерьмо мамонта. Ну ладно, можно предположить, что перешел в другой вагон и сей факт благополучно заснул — но в электричках вообще таких вагонов не бывает! Бред какой-то. «Поторапливаемся, граждане, поторапливаемся! Станция Острожек, приехали». Мимо по проходу пронеслась укутанная в миллион платков бабка с оцинкованным ведром, тоже забитым каким-то тряпьем. Увидела Андрея, замерла, перекрестилась и рванула с удвоенной скоростью. Не понял. На всякий случай оглянулся на себя, выворачивая шею. Все нормально, джинсы, красная куртка на синтепоне (между прочим, ни фигу не Китай), шапка собачья обыкновенная. Ботинки. Очки. Провел рукой по лицу — вроде не испачкался. «Поторапливаемся, граждане!»

Андрей вывалился по лестнице на заснеженный перрон. Следующая ступень шока. Что вагон был действительно времен царя Гороха — ладно. Но в двух метрах от Андрея начинался черный, тронутый инеем тендер, а за ним пыхтел самый натуральный паровоз. Освещения на вокзале практически не было — во всем, блин, опять Чубайс, что ли, виноват? — но паровоз и при таком, с позволения сказать, свете ни с чем не спутаешь. Ущипнуть себя? А смысл? Мороз и так будь здоров щиплет. Все ж таки ущипнул. Ничего не изменилось. Только паровоз свистнул, выбросив облако белесого пара, еще раз подтвердив свою тысячепудовую реальность. Да еще из окошка наверху будки вынырнул машинист, оглянулся назад. Запнулся глазами об Андрея, затем снова взглянул вдоль состава — техпроцесс такой, видимо, потом — вперед. Свистнул еще раз, затем паровоз пыхнул паром и тронул короткий, из шести вагонов всего, состав.

Мать. Глюки какие-то. И куда эстакаду над путями подевали? Травкой вроде по жизни не баловался, да и пил с дядькой в Назарове уже больше суток назад. Не, домой, срочно. Маршрутки уже минимум час как не ходят, но тут до Карташова полчаса пешкодралом. Обойдя какой-то непривычный в темноте, хотя и узнаваемый, вокзал, Андрей вышел на площадь. И остолбенел. Ни автовокзала, ни гостиницы «Острожек», ни уголовного дома с магазином не было. Деревянные дома окружали площадь, на которой торчала одинокая полуторка образца тридцать лохматого года. Андрей стоял минуты три, пока сзади не послышался дружный, строевой визг снега под каблуками. На ледяную раскатанную дорожку от тлеющего сзади одинокого фонаря легли игольчатые тени штыков, и уверенный баритон

за плечом произнес: «Гражданин! Будьте любезны, предъявите документы!»

Часть 1

Главная Дата

«За проявленную бдительность и красноармейскую смекалку объявить младшему сержанту Фофанову В. И. БЛАГОДАРНОСТИ Наградить мл. серж. Фофанова именными часами. Предоставить мл. серж. Фофанову отпуск сроком на 10 дней, не считая дороги».

Приказ по Острожскому Артиллерийскому Училищу от 12 января 1941 года

В клубе было натоплено на совесть. Развешанные по стенам семилинейные керосинки почти не коптели, и на некрашеных сосновых стенах колыхались теплые пятна света от раскаленной печки-голландки. Вся деревенская молодежь теснилась сегодня в красном углу, под бумажными портретами Ленина и Сталина. На почетном месте сидел крепкий парень в ладной гимнастерке с артиллерийскими петлицами и комсомольским значком. Призванный в армию еще два года назад сын предколхоза Вася Фофанов нежданно-негаданно получил отпуск, и вот теперь, к вечеру поближе, молодежь подтянулась в клуб — послушать.

Конечно, подвиги свои Василий малость приукрашивал, но, учитывая ясный взгляд сидевшей рядышком Танюши Семиной, это было вполне простительно.

Записной гармонист Петрович тихонечко перебирал лады, но жару пока не давал, слушал, как и все. Василий, уже успевший принять в компании с батей стопку, а то и не одну, в который раз одернул и без того безупречно оправленную гимнастерку и продолжал, исполненный значительности:

— И вот тут-то я его и увидел. Стоит, озирается, руку в кармане держит. С виду — как есть барчук и в очках. — Слово «очки» Вася подчеркнул особо, дескать, мы воробыи стреляные, нас штучками интеллигентскими не проймешь. — Курточка, смотрю, не наша, заграничная курточка-то.

Он примолк, пыхнул «Нордом», исполненный важности момента. Девчата окончательно притихли, а Танюшка Семина уже и не моргала, не в силах оторвать от него огромных глаз.

— Заграничная, говорю, курточка. Для зимы-то совсем невзабошная. Мерзнет, бедолага. К зиме-то непривычный, за версту видать. Ага, думаю. Не иначе, шпиен какой. Опять таки вокзал, понимаешь, государственной важности объект. Транспортный узел, во! Подхожу это я к нему и говорю...

Анюта Семибратова за спиной рассказчика не выдержала напряженности момента, пискнула. На нее зашикали.

— Говорю я ему, — недовольно обернулся назад Василий, — вежливо, как нас товарищ лейтенант учил: «А будьте так добры, гражданин, предъявите документики!» Гляжу — побелел мой шпиен, задержался, давай очочки-то протирать. А я ему: «Вы пенсню-то, гражданин, оставьте, оставьте. А вот документики ваши попрошу показать». Ну, тот дрожит, а делать нечего. Полез он в карман, достает книжицу, вот как две твоих ладошки, — Вася каким-то покровительственным движением наклонился вперед и накрыл обе Танины руки

своей лапищей. — Как две твоих ладошки, — повторил он, глядя ей в широко распахнутые глаза; Таня зарумянилась, — и переплет у ней кожаный. Сует он, значит, мне паспортную книжицу, а там...

Положительно, в младшем сержанте Васе Фофанове погибал великий актер. По крайней мере, паузы он держал там, где надо, и ровно столько, сколько требовалось, чтобы довести слушателей до крайней степени нетерпения. Пустив еще одно колечко дыма (а что, не хуже старшины Неспивайко!), Василий обвел собравшихся медленным взором и уже в полной тишине — даже Петрович прекратил терзать инструмент — ПРОДОЛЖИЛ:

— А там, на обложке прямо — орел царский.

Девчата хором ахнули. Парни загомонили, а Николай Гостев даже пробурчал что-то мрачное под нос. Самозабвенно устремленный на Васю Танюшкин взгляд его никак не радовал. Но сделать ничего было нельзя — мало того, что Васек отрастил себе на армейских харчах саженные плечи, так еще и вся деревня ему из-за этого дьявольского шпиона в рот смотрит. Ну ничего, недельку он еще тут покантуется — и все, отпуск-то его и тю-тю. А там уж посмотрим.

— О как, думаю, — продолжал герой дня, — точно, барчук недорезанный! Не иначе в семнадцатом к буржуям за кордон сбежал, а теперь эвон вернулся терроризм против Советской нашей власти учинять! И — хватить его под локоток «А пройдемте-ка, говорю, господин хороший, в отделение, расскажете, откуда вы к нам в Советскую страну прибыли и откуда у вас такие птички на документиках!» А он ка-ак подскочит! Руку вырвал, курточка-то у него склизкая, такая шпиенская курточка специальная, что и не удержать прям! И в переулочек — порск! Но разве ж от меня убежишь! Догнал я его, хватить! А он на ногах не удержался, упал, слышу — треск! Он руку под куртку — ну, думаю, наган там или бомба!

От былой степенности не осталось и следа, Вася махал руками, только свист стоял, девчонки отшатнулись, чтобы не получить нечаянную оплеуху.

— Заломил я ему руку, как нас товарищ старшина учил, ага! Тут ребята подбежали, наряд, и старшой наш с ними. Подняли болезного, смотрим — а у него на поясе под курткой радио шпиенское висит. От него проводок идет, и наушнички ма-ахонькие, прямо внутрь, в уши вставлены. Правда, техника у барчука деликатная, сломалась, когда я его наземь валил. А он стоять не может, ребята его за шкуру держат, чтоб не упал. Так и отвели мы его в дежурку, сдали кому надо. Теперь с ним пролетарский суд разбирается.

Василий повернулся, затушил в стеклянной вазе из бывшей помещицкой усадьбы сигаретку и снова без нужды оправил гимнастерку. Собравшиеся загомонили, перебивая друг друга расспросами. Да, та книжка, что с орлом — это его паспорт. Нет, паспорт не наш, не советский. Я ж говорю — с царским орлом И карточка там была его. Нет, советских документов у него не было. А я откуда знаю? Может, его сбросили на парашюте, и он шел к кому-то. На явку, во! А там бы ему и выдали советский-то документ. Нет, револьвера у него не было. Только рация и заграничные часы. Нет, не эти. Эти часы мне лично товарищ полковник вручил перед строем. За поимку опасного шпиона. Да, и отпуск дали. Десять суток, не считая дороги. Да, в Москве был, нет, товарища Сталина не видел. Нет, не знаю. Может быть, барчук этот и товарища Сталина убить хотел. Ну и что, что револьвера не было? У него наверняка сообщники. И вообще, что-то ты, Колька, много понимать о себе стал. А то на двор пойдем, поговорим?

Но до разговора с глазу на глаз не дошло, Петрович очнулся и прошелся сверху вниз по ладам гармоники. Да и особой охоты разбираться с нахальным Колькой не было. Василий

встал, потянувшись, притопнул подкованным каблуком. Повернулся к Тане и с городским совершенно шиком предложил ей согнутую крендельком руку. Та гибким движением поднялась с лавки и чопорно положила узкую ладошку на сгиб локтя. Пальчики были горячими, это ощущалось даже через плотную ткань рукава. Музыка грянула в полную силу, Таня переступила каблучками, как-то задорно-дробно притопнув — и пошло веселье. Прочие девушки без кавалеров тоже не остались.

Милоч-то мой,
Телок дурной,
Мы с маманей шли до бани,
Ну а он за мной!

Пару часов спустя, наплясавшись да напевшись, начали расходиться. Разбирали кожушки да полушубки, девчата меняли сельповские туфли, у кого были, на валенки. Колька со своим подпевалой Алехой Сударчиком испарились первыми, кто-то подзадержался, Вася еще раз рассказал про свой подвиг, «вспоминая» новые красочные подробности. Танюшка опять слушала, распахнув глаза, и опять покраснелась, когда Василий снова показывал на ее ладошках, какого именно размера был шпионский паспорт. Наконец разошлись все, Петрович запер клуб и, слегка нетвердо держась на ногах, ушел в обнимку с гармошкой. Танюшка жила аж на другом конце деревни, притаявший февральский снег скрипел под подкованными сапогами и аккуратными валеночками.

— Вась, а вот скажи — тебе страшно было? Вдруг да у него револьвер бы оказался?

— Не. Не страшно. Ты б его видела — хлюпик такой, что соплей перешибешь. Вот бегаёт быстро, а так — кишка тонка. Одно слово — барчук. А потом — чего мне бояться? Это вон они пусть боятся.

— Ага. Пусть боятся. Вась, а ты скажи — война будет?

— Не знаю. Будет, наверное. Да и что с того? Мы же Красная Армия. Мы же — знаешь «Но от тайги до британских морей...»

— «Красная Армия всех сильнее». Все равно. Боюсь я за тебя.

— Да брось. Если война начнется, так их же собственный пролетариат...

— Да не про то я. Ты вон в городе служишь. Тебе, наверное, наша Некрасовка уже скушной стала. Останешься в городе...

— А не бойся. Даже если и останусь — ну на завод там или, может, в училище поступлю, в наше, в артиллерийское — так и ты приезжай. Вместе веселее. Батяка мой тебе от колхоза направление на учебу выправит. Да и вообще...

— Ох, Васька... Да я б и приехала. Только... Только там же своих, городских девушек полно.

— Эх, Танюша! Да этим городским до тебя как... не знаю даже. Как Кольке Гостеву до нашего товарища полковника, вот. Да они тебе там все в подметки не годятся!

— Правда? А Колька все говорит, что ты, мол, в городе останешься, а про меня и не вспомнишь...

— Ну с Колькой я поговорю... Так поговорю, что мало ему не покажется... Я тебя в обиду никому ни в жисть не дам! Мне служить-то всего год остался. А там решим. Ты, Танюш, не бойся ничего. Никакие городские мне не нужны.

— Ох, Васенька...

Одним из пионеров телевидения в Советской России был известный русский изобретатель Лев Термен. Свою экспериментальную установку он демонстрировал кремлевской верхушке еще в 1926 году, до своего триумфального турне по Америке (злые языки утверждают, что научные разработки и концерты он благополучно совмещал со шпионажем в пользу советской разведки), по возвращении из которого в конце тридцатых годов он был арестован НКВД. С тех пор его судьба неизвестна.

С. Прайд. «История Телевидения». Сент-Питерсберг, 1982

Народный комиссар внутренних дел Лаврентий Павлович Берия выбрался из «Бьюика» и не сочетающимся с его плотным сложением быстрым, даже торопливым, шагом прошел в предупредительно распахнутую дверь неприметного особнячка возле Крестьянской заставы. Сухощавый человек в штатском по-военному вытянулся перед наркомом и лабиринтом коридоров провел его к высокой, крашенной белым двери. Щелкнул замок, дверь с неприятным визгом распахнулась.

— Смазать, — недовольно бросил Берия, проходя мимо штатского внутрь. Нет, это в голове просто не укладывается — столько народных денег вбухано в эту лабораторию, одного оборудования лучших зарубежных марок внутри тысяч на пятьдесят фунтов, а на копеечный пузырек масла для петель ни денег, ни времени не нашлось.

Худой остролицый человек с чаплинскими усиками, облаченный в прожженный паяльником и запятнанный канифолью лабораторный халат, подскочил с табурета у опутанного проводами стенда и обернулся к наркому. Уже открыл было рот, но Берия махнул рукой, прерывая возможные приветствия, и столь же быстро проследовал к стенду. Увиденное было... неприятно. Нарком не мог, конечно, видеть японских неприличных гравюр «хен-таи», не то громоздящаяся на стенде конструкция живо напомнила бы Лаврентию Павловичу чистенькую обнаженную девицу в объятиях какого-то обильно снабженного щупальцами неопрятного монстра.

Центральное место на стенде занимал небольшой, сантиметров двадцать в диаметре, плоский агрегат. Был он э-э-э... ладный, металлические деталюшки приводов с фигурными вырезами сияли, серебристый корпус, тоже на первый взгляд металлический, благородно отсвечивал под лампами. Даже там, где проглядывали электрические схемы, узор зеленоватой печатной платы напоминал тонкую вышивку серебряной нитью. Маленькие черные квадратики, вырастающие из этого узора, тоже были чистенькие и ладненькие. А вот провода в грубой изоляции, соединяющие этот приборчик с осциллографами да ламповыми блоками в металлической стойке, выглядели не просто чужеродно. Эти провода, сами по себе вполне обычные, просто резали глаз, подчеркивали полную нездешность аппарата, его кристально ясную иномирность. Эта неправильность, какая-то абсолютная несочетаемость резали глаз, но одновременно не давали отвести взгляд, обладая нездоровой, постыдной привлекательностью. Он с трудом оторвался от зрелища и поднял глаза на

человека у стенда.

— Гражданин народный комиссар...

— Короче, — махнул рукой Берия, — что же это такое, что вы потребовали моего личного присутствия?

— Это... устройство изъято сотрудниками органов у... предположительно, шпиона. Но дело в том, что...

— Какая-то... рация? — прервал говорящего Берия. — Сделано очень... аккуратно. Америка? Германия?

— В том-то и дело. Во-первых, на устройстве и его элементах очень странная маркировка. По-английски. Made in Taiwan. Сделано в Тайване.

— Тайвань — это...

— Это китайское название острова Формоза.

— Значит... Япония? — полувопросительно заметил нарком.

— В том-то и дело. На отдельных элементах маркировка Малайзии.

— Ничего не понимаю. Малайзия... Малайя? Это вроде бы Британия... Но... Как в этих богом забытых местах можно сделать что-то... такое? Впрочем... Маркировку можно поставить любую. Хотя бы и китайскую.

— Видите ли, гражданин народный комиссар... Я весьма неплохо ориентируюсь в уровне развития электротехники во всех ведущих державах... — Худой не лгал. Изобретатель первого в мире электронного музыкального инструмента, бывший эксперт НКВД, а ныне заключенный и сотрудник «шарашки» Лев Сергеевич Термен объехал со своим «терменвоксом»^[1] весь свет и действительно ориентировался в этих вопросах.

— Так вот. К сожалению, с момента моего ареста я не владею свежей информацией, но... За эти три года совершить такой скачок просто невозможно. Во всем этом устройстве нет ни одной радиолампы. Принцип работы тут совершенно другой. Вроде как у детекторного приемника, но на качественно ином уровне. И за три года открыть новый принцип, разработать технологию и наладить производство (а здесь мы имеем именно массовое производство, посмотрите на качество штамповки и пайки) не смогут и двести гениев.

— Так что же вы хотите сказать? Что эту рацию сделали марсиане?

— Это не рация. Это... патефон.

— Что?!

— Это портативный электрический патефон. К счастью, он достался нам не сильно поврежденным. Вышли из строя только блоки питания, пара кнопок и усилитель сигнала. Это мы смогли восстановить... на нашей технологии. — Термен указал пальцем на массивную железную стойку, набитую радиолампами, трансформаторами и тому подобным хламом.

— И... вы уверены? Просто патефон?

— Убедитесь сами.

Инженер достал из обитого замшей деревянного ящичка сверкнувший радугой диск, меньше обычной патефонной пластинки раза в два, по виду — стеклянный, и установил его в аппаратик. Потом снял с крючка большие, с пористой каучуковой обливкой наушники и протянул наркому. Поколебавшись, тот надел их Термен щелкнул тумблером. Несколько минут нарком слушал. Наушники были очень хороши, и в комнате было слышно только слабое гудение трансформатора. То, что нарком слышит что-то еще, можно было определить

только по тому, как его обычно румяное, жизнерадостное лицо стремительно теряло краски, становилось серым.

«На Ваш запрос от 12.03-1941 г. сообщаяю, что согласно заключению проф. Лучкова подследственный гр-н Чеботарев находится в невменяемом состоянии (установленный диагноз — шизофрения, навязчивый бред) и в настоящее время переведен в спецблок Острожской межобластной психиатрической клиники».

Начальник УНКВД по Новосибирской области майор госбезопасности Кудрявцев 20 марта 1941 года

... Андрей уже отвык от следователей, но привычно сжался, увидев малиновые петлицы со «шпалой». Санитарам при всей их пакостности до румяного сержанта ГБ Люшкина было все же далеко. Но этот следователь с серым от усталости лицом был явно «добрым». Орать не стал. Только поерзал в штопаном кресле главврача и, бросив на Андрея какой-то нехарактерный для энкаведешника, неуверенный взгляд, негромко спросил:

— Фамилия, имя, отчество?

— Чеботарев Андрей Юрьевич.

— Год и место рождения?

— Город Назарово Красноярского края... — Андрей замялся, сглотнул и совсем уже тихо добавил: — 11 января 1976 года.

Реакции не последовало. Вообще. Следователь кивнул, как будто так и надо, и так же негромко задал следующий вопрос.

— Национальность?

— Русский.

— Происхождение?

Эту фишку Андрей уже просек.

— Из рабочих.

— Образование?

— Среднее.

— Уточните.

— Средняя школа номер четыре, поселок Бор Назаровского района.

— Срок обучения?

— С 1982-го по 1992 год.

Главврач и еще какой-то профессор в стороне на кушетке тоже реагировали как-то неадекватно. Не шушукались и смотрели на Андрея... странно. Не как на пациента, а как на бомбу с часовым механизмом, тикающую и вот-вот готовую разнести всю их вселенную.

Следующие два часа Андрей замаялся вспоминать адреса, года рождения, приметы и девичьи фамилии всех своих родственников, независимо от пола, знакомых друзей и друзей знакомых. Девушка... Хм... Ну пусть барышня с заметным уже животиком на приставном стульчике невозмутимо чиркала карандашиком по бумаге.

Что характерно, ни о часах, ни о «белогвардейском» паспорте, ни о горячечном бреде первых допросов следователь не спрашивал.

Наконец, когда сил у Андрея уже не оставалось даже на то, чтобы сидеть прямо,

следователь вздохнул и по-прежнему негромко сказал:

— Ну что ж, спасибо, Андрей Юрьевич. Можете идти.

Санитара не было, и Андрей, с трудом поднявшись, САМ пошел к двери. Главврач вскочил (!), бросился следом, обогнал и что-то тихо прошептал сидевшему за дверью санитару Михалычу. Тот, нимало не переменявшись в обманчиво-овечьем лице (знали бы тут «Орбит» — жевал бы не переставая), крепко, но без обычного садизма подхватил Андрея под локоть и провел не в его обычную палату, а в соседнюю, маленькую.

За время допроса оттуда утащили все койки, кроме одной, оставшуюся застелили таким белоснежным бельем, какого Андрей и в лучшие-то времена не видел на свете. На притащенном из каптерки кастелянши столе стоял чайник, картонное блюдечко с желтым кусковым сахаром и картонный же поднос с баранками и сероватой, но восхитительно мясной по запаху колбасой. Даже неистребимый запах мочи стыдливо прятался за каким-то лавандовым ароматом.

Дверь тем не менее защелкнули с той стороны. Через минуту за ней что-то бухнуло, и Андрей скорее чутьем, чем логикой, опознал винтовочный приклад.

Стало понятно, что за него взялись всерьез. И это было хорошо. Шанс подохнуть у него был все эти два кошмарных месяца. Но теперь появился и иной шанс. Шанс, о котором мечтал каждый нормальный пацан послевоенных лет, читавший — у Симонова ли, у Бондарева или еще у кого — о горящих на аэродромах самолетах, о рвущихся к Москве и Волге панцерах, о двадцати или уже двадцати семи миллионах погибших — шанс назвать ДАТУ.

И быть услышанным.

«Эх, была бы я добрая и справедливая, как Лаврентий Палыч... А может быть — и как Иосиф Виссарионыч...»

Ст. о/у Гоблин, пародия, которая никогда не будет создана

Предзакатное оранжевое солнце заглядывало через прикрытые тяжелыми портьерами окна в глубину большого кабинета. Редкие — убирались в кабинете ежедневно — серебристые пылинки вспыхивали в узкой полоске подобно искрам костра и тут же гасли. Купола Успенского собора и колокольни Ивана Великого пылали красным. В иной обстановке этот отсвет согрел бы темное пространство комнаты, но сейчас он создавал лишь подспудное ощущение тревоги.

— Хм-м. Я не знал, товарищ Берия, что вы... увлеклись научной фантастикой. Может быть, вам следует немного отдохнуть? Мы распорядимся, чтобы вам предоставили путевку в какой-нибудь ха-ароший санаторий. Скажем, в Риге? — Сталин был расстроен. Жалко Лаврентия. В конце концов, работа в НКВД — не для слабонервных. Тем более в такой находящейся на крутом переломе стране. Это шизофреник Ежов мог находить удовольствие в необходимой, но кровавой и грязной работе по очистке страны от всяческой троцкистской швали. Нормальному человеку, каковым нынешний наркомвнудел являлся до своего назначения, заниматься такими делами морально тяжело. Жалко.

На Берию вождь очень рассчитывал, знающие товарищи еще с двадцатых рекомендовали его как умного, решительного и, самое главное, надежного человека. Да и несколько лет совместной работы лишь укрепили вождя в этом мнении. Но... Не выдержал. Слишком увлекся тем, что было ему ближе по внутренней сущности. Недаром так носился со своими закрытыми институтами. Сколько ходатайствовал за Туполева, Петлякова... За прочих... Правильно ходатайствовал, надо признать. Результаты впечатляют, нет слов. Но, с другой стороны, неприятной рутины с НКВД не снимал никто. А вот к ней у Лаврентия душ не лежит. Вот и ушел, как это говорил... Ильин?.. во «внутреннюю эмиграцию». Пора думать о замене. Жаль. Очень жаль.

— Спасибо, товарищ Сталин. Я с удовольствием отдохну. Но, если можно, немного попозже. Сейчас... Сейчас слишком неподходящий момент. А что касается научной фантастики, — Берия был готов к такому повороту, дураком был бы, не будь готов, — к сожалению, фантастика слишком часто становится былью.

— И вы действительно можете доказать, что это... быль?

— Так точно, товарищ Сталин. НКВД располагает убедительными доказательствами, подтверждающими мой доклад. Разрешите доложить подробно?

— Ну что ж, — в конце концов, в жизни случается всякое. К тому же Лаврентий молодец. Сказал не: «Я располагаю», а — «НКВД располагает», сумасшедший так не скажет. А тут — официальное заявление от лица ведомства. — Ну что ж, докладывайте. Как я понимаю, доказательства у вас с собой?

— Не вполне, товарищ Сталин. Часть проходящей по делу аппаратуры достаточно громоздка. Необходимо ваше специальное разрешение на доставку его в ваш кабинет.

— Разрешение... — Пожалуй, следует дать такое разрешение. Вождь любил

рассматривать новые образцы техники. Опытный образец лыжного бронещитка для боев в Финляндии как-то даже приносили ему в кабинет. Он тогда чуть ли не полчаса ерзал животом по ковру, прилаживаясь к бойнице, пытаясь понять, стоящая ли вещь, удобно ли будет за этой бандурой стрелку и не станет ли эта, в принципе, нужная вещь еще одним горе-проектом типа пушек Курчевского. Сталин снял трубку телефона, соединявшего кабинет с приемной. — Товарищ Поскребышев? Лаврентий Павлович сообщил мне, что у него есть аппаратура, которую он хочет мне продемонстрировать. За какое время вы сможете доставить ее в мой кабинет? Вот как? Машина во дворе? Пять-десять минут? Отлично. Распорядитесь, пожалуйста. Начинайте, товарищ Берия. Через пять-десять минут ваши... доказательства доставят.

Берия подошел к крытому зеленым сукном столу и, попросив позволения, выложил из портфеля последовательно серую картонную папку с надписью «Дело №...» и всевозможными служебными пометками. Затем на стол легли: еще одна папочка, потоньше, лоскут ярко-красной, «полярной», как определил для себя Сталин, материи и округлых очертаний предмет с тремя рядами кнопок и маленьким жемчужно-серым окошком. В окошке черные рубленых очертаний цифры сменились с 19:59 на 20:00. Часы?

Из тонкой папочки на свет явились книжица в кожаном переплете с тисненым двуглавым орлом и надписью латиницей «Passport Russia», пяток купюр непривычного вида и несколько монет.

Часы Сталина заинтересовали, но интереса своего он не проявил, до них дело и так дойдет. Берия откашлялся — нервничал, конечно — и начал:

— Третьего января сего года в окрестностях железнодорожного вокзала города Острожска Новосибирской области комендантским патрулем Острожского Артиллерийского Училища был задержан неизвестный, назвавшийся Чеботаревым Андреем Юрьевичем. На просьбу патруля предъявить документы отреагировал нервно, предъявил вот этот интересный документ, — Берия протянул кожаную книжку Сталину.

— При рассмотрении документа старшим патруля лейтенантом Торопцевым выяснилось, что документ представляет собой паспорт несуществующего государства под названием «Российская Федерация», выданный в две тысячи первом году на имя Чеботарева Андрея Юрьевича. 1976 года рождения. Кроме того, на обложке паспорта наличествовала контрреволюционная символика. Высокий уровень исполнения документа свидетельствует о невозможности его изготовления... хм... — Берия замялся, но решил не смягчать оценки, — сумасшедшим-одиночкой. На предложение пройти в комендатуру для выяснения личности задерживаемый отреагировал резким испугом, вырвался из рук патрульного и бросился бежать. В результате умелых действий проходящего службу в постоянном составе училища младшего сержанта Фофанова беглеца удалось быстро задержать.

Берия на минуту замолк, поправил без нужды пенсне и продолжил:

— На предварительном допросе задержанный показал, что он якобы действительно родился в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году, то есть через тридцать пять лет после даты задержания. И... когда ему сообщили, что не стоит вводить следствие в заблуждение, так как на дворе январь 1941 года, пришел в крайнее возбуждение. Он... Он немедленно стал требовать встречи с вами... И утверждал, что двадцать второго июня сего года Германия совершит нападение на Советский Союз.

Сталин молчал. Не потому, что ему не хотелось прерывать наркома, нет. Просто... на глупую шутку или бред спятившего от непосильной работы наркома дело походило все

меньше. Провокация. Грандиозная, хорошо подготовленная провокация. Из глубин души поднимался тяжелый гнев, еще немного — и он прорвется наружу сначала искрами в желтых глазах, а потом... Когда же они все успокоятся? Наверное, никогда. Уж больно хочется старому лису Черчиллю, да и всем прочим, побыстрее сравнить нас с Гитлером. Сколько самых разных дат поступало из, казалось бы, самых надежных источников. И что? Все надежнейше названные даты прошли, а Гитлер по-прежнему исправно поставляет нам станки и оружие, ведет переговоры о разделе сфер влияния. Хотя... Уж больно странна эта попытка. Подослать какого-то сумасшедшего, с совершенно неправдоподобными документами, со странными часиками... Кстати, а почему бы не полюбопытствовать, что же это, в конце концов, за часы?

Попыхивая раскуренной для самоуспокоения трубкой, вождь мягкими шагами обошел стол. Берия продолжал отчитываться о результатах допросов — их, собственно, и результатами-то нельзя было назвать. Ни в каких связях ни с какими организациями арестованный не признавался, продолжая упрямо талдычить о нападении немцев. Интересно, надолго ли у следователей хватило терпения выслушивать этот бред, прежде, чем они прибегли к... эффективным методам допроса? Впрочем... Если бы эти методы что-то дали, Лаврентий не стал бы так долго рассказывать о запирательстве провокатора.

Часы вблизи оказались еще интереснее. Пожалуй, они и часами-то не были. Зачем, скажите, часам куча кнопочек с цифрами от единицы до нуля и еще какими-то значками? Ну, пусть пока будут часы. Цифры на жемчужном экранчике не наползали одна на другую, как на автомобильном спидометре, а просто... менялись. Это напомнило Сталину продемонстрированный ему недавно опытный телевизор. Экранчик там был почти такого же размера, ну чуть побольше, но... сам телевизор при этом был величиною с небольшой сейф. И такой же тяжелый. Эта же изящная вещица была легкой и... чужой. Провокация, затеянная неизвестно кем, выглядела все более и более дорогостоящей и нелепой.

Берия заметил интерес вождя к часам, неловко скомкал рассказ о медицинском освидетельствовании подследственного и помещении его в психиатрическую клинику и перешел к вещественным доказательствам.

— При задержании у подследственного были изъяты некоторые предметы, вызвавшие интерес наших специалистов. То, что вы, товарищ Сталин, держите в руках, как нам удалось установить, является многоцелевым электронным прибором. По словам задержанного, одной из функций этого прибора является осуществление мобильной телефонной радиосвязи.

Сталин недобро усмехнулся.

— И какую же дальность радиосвязи можно достичь такой... фитюлькой? Неужто до самого Лондона?

Берия насмешки не принял.

— По словам задержанного, этот аппарат связывается с другими подобными аппаратами через сеть мощных радиопередатчиков — так называемых базовых станций. Сигнал проходит по цепи этих станций, и связь с другим абонентом можно обеспечить, даже если он будет не то что в Лондоне, но в Рио-де-Жанейро. Лишь бы его аппарат был подключен к такой же сети и находился не дальше десятка километров от подобной же базовой станции.

— А помимо слов?

— Помимо слов наши ученые выяснили, что аппарат во включенном состоянии

передает периодические кодированные сигналы на очень высокой частоте — девятьсот миллионов герц. Опять-таки, со слов задержанного, таким образом аппарат пытается связаться с базовой станцией. И не находит. Вы можете нажать любую кнопку, и аппарат высветит сообщение: «Поиск сети».

— По-русски? — Сталин взял приборчик в руки. — Да, действительно, по-русски. Интересно. А ви пробовали, — грузинский акцент в речи Сталина обострился, — ви пробовали поискать эту... базовую станцию в том районе, где поймали этого... монархиста?

— Так точно. После того, как мы решили проблему подзарядки аккумуляторов прибора, мы отправляли этот аппарат в Острожск на специальном самолете, район прочесан перекрестным поиском трижды, базовая станция не зафиксирована. Хотя наш сотрудник с этим аппаратом объехал весь город и ближайшие окрестности. Кроме того, мы провели подобный поиск на ближайшей узловой станции Тайга и в Новосибирске.

— Могли уже и убрать — после провала агента. Но вы говорили, что одно из этих устройств — многофункциональное. Одну из этих многих функций я понял — это часы.

— Принцип действия этих часов известен. В некоторых особо точных образцах приборов, которые используют ученые, для отсчета времени тоже применяются кварцевые генераторы, — термины Берия произносил без запинки, «шарашки» всегда были его любимым детищем и общаться с учеными и инженерами, пусть и подневольными, он любил.

— Однако эти образцы имеют в сотни раз большие размеры и вес, — нарком, казалось, извинялся. Сталин усмехнулся. Он вспомнил свою ассоциацию с телевизором и сейфом, настроение чуть поднялось. Вождь любил во всем оказываться правым. Берия продолжил:

— Кроме того, информация о времени выводится на экран непонятным нам способом. Вообще, вывод цифр представляет собой чисто инженерную проблему, но сам принцип действия столь компактного экрана совершенно нов. Со слов Чеботарева, экран состоит из «жидких кристаллов».

— Вот как? А почему не из жареного льда? — Сталин не имел технического образования, хотя и работал год метеонаблюдателем в Тбилисской обсерватории. Но что такое кристалл, он знал прекрасно.

— Наш эксперт задал именно этот вопрос, именно этими словами. Как утверждает Чеботарев, жидкий кристалл — это особого рода вещество, состоящее из свободных длинных молекул. Под воздействием слабого электрического поля они ориентируются определенным образом, и вещество меняет свой цвет и некоторые другие свойства.

— Интересно. А кто в мире ведет разработки подобного рода?

— Мы навели справки. Впервые они были открыты еще в прошлом веке, но первый патент на их использование был выдан британской фирме «Маркони» относительно недавно, в тридцатом году.

— Значит, британцы! — Сталин опять оказывался прав. Уши Черчилля за этой странной провокацией рисовались все явственнее.

— Наш помощник военного атташе в Британии посетил эту фирму и попытался ознакомиться с результатами исследований по этой теме.

— И ему это удалось?

— Так точно. Разрешение было получено с большим трудом, но когда англичане выяснили, что наши интересы никоим образом не касаются радиолокации, которая в данный момент является основным направлением работы «Маркони» и главным военным секретом Британского правительства, они не стали чинить препятствий.

— Совсем интересно. И что же он там увидел? — Собственно говоря, Сталин это уже знал. За десять лет с момента получения патента такого совершенства мерно-гипнотически сменяющих друг друга цифр достичь мог бы разве что сам господь бог. И все же — Британия, Британия... Как все сходится — и интересы, и возможности.

— Ситуация полностью аналогична случаю с кварцевым генератором. Устройство, продемонстрированное нашему человеку, — всего лишь простейший экспериментальный образец. Грубо говоря, ванночка с раствором, который меняет свой цвет при прохождении электрического тока.

— А вы... уверены, что показали вам действительное состояние дел?

— Уверен. Поскольку основные силы «Маркони» брошены на радиолокацию, данное направление практически не финансируется. Наш человек переговорил с ведущим специалистом, и тот, считая, что мы предполагаем приобрести патент или профинансировать исследования, чуть из кожи не вывернулся. Мы с большой долей вероятности можем заключить, что это направление у англичан в данный момент не развивается.

— Это хорошо, что вы уверены. Кстати, патент имеет смысл и перекупить.

— Уже сделано, товарищ Сталин. Кроме того, в этот прибор встроен электрический вычислитель. Разрешите, я покажу?

Берия, держа прибор так, чтобы экран был виден вождю, нажал несколько кнопок и бодро перемножил пару четырехзначных цифр. Сталину очень хотелось испытать диковинный прибор самому, но он сдержался.

— А это что? — Обкуренный палец Сталина указывал на ярко-красный лоскут.

— При задержании гражданин Чеботарев был одет в ярко-красную куртку странного покроя. Материал куртки также показался странным, и было принято решение произвести его анализ.

— И? — «Многофункциональный прибор» лег на прежнее место. Материал лоскута оказался холодным и скользким на ощупь.

— Ткань состоит из синтетических нитей. Волокно, по всей видимости, является продуктом переработки нефти. Аналогично синтетическому каучуку, но тут совсем иной процесс. Чем-то подобным занимаются американцы, но...

— Но это тоже далеко до технологии такого уровня, да? А вы не думаете, что те же британцы собрали свои новейшие разработки и аккуратно подвели вас к той мысли, которую вы мне и изложили?

— Мы считаем это маловероятным, товарищ Сталин. Стоимость подобных разработок составит многие миллионы фунтов. У Британии, Германии или даже Америки сейчас есть более неотложные задачи, чем вбухивать средства в авантюру с непредсказуемым результатом. Кроме того, считая основным подозреваемым Англию, *замечу*, что у них сейчас очень затруднительное финансовое положение. Даже проведи они соответствующие разработки, они могли бы продать патенты или даже готовые изделия тем же Соединенным Штатам. И получили бы уже сотни миллионов, а то и миллиарды. А сейчас... Сейчас они вынуждены отдавать Америке свои стратегические базы в обмен на пять десятков устаревших эсминцев. Затевая такую провокацию, они не могут иметь никакой уверенности в успехе.

— Убедительно. Но... Недостаточно убедительно. Но, впрочем, вы все еще не продемонстрировали свой главный аргумент, так? Надеюсь, его сейчас доставят, и он будет

действительно весомым.

И аргумент доставили. И был он действительно весом. В прямом смысле. Телефон на столе зазвонил, и после короткого разговора белобрысый лейтенант госбезопасности и остролицый человек в пошитом по фигуре, но изрядно помятом (видимо, долго лежавшем где-то стопочкой) сером костюме вкатили в кабинет громоздкий стенд на колесиках. За последнюю неделю аппарат значительно улучшил свой вид, но все равно контраст между аккуратным серебристым диском и окружающей его путаницей проводов, трансформаторов и радиоламп впечатлял.

— А! Товарищ Термен! — Худолицый вздрогнул. От обращения «товарищ» он уже отвык, а в устах Сталина это слово означало как минимум пересмотр дела, а то и реабилитацию. — Так это вы занимались экспертизой! Что ж, Лаврентий Павлович, если у вас к этому делу привлечены ученые такого уровня, то мы очень скоро выясним, с чем же это нам пришлось столкнуться.

Белобрысый лейтенант вытянулся в углу, прикинувшись мебелью, а Термен достал из недр стенда простую деревянную указку и начал лекцию. Иначе этот рассказ назвать было трудно. Сейчас он был не заключенным пред ликами сильных мира сего, а ученым, просвещающим заинтересованных слушателей.

Лаборатория номер восемь получила для исследования образец неизвестного прибора, изъятого в ходе неизвестной докладчику операции сотрудниками НКВД у иностранного шпиона. В ходе операции образец получил существенные повреждения. К счастью, поврежденные блоки удалось воссоздать на имеющейся технической базе лаборатории. В результате исследования приведенного в рабочее состояние образца удалось выяснить, что исследуемый объект является аналогом портативного патефона (тут брови Сталина недоуменно поползли вверх), использующего в своей работе ряд совершенно неизвестных доселе принципов.

Несколько дней назад удалось установить, что принцип записи звука на пластинках патефона является дискретным, а не аналоговым. Я имею в виду, что на обычной патефонной пластинке записываются колебания иглы, копирующие принимаемые микрофоном звуковые волны. При воспроизведении эти колебания просто усиливаются до уровня слышимого звука. Это — аналоговый метод. В данном случае звук записан с помощью специального цифрового кода, как в нотной записи или, скорее, шифровке. Да, дешифровальное устройство расположено в этом аппарате и является некоей арифметическо-логической машиной. Да, применение подобных устройств для зашифрованной переписки позволило бы революционным образом изменить шифровальное дело. Да, такие работы ведутся в Германии и Японии, но, по имеющимся сведениям, сложность и стойкость их шифров в тысячи и даже в миллионы раз ниже. Однако, возвращаясь к теме, после консультации с математиками из Академии Наук СССР, конкретно с товарищами Ляпуновым и Боголюбовым, выяснилось, что мощность подобного устройства должна составлять не менее полумиллиона простейших арифметических или логических операций в секунду. Современные счетные устройства позволяют достигать максимум нескольких десятков операций, то есть слабее этого в сотни тысяч раз.

Кроме того, интересен сам способ съема информации. Чтение осуществляется сфокусированным монохроматическим световым лучом. Монохроматический — значит имеющий строго определенную длину волны. Нет, такие устройства до сих пор были неизвестны.

Сама конструкция заводского производства На это указывает широкое применение штамповки и стандартных деталей. Все основные электрические схемы сконцентрированы вот в этих черных панельках. Мы называем их «микросхемами». Изучение одной микросхемы из сломанного блока под микроскопом выявило наличие сложной структуры с характерным размером менее микрона. Микрон — это одна тысячная миллиметра. Вот эта микросхема, судя по всему, заменяет около ста тысяч электронных ламп. А может, и больше.

... Когда что-то невероятное, пугающее столь буднично входит в твой дом или, как в данном случае, кабинет, остается одна надежда. Что все это — блеф или, скажем, сон. Сном это оказаться не могло.

— Спасибо, товарищ Термен. Вы рассказали нам очень интересные вещи. Так вы утверждаете, что все эти... высокие технологии, — Сталин вслушался в звучание только что рожденного им термина; ему понравилось, — эти высокие технологии используются для такой простой вещи, как... слушать музыку?

— Да, именно для этого, — Термен не знал, как обращаться к Сталину, назвать его «товарищем» он все же не рисковал, а «Иосиф Виссарионович» прозвучало бы nepозволительной фамильярностью.

— Ну что ж... Тогда продемонстрируйте товарищу Сталину работу этого... патефона.

На этот раз Термен не стал подключать наушники. Щелкнул тумблером. Стеклоанный диск в глубине аппарата начал раскручиваться, с тихим шелестом выходя на режим. Никакого треска от попавшей на пластинку пыли или мельчайших царапин. Только тихое гудение трансформаторов в собранном вручную взамен сломанного блоке питания, а потом — резкие гитарные аккорды из динамика и хриплый, рвущийся от благородной ярости голос, который станет (или не станет уже?) знакомым каждому пацану на одной шестой суши через три десятка лет:

От границы мы Землю вертели назад,
Было дело сначала.
Но обратно ее закрутил наш комбат.
Оттолкнувшись ногой от Урала...

... После последних аккордов песни Сталин махнул рукой с зажатой в ней потухшей трубкой. Щелкнул тумблер. Тишина была полной. Через двойные двери тамбура и мощное остекление не долетало ни звука. Солнце уже ушло за крыши кремлевских зданий, и остывающие лампы усилителя мерцали в полутьме кабинета кровавыми угольками. Казалось, никто из присутствующих не дышит.

Наконец вождь пошевелился и прошелся по кабинету. Обычно бесшумные, его шаги казались присутствующим шагами Командора.

— Ну что ж, товарищи... Вы проделали большую работу. Надеюсь, вам понятно, что вся информация по этому делу... не должна стать известной кому-либо еще? Хорошо. Я вас больше не задерживаю. Ваши устройства можете забрать. Товарищ Берия, с вашими документами я еще поработаю. Вы свободны.

... и брат пойдет на брата...

Откровение Иоанна Богослова

Флигелек на отшибе от остальных зданий не то больничного, не то санаторного комплекса оказался еще более подходящим для жизни. Еда тоже значительно улучшилась. Решетки на окнах, конечно, имелись и там, но совершенство вообще вещь абстрактная, а уж в Андреевом-то положении... Хоть высыпаться давали, да еще и днем в тихий час можно было подремать.

Но в остальном следователь-прибалт отрывался на полную катушку. На допросы в сутки приходилось часов двенадцать-четырнадцать (мобилу с часами ему, естественно, не вернули), так что к вечеру Андрей падал в койку как убитый.

Даже во время длинной дороги в отдельном купе спецвагона в Москву (а куда ж еще? Конечно, в Москву!) его ни на день не оставляли в покое. Только стенографистка морщила нос, когда поезд сильнее обычного подбрасывало на стрелках, и карандаш, помимо ее воли, срывался и оставлял среди потерявших обычную аккуратность строк протокола косую линию.

Вопросы, вопросы, вопросы... Временами на Андрея накатывало отчаяние. Ну откуда, скажите на милость, средний 25-летний балбес начала XXI века, хотя и интересовавшийся немного военной историей, может не то что помнить, а вообще знать номера вермахтовских дивизий, входивших в состав 6-й армии Паулюса? Андрей-то еще про Паулюса знал, а вон кодер из их конторы, Вован Астахов, вообще думал, что Паулюс — это который Раймонд...

Следак приносил карты, требовал указать направления германских ударов. Верил ли он сам в то, что говорил Андрей, по его лицу прочесть было нельзя. Вопросы по предстоящей войне перемежались с послевоенными. Требовали уточнений по ядерной гонке, по Корее, Вьетнаму и Израилю. Стенографистка — всегда одна и та же, как и следак — старательно фиксировала анекдоты про Брежнева, слухи об отравлении Андропова, историю космических запусков и перипетии обеих чеченских войн (Андрей боялся даже подумать, что будет с чеченцами, когда и если эта инфа дойдет до Сталина).

Историю прихода к власти Хрущева и перестройки пришлось повторять раз по двадцать, вспоминая все новые подробности, благо последняя разворачивалась прямо на его глазах. Пусть он был тогда еще совсем пацаном, но все же...

Ни следак, ни стенографистка не проявляли при допросах ни тени эмоций.

— Итак, вы утверждаете, что народы Советского Союза сочувствовали контрреволюционному перевороту 1985–1993 годов?

— Да, сочувствовали. С 85-го по 91-й год — в подавляющем большинстве. К октябрю 93-го — уже меньше.

— Чем, по вашему мнению, была вызвана эта поддержка?

И приходилось вспоминать, вспоминать... Как свинцовое болото брежневских времен искажало все чувства, включая пресловутое шестое, как проживавшие в республиках русские голосовали за тех, кто затем превратит их в париев, не-граждан, не-людей — и это еще в лучшем случае. Как увлеченно вспарывали друг другу животы абхазы и грузины, армяне и

азербайджанцы, узбеки и киргизы. Как доктора наук либо, при удаче, уезжали за рубеж, либо, при отсутствии оной (а то и по причине наличия таких пережитков прошлого, как совесть и патриотизм), подрабатывали на прокорм семьи дворниками.

На третьем-пятом круге в приступе какой-то особой, зэковской уже интуиции. Андрей уловил один любопытный нюанс.

Обычно следователь задавал вопросы скучающим, однообразным голосом. От таких интонаций хотелось спать, и только яркий свет направленной практически в глаза настольной лампы позволял дожидаться перерыва в допросах — на обед либо на ночь. Лица его Андрей за светом в полутемной комнате не видел, но взгляда на лице не ощущал, да и вообще энкавэдэшник предпочитал елозить глазами по вороху бумаг на столе.

Но едва речь заходила о Прибалтике — о единственной ли его поездке в детстве на Куршскую косу, или же о роли «горячих парней» в развале Союза, — в монотонном сером голосе появлялась еле слышная вибрирующая нота, а в лицо впивался невидимый за светом лампы взгляд.

Вообще-то, понятно. Не робот же он, в самом деле. Андрею на его месте тоже было бы интересно — что будет твориться в Сибири году эдак в 2050-м. Не придется ли, к примеру, его племянникам иероглифы под старость учить, м-да...

Очередной круг — и опять война, до которой дай боже месяца три осталось.

— Итак, я правильно понял вас, что уже к середине июля германские войска начали наступление на Киев?

— Точно не помню. В июле, по-моему. Но если я не ошибаюсь, к городу они прорвались только к концу августа. А взяли город немцы только к девятнадцатому сентября.

— Как вы можете объяснить тот факт, что расстояние от границы СССР до Киева противник прошел, по вашим словам, за одну-две недели, а непосредственно у Киева задержался на месяц?

— Ну... Я читал, что Киев прикрывал мощный укрепрайон... Вроде бы самый мощный на всей линии Сталина.

— Как же немцам удалось прорвать оборону?

Это Андрей помнил хорошо. Редкий битый нацист ранга Гудериана не прошелся в своих мемуарах по «роковому» решению фюрера развернуть рвущиеся на Москву танковые дивизии на юг. Даже в старой стратегической игрушке девяносто лохматого года это обыгрывалось. Помнится, надо было затратить тыщи полторы чего-то-там-пойнтов, чтобы отговорить симулируемого компом Гитлера не отвлекаться на Киев, а с ходу ломиться уже в августе — сентябре на незащищенную в то время Москву. Нет, о компьютерной игрушке, в которой надо было играть за немцев — Панцер Генерал, точно! — Андрей упоминать не собирался. Игра игрой, а лишний пункт обвинения в антисоветчине вешать себе на шею не хотелось. Вполне заслуженный пункт, кстати. Людям, которые вот-вот кровь проливать будут, уши виртуальным, понарошечным миром не затрешь.

Короче, ситуацию Андрей описал, ограничившись мемуарами Гудериана да Манштейна.

— Таким образом, окружив наши войска под Киевом, противник занял город?

— Так и было. Вообще, это была катастрофа. Шестьсот пятьдесят тысяч человек только в плен попало. В общем, где-то в конце сентября все и кончилось.

— То есть, согласно вашим словам... — показалось или нет? Та же вибрирующая нота в голосе следователя, то же ощущение заинтересованного взгляда сквозь светящийся ореол. — Согласно вашим словам, противник отвлек с Московского направления свои ударные части

и бросил их на Киев?

— Да, совершенно точно. И в результате они смогли двинуться на Москву только в октябре. Ну а там — зима, да и наши силы поднакопили. В результате Москву им взять не удалось.

— Хорошо. Теперь уточните...

Но задать вопрос следователь не успел. В дверь деликатно постучали. Энкавэдэшник с хрустом от долгого сидения поднялся и прошел к выходу. Надо отдать ему должное, рефлектор лампы он опустил. В конце концов, наблюдать за лицом подследственного нужно лишь при допросе, а мучить человека светом просто так, для сговорчивости, указаний, по всей видимости, не было. Правильный дядька. Гран мерси-с...

Шушукался за дверью прибалт минут пять, а, вернувшись за стол, возвращать лампу в прежнее положение не торопился. Подвигал по столу бумажки, и те, что притащил пару часов назад в папку, и те, что только что положила перед ним стенографистка. Минут пятнадцать оформлял протокол допроса, дал подписать Андрею. Круги от яркого света уже не слепили глаза, и Андрей честно прочел протокол — ничего не переврали, стенографистка была классная, ухитрялась писать все риэл-тайм, не крючками-точками, а нормальным, даже разборчивым почерком. Подписался. Следователь выглядел озабоченным, да и не водилось за ним раньше такой привычки — прекращать допрос через какие-то два часа после начала, на полуфразе.

— Можете идти, Андрей Юрьевич. На сегодня все.

Бухнувшись на койку, Андрей закрыл глаза. Интересно, что произошло? Практика показывала — отклонения от заведенного порядка всегда предвещали перемены. В принципе, он мог бы биться об заклад, что он поднялся во взаимоотношениях с этим миром на очередной уровень.

Левел-ап, так сказать.

Поэтому, когда через час или около того в двери защелкал ключ и в комнату хозяйской походкой почти вбежал плотный человек в ставшем уже нарицательным пенсне, Андрей не особо и удивился. Легко (отдохнул и отъелся на медицинских-то харчах) поднялся с койки и самую чуточку нахально — а и в самом деле, больше пули не дадут — поприветствовал:

— Добрый день, Лаврентий Павлович!

До сих пор остается загадкой причина резкого поворота сталинской политики. По данным доктора Рихарда Гюнце, имевшего доступ к журналу посещений диктатора, в начале мая 1941 года Сталин, по-видимому, был серьезно болен. По крайней мере, со 2-го по 4 мая не зарегистрировано ни одной встречи с другими советскими бонзами. Но после этой даты интенсивность встреч, совещаний и заседаний резко увеличивается, так что предположения некоторых американских советологов о якобы имевшем место инсульте, видимо, не соответствуют действительности.

Антон Хюбнер. «Накануне грозы». Мюнхен, 2003

... Товарищ Сталин не спал. О, сколько песен, картин и школьных сочинений воспевало бессонные думы Вождя о благе Советской Страны! Сколько строчек, и искренних, и липких от сочащейся с медового языка слюны воспевало горящее в Кремле окно! Ну, положим, охрана Кремля дело знала, и превращать Отца Народов в возможную мишень для засевавшего где-то на крыше ГУМа с винтовкой врага никто не собирался. Настоящее окно выходило совсем в другую сторону и находилось ниже кремлевских зубцов.

Но легенда о бдящем в ночи Вожде широко шагала по полям необъятной страны, культивируемая заботливыми агрономами с добрым прищуром глаз. Ибо была политически верной.

В конце концов, большинству людей необходим мудрый и могучий защитник, последняя апелляционная инстанция перед лицом трудной и зачастую страшной жизни. Лучше всего на эту роль, конечно, подошел бы бог. Но поскольку наукой установлено, что бога нет, вакантное место может занять только человек. Человек, который в сознании народа сам становится богом.

Всеблагим.

Всезнающим.

Всемогущим.

И он, Товарищ Сталин (можно было бы перечислить для красоты все его многочисленные должности — но зачем?) был именно таким.

До сегодняшнего (а точнее, уже вчерашнего) вечера.

Лежащая на столе картонная папка, заложенная вместо закладки ярко-красным лоскутом. И часы. Сталин знал, что именно отсчитывают мерно сменяющие друг друга темно-серые цифры на жемчужном фоне. Они отсчитывают секунды его, Товарища Сталина, жизни.

Ему была невыносима сама концепция смерти. Его собственной физической смерти. Он давно составил свое мнение о загробной жизни — в шкворчащие котлы и райские кущи он не верил ни на грош. Потому и ушел из семинарии. Он строил свою загробную жизнь иначе — она должна была продолжиться в строчках книг на библиотечных полках, в грохоте заводов и фабрик, в отблеске штыков непобедимой Красной Армии. Да, фундамент его бессмертия обильно смачивался людской кровью. Но что с того? Павшие за правое дело так

или иначе отвоевывали свою долю вечной жизни, а уничтоженные враги... Кто заботится о врагах?

К тому же сама суть его бессмертия не имела ничего общего со спрятанной за семью морями Кощеевой иглой. Она растворялась в грядущей счастливой (да, счастливой!) и гордой жизни миллионов и миллионов граждан Великой Державы. Таковую основу не по силам сломать никому.

Никому... Кроме сумасшедшего жалкого человечка со странной, нелепой, звучащей как похоронный звон профессией — «Веб-дизайнер». Даже в столь подавленном состоянии Сталин не мог не отдать должное... врагу? Нет. Никакой враг не мог бы разрушить дело всей его жизни так внезапно и надежно. Странный пришелец был посланцем иной, нечеловеческой силы, пресловутого Рока, ужасавшего еще сотни и тысячи древних мудрецов и гениев. Самое смешное — он даже и не понимал, что в доставленном им послании было самым важным.

Та дата, которую из последних сил выкрикивал на допросах этот человек — двадцать второе июня этого, сорок первого года, — не имела никакого значения по сравнению с какого-то там марта пятьдесят третьего. То, что точный день смерти его, Сталина, этот невозможный, с точки зрения диалектического материализма, человек не запомнил, было особенно обидно, но почему-то убедительно. А что до войны... В конце концов, этот бесноватый (он сам ввел это слово в оборот, как и многие до того, но этим он гордился особо) ефрейтор когда-то все равно должен был напасть. Да и сама дата уже мелькала и в донесениях разведки, и в «доброжелательных» посланиях заклятых друзей. Правда, в некоротком списке других дат, многие из которых уже прошли.

Собственно говоря, ОНА тоже рано или поздно приходит за всеми людьми. Но теперь он получил от НЕЕ послание. И послание это, спрессованное в папку весом едва в четыре фунта, давило на сердце весом двухметрового слоя земли над могилой. Собственно говоря, с НЕЙ можно было бы и смириться. Если бы не легион теней, неосязаемых, словно бы пришедших из ночных кошмаров (даже наедине с собой он не мог сознаться сам себе, что именно они, эти тени, заставляли его бодрствовать, до самого рассвета оттягивая забытье сна). Хрущев, Горбачев, Шеварднадзе, Ельцин — он знал только Никитку, но ни с ним, ни с остальными долго водиться не придется. Они известны, а значит — безопасны. Хрущев — уже покойник, хотя сам этого еще не знает. Хотя... Есть лучшее решение. Но это потом. Трое прочих — пацаны, разобраться с семьями и проследить, чтобы выше колхозных пастухов они не поднялись — еще проще.

Но что делать с теми, неизвестными ему вторыми секретарями, директорами, литераторами, профессорами консерваторий, которых ни этот человечка, ни он, Гений Всех Времен и Народов, не знает и знать не может, да которые, может, и не родились еще, но которые исподволь, капля за каплей подточили, пропили и просрали все, на что он положил всю жизнь. Да что он — миллионы и миллионы, от крестьян и стрельцов Ивана Грозного до погибших прошлой зимой в Карелии бойцов.

С его смертью медленно, поначалу незаметно для глаза, начнет валиться под градом мелких ударов и укусов, погребая под обломками миллионы жизней, Держава. Точнее, если поверить этому «веб-дизайнеру», уже пала. А вся молодая мощь, бурлящая в его великих стройках, проходящая на Первомайских парадах, исподволь копящаяся в университетах и лабораториях — не более чем мираж, мотылек-однодневка.

И что стоит та, еще грядущая Победа, о которой тоже говорил этот растерянный, сбитый

с толку, но все-таки несломленный... Чеботарев, да... Выстрадавшая, купленная кровью многих и многих, несмотря на ошибки — да, и на ЕГО ошибки в том числе.

Как всегда, напоминание о собственных ошибках вызвало откуда-то из глубин души холодную, впрочем, вполне контролируемую ярость. Это им там, ничтожествам, спалившим собственный дом ради благосклонного кивка богатых соседей, просто говорить — не учел, не подготовился. Посадить бы их без этого «заднего ума» перед кипой сырых разведсводок, зачастую утверждающих прямо противоположное. Да еще и без полной уверенности в том, что кое-какие из этих сводок не написаны под диктовку противной стороны. Да что там говорить, их «аналитические способности», «историческая мудрость» и «могучий ум» ясно видны в результатах их «трудов». В обрубке могучей пока державы... которая на самом деле миф, мыльный пузырь на холодном ветру истории.

Невыносимо.

Такое крушение испытывал разве Николай Последний.

И вдруг холодная, рассудочная ярость поднялась откуда-то из глубин темной, исполненной ненависти души.

Он — не Николай.

Он — товарищ Сталин. И отречения перед лицом поражения от товарища Сталина не дожидаться. Даже ЕЙ.

И если для того, чтобы оставить ЕЕ, безносую, с носом, нужно сделать невозможное — товарищ Сталин это сделает. Даже переступив через себя.

Товарищ Сталин нажал на кнопку звонка.

Я не понимала, чем мы провинились перед отцом. Он стал раздражительным и резким. Он страшно наорал на Василия, а потом... выгнал его из дома. Брат переехал в общежитие летчиков, и больше мы не виделись. Со мной же он просто перестал разговаривать. Я как будто перестала существовать для него. Совсем.

*Светлана Мартынова-Сталина. «Двадцать писем внуку».
Красноярск, 1973*

Белый «ГАЗ» с красными крестами на задних и боковых стеклах, покрашенных белым, въехал в Боровицкие ворота и, немного покрутившись по кремлевским закоулкам, наконец остановился. Подбежавший сержант ГБ (от их обилия в его новой жизни Андрея уже тошнило) распахнул дверцу. Второй, держа руку на кобуре «ТТ», страховал его с трех шагов.

Жлоб справа вышел из машины первым, предъявил встречающему какие-то бумаги. Тот шелестел ими при свете раскачивающегося на ветру жестяного фонаря минут пять, после чего заглянул в машину и сличил свежесвыбритую больничным парикмахером физиономию Андрея с фотокарточкой.

— Гражданин Чеботарев? Прошу вас выйти из машины. Вы пройдете со мной.

Его передавали из рук в руки как эстафетную палочку. Причем с каждой передачей звание провожатого повышалось, и к дубовой двери, перед которой что-то записывал в гроссбух сидящий за канцелярским столом человек с сияющей лысиной, Андрея провел уже целый капитан ГБ — считай, армейский полковник. Положив пакет, сопровождавший Андрея всю дорогу, на стол, он козырнул (человек с пробором, не отрываясь от письма, кивнул) и вышел. Андрей остался стоять посреди приемной аки телеграфный столб в выданном ему несуразном плаще.

Дверь приемной хлопнула, и в нее быстрой походкой вошел Берия. Он старался держаться уверенно, но получалось это неважно. Человечек с пробором поднял голову от гроссбуха и столь же бесцветным, как он сам, голосом, приказал:

— Гражданин Чеботарев. Снимайте плащ. Вешалка в углу.

Андрей негнушимися пальцами расстегнул пуговицы и повесил плащ на указанный агрегат — явный подарок Вождю от какого-то механического завода, вполне, впрочем, функциональный и подходящий к обстановке. И замер. Он совсем забыл, что перед выходом из флигеля его переодели в его собственные вещи — джинсы, серый жилет с энным количеством карманов и молний, «бронетанковые» ботинки «мэйд ин чайна под фирму» и майку с оскаленным черепом «Iron Maiden». От одежды жутко несло дезинфекцией. Куртку синтетического волокна, мобилу и остатки плеера, видимо, сейчас где-то усиленно изучали. Но все равно — более чужеродного предмета обстановки, чем он сам, в этой комнате представить было практически невозможно.

На столе секретаря звякнул телефон. Он вышел из-за стола, открыл массивную дубовую дверь и скрылся в маленьком тамбуре, не забыв, впрочем, притворить дверь за собой.

Через минуту он вернулся, дверь закрывать не стал. Указал на нее Андрею — вас ждут.

Проходите.

Берия попытался было пройти первым, но человек с пробором покачал головой и попросил товарища народного комиссара задержаться для уточнения некоторых вопросов. Андрей на подгибающихся ногах прошел в тамбур, а затем и в кабинет. Двери за ним мягко захлопнулись, подобно крышке дорогого братанского гроба.

... Кабинет был ему, как ни странно, хорошо знаком — по всему комплексу ассоциаций, вызываемых многочисленными книгами и фильмами о войне. Полумрак, лишь в дальнем углу — круг света от настольной лампы на зеленом сукне стола. За столом сидел ОН. Дымящаяся трубка, венчик почти совсем уже седых волос, обрамляющий только намечающуюся пока рябую лысину. Естественно, Сталин что-то писал. Андрей знал по книгам, что Сталин хорошо разыгрывал такие вот мизансцены, и был готов к долгому ожиданию. Но не настолько долгому. Прошла вечность, прежде чем хозяин кабинета оторвался от своей работы и посмотрел на Андрея с холодным интересом, напоминающим интерес энтомолога к новой разновидности мухи дрозифилы.

Потом Сталин встал, бесшумно ступая, подошел к Андрею и, странное дело, независимо от своего невеликого роста посмотрел на Андрея сверху вниз, как, собственно, энтомологу и положено.

— Ну что ж, уважаемый потомок. Садитесь. — Он указал Андрею на одинокий дерматиновый стул, стоящий у ближайшей к двери стене. — Садитесь. И расскажите нам, как вы там живете... в вашем светлом будущем. А то товарищ Берия прислал мне, понимаете ли, какой-то странный доклад... Вы можете себе представить — он пишет, что вы там решили, что вам совсем не обязательно быть... великой державой. Более того. Он говорит, что вы ударными темпами строите капитализм. Причем настолько ударными, что уже достигли уровня 1913 года. Правда... не во всем. Вот что касается территории страны, тут вы, пожалуй, скоро Ивана Грозного догоните, да... Ну это поправимо... Еще десять-пятнадцать лет — и вы сократите территорию до размеров, скажем, Московского княжества. Есть мнение, территория Московского княжества более отвечает вашим... способностям.

Андрей, не ожидавший такого начала разговора, не мог промолвить ни слова.

— А может быть, мы неправильно вас поняли, а? Может быть, вы объясните нам, что же товарищ Берия напугал в своем докладе?

Андрей молчал. В горячечном бреду он тысячи раз представлял, как выкрикивает Сталину ДАТУ, как сообщает ему, как тот ошибался, не веря сообщениям разведки о нападении немцев, как предупреждает... Но такого поворота событий он не ждал.

— Ну же, говорите! Вы же так долго добивались встречи с товарищем Сталиным. Вы же собирались объяснить нам, где же мы, дураки, ошиблись. Мы-то думали, что вы нас поправите.

Молчание продолжалось.

— Что же вы, засранцы, натворили? — тихо, даже ласково, спросил Сталин. — Мы строили державу. Мы недоедали ради вас... Мы создавали армию... Мы воевали... И еще будем воевать... Страшно воевать, если вы нам не врите... А вы? Что же вы такое сделали? Поменяли великую страну на телефончики с цифирками? На собачьи парикмахерские поменяли? — Видно было, что приведенный на одном из допросов список клиентов конторы Андрея его потряс.

— Молчите? Не хотите говорить с товарищем Сталиным? А с Чеботаревым Михаилом Никифоровичем, старшим сержантом Красной Армии, поговорить не хотите? Он ведь вап

прадед, если я не ошибаюсь? Посмотрите ему в глаза и скажете то, что не решились сказать товарищу Сталину. Он недалеко сейчас, в Белоруссии. Можем и вызвать. Нам проще. У нас — одна большая страна... пока. Не хотите? И правильно делаете, что не хотите. Потому что вы промотали все. Все, что смогли. И правильно, что к вам относятся во всем мире как к недоумкам. И слушать вас никто не будет. Потому что вам нечего сказать. А может быть, есть? А? Ну, говорите... гражданин веб-дизайнер!

И совсем уже тихо, так, что кровь застыла в жилах.

— А мы вас слушаем.

— Послушаете? Послушаете?! — таки сорвался, все, хана, хлопнут и будут правы, но говорить как хотел — просто, спокойно и убедительно — сил не было, истерика захлестнула сразу и насовсем. — А когда вы кого-то слушали? Пол-армии в лагерях сгноили, пол-страны немцу сдали, а потом еще двадцать миллионов народу положили, чтобы обратно отвоевать. А потом, после войны — продолжили народ по лагерям да стенкам размазывать, да так, что ни одного приличного человека наверх пролезть не могло. Всех, кто свое мнение имел, — в лагерную пыль, одни слизняки остались. Трощий вас Красным Бонапартом назвал? Чести много. Скорее, из вас Людовик какой-то там получился. После вас — хоть потоп, ага.

— Понятно. Решили свалить все на... Сталина, — видимо, вождь привычно хотел сказать «на товарища Сталина», но счел неуместным. — Удобная позиция. Очень удобная. Ничего не делать и сваливать вину на хм... давно умерших людей. Вот только эти давно умершие люди, когда их переставало устраивать правительство — это правительство меняли. Иногда — силой. А вы сидели по углам. И досиделись. А когда все рухнуло само, без вашего участия — умудрились доверить выбор правительства доброму дяде из-за океана. Очень удобная позиция... — Сталин уперся взглядом в Андрея: — А как нужно относиться к советам людей, которые сами способны только на переваливание ответственности? Мы думаем, что советы таких людей следует игнорировать. Потому что ничего хорошего такие люди посоветовать не могут.

Андрей молчал. Все рушилось. Сталин обошел стол, покачал головой и нажал на кнопку. Дверь скрипнула, и кто-то профессионально-крепко взял Андрея за плечо. Все. Конец. Все зря, все напрасно. Уже разворачиваясь за ведущим его захватом, под безнадежной волной внезапно нахлынувшего спокойствия, Андрей, вывернув шею, даже не сказал, а прохрипел:

— Вы... Вы хотя бы Якова на фронт не пускайте. Один нормальный человек в семье, и того...

Сталин резко вздернул подбородок-.

— Что вы там сказали про Якова? Товарищ лейтенант, подождите за дверью еще несколько минут, — хватка с руки исчезла, тихий толчок воздуха от бесшумно закрывшейся двери. — А вы говорите. Не бойтесь. Вы не должны испытывать иллюзий, раз уж... владеете информацией. Хуже вам уже не будет. Говорите!

— Погиб Яков. В первые дни войны в плен попал. Застрелили его... При попытке к бегству. — Андрей опускал подробности, не до подробностей было. Смерть смотрела на него через желтые глаза на перекошенном лице вождя. Потом... глаза погасли, стали неживыми. Сталин в несколько секунд постарел и стал, наверное, таким, каким в той жизни выглядел только перед смертью.

— При попытке к бегству, — эхом повторил Сталин.

— Он-то достойно умер... А вот Василий... Василий Сталин... Генерал-лейтенант,

блин! Спился он, ваш генерал-лейтенант, как последняя пьянь подзаборная, спился. В одних подштанниках из генеральского пистолета ворон стрелял! Мне врать незачем, чем скорее вы меня кончите, тем мне же лучше! — Истерика опять захлестнула Андрея с головой. — Светлана ваша вообще в Англию сбежала! И написала о вас... Много написала.

— Что! — Сталин вздрогнул, как от удара хлыстом, и рванулся к нему, как будто хотел задушить. Но рывка не вышло, из вождя как будто вытащили пружину. Андрей, наконец, испугался. Испугался не за себя, тут уж поздно пить боржоми, испугался того, что Сталин рухнет прямо тут, на месте, и умрет, и никто ему больше не поверит, и в создавшейся неразберихе грызни за наследство brave панцергренадиры промаршируют гусиным шагом по залитой сентябрьским солнцем Красной площади. И он торопливо пробормотал:

— А вот Артем Сергеев...

— Артем? — Сталин ждал последнего удара. Что с того, что Артем, сын его старого друга, был приемным — он тоже был его сыном — Артем?

— Он жив был еще... когда меня... сюда перебросило. Генерал-майор артиллерии. Тоже попал в плен, но сбежал, партизанил, ранен был, вывезли его на самолете. Всю войну прошел. Я сайт его делал. На «Комстаре».

— Сайт? Вы имеете в виду... он тоже... собачий парикмахер?

— Да нет же! Какой к черту парикмахер! Говорю же — генерал-майор. Передачу смотрел, он там про войну рассказывал. Железный мужик. Да вы что думаете, — догадался он, — что в Сети одни уроды собрались? Там дерьма, конечно, хватает, но и в реале тоже разное попадает. Мы вон для нашего сегмента ну... орбитальной космической станции... сайт ваяли... — О том, что станция, хотя и сделана больше чем наполовину в России, но контролируется американцами, Андрей почел за благо не напоминать. Но Сталину было не до космоса и не до сайтов, по большому-то счету.

— А Яков? — Сталина чуть отпустило, но лишь чуть. — Он... он не...

— Он держался сколько мог. Немцы предложили обменять его на Паулюса, на фельдмаршала. Его наши под Сталинградом взяли. Но вы тогда сказали, — Андрей попытался вспомнить точную формулировку, — «Мы фельдмаршалов на лейтенантов не меняем». И он... тоже пытался бежать... Но его убили.

Странным образом напоминание о собственной стойкости в других обстоятельствах, которых как бы и не было еще, придало Сталину сил. Он несколько бесконечных минут ходил по кабинету, закурил, сломав две или три спички. На лицо возвращалось всегдашнее бесстрастное выражение. Лишь приопущенные плечи напоминали о том беспомощном старике, которого Андрей видел несколько минут назад.

— Мы... мы тоже можем совершать ошибки... — Услышать такое признание от Сталина было, скорее, дурным знаком. Хотя тот был прав — хуже быть уже не могло. — Вы в чем-то правы. Часть вины... да. Часть вины лежит и на нас. Но сколько прошло времени с... моей смерти? Полвека? Вы что думаете, ми, ваши деды... даже — прадеды... что мы будем вытирать вам сопля вечно? Вы что думаете, что вам так и придется жить на всем готовом?

Андрей молчал. Говорить было нечего.

— Впрочем... что касается вас лично. Я прочитал все ваши показания. И протоколы допросов — тоже. Я знаю, что наши сотрудники... не всегда придерживались... законности. Мы разберемся с этими сотрудниками, — вождь улыбнулся, одним ртом, лицо все еще напоминало посмертную маску. — И... мне понравилось, как вы держались. Вы могли

пойти по легкому пути... не настаивать на своем. Вы могли согласиться с тем, что вы — английский шпион, который... хочет спровоцировать войну между Советским Союзом и Германией. Вы знаете, Черчилль очень рассчитывает на войну между СССР и Германией. Вы получили бы срок, а когда — в пятьдесят третьем, да? В пятьдесят третьем вы могли бы выйти на волю.

Андрей вымученно улыбнулся. Как он сам не скатился на указанный Сталиным путь, он и сам понимал с трудом. Видимо, цифра «двадцать миллионов» слишком прочной занозой сидела в его мозгу, такой прочной, что сержанту Люшкину со товарищи все-таки не хватило старания.

— Но вы выдержали. И добились, чтобы на вас... обратили внимание. А это значит... Это значит, что на что-то вы еще годитесь. Так что... Давайте поговорим немножко подробнее. О том, что, как вы говорите, нам вскоре предстоит. И не вскоре — тоже. Тем более, что товарищ Берия кое-что, как выяснилось... упустил. Но вот об этом — о моих детях... О МОИХ детях ему знать... не обязательно. Вы — поняли?

Сталин подошел к выходу и открыл сначала внутреннюю, а потом и внешнюю двери тамбура.

— Товарищ Берия! Заходите!

Сталин еще раз прошелся по комнате, совсем как в виденных еще в той жизни, в детстве, фильмах.

— И последний вопрос, *товарищ*... дизайнер. Как вы видите свою дальнейшую судьбу?

Слово «последний» резануло по нервам не хуже бензопилы из «Дума», но Андрей постарался ответить спокойно.

— Ну, первый вариант напрашивается сам собой. Это ведь вы сказали — нет человека, нет проблемы. Или я ошибаюсь?

Сталин улыбнулся в усы (нет, все же была в том социалистическом реализме правда жизни, была!) и коротко махнул трубкой — я, не я — продолжай, мол.

— Жить, конечно, хочется, но бояться я уже устал. А если вы мне хоть чуть поверили — так хоть не зря пропаду. Глядишь, не двадцать миллио... — Сталин резким движением руки с трубкой оборвал его. Видно было, что ему неприятно. — Второй вариант — спрятать меня куда-нибудь подальше, типа Железной Маски.

— Людовик (усмешка) четырнадцатый, — уточнил сам себе Сталин с чувством глубокого удовлетворения.

— Немного хлопотно, конечно, но вдруг возникнут вопросы, в которых я могу помочь. Допросили меня, конечно, качественно, — сломанные ребра тут же напомнили о себе ноющей болью, — но что-то ведь обязательно упустили. Камеру найдете. Тем более, что приговор уже имеется, — Андрей криво усмехнулся, пытаясь унять нервную дрожь.

— И наконец? — Сталин явно забавлялся.

«Это даже не кошка, а тигр с мышом», — подумал Андрей.

— И наконец, вы можете меня просто отпустить. Не думаю, что вы с товарищем Берией потеряете меня из виду, но я на сто процентов уверен, что начни я рассказывать мою историю — и в лучшем случае попаду в психушку, а в худшем — прямиком к Лаврентию Павловичу. — Берия поморщился от фамильярности, но Андрею было уже не до тонкостей общения, нервы звенели, вот-вот лопнут. Тем более что совсем уже было покинувшее его ощущение нереальности, выбитое сапогами сержанта Люшкина и безыскусным

электрошоком профессора Лучкова, снова кружило голову. Личная встреча с товарищами Берией и Сталиным этому чувству весьма способствовала.

— Честертон, хороший английский писатель, — заметил Сталин, выбивая трубку, — верно заметил, что лучше всего прятать лист в лесу. Но я не понимаю одного. Как вы собираетесь ходить по улице вот... в этом? — И он ткнул трубкой в оскалившуюся харю Железной Девы на черной футболке Андрея.

В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств».

Вышинский А. Я. «Теория судебных доказательств в советском праве»

Когда давешний старлей ГБ сопроводил Андрея из кабинета к ожидающей его «Скорой» и Сталин с Берией остались одни, нарком не выдержал.

— Товарищ Сталин... Я все-таки не понимаю. Почему вы его отпускаете? Ведь он же...

— Не горячись, Лаврентий, — Сталин говорил по-грузински. — Понимаешь... Я всю жизнь был уверен, что делаю правильные дела правильным образом. Сейчас... Сейчас я сомневаюсь. И либо мы с тобой, да и с остальными товарищами что-то делаем не так... Причем не в мелочах, нет...

— Либо?

— Либо эти наши потомки — просто навоз истории. И что мы ни делай, как ни крутись — того дерьма, в которое они по нашему попущению себя загнали, не избежать. И тогда... Тогда все равно мы должны бороться. В конце концов, на них история не кончается.

— И вы хотите...

— Хочу посмотреть, как он выкрутится. Впереди война. Если он забьется под лавку, будет суетиться или вообще наложит на себя руки — это одно. А если поведет себя как подобает мужчине — совершенно другое. Может быть, он и не лучшее, что есть в будущем, но... Других людей у нас с тобой нет. Теперь о секретности. Ты принял меры?

— Жду ваших указаний, товарищ Сталин, — Берия перешел на официальный тон.

— Указаний... Кто еще знает все от и до?

— Четверо моих сотрудников. Сержант госбезопасности Люшкин, старший сержант госбезопасности Торопыгин, лейтенант госбезопасности Прунскас...

— Латыш?

— Литовец. И стенографистка. Карпова Надежда Юрьевна.

— Кто из них применял... специальные методы? Люшкин и Торопыгин?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Вот как. Тем лучше. Органы должны избавляться от скомпрометировавших себя сотрудников, верно? Как там говорил Феликс — «Чистые руки»?

— Материалы уже подготовлены для передачи в прокуратуру. Собраны свидетельства осужденных, в основном — командиров Красной Армии. Люди надежные, держались до последнего.

— Это хорошо. Надежные люди нам сейчас нужны особенно. Я полагаю, что в связи с вновь открывшимися обстоятельствами их дела будут пересмотрены, да? А остальные двое?

— Остальные двое вполне надежны.

— Что значит — вполне? Ты отвечаешь за их молчание головой? Или обеспечишь это самое молчание другим способом? Ты пойми — не так страшно то, что он рассказал нам про Германию, как... другое.

— Я приму меры, товарищ Сталин. Прунскас — квалифицированный следователь. Работал по контактам секретаря германского посольства в прошлом году. Ну, вы помните.

Сталин помнил.

— Карпову также считаю надежным сотрудником. Она стенографировала допросы Бухарина и Радека, жена пограничника, живет на казарменном положении, в отдельной комнате. Кроме того, ей скоро рожать, положим в больницу. Проконтролируем.

— Ну что ж... Сам смотри. Тебе я тоже сопли вытирать не собираюсь. Врачи? Инженеры? Технический персонал?

— С врачами просто. Профессор Лучков позавчера умер от сердечного приступа. Сам умер, — уточнил Берия, поймав взгляд Сталина, — дома. Никаких записок касательно...

— «Паука», — подсказал Сталин, — раз живет в паутине — значит, паук.

— Никаких записок касательно «Паука» не оставил. А профессор Водицкий старательно убеждает себя, что столкнулся с классическим случаем шизофрении. Он хороший психиатр, так что убедит. Инженеры и техники, включая Термена, уверены (или тоже убеждают себя), что работают с образцами секретного шпионского оборудования иностранного производства. Они изолированы, им созданы все условия для работы.

— Это хорошо, — заметил Сталин, в который уже раз за вечер раскуривая трубку. — А как ты собираешься преподнести вот это, — он кивнул на папку с материалами, — военным и Политбюро? Они же все прагматики. Не поверят. Это мы с тобой... Два романтика.

— Ну, мы же сообщим им только о нападении, верно? А операцию прикрытия в этой части я начал разрабатывать с самого начала... как только сам ему поверил.

— Покажешь... — вождь рассматривал трубку. Так и есть — мундштук надломился у самой чашки, когда он инстинктивно сжал ее, пытаясь побороть желание немедленно придушить этого странного человека, говорившего такое о его детях.

— Покажешь, — повторил он. — Времени у нас немного, если мы хотим успеть хоть что-то, уже завтра вечером я должен говорить с военными.

Берия с готовностью распахнул портфель, выудив оттуда еще одну картонную папку с шифром «Пастор».

— Хорошо. Это я посмотрю сегодня. Теперь о Бомбе, — Сталин произнес это слово с заглавной буквы. — Ты, надеюсь, понимаешь, что заниматься ею придется тебе? Тем более что один раз ты уже справился. — Берия усмехнулся. — И ракеты тоже на тебе. Тем более что Королев и Глушко уже проходят... по твоему ведомству.

— Понимаю. Я уже пообщался с членами Уранового Комитета — есть такой при Академии Наук. Оказывается, эти умники еще в тридцать девятом запатентовали схему атомной бомбы, почти полностью соответствующей одному из описаний «Паука». Сейчас в главке две сметы прорабатывают — на специальные научные городки под Арзамасом и Новосибирском. Ну там цеха, лаборатории... Полигон в Казахстане... Жилье.

— Не разевай рот сверх меры. Ты же не успеешь сделать бомбу к войне, верно? Там ты

шесть лет угробил, да еще и с кучей источников в американском проекте. А ракеты без Бомбы, по-моему, просто дорогие игрушки. А Война, — это слово тоже прозвучало с заглавной, — Война потребует от нас всех наших сил. Так что создай пока маленькие группки, пусть начинают работу. И про эти... ком-пью-те-ры... Надо, кстати, подобрать нормальное русское слово, да... Их тоже не забудь. Пусть товарищи Термен и Ляпунов разворачивают исследования. А там посмотрим.

Сталин подошел к столу, еще раз осмотрел трубку, покачал головой. Отложил ее в сторону, взял из коробки сигарету, закурил.

— Ладно, Лаврентий... Иди. Хочу немного один побыть. Слишком много навалилось. Даже для меня.

Берия направился к выходу, но Сталин его окликнул.

— Лаврентий. Подожди. Ты хороший работник. И организатор хороший. Но ты, уж извини, Лаврентий, гнилой интеллигент. Доверчивый ты. В людях не разбираешься. Поэтому Хрущ с Маленковым тебя *там* и схарчили... Шпион английский, ха.

— И югославский тоже.

— Не перебивай. Так что без меня ты пропадешь. Понял?

— Понял, товарищ Сталин, — Берия был серьезен, пенсне бликовало на неярком свете настольной лампы. — Я это понял сразу, как только поверил ему. Поэтому и не стал *играть* его сам.

Удивительно, но при общей отсталости электронной промышленности по сравнению с США, Германией или Британией большевистская Россия серийно производила перед войной вполне отвечающие мировым образцам телевизоры. Например, на заводе в Александрове, в 100 километрах северо-восточнее Москвы, выпуск бытовых телевизионных приемников был налажен уже в 1938 году.

С. Прайд. «История Телевидения». Сент-Петербург, 1982

Молчаливый водитель притормозил, разбрызгивая грязь, давешний сержант ГБ, на этот раз в штатском, перегнувшись через Андрея, распахнул дверцу и, не говоря ни слова, почти выпихнул его из «эмки». Андрей вывалился, но удержался на ногах. «Эмка» стрельнула вонючим выхлопом и укатила, оставив на прощание пару жирных брызг на брюках.

Андрея по-прежнему била дрожь. Он ослабил ворот косоворотки и нашарил в кармане клифта — иначе этот, с позволения сказать, пиджак, назвать было затруднительно — пачку «Норда». С наслаждением вдохнул дерущий горло дым.

Слева тянулся дощатый забор с колючкой поверху, упиравшийся в проходную какого-то завода. Справа радовала глаз покосившаяся, но свежевыкрашенная в веселенький зеленый цвет пивнушка с ярким, явно новым плакатом, от текста на котором глаза полезли на лоб: «Ешьте крабы! Они вкусны и полезны!» Фигас-се. Плакат настолько не соответствовал его представлению об эпохе, что голова пошла кругом. Хотя да, сейчас ведь активно осваивают Дальний Восток. Там этого добра завались, а тут к экзотике народ не привычный.

То ли уровень полиграфии подкачал, то ли художник видел крабов только на картинках, но изображенное на плакате чудовище явно должно было до смерти пугать местных аборигенов. Точно — ковылявшая вдоль стены бабулька, проходя мимо плаката, перекрестилась и снайперски сплюнула на плакат. Похоже, с целевой аудиторией тутошние рекламщики работали не очень хорошо.

Так, а что у нас в активе? В активе помимо справки об освобождении со стандартной «путевкой 101», ^[2] удостоверения электрика и водительских прав (современного, конечно, образца) имелось аж двести тридцать рублей — «компенсация» за «Сименс», уже, верно, разобранный до последнего винтика в недрах какой-нибудь «шарашки». Как уж там бериевские бухгалтеры определили стоимость мобилы — неизвестно. Видимо, провели как дорогие часы. И что характерно — за разбитый плеер компенсации ему не полагалось.

От той мысли, что над его мобилой и дискменом сейчас ломают голову не меньше чем Ландау с Капицей, почему-то стало весело. Интересно, насколько он ускорил «мобилизацию» всей страны? Вряд ли намного — как Андрей понял из вопросов следователя НКВД, тут даже о транзисторе еще представлений не имели, куда там о микросхемах мечтать. Да и окружающая действительность, даже московская, оптимизму в делах высоких технологий не способствовала. Одно дело читать, какой рывок совершила страна перед войной, а другое — лично убедиться, насколько же этого — реально огромного — рывка было недостаточно.

Взгляд опять уперся в скособоченную пивнушку со «вкусными и полезными» крабами, и

в Андрее проснулась, как казалось, навеки похороненная привычка — в какой бы город он ни приезжал, всегда брать местного пивка. Своего рода сравнительное коллекционирование. А тут был потрясающий шанс — попробовать пиво даже не из другого города, а из другой эпохи. Упустить этот шанс было невозможно никак.

Пивнушка, по рабочему времени, была пуста. Пиво до «Гессера» явно недотягивало, дерьмовое, прямо скажем, было пиво, но все лучше тюремной баланды. Заявленных на рекламном плакате крабов не было (продавец воспринял вопрос Андрея как дежурную шутку, видимо, уже привык). А вот раки были, и были они полный рулеззз. Продавец за стойкой смотрел на него с подозрением — надо было быть профессорской дочкой, причем из старой профессуры, дореволюционной, чтобы не опознать в клиенте недавнего арестанта. Ларечник (про себя Андрей называл его барменом) профессорской дочкой явно не был. Впрочем, клиент не буянил, стоял себе за стойкой и потягивал пивко. Несмотря на то, что торговля пивом — занятие околोकриминальное спокон веку — что в части левака (недоливу и разбавлению, пожалуй, столько же веков, сколько и самому пиву), что по контингенту (тем более что славный город Александров располагался ровнехонько на сто первом километре от Москвы), с местными жиганами он дел не имел — побаивался. Хотя этот, пожалуй, был все-таки политическим — уж больно физиономия непростецкая. Десять классов, что называется, на лбу написано.

Поэтому, когда клиент обратился к нему, разговор он поддержал охотно. Тем более что до конца смены и наплыва посетителей было еще часа два.

— Уважаемый, — ну да, арестант. Нормальный человек сказал бы «товарищ», — еще кружечку! — И, сдув шапку пены: — А что, работа в городе есть?

Работа в городе была. Оно конечно, кому и кобылам хвосты крутить — работа. Но если без дураков — есть два крупных завода (один вот прямо рядом, да видел же, наверное), несколько мелких фабрик, стройуправление. Жилье можно было снять в частном секторе за приемлемые деньги. Но лучше сначала зайти на завод. Если специальность дефицитная — станочник там или водитель — могли и койку в общежитии барачного типа дать. А, водитель? Да еще и электрик? Ну тогда с руками оторвут. И еще, глядишь, с пропиской помогут. Тут, сам понимаешь, специфика, народ вроде тебя в основном. А у них с квалификацией худо. Можешь, кстати, по оргнабору в Сибирь поехать, тут вербовочная контора рядом с райотделом милиции. Не хочешь? Ну тогда, как устроишься, захаживай.

Поехать в родные края по оргнабору было заманчиво, но Андрей решил, что пренебрегать намеком энкавэдэшников, высадивших его именно в этом месте, не стоило. Он допил пиво и направился к проходной. Давно не чищенная вывеска гласила: «Народный комиссариат электропромышленности. Александровский радиозавод номер 3».

Давайте представим, что Гитлер отложил свой удар и подарил Сталину лишний год. Давайте представим себе майское утро сорок второго. Сотни ракет взлетают с площадок под Белостоком и Кишиневом. Их цель — польские железнодорожные узлы и румынские нефтепромыслы. Сотни тяжелых «ТБ-7» поднимаются с прибалтийских аэродромов. Их цель — крупные немецкие города. В боеголовках ракет, в бомболоках дремлет до поры урановая смерть.

В. Трезвон. «Освобождение». Женева, 1984

Трое людей, в напряженных позах застывших у плетеного столика на подмосковной дачной веранде, молчали. Напряжение вызывало и место, где их собрали, и личность хозяина, и моментально бросающаяся в глаза разница в поведении. Мрачный и худой, не успевший отъестся за неполный год после лагеря в Туполевской «шарашке» Королев. Встревоженный внезапным вызовом из Ленинграда, не отошедший еще от болтанки в военном самолете Курчатова. Нервно-веселый Ляпунов, приготовившийся было к самому худшему при виде посланных за ним прямо на кафедру сотрудников НКВД.

Никто не смел не то чтобы притронуться к расставленным на столе чашкам с душистым чаем, но даже поднять глаза на соседей по столу.

Тишина давила и становилась совсем уж невыносимой. Поэтому на скрип легкой застекленной двери все трое обернулись единым рывком, как по команде. Берия в легком, по погоде, щегольском полотняном костюме, успокаивающе махнул рукой, мол, сидите, товарищи.

Пододвинул свободный стул, сел, разглядывая гостей сквозь отблескивающие стекла. Паузу, однако, тянуть не стал, улыбнулся (более-менее знакомый с ним по «шарашке» Королев от этой улыбки вздрогнул), жестом радушного хозяина указал на сервировку.

— Прошу, товарищи. Угощайтесь. Чай хороший, китайские товарищи прислали. — Видя, что гости не шевелятся, продолжил добродушно: — Знаете, я, конечно, патриот солнечной Грузии, но... Вынужден признать, что по части чая похвастаться нам пока нечем. Все-таки китайский чай, при всем старании, превзойти нам пока не удастся. Вот если говорить о винах... Но разговор нам, товарищи, предстоит серьезный, так что с вином мы подождем до его окончания. Не возражаете?

Королев помрачнел еще больше. Бывалого зэка обмануть показным радушием невозможно. Полускрытый стеклами стальной взгляд наркома не позволял потерять вбитую на лесоповалах и этапах бдительность к сильным мира сего. Не хлебавшие баланды Курчатова и Ляпунова, однако, сели посвободнее, потянулись к чашкам из невесомого фарфора.

— Итак, товарищи, я пригласил вас сюда по одному оч-чень важному делу. Как вы, наверное, догадываетесь, наша разведка весьма большое внимание уделяет новейшим научным разработкам. Особенно тем, что имеют важное военное значение, — Берия отбил пухлыми пальцами короткую дробь по поверхности стола, — тем более что обстановка у наших границ... неспокойна. Мировая война разгорается, и вполне возможен вариант, при котором мы будем в нее втянуты. Разумеется, помимо нашего желания. Впрочем,

непосредственно проблемой войны занимаются совсем другие товарищи. Но есть один весьма настороживший нас аспект.

Берия на секунду замолчал и продолжил, медленно переводя взгляд с одного собеседника на другого:

— Недавно мы заметили весьма странную закономерность. Практически одновременно с началом войны в открытые научные источники перестала поступать информация по многим интересующим нас темам.

Курчатов встрепенулся, словно хотел что-то сказать, и Берия широким жестом указал на него:

— Прошу вас, Игорь Васильевич!

— Видите ли, Лаврентий Павлович, коллектив нашей лаборатории, да и все товарищи, занимающиеся урановой проблемой вот уже несколько лет, тоже... заметили некоторые странности. К примеру, после работы Гана и Штрассера по проблеме деления урана не вышло вообще ничего существенного. Ни у немцев, ни у англичан, ни у американцев. Ну почему молчит Кюри — более-менее понятно. Французам сейчас не до науки. Англичане и немцы воюют, но Америка-то нейтральна! И, тем не менее, никаких новых публикаций.

— Значит, вы понимаете, что я имею в виду. Из этого молчания мы сделали вывод, что информация засекречена. А значит, она имеет или может иметь военное значение.

— Ну, чисто теоретически... Нами, наряду с Ганом и Штрассером, получены экспериментальные данные, которые говорят об огромных количествах энергии, которые могут быть получены при делении ядер урана. Причем, по самым скромным подсчетам, если нам удастся высвободить энергию всего одного килограмма урана мгновенно, то мы получим бомбу, мощность которой будет соответствовать примерно десяти-двадцати тысячам тонн динамита. А если эту энергию высвободить постепенно — то сжиганию втрое большего количества угля.

— Ну, товарищ Курчатов, при таких ученых мы, разведчики, скоро останемся без работы. А если серьезно — нам стало известно как минимум о трех проектах создания урановой — или, точнее, атомной — бомбы. Во-первых, Германия. Проектом занимаются такие фигуры, как Гейзенберг и Паули. Вам знакомы эти фамилии?

Курчатов, помимо воли, усмехнулся. Это было похоже на то, как если бы учителя словесности спросили, знает ли он, кто такие Лермонтов и Пушкин.

— К счастью, — продолжил Берия, — Германия значительно ослаблена в научном смысле. Нетерпимость Гитлера к евреям стоила ему потери большого количества ученых, переселившихся ныне в Соединенные Штаты. Достаточно сказать, что американский атомный проект инициировал сам Эйнштейн, а ключевыми фигурами являются такие эмигранты из Европы, как Ферми, Сциллард и Оппенгеймер. Вы их, конечно, тоже знаете? Я так и думал. И наконец, Англия. В настоящий момент о британском проекте известно меньше всего, но кое-что указывает на то, что англичане стремятся к координации своих усилий с Америкой. Вы, надеюсь, понимаете, что в случае успеха какого-либо из этих проектов, особенно германского, положение Советского Союза станет... затруднительным?

Тройка ученых встрепенулась. Конечно, в вечную дружбу с Гитлером не верил никто, но прямое подтверждение из уст Берии значило много.

— Кроме того, есть еще одна вещь. Она касается, прежде всего, вас, товарищ Королев.

Королев смотрел на наркома исподлобья. В общей спальней казарме «шарашки» на улице Радио неоднократно встречавшийся с Берией Туполев не раз с матерком проходил

по его техническому самодурству, но сейчас Лаврентий Павлович был вежлив, что для кичащихся демонстративной грубостью партийных деятелей было нехарактерно. «Дело-то дрянь, — злорадно подумал Королев, — очко у Лаврентия играет, у суки...»

— До нас дошли сведения, — продолжал нарком, — что на одном из островов в Балтийском море немцы быстрыми темпами оборудуют некий конструкторско-испытательный центр. Руководит работами СС, а главой проекта, по нашим сведениям, является некто Вернер фон Браун. Мы выяснили, что этот человек — один из главных специалистов Гитлера по ракетной технике. Причем речь не идет о работах, аналогичных тем, что проводили товарищи Клейменов и Лангемак.

«Товарищами назвал, сука. Небось, когда почки им отбивал, орал, мол, волк тамбовский тебе товарищ». Королев был, конечно, не совсем справедлив — конструкторов-ракетчиков, создателей реактивных снарядов, еще не заслуживших ласковое прозвище «Катюша», кончили еще при Ежове. Берия принял НКВД значительно позже, и для облегчения участи уже арестованных к тому времени ученых сделал немало.

— Так вот, разрабатываемые немцами ракеты, по данным разведки, предназначены для дальних и сверхдальних бомбардировок, на сотни и тысячи километров.

— Вы, *товарищ* нарком, извините, — Королев, в отличие от Берии, быть особо вежливым не собирался. Лагеря он уже не боялся, шестым чувством ощущая, что сейчас ему простится многое, — но я ракетами занимаюсь малость подольше вашего. Чтобы доставить полезный груз хотя бы и в тонну на полтыщи километров, детской шутихой не обойдешься. Такая ракета будет стоять поболее бомбардировщика сравнимой грузоподъемности. Так бомбардировщик имеет шанс вернуться, а ракету вернуть назад сложновато. К тому же — как вы будете наводить ракету на цель при таком расстоянии? Да в этом случае отклонение от цели будет версты две, не меньше!

— А вы, *товарищ* Королев, не кипятитесь, — слово «товарищ» Берия выделил точно так же, как до того Королев. Получилось весьма зловеще. — Сами по себе ракеты, конечно, будут проигрывать самолетам. На первых порах. А вот вы подумайте, зачем я пригласил товарища Курчатова и вас одновременно? Тонну обычной взрывчатки ракетами забрасывать будет действительно дороговато. А *необычной*?

За столом опять воцарилось молчание. Откуда-то из иного мира повеяло ужасом неумолимо валящейся из фиолетовых глубин стратосферы огненной смерти, растекающейся по городу почему-то лавой из жерла вулкана.

— Впрочем, — попытался разрядить напряжение Берия, — помимо военных задач, оба эти проекта вполне могут служить и народному хозяйству. Про десять тысяч тонн угля в одном килограмме урана товарищ Курчатов нам уже рассказал. А что касается любимых вами ракет, товарищ Королев... Знаете, я специально почитал Циолковского, Беляева... «Звезда КЭЦ», занимательное чтение. Я, конечно, понимаю, что создание вращающейся вокруг Земли космической станции уже само по себе эпохальная, философская даже задача. Но вот если мы, разведчики, сумеем поставить на эту свободно летающую над Землей станцию фотоаппарат... — Лицо Берии на долю секунды приобрело какое-то детски-мечтательное выражение, словно маленький мальчик вообразил себе вагон мороженого, обильно политого шоколадным сиропом.

Ляпунов не смог сдержать смешка, Курчатов тоже улыбнулся. Уж больно комически выглядел обладающий жутковатой репутацией нарком с умильным выражением на круглом лице. Королев не улыбался. Жизнь успела отучить его от приятных сюрпризов. А тут... Мало

того, что освободили по амнистии задолго до окончания срока, так еще и мечта всей жизни начинала потихоньку приобретать зримые очертания...

— Что же касается вас, товарищ Ляпунов... Вы, наверное, уже представляете, о чем пойдет речь. Несколько недель назад мы, помнится, уже консультировались у вас по одной проблеме. Для прочих присутствующих, не вдаваясь в детали, сообщу. Недавно на одном из наших секретных объектов был задержан иностранный шпион. Среди прочего оборудования у него была изъята весьма интересная машинка — некое вычислительное устройство огромной производительности. Как нам удалось установить, это устройство является новейшей экспериментальной разработкой одной из королевских лабораторий в Лондоне. По прикидкам товарища Ляпунова, мощность этого устройства составляет около одного миллиона операций в секунду. — Курчатов выглядел ошарашенным. Королев просто не поверил. Берия продолжал, не дрогнув ни единым мускулом; умение лгать естественно суть добродетель, совершенно необходимая политику, коим Лаврентий Павлович являлся безусловно. — К большому сожалению англичан, лаборатория была полностью разрушена немецкой крупнокалиберной бомбой. Поскольку создатель устройства был... хм... оригинально мыслящим человеком... то никакой документации и никаких иных образцов у англичан, по-видимому, не осталось. Возможно, кое-какие образцы есть у британских агентов в других странах, если их, конечно, тоже снабдили подобной техникой, но это не факт.

Ляпунов, естественно, не поверил в столь экстравагантную и в то же время наивную версию, в конце концов, он сам держал хитрое устройство в руках. Но мнение свое счел за благо оставить при себе.

— Товарищу Ляпунову мы хотим поручить разработку аналога такого устройства. Конечно, мы не требуем такого же результата немедленно. В конце концов, по словам вдовы покойного изобретателя, разработка машины заняла у автора около полувека. Но, учитывая важность такой работы, мы крайне заинтересованы в скорейшем начале исследований. Я, кстати, не думаю, что к вычислителям подобной мощности останутся равнодушными хотя бы и товарищи Королев с Курчатовым, да и артиллеристам, и НКВД, и даже нашим финансистам с плановиками такая штука очень бы пригодилась.

Таким образом, — продолжил нарком, — принято решение создать в системе НКВД СССР три особо секретные лаборатории. Лаборатория номер один — товарищ Ляпунов. Лаборатория номер два — товарищ Курчатов. Лаборатория номер три — товарищ Королев. Будет и четвертая лаборатория, биологическая, но... Товарищ Вавилов сейчас... проходит курс лечения. Ему пришлось значительно хуже, чем вам, товарищ Королев. — Он заметил напрягшиеся желваки на лице инженера и наклонился к нему, сняв пенсне и глядя прямо в потемневшие от невысказанной злобы глаза: — Мы понимаем, что были несправедливы... ко многим. Мы слишком увлеклись формулой «лес рубят — щепки летят». В результате — наломали дров, — он усмехнулся невеселому каламбуру и так же тихо продолжил: — Теперь мы стараемся исправить те ошибки, которые можем. К сожалению, у нас крайне мало времени. Впереди — несколько тяжелых лет. Очень тяжелых.

Королев выдержал взгляд. Протянул руку, взял изящную фарфоровую чашку с немного подостывшим чаем. Обхватил ее ладонями — несмотря на теплый весенний день, лагерная привычка беречь малейшие крохи тепла давала о себе знать. Берия задержал взгляд на искаленной топором руке. Продолжил:

— Более подробную информацию вы получите примерно через неделю. А пока —

прошу вас к завтрашнему вечеру представить свои предложения. И еще одно. Надеюсь, вы понимаете, что проекты являются особо секретными? Отлично. А теперь, наконец, можно поговорить и о винах. Вы знаете, — заговорщицким тоном проговорил нарком, — у меня есть бутылка замечательной «Хванчкары»...

В многочисленных агентурных докладах сообщается, что направленные на военные предприятия остарбайтеры своей технической осведомленностью прямо озадачивали немецких рабочих (Бремен, Райхенберг, Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Берлин, Галле, Дортмунд, Киль, Бреслау и Бейрейт). Один рабочий из Бейрейта сказал: «Наша пропаганда всегда преподносит русских как тупых и глупых. Но я здесь установил противоположное. Во время работы русские думают и вовсе не выглядят такими глупыми. Для меня лучше иметь на работе двух русских, чем пять итальянцев».

Bundesarchiv Koblenz. Reichssicherheitshauptamt. R 52/182. Meldungen aus dem Reich Nr. 376. 15.4.43. S. 8-17.

Андрей еле удержался на стремянке, когда воротина гаража распахнулась под визг хронически несмазанных петель. Вывернув шею, обернулся. Фигура на границе дневного света и еле разбавленной пламенем «летучей мыши» темноты виделась темным силуэтом, и опознать вошедшего было затруднительно. Человек старательно вглядывался в темноту, однако после яркого майского солнца заметить Андрея под самым потолком, да еще и в дальнем углу, было нереально.

— Эй, есть кто? Чеботарев, Андрей! Тут ты, что ли?

Голос был знаком. Черт бы его побрал, чтоб он провалился, энтузиаст хренов! Однако не в меру, на взгляд Андрея, веселый и настырный комсорг гаража Давид Гольдман проваливаться никуда не собирался.

— Андрюха! Ты где там прячешься, двигай сюда, дело есть!

— Ща, погоди! — Андрей распахнул по карманам инструменты и осторожно, чтобы не навернуться с шаткой лестницы, пополз вниз.

Спрыгнув наземь, он еле успел поймать подлую стремянку и вновь привел ее в условно-устойчивое состояние. Воспользовавшись неожиданным перекурком, достал беломорину и чиркнул колесиком самопальной зажигалки. Давид, наконец, обнаружив его по огоньку, двинулся в глубь гаража. Походка у него была подпрыгивающая от переполнявшей все существо молодой, нерастраченной энергии.

— Битый час тебя ищу. Куда подевался? Наташка Хромова сказала, ты сюда двинулся, а не она — так я б тебя до вечера искал бы!

— Да Семеныч пристал, зараза, говорит, надо к пятнице свет провести. Неделку терпело, а тут, видишь, задницу у него припекло. Давай, говорит, кровь из носу, тяни провод, завтра уже лампы привезут да прочую лабуду.

— А-а! Так он прав! Сколько можно машины в сарае держать! Гараж уже месяц как построен, а въехать не можем. Вот, кстати, ты в яму не забудь проводку сделать, а то под машиной в темноте ползать — удовольствие так себе...

— Да сделаю! А что искал-то?

— По делу. Тут народ вечером стенгазету выпускать собрался, тебя ждем.

— А-а... — художественные таланты Андрея были замечены и оприходованы к

общественной пользе в первую же неделю работы на новом месте. — Погоди, так три дня ж назад только прошлый номер вывесили!

— Да понимаешь, инструктор из райкома приезжал, говорит, установка спущена — активизировать работу по военному воспитанию молодежи. Ну, там, разъяснение политики Партии, международная обстановка...

— Зашевелились, хедрать! — по краю сознания проскочила тень радости, они знают! Они помнят! Они что-то делают! Но этой «установки» было трагически мало, да нет, это было просто не то, не то! Да и полузабытый с детства и вдруг опять вошедший в его жизнь партийно-политический новояз резанул по ушам с каким-то особенным скрежетом. — Что там активизировать? Что объяснять-то? Вы бы лучше всю свою комячейку на стрельбище лишний раз сводили. А то Ги... враг поперет — ты его что, газетой остановишь?

— И газетой тоже. Ты работу с людьми зря недооцениваешь. А на стрельбище идем завтра, после смены. Иван Ефремович уже с Косолаповым договорился. — Давид был серьезен, смотрел на Андрея как-то испытующе. — Андрей, ты того... остынь. Знаешь... давно с тобой поговорить хотел. Ты у нас уже больше месяца работаешь, парень вроде хороший, даром что не комсомолец. Но временами ты вроде моего дяди Изи. «Таки-да, евгеи, вот увидите, будет поггом!» — в исполнении классического по внешности Давида местечковый акцент валил наповал. — Я тебе в душу лезть не хочу, но скажи — ты *туда* не за это вот самое попал?

— За что попал, за то и отсидел. Справку показать? — Злость вдруг куда-то ушла, да и чисто по-человечески не хотелось крыситься на нормального парня. Андрей оглянулся, да и, впрочем, откуда посередь гулкого от пустоты ангара взяться лишним ушам. — Вот что, Давид... Ты легенду о Трое читал? Ну там, Древняя Греция, Ахилл, Гектор, Одиссей? — А черт его знает, вышел ли уже классический труд Кона или это будет позже?

— Нет, не пришлось пока, — Давид смотрел заинтересованно, черные глаза отблескивали в полутьме. Вообще-то, читал он много (что для здешней яростно рвущейся к знаниям молодежи было весьма типично), но среди той половины книг местной библиотеки, которая в принципе могла обойтись без упоминания Сталина, преобладала литература массовая. Пушкин там, Некрасов... Максим Горький в количестве... Не университетский центр, чай.

— Так вот. Осадили как-то древние греки город один, Троию. Девять лет сидели под стенами — и никак. Потом все же взяли, обманом. Выражение такое слышал — «троянский конь»? — О, черт, услужливая память, как в тумане, отразила пастельно-бежевые стены затерянного теперь неизвестно где офиса, светлый квадрат монитора и дикий вопль админа от соседнего стола: «Какая сволочь опять подцепила трояна!» Как все это было далеко...

— А! Это ты про деревянную лошадь, в которую солдат спрятали?

— Ну. Так вот, суть вот в чем. Была там прорицательница одна, Кассандра. Прорицала-то она исправно, да только никто и никогда ей не верил. Она говорит — не ввозите данайские, греческие то есть, дары в город, а над ней только посмеялись...

— Так ты говоришь...

— Так я ничего и не говорю. Так, байки травлю. О греках. А что ты сам себе надумал — твое личное Дело. Ладно. После смены зайду.

История танка «Тигр» началась много сотен тысяч лет назад, когда несколько видов крупных кошачьих решили отказаться от выходящих из моды и не отвечающих современным условиям длинных саблевидных клыков, приобрести хвосты и начать применять новые схемы камуфляжа.

И. Кошкин, иллюстрации А. Литвина. «История танка Тигр». Норильск, 2002

Листок из ученической тетради в косую линейку был исписан аккуратным почерком, но все грифы и прочие причиндалы, без которых нет и быть не может серьезного документа, были на месте. Секретность там или не секретность, нельзя ли отдавать документ в машбюро на перепечатку, можно ли — документ, написанный не стукачом Васей Шнырем, а штатным сотрудником, хотя бы и работающим под легендой, должен быть оформлен как полагается. Дисциплинирует.

«Совершенно секретно.

Экземпляр единственный.

Для передачи «Петровичу» лично в собственные руки

Сек. Сотрудник «Бушлат»

08 мая 1941 года

Рапорт

Настоящим докладываю.

Попытки завязать дружеские отношения с «Пауком» успеха не принесли. Очевидно, объект до сих пор находится под впечатлением отбытого им уголовного наказания. Кроме того, поведение «Паука» часто выглядит странным — он не знает некоторых общеизвестных вещей, неоднократно теряясь в обычных бытовых ситуациях. Настроение резко меняется от мрачного и подавленного до возбужденного. Избегает тесного общения, хотя охотно обсуждает темы, связанные с работой. В быту нелюдим. Спиртными напитками не злоупотребляет, ограничиваясь одной кружкой пива в два-три дня.

В разговоры о политике вступает неохотно, попытки поговорить откровенно — пресекает или просто отмалчивается. Клеветнических и политически незрелых высказываний о политике Партии Ленина — Сталина и Советского Правительства не допускает, за исключением сомнений в долговременности и прочности Советско-Германской дружбы.

В то же время включился в общественную работу по линии профсоюзов, активно участвует в оформлении стенной газеты. Много времени проводит в читальне, чаще всего изучает подшивки газет, начиная с 1939 года. Проявляет также интерес к трудам И. В. Сталина, ведет подробные конспекты.

По вечерам после работы много рисует, в том числе разнообразную военную технику. Рисунки в тот же вечер уничтожает, однако мне удалось сфотографировать некоторые

из них. Фотопленку с копиями рисунков прилагаю к настоящему рапорту».

Берия разложил на необъятном столе около десятка мутноватых снимков. Действительно, рисунки. Девушка с печальным взглядом, сидящая на широком подоконнике, набросанная считанными, но завершено-точными штрихами. Слегка холмистый пейзаж с едва угадывающимся на горизонте устремленным ввысь городом, удивительно прозрачным, без дымящих фабричных труб. Похожий на стремительную каплю автомобиль на широких, низких шинах, с громадным прихотливо выгнутом лобовым стеклом и воздухозаборниками за широкими дверями — равнодушный к машинам Берия аж прицокнул языком. Опять девушка, на этот раз обнаженная (красивое женское тело Лаврентий Павлович тоже одобрил). Какая-то «абстракция» — вынужденный заниматься делом художника, нарком выкроил часок и полистал книги по искусству — странной формы гигантский гриб, растущий на фоне домишек в китайском или японском стиле. Пожалуй, покажи эту, с позволения сказать, картину профессору Лучкову — и париться бедняге в психушке по сей день. Хищный, остроклювый, явно боевой самолет — только наличием крыльев и напоминающий боевые машины современности. И танк...

Танк ему не понравился, не понравился до такой степени, что глаза снова и снова, помимо желания, возвращались к фотокопии. Собственно, это была карикатура — танку были приданы узнаваемые с полувзгляда человеческие черты. На школьном альбомном листе была нарисована массивная, квадратных очертаний глыба в полосатом камуфляже с необычно длинной пушкой, увенчанной набалдашником дульного тормоза, под которым щетинились знакомые по газетным фотографиям усики. На лбу башни горели безумием водянистые глаза, с крыши на них свисала косая слипшаяся челка. Гибрид устрашающей (даже в таком вольном изображении) мощи боевой машины с болезненной, нездоровой агрессией наложенной на нее физиономии Гитлера оставлял неприятное впечатление, но видно было, что этого-то ощущения автор и добивался.

— Ты знаешь, Лаврентий, — Сталин тоже рассматривал этот рисунок из-за спины наркома. Говорил он по-грузински, — творческие люди все-таки особенный народ. Если бы я сомневался в том, что Гитлер все-таки нападет на нас, то это, пожалуй, меня убедило бы наверняка. Такое — не придумаешь.

— Да... Впечатляет... Но я предпочел бы, товарищ Сталин, чтобы этот Кукрыникс^[3] оказался не художником, а толковым инженером. Или военным. Точные данные об этом «Тигре» — или это «Пантера»? — нет, все же «Тигр» — помогли бы нам гораздо больше, чем эта мазня.

— Ты, товарищ Берия, очень умный. Но дурак — Наедине Сталин не заботился о политесах. — Ну сам посуди. На что тебе толщина брони машины, которая *здесь*, — он выделил это слово только ему присущим нажимом, — может, и построена-то не будет. Или будет, но раньше, а потому — хуже. Или попозже — и тогда это будет совсем уж... чудюдо. Ты пойми — мы уже начали реагировать, так? И значит, мы каждым своим действием обесцениваем всю информацию, которую тебе удалось из него выжать. Вот мы двигаем армию к границе, а у немцев, между прочим, есть разведка.

Берия встрепенулся и попытался возразить, но Сталин пресек эту попытку коротким движением руки.

— Знаю, знаю. Ты обеспечиваешь секретность. Но ты можешь дать гарантию, что твои орлы выловят *всех*, — он опять выделил ключевое слово, — шпионов? А вдруг немцы все-

таки узнают о наших передвижениях?

— Товарищ Сталин...

— Не перебивай. А вдруг они решат не дать нам сосредоточиться и нападут не двадцать второго, а пятнадцатого? А? И на что тогда годится его самая главная, как он считает, информация? И заметь, чем мельче детали, которые мы от него узнали, тем вероятнее они не будут соответствовать тому, что произойдет здесь.

— Так что же, все, что мы от него узнали, — все это бесполезно? — Лаврентий Павлович явно был ошарашен таким поворотом разговора.

— Не все, — мрачно-задумчиво возразил Сталин, посасывая давно потухшую трубку. — Нет. Не все.

Сравнительные испытания, проведенные в 1941 году, показали, что «Т-34» уступал основному на тот момент немецкому танку по таким важным показателям, как скорость по проселку, обзор и условия работы экипажа. Что же касается надежности — то с ней у советского танка дело обстояло совсем плохо. Неудачная конструкция воздушного и масляного фильтров, неверный выбор передаточных чисел коробки перемены передач — все это приводило к тому, что небоевые потери машин были просто ужасающими. Без сомнения, эти недостатки могли быть исправлены — но времени уже не было. Несмотря на формальное превосходство по тактико-техническим характеристикам, советские танки уступали машинам панцерваффе, что имело поистине роковые последствия.

Пелед. «Красная Броня». Латрун, 1960

После отгремевшей, классической майской грозы воздух был, выражаясь высоким штилем, сладостен. Запахи солярки, выхлопных газов и кисловатая нота сгоревшего пороха воспринимались как приправа, оттеняющая вкус весны. Солнце грело уже почти по-летнему, от вдребезги разбитых танками колея поднимался легкий парок. Гроза была мощной, но короткой, и глина, хотя и продавливалась под сапогами, к подошвам не липла — идти было несложно.

— Вот они, красавицы! — Начальник кубинского^[4] испытательного полигона полковник Романов похлопал по наклонной броне одну из двух стоявших рядом с дорогой «тридцатьчетверок». Танки действительно были красивы. Была в них этакая грозная стремительность, поджарая мощь. Сталин подошел поближе, ему тоже хотелось похлопать машину по бронированному боку, но он сдержался.

— Красавицы — это хорошо, — задумчиво произнес он, задрал голову и осматривая трехдюймовую пушку, грозно уставившуюся в мишенное поле, — в красивой машине и воевать приятно. Как, товарищ капитан, — обратился он к командиру одного из экипажей, не обращая внимания на свиту из высоких автобронетанковых чинов, — приятно на этой машине воевать?

— Так точно, товарищ Сталин! — гаркнул капитан. — Броня — отличная, двигатель — зверь, броня... ну она и есть броня!

— Зверь, говорите... — Сталин на улице не курил, так что походить взад-вперед с трубкой он не мог. Из-за этого чувствовал он себя немного не в своей тарелке, чем, в значительной степени, его кремлевское и дачное затворничество и объяснялось. — А скажите, товарищ...

— Ивасев! Капитан Ивасев, товарищ Сталин!

— А скажите, товарищ Ивасев, часто ли этот зверь... выходит из строя?

Из бравого капитана как будто слегка стравили воздух.

— Бывает... товарищ Сталин.

— Бывает, говорите, — вождь повернулся к группе генералов и полковников, сбившихся

в тесную кучу в преддверии очередной грозы, теперь уже — совсем не погодного характера. — Товарищ Федоренко! Так как у этих... зверей... с надежностью?

Генерал-лейтенант, начальник автобронетанкового управления РККА замялся. Докладных на самый верх по поводу недостаточной надежности новой техники он настроил немало, и Сталин с его повышенным вниманием к техническим вопросам пропустить их не мог. Но, видимо, требовался показательный разнос, и его придется выдержать.

— Не очень хорошо, товарищ Сталин. Ресурс дизелей, к сожалению, недотягивает даже до ста часов. Коробка перемены передач тоже временами выходит из строя. По прямому указанию Автобронетанкового управления РККА вот эти машины, взятые непосредственно с серийных заводов, — он сделал широкий круговой жест в сторону замершего в отдалении десятка не столь парадно выглядевших «тридцатьчетверок», — в настоящее время проходят ресурсные испытания.

— В настоящее время, — сварливо заметил Сталин, — они стоят на месте. Или вы остановили испытания ради... высокого начальства? Или испугались дождика?

— Никак нет, товарищ Сталин! Испытания проводятся в любую погоду.

— Так проводите! — Вождь раздраженно махнул рукой. — Какой, вы говорили, у этих машин средний межремонтный пробег?

Федоренко ничего не говорил о пробеге. Он о нем писал в докладной записке, но спорить со Сталиным было невозможно.

— Сто-двести километров!

— Так сто или двести? — Вопрос был риторическим. — Вот что... товарищ генерал-лейтенант. Какова длина этой... дороги? — Он указал на измочаленную гусеницами трассу.

— Пять километров, товарищ Сталин, — встрял начальник полигона. Сталин посмотрел на него с неудовольствием, но не более того.

— Пять километров. Значит, двадцать кругов. Надеюсь, машины полностью заправлены? Сколько времени займет прохождение этой дистанции?

— Около семи часов.

— Семь часов... — Сталин задумался. — Хорошо. Пусть будет семь. Через семь часов мы вернемся сюда и продолжим разговор. Надеюсь, машины полностью готовы и заправлены? — И, после утвердительного кивка: — А пока проводите нас с товарищами конструкторами туда, где мы сможем поговорить. А вас, товарищ Андропов, — обратился он к порученцу, молодому и очкастому, которого лично вытащил из Карелии и которого гонял как Сидорову козу, — я прошу задержаться на полигоне и проконтролировать, чтобы возможные поломки устранялись без привлечения дополнительных людей и дополнительной техники. И представить отчет о ходе... пробега.

Уже в просторном кабинете, предоставленном начальником полигона, он закурил и прошелся вдоль Т-образного стола. Военные и конструкторы сидели, отслеживая перемещения синхронным поворотом головы, готовясь к худшему. Иллюзий насчет надежности новых танков не питал никто.

— Товарищ Морозов, — наконец обратился Сталин к главному конструктору харьковского КБ, — а как вы считаете — сколько танков встанут на этом отрезке?

— Думаю, два или три.

— То есть двадцать или тридцать процентов потерь на стокилометровом марше? Полагаю, немцам, — все переглянулись, — немцам при такой работе наших конструкторов и

инженеров просто нет нужды усиливать противотанковую артиллерию. Зачем? Мы и сами справимся, — напряжение несколько спало. Пусть и намекнув на пособничество вероятному противнику, Сталин сказал «мы», а значит, поиска виновных пока не будет, а будет поиск путей выхода из неприятной ситуации. Не следует, правда, забывать ключевое слово — «пока». — Что является главной проблемой надежности наших танков, товарищ Морозов?

— Двигатель и трансмиссия, товарищ Сталин. К сожалению, доводка быстроходного дизеля идет с очень большим трудом. Не только у нас, но и у авиационщиков. — Это Сталин знал. — Главные проблемы — точность изготовления деталей, системы смазки и топливная арматура. По последнему вопросу наметились небольшие сдвиги, но...

— По этому вопросу мы попросим высказаться товарищей Чупахина и Поддубного, — представители двигателистов встrepенулись, — но чуть попозже. А пока — что у вас с трансмиссией?

Разговор затянулся на пять часов. Референт подал Сталину папку с документами, откуда появились и доклады Федоренко, и результаты сравнительных испытаний «тридцатьчетверки» с немецким «Pz III» (надо сказать, отнюдь не в пользу советского танка), и отчеты промышленников. Взорвался вождь только однажды — когда кто-то из танкистов предложил вместо явно неудачной машины, первого блина в своем роде, форсировать разработку глубокой модификации — «Т-34М». Сталин ехидно поинтересовался у того, согласен ли он, случись война раньше сорок второго, идти в бой на деревянном макете.

Уже в сумерках все вернулись на полигон. Небо окончательно очистилось, но от давешней свежести не осталось и следа. Десяток месяцев глину танков воздух не озонируют.

Оставленный Сталиным для наблюдения порученец ринулся было с докладом, но тот раздраженно махнул рукой — потом, мол. Действительно, картина говорила сама за себя. Колонна укоротилась раза в полтора — семь машин, раскачиваясь на буграх и ухабах, подползали к площадке, одна стояла в пятидесяти метрах от дорожки, экипаж, откинув кормовой лист, ковырялся в железных кишках. Еще два танка виднелись поодаль.

— Ну что ж, товарищ Морозов, вы оказались правы. Именно три машины. Но на вашем месте я бы гордиться не стал. Вам все понятно, товарищи? В общем, так. Заказы на американские или немецкие станки прошу представить во Внешторг завтра. Мы обеспечим этим закупкам максимальный приоритет. До их прибытия на заводы — изыскивайте внутренние резервы. Вводите на особо дефицитных станках трехсменную работу — уже ввели? — ну, упрощайте технологию — что угодно. Товарищ Андропов, — Сталин сделал широкий жест в сторону порученца, — прикомандируется к вам для оказания всей необходимой помощи по линии ЦК. Но учтите — ровно через месяц, десятого? Да, десятого июня, ровно эти же машины с новыми двигателями и прочим оборудованием... и еще, пожалуй, столько же случайно выбранных серийных машин. Да. Эти двадцать машин должны будут проехать без единой поломки как минимум двести километров. И если вы, товарищи инженеры, не сможете этого обеспечить — это будут обеспечивать... другие люди. Вам все ясно?

Разумеется, всем все было ясно. У двигателистов с тридцать девятого вообще работал «второй состав», и куда делся первый, долго думать было не надо. Правда, говорят, в московское КБ вернулся из «шарашки» его основатель Чаромский. Вообще, в инженерной среде много кто в последние дни вернулся. Второй шанс, так сказать, он же — последний.

И протеста такое возможное развитие событий ни у кого не вызывало. В конце концов,

три сломавшихся танка из десяти говорили сами за себя. Что же, Сталинской премией за такой результат награждать? Ладно, хоть месяц дали. За месяц должны успеть.

Слегка недоумевал только капитан-охранник. Садясь в любимый «Паккард», вождь, не обращаясь ни к кому конкретно, пробормотал: «Лучший танк войны. Шутник хренов». Какой танк подразумевался и кто был этот загадочный шутник — непонятно. Впрочем, капитан забыл эту странную фразу уже на следующий день.

Только представьте — в Германию через Брест идут эшелоны с хлебом, в «Правде» прославляются гитлеровские успехи, а в Западный военный округ ни с того ни с сего на смену генералу армии Павлову прибывает генерал армии Жуков. Зачем? Почему?

Непонятно.

Непонятно до той поры, пока мы не посмотрим — а чем же был знаменит Жуков к тому времени? А вот чем. В августе 1939 года Жуков провел блистательную операцию по окружению и разгрому 6-й японской армии в монгольских степях. Это был первый в XX веке сверкающий образец настоящего блицкрига.

В. Трезвон. «Освобождение». Женева, 1984

Два генерала армии — Георгий Константинович Жуков и Дмитрий Григорьевич Павлов — стояли друг против друга по разные стороны стола. Несмотря на формальное равенство в званиях, определить начальника и подчиненного можно было с полувзгляда — Жуков, опершись на столешницу, буравил тяжелым взглядом лысину Павлова, а тот с опарашенным видом бегал глазами по дрожащему в руках листу бумаги.

— Есть сдать округ и поступить в ваше распоряжение!

— Отлично. Приказываю вам после сдачи дел отбыть в Белосток и принять Шестой мехкорпус у генерал-лейтенанта Хацилкевича. Вот предписание Хацилкевичу отбыть в распоряжение Наркомата обороны. В течение трех суток представить рапорт о состоянии дел. Особое внимание уделить степени подготовки личного состава и техническому состоянию матчасти. Проверю сам.

— Разрешите забрать личные вещи и идти?

— Разрешаю!

Личных вещей у Павлова было немного. Сборы заняли не больше пяти минут. Под конец Павлов открыл сейф, достал из бронированного нутра бутылку коньяка и, с некоторой даже демонстративностью, затолкал в портфель. Откозырял и пошел к двери.

— Товарищ генерал армии! — Голос Жукова был резок. — Советую вам быть поумереннее... с личными вещами. Мне приказано приготовить округ к возможным в ближайшее время боевым действиям. Любыми средствами. И если я увижу, что вы проводите время не во вверенных вам войсках, а за бутылкой, я лично прикажу вас расстрелять. Вам понятно, товарищ генерал?

— Так точно. Разрешите идти?

— Идите.

Павлов вышел в коридор и прислонился к стене. В глубине души он осознавал, что произошедшее было справедливо — пожалуй, он действительно не справлялся с управлением гигантским хозяйством Западного Особого округа. Но все равно — и само смещение, и то, что на его место пришел его удачливый соперник по зимней игре Жуков, и жесткость самого Жукова — явно санкционированная свыше — показывали, что за расстрелом, в случае чего, дело действительно не станет. Может быть, Павлову стало бы

легче, если бы он узнал, что настроение Жукова тоже было не слишком радостным.

Уже знаменитая в РККА командно-штабная игра, на которой он, командуя «синими», раздраконил «красного» Павлова в пух и прах, теперь обернулась прямо противоположной стороной.

Это великий гроссмейстер Алехин мог себе позволить, загнав противника в безвыходное положение, развернуть доску и повторить экзекуцию. Жуков такие экзерсисы не любил. Пусть ситуация и не была прямо зеркальной. Да, за месяц-полтора можно многое подготовить, но прошлогодний разгром немцами Франции оптимизма не прибавлял. Противник был умелый, настойчивый, да еще и набравшийся с тех пор дополнительного опыта.

Встать в глухую оборону? Отвести войска на «линию Сталина», покусывая немцев в предполье? Ну стояли французы в обороне на линии Мажино чуть не год. Толку? Сконцентрируют войска там, где им удобно, благо, что с коммуникациями у них все в порядке, и проломают, как бывало уже не раз. Тем паче что «линия Сталина» французской системе укреплений, мягко говоря, уступала. Да и достроена толком еще не была.

Единственный способ — подрезать немецким танковым клиньям фланги. Благо, мехкорпуса в подчинении имеются. Но смогут ли вояки вроде того же Павлова (да что греха таить — и его самого, немцы — не японцы, ох, не японцы) грамотно провести такой контрудар? Если совсем уж честно, по гамбургскому счету — не смогут. И не в одном Павлове дело. Командиров в звеньях от взвода до дивизии с боевым опытом — раз-два и обчелся. А у немцев — как бы не больше половины.

Значит — гонять всех, гонять до седьмого пота. А это — время и моторесурс. А что того, что другого почти и нет.

Жуков вздохнул, опустил в еще теплое после предыдущего хозяина кресло. Из почти такого же, как у Павлова, портфеля — со стальной сеткой внутри и цепочкой, которой его цеплял к запястью жуковский адъютант — мелкомасштабную карту.

Черт его знает, откуда Берия эту карту нарыл и почему лично Сталин придавал ей такое значение. Карта вскрывала лишь самый общий замысел немецкой операции в полосе ЗапОво — сходящимися ударами окружить советские войска в районе Белостока и далее, опять же двойным охватом, взять Минск. Хороший план, и вполне в стиле немцев. Он сам в январе спланировал наступление за «синих» почти так же.

В принципе, зная замысел врага, этот план можно было парировать — но было несколько проблем.

Во-первых, как лично Берии, так и его «источникам в немецких штабах» Жуков, как и любой нормальный военный, не доверял. Штабы рисуют массу всяческих карт, и впарить чужой разведке один из проработанных (а потому правдоподобных), но отвергнутых вариантов, было проще простого.

Во-вторых, план был составлен в расчете на нынешнее размещение советских войск. А устрой Жуков передислокацию — и направления немецких ударов будут совсем другими. А уж как быстро немцы умеют менять планы и как они могут организовывать танковые удары в самой, казалось бы, неподходящей местности — показала та же прошлогодняя французская кампания. Вот уберет он войска из Белостокского выступа — так с Браухича или Гальдера станется устроить повторение Арденн. Лови их потом по тылам.

В общем, с кондачка решать было нельзя. Дико захотелось курить — впервые с тех пор, как пять лет назад бросил.

— Воротников! — Адъютант возник на пороге, как чертик из табакерки. — Давай сюда свои папиросы!

Адъютант, может, и удивился, но виду не подал — достал почти полную пачку «Казбека», положил на стол. Жуков открыл крышку, достал папиросу. Понюхал... и треснул кулаком по столу. Один, понимаешь, коньяк вместе с секретными документами хранит, другой вон в табачище утешение искать пробует. А немцы ударят? Тоже напьешься, Георгий Константинович? А если действительно вломят нам, как в семнадцатом — по примеру балтийских матросиков на кокаинчик перейдешь? А вот вам хрен, товарищ генерал армии! Открыл дверь, поманил адъютанта, сунул пачку ему назад.

— Убери. И чтобы я больше этого не видел. — Может, адъютант и на этот раз удивился, но виду не показал. — И давай ко мне начштаба и начальника разведки.

*Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!
Из тысяч грозных батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!*

Музыка Т. Хренникова, слова В. Гусева

Выпускные экзамены в Острожском Артиллерийском Училище прошли на две недели раньше срока. Молодые лейтенанты весь день после выпуска, а потом и всю следующую ночь гуляли (большинство — шумными молодецкими компаниями, ну а кто успел обзавестись — наособицу, с девушками), пользуясь временным снисходительным отношением комендантских патрулей. Постоянный состав училища — преподаватели, бойцы и командиры батальона обеспечения учебного процесса — отдыхали.

Старший сержант Фофанов сидел в Ленинском уголке за очередным письмом в Некрасовку.

Вообще, письмо родственникам в деревню — отдельный жанр эпистолярного искусства, подчиняющийся строжайшим канонам. Не менее строгим, чем японские хокку, только длиннее, значительно длиннее. Сначала передаются приветы родне — по четко выверенной табели о рангах. Затем — непременно поинтересоваться важнейшими для крестьянина вещами — погодой, состоянием скотины и прочего хозяйства. И уже потом — пара предложений по делу.

«И еще прошу вас, батя, сообщить Кольке Гостеву, что ежели он еще до Тани Семиной приставать продолжит, то я-то, как в октябре с Армии приеду, руки-ноги-то ему повыдергиваю. А маманю, будьте любезны, обнадежьте, что с Танюшей у нас слово крепкое, так что вертихвостки городские мне вовсе неинтересные, и пусть не беспокоится».

Василий задумался. Вообще-то, по деревенским меркам, это было слишком уж в лоб — но армия, как ни крути, приучает любого командира, хотя б и младшего, к точному и четкому выражению мыслей. Да и чего елозить? Что с Танькой они поженятся — это обсуждению не подлежало, они-то сами еще до Васькиного ухода в армию все порешили, а семьи сговорились уж после его приезда в отпуск, даже место под дом молодым близ МТС присмотрели. Василий замечтался. Ненадолго.

Неожиданно в коридоре, ведущем к кабинетам комбата, канцелярии и прочему начальству (от которого, по старой армейской мудрости, следовало держаться подальше), послышались голоса. Причем тон этих голосов не предвещал ничего хорошего — разговор шел на повышенных тонах, с использованием специфических выражений. К этим выражениям, к слову, воспитанный в патриархальной строгости Василий так и не привык. Не принято это у них в деревне было. Но армия — монастырь серьезный, а помимо писаных уставов в ней и неписаных хватает. И «командно-матерный» в одном из таких неписаных чуть не от Петра заведен. А полминуты спустя он понял, что дело вообще дрянь, и ему лучше всего забиться в уголок и не попадаться на глаза — один из голосов принадлежал командиру его батальона, а другой — самому начальнику училища.

— Товарищ полковник! Ну невозможно это! Мало того что одно училище делят на два, так что мне придется половину народу в новое училище отдать, так еще и в эти хреновы два полка нужно людей выделить! Что я их — лично рожу?

— Родина прикажет — родишь. Или еще где найдешь. Думаешь, капитан, мне легче? Ты хоть бойцов и младших командиров отдаешь. Бойца ты за три месяца выдрючишь. Сержанта — за шесть. Вон, Фофанова выучил — хоть сейчас на Особый отдел ставь (ну да, как ни прячься в темный уголок — а глаз у полковника алмаз), — его я, кстати, у тебя забираю.

— Това-арищ полков... — Голоса уже удалились, но по вечерней тишине полупустого здания слышно было все одно прекрасно.

— Товарищ капитан! За-аткнись, раз-два! Ты что, кошкин сын, думаешь — это, млять, моя блажь, личная?! Это, млять, приказ с самого верха. И мы с тобой эти два артполка сформируем, только облежавшихся на радостях лейтенантов из-под заборов соберем. А потом еще и поделимся пополам. Как эти... Абёмбы. В общем, так. С военкоматами согласовано. Личный состав к тебе пойдет с послезавтра. А ты их будешь делить на четыре половины. И только попробуй проволынить — поставлю вместо мишени и буду на тебе третий курс тренировать по ускоренной, меть ее в чересполосицу, программе. Пополнение на полигоне будешь в три смены гонять. По ходу, им завтра-послезавтра воевать придется. Все понял?

— Так точно, товарищ полковник! Разрешите обратиться?

— Ого, чего-то тебя на устав потянуло. А то матерился не хуже меня. Догадываюсь — в полк будешь проситься?

Капитан стусевался и вздохнул.

— А вот те шиш, товарищ капитан. Ускочете все в войска — кто мне будет новых Ванек-взводных натаскивать? А натаскивать их надо хорошо, а то немец из них гуляш сделает. — И уже тихо, так, что Василий еле разобрал: — А немец, собака серая, вояка серьезный. Еще по германской помню. Ладно, отставить лай. Закуривай. Будем думать, как нам три рубля с гривенника наменять.

*Кадры решают все.**И. В. Сталин*

Генерал-майора Власова трясло. Трясло и снаружи (переделанный в пассажирский транспорт бомбардировщик «ТБ-3» попал в болтанку), и изнутри. Причем дело было вовсе не в том, что, несмотря на жаркое лето, на высоте было прохладно.

— Мы, товарищ Власов, знаем вас как полностью преданного делу Партии коммуниста и настоящего патриота. Мы ведь не ошибаемся, правда? Я так и думал. Кроме того, мы уверены, что вам по силам труднейшие организационные задачи. Думаю, ваших талантов достаточно, чтобы практически на пустом месте, из... не совсем качественного материала создать целую армию. И в вашем умении находить общий язык с... самыми разными людьми мы тоже уверены, — пристальный взгляд недобрых желтых глаз. — Поэтому мы решили поручить вам одно очень трудное и очень ответственное задание.

Приказом наркома обороны товарища Тимошенко вы направляетесь на Дальний Восток. Там вы поступите в подчинение командующего Дальневосточным военным округом товарища Апанасенко. Видите ли, товарищ Власов, — снова желтый тигриный высверк из-под бровей, — существует серьезная опасность войны с гитлеровской Германией. В этой войне нам понадобятся все резервы, которые мы сможем подготовить, перебросить... да хоть украсть. Соответственно, часть войск Дальневосточного военного округа может понадобиться на западе. С другой стороны, не стоит вводить в искушение наших японских соседей. Не простят. Поэтому взамен перебрасываемых войск вам предстоит одновременно формировать новые части на месте, опираясь исключительно на местные ресурсы. И тщательно готовить их, да. И мы уверены, что это у вас получится. Вылет — послезавтра, в восемь ноль-ноль, с Центрального аэродрома. Вы же не заставите нас жалеть об оказанном вам доверии? Товарищ Берия, вы ведь позаботитесь, чтобы генерал обязательно долетел до места? Мы очень рассчитываем на его... организационные таланты.

От воспоминаний генерала опять передернуло. Он поглубже закутался в овчинный тулуп, нашарил в кармане фляжку с коньяком и сделал несколько глотков. Несмотря на повышение в должности, несмотря на вроде бы похвальные характеристики Сталина, ему почему-то было страшно.

Последняя перед Хабаровском промежуточная посадка была под Читой. Пока техники проверяли самолет и заливали бензин, Власов вышел размяться. Адъютант, которого он, как и в прошлые разы, отправил за коньяком, рысил от здания аэровокзала с озабоченным видом.

— Коньяка нет, товарищ генерал!

— Как нет? — Власова охватил пьяный гнев. — Сейчас я им...

Коньяк у толстой буфетчицы рожаться категорически отказывался — хоть сам Буденный на нее ори. Не завезли. Берите водку.

— Ахх... Мать! — Пьяная злость куда-то ушла, сменившись пьяной же безнадежностью. — Дайте две!

Когда самолет благополучно приземлился в Хабаровске, генерал был настолько «не в

себе», что адъютанту и шоферу пришлось тащить его до машины на плечах.

А вот Никита Сергеевич Хрущев был трезв, но обескуражен. Свой перевод с партийной работы на хозяйственную он справедливо расценивал как понижение. Ну еще бы — с должности Первого Секретаря ЦК ВКП(б) Украины — на должность всего лишь начальника треста у черта на куличках. Да еще какого треста — «Дальстрой»! Основная рабочая сила — колымские зэка.

За что?!

Ну понятно, почему товарищ Сталин снял с Госплана Вознесенского. Это ж надо — возражать Вождю в таком вопросе! Партия всегда права, и, если Сталин говорит, что война будет, — долг каждого коммуниста взять под козырек и выполнять распоряжения! А Вознесенский начал бубнить про уборочную, про нехватку техники, про неизбежный срыв пятилетнего плана. Ну и полетел с поста. Если его скоро арестуют как саботажника, удивляться будет нечему. Сам виноват.

Но он-то! Он-то никаких отклонений от линии Партии не допускал, с вредителями, саботажниками и врагами народа боролся беспощадно, что в Москве, что на Украине. Все возможные показатели всегда были в ажуре. Ну почти всегда. Издевательские нотки в похвалах Сталина — за это самое, за борьбу с подрывными элементами — он уловил прекрасно. Направляя проштрафившегося (устроенный ему на заседании Политбюро разнос казался ему явно не соответствующим озвученным упущениям) руководителя в Магадан, тот посоветовал ему беречь контингент. «Пусть это враги народа, но это ведь наши люди. Нам нужно, чтобы, отбыв срок, они осознали свою ошибку, а не прониклись ненавистью к Советской Власти. Нужно, чтобы после нашей смерти нас с вами запомнили не сатрапами, а строгими, но справедливыми руководителями. Мы дадим вам полномочия — подавать по тем делам, по которым вы считаете нужным, апелляции. Кого можно, по кому ошиблись — реабилитируем. Но учтите, товарищ Хрущев, за выполнение плана мы с вас будем спрашивать. Стране нужно золото, стране нужен лес. Особенно в такое тревожное время». Хрущев подозревал, что со стороны Хозяина это была какая-то непонятная ему шутка. А чувство юмора у него было... своеобразным. Но не выполнить приказание Сталина, да еще после понижения, было невозможно. Последствия были совершенно предсказуемыми — на его уровне и второй-то шанс был редкостью. А уж третий...

И что прикажете делать? Устраивать врагам народа санаторный режим? А план? Тем более что и так значительную часть контингента — бывших военных, инженеров и квалифицированных рабочих — в массовом порядке сдергивали, освобождая условно-досрочно... Оставались сплошь урки да шпана, а эти, пожалуй, наработают... У них другие навыки.

— Эй, дядя! Закурить не найдется?

Доктор не сразу понял, что обращаются к нему. Тяжелый день, умерла пациентка. Обернулся. Двое в кепочках-восьмиклинках стояли за самой спиной.

— Извините, я не...

— Котлы сымай, фраер! И лопатник гони. Не дергайся, дядя, это не больно! — Холодный блеск стали в свете далекого фонаря.

— Что вы... Милиц... — Вскрик перешел в стон.

— Малек, ушлепок! Ты чего накосячил! Честный гоп-стоп на мокруху перевел!

— Дык, дядька Фомич! Он же мусарню звать стал!

— И что? Кирпичом по темечку, слегонца, шоб кони не двинул, и вся делов. А ты, придурок, нас под мокрую статью подводишь. Так, сымай ходунцы, бери лопатник — и ходу! Придется на дно на пару недель залечь. Навязался на мою голову, дяр-рѣвня.

Две тени скрываются в проходном дворе, а через пару минут подворотню оглашает заполошный бабский вопль: «Мили-ци-яяя!!! Уби-илиии!!!» — и трели свистка.

Состояние танкового и тракторного парка парка РККА к июню 1941 года также можно было назвать ужасным. Более половины танков и артиллерийских тягачей нуждались в ремонте. Согласно документам, захваченным германскими войсками в Западном военном округе, среднего и капитального ремонта требовали 80 % арттягачей, а при текущем темпе ремонтных работ приведение их к исправности могло быть закончено не ранее ноября 1943 года.

Д. Пелед. «Красная Броня». Латрун, 1960

— Повторите пожалуйста, товарищ военинженер первого ранга? Вы, случайно, парой лет не ошиблись?

— Никак нет, товарищ генерал-майор! При существующем темпе поставки запчастей отремонтировать все неисправные трактора мы сможем не раньше конца сорок третьего года. При этом дефицит грамотных механиков имеет второстепенное значение, хотя, конечно, тоже оказывает влияние.

— Какой, набуй, дефицит! Какие, набуй, запчасти! Вы понимаете создавшееся положение? Все, я подчеркиваю, все средства мехтяги округа должны быть в полной исправности не позднее четырнадцатого июня! Если вы не сможете этого добиться — пойдете под трибунал! А я буду таскать артиллерию на собственном горбу, чтобы меня самого не расстреляли к гребням!

— Если трибунал сможет обеспечить нам запчасти — можете отдавать меня хоть сейчас, товарищ генерал.

— Да я... Да ты...

— ... Только ни форсунок, ни поршней, ни компрессионных колец трибунал нам не обеспечит. А без этого — хоть весь округ можно отправлять лес валить. Святым духом трактора все равно не поедут. Поэтому прошу срочно подать заявку в ГАБТУ, — военинженер положил на стол пухлую картонную папку. — При условии поступления запчастей не ниже этого минимума и не позднее, чем через неделю, я гарантирую восстановление семидесяти процентов находящихся в ремонте тягачей к указанной дате и еще десяти процентов — через неделю, к двадцать первому. Правда, оставшиеся проценты придется разобрать на запчасти. И еще — мне нужны будут люди, желательно — механики-водители из строевых частей для усиления личного состава ремонтных подразделений.

— Механиков не дам, — толстый генерал-майор постепенно успокаивался, багровая окраска шеи постепенно сменялась нормальной, розовой, — и не проси. У танкистов у самих жопа в мыле — латают свои лоханки. Это точно самый что ни на есть минимум? — помахал он листами из папки.

— Самый минимум, меньше некуда.

— Тогда вот что. Увеличь все цифры в два раза и мухой ко мне. Я этих зараз знаю — больше половины ни за что не дадут, удавятся.

Военинженер, ни на секунду не изменившись в лице, расстегнул аккуратный портфель и достал еще одну папку, точно такую же, как и первая.

— Вот, товарищ генерал-майор. Тут все цифры ровно вдвое больше. Ну и еще кое-что, по мелочи.

— Хите-ер, — генерал сличил цифры в обеих папках, затем вернул первую. — Корзун!

Дверь в кабинет распахнулась, молодой очкастый воентехник, дожевывая что-то второпях, встал перед генералом, как лист перед травой.

— Значит, так, — генерал поставил на одном из листов размашистую подпись, — дуй на аэродром, самолет уже подготовили? Отлично. Вылетаешь в Москву, в Управление. Командировку оформишь. Хоть в лепешку расшибись, хоть адъютанта начупра коньяком подкупай — но вот это должно лежать на столе у Федоренко не позже завтрашнего дня. Доложишь: если запчастей здесь через три дня не будет — артиллерию, случись что, сможем катать только на руках. Когда Федоренко подпишет — проследишь, чтобы все было получено и отправлено сюда. — Хоть машинами, хоть тем же самолетом вози, но чтоб к шестому — было. Понял?

— Так точно! Разрешите идти?

— Не идти, едрить! Бежать! И без запчастей не возвращайся.

— До революции в этом здании располагалось страховое общество «Россия».

— А теперь тут «Госстрах»?

— Нет, «Госужас».

Антисоветский анекдот 30-х годов

В коридорах печально известного здания на Лубянке жизнь кипела круглосуточно. А с недавних пор интенсивность этого кипения подскочила еще больше, так что даже ночью подтянутые и не очень, молодые и повидавшие жизнь офицеры госбезопасности сновали между кабинетами с отдельными листочками, папками и целыми мешками для документов.

Лейтенант ГБ Валдис Оттович Прунскас, недавно откомандированный из состава своего отдела в непосредственное подчинение Наркома внутренних дел, засиделся даже не допоздна, а до утра. Аналитическая записка по кампании сорок первого года шла очень тяжело — чертов «Паук» военным не был, знания у него были в основном книжные, а уж что в тех книгах понапридумывали...

Причем в основном теории — от подготовки внезапного нападения на Германию шестого июля до поголовного предательства генералов. Процессы тридцать седьмого — тридцать восьмого Прунскас застал в самом разгаре, так что цену такой теории тоже понимал прекрасно. Как и теории об авантюре с ударом по Гитлеру.

Почти все конкретные данные из читанных им мемуаров «Паук» позабывал, а в архивах и вовсе в жизни не работал.

В общем, зерна от плевел отделялись с трудом, фактически удалось в общих чертах расписать только ключевые точки — Брестская крепость, сдача Минска, блокада Ленинграда, Киевский котел, оборона Одессы, бои под Вязьмой, Крым... Ну и Московская битва, конечно. То, что в школе изучали, не иначе.

Ни номеров дивизий, ни наших, ни немецких, ни сил противника, ничего. Редкие персоналии — из наших в основном Жуков, Рокоссовский и якобы расстрелянный Павлов, из немцев — фон Бок на севере и Гудериан под Киевом и Москвой.

Ну и что, скажите на милость, представлять наркому? Даже после сличения его показаний с разведсводками и данными о собственных частях картина получалась мутноватой. Эх, этого бы Чеботарева — да во внутреннюю тюрьму, да простимулировать как следует его дырявую память... А нельзя.

Лейтенант потянулся, длинно, с хрустом. Нет, на сегодня все. Нарком в Свердловске пасет ученых, раньше понедельника его не будет. Впереди еще целые сутки, надо выспаться. Встал, оборвал с календаря последний майский листочек. Да, поджигает время, поджигает.

Переодеваться в штатское, что строжайше предписывалось при выходе в город вне службы, Прунскас пока не стал. Сначала следовало посетить уборную, а ходить по коридорам управления в штатском он не любил. «Глядишь — перепутают» — шутка для посвященных. Убрал все материалы в сейф, приклепнул пластилиновую пломбу личной печатью.

Не успел он выйти в коридор, как увидел почти бегущего навстречу сержанта ГБ

Залетина. Залетин был прикомандирован к нему в качестве помощника, но в курс дела посвящен не был — запрещено строжайше. Так, подай-принеси-собери материалы.

— Товарищ лейтенант!

— Что-то срочное?

— Так точно. Вы приказали отвезти цветы в роддом... Надежде Юрьевне, стенографистке.

— Отвезли?

— Товарищ лейтенант госбезопасности! Сегодня... Нет, уже вчера Надежда Юрьевна Карпова умерла родами. Ребенка спасти удалось.

— Что?! Черт.

— В управление кадров я уже сообщил. Организацией похорон они займутся.

— Ясно. Плохо, очень плохо. И Надежду жаль. Кто принимал роды?

— Профессор Буткин, товарищ лейтенант. Один из лучших акушеров Первой Градской.

— Вы с ним разговаривали?

— Нет, товарищ лейтенант. Он уже уехал.

— Возьмите машину и доставьте его сюда. Немедленно.

— Есть, товарищ лейтенант! — Залетин рысью помчался вдоль коридора. Так, переодевание отставить, а вот до уборной дойти надо. Вряд ли профессор живет где-то на окраине, по ночной Москве Залетин доставит его за час. Ох, и перетрусит светило медицины. И хорошо. И дело не только в том, что Прунскас был зол на врача, по чьей вине, возможно, он лишился ценного работника. Просто все, что касалось Особой Аналитической Группы при Наркомвнуделе, автоматически получало и особо важный статус. А тепленького профессора можно будет выжать досуха, и если он ни при чем — отпустить. Вряд ли он, конечно, знал, у кого принимает роды... И все же жаль, что не догадался дать сержанту команду доставить коновала с вещами...

Вернувшись в кабинет, Прунскас решил по ночному времени выпить кофе, благо запас из спецпайка еще был.

Скрежет телефона застал его на половине чашки.

— Прунскас у аппарата.

— Восемь-два-пять, Дольникова. Товарищ Прунскас, примите телефонограмму, — и, после стандартного обмена кодами: — В понедельник, второго июня, в двенадцать двадцать — окончательный доклад Борисову в его кабинете по операции «Река-один». Подпись — Медведев.

— Принято, — Прунскас повторил текст.

Ясно. И Борисов, и Медведев — псевдонимы Берии. Соответственно, записку по сорок первому нужно закончить завтра любой ценой. Ну это и предполагалось. Интересно, доложили ли уже наркому о смерти одного из сотрудников Особой Группы? В любом случае, полную информацию следует получить как можно раньше.

Информация не заставила себя ждать. Телефон опять скрежетнул, и срывающийся голос Залетина резанул уши:

— Товарищ лейтенант! Сегодня вечером профессор Буткин убит неизвестными около своего дома! Ножевое ранение в область сердца, одно. Милиция предполагает ограбление!

— Так. Сержант, приказываю вам прояснить ситуацию до мельчайших деталей. Затребуйте у милиции все подробности дела. Сами опросите свидетелей и семью покойного. Доклад представить мне. Срок — до шестнадцати ноль-ноль послезавтра.

Следователь положил трубку на рычаг и закурил. Все понятно. Все просто-таки кристально ясно. Идет зачистка посвященных в главный секрет Советского Союза исполнителей. Смерть одного из психиатров, наблюдавших «Паука» и записывающих по необходимости его, как тогда казалось, бред, казалась естественной. В конце концов, старикану было уже под шестьдесят, инфаркт, да еще после такого стресса, совершенно нормален.

И смерть роженицы, где бы она ни служила, сама по себе тоже ничего особенного не представляет. Но вот почти мгновенно последовавшее вслед за этим убийство принимавшего роды врача случайностью быть уже не могло. Слишком много получалось случайностей. А если приплюсовать арест и дальнейшее исчезновение двух следователей, пытавшихся расколоть «Паука» на признание в шпионаже и монархическом заговоре еще в Сибири — нет, слишком много для совпадения. А это значит...

Это значит, что следующий — он. И возьмут его не позже, чем на докладе наркомму.

Вообще говоря, его спасла галантность. С Надеждой Юрьевной было удобно и приятно работать, и он послал ей цветы по собственной инициативе. И в результате узнал о ее смерти, что, видимо, в планы Берии совершенно не входило. А значит... значит, у него есть шанс.

Идти под нож, как высокопоставленные бараны, которых он за свою карьеру насмотрелся, Прунскас категорически не хотел. Значит, бежать. Как этот... теоретик превентивного удара из ГРУ семидесятых. Ему было хорошо — из Швейцарии бежать на Запад намного легче, чем из самой столицы СССР.

Впрочем, как говорится, «кто что охраняет, тот то и имеет». Лейтенант Прунскас охранял государственную безопасность СССР. И собирался поймать ее во все известные ему (надо сказать, немногочисленные) дырки.

ПРАВИЛА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ, в СССР социальные нормы, регулирующие поведение членов социалистического общества и направленные на создание обществ...

П. с. о. способствуют развитию социалистических взаимоотношений между людьми.

Толковый Словарь Русского Языка. Москва, 1936

«Современная война есть война маневренная. Появление в войсках бронированных боевых машин — броневедомостей и особенно танков, а также большого количества мощной и подвижной артиллерии позволяет современной армии прорывать самую прочную оборону с последующим охватом и разгромом противника, что и было показано Рабоче-Крестьянской Красной Армией под мудрым руководством товарища Сталина на Халхин-Голе и в войне против белофиннов»

Андрей закурил конец довольно дорогой — три рубля в коопторге — но неплохой авторучки. Двадцативаттная, максимум, лампа света давала мало, но хоть что-то. Да и комнатка-то, два на полтора, много и не надо.

По коридору за щелястой дверью протопали чьи-то нетвердые шаги — кто-то из соседей после обильных возлияний спешил добраться до койки. Завтра по гудку вставать, а опоздания тут, мягко говоря, не приветствовались. Нет, на нары-то не отправят (ужасы драконовского довоенного КЗоТа оказались сильно преувеличены перестройщиками), но рублем накажут так, что любо-дорого. Причем зарплата простого работяги не позволяла относиться к сему философски. Да, кстати, и пьянства было не в пример меньше, чем помнилось, скажем, с восьмидесятых. То ли корень у народа был покрепче, то ли беспроблемности поменьше — но большинство соседей по бараку после вечернего «моциону» неизменно возвращалось по клетушкам на своих двоих.

Андрей перечитал абзац. Так, вроде нормально. Товарища Сталина вставить не забыл, да и историю предвоенных конфликтов вроде еще помнил. Теперь — осторожнее. Как бы не загреметь за восхваление противника, да и Давида подставлять ох как неохота... Рискует комсорг, ох рискует. Поручить написание статьи даже в стенгазету вчерашнему зэку — это, знаете ли, надо смелость иметь нешуточную... Либо соответствующие указания, да.

Ладно, продолжим.

«Однако было бы ошибкой считать, что буржуазные государства не используют новейшие достижения военной мысли в вездущих ими войнах. К примеру, национал-социалистическая Германия использовала ударные танковые клинья и глубокий обходной маневр в боях прошлого года во Франции, что позволило германским генералам за считанные недели разгромить считавшуюся ранее сильнейшей в Европе французскую армию вкупе с британским экспедиционным корпусом»

Тоже нормально. Про немцев — вполне нейтрально. Все ж-таки на официальном уровне они нам пока друзья, иные мнения чреватые. Но писать о нацистах доброжелательно Андрей не мог. Совесть не резиновая.

За окном послышался пьяный гомон, очередная порция отгулявших возвращалась с

«культурного отдыха». Да, вот и хвали их, пролетариев тутошних. Тут же найдется добрая душа, коя тебя от розовых очков в айн момент избавит. Например, Леха Клязьмин — его фальцетный гогот небось и в Москве слышать. Точно, Клязьмин со своей кодлой. О тишине можно забыть часов до трех.

Так... А теперь совсем осторожно. Идем, товарищ дизайнер, по минному полю... Это вам не виндовый сапер, тут на желтую рожицу не нажмешь и игру не отресетишь... Куда ты полез, куда! Какого черта ты ввязался в эту затею с заметкой, сидел бы тихо... Хотя... Снявши голову, лить слезы по волосам — неконструктивно. Уж после беседы со Сталиным бояться какой-то заметки...

Кстати, о Сталине. Какого черта? Почему это некий гражданин Чеботарев вдруг оказывается на свободе, без явного надзора НКВД даже, а не лежит где-нибудь метрах в двух под весенней травкой? Ну или, в лучшем случае, на особо охраняемых нарах?

Известно, правда, что Вождь и Учитель нестандартные ходы зело любил, в смысле, любит, но тут уж случай больно стремный. На его б месте... Стоп, а ежели действительно — поставить себя на его место?

Для начала, человеколюбие и прочие сантименты категорически отмечаем. И не из-за пресловутого людоедства, просто не имеет руководитель гигантской страны права на такую роскошь.

То есть — расчет. Причем расчет дальний, стратегический. Ибо никаких тактических преимуществ в нахождении оного гражданина вне зоны прямого и жесткого контроля нет, напротив — геморроя не оберешься. Утечка информации, невозможность уточнения важных деталей — перечислять сутками можно.

Что же такого можно получить, наблюдая (а наблюдение есть, не может не быть!) за упомянутым гражданином в относительно свободной обстановке?

Загадка.

Разве что... Черт, да вот же оно! Именно — понаблюдать за объектом в свободной обстановке! Только зачем? Надеюсь, что буде объект аглицким шпиеном, тут же попытается удрать? Наивно. Штирлиц вон годами бутафорил. Не канает. Значит, все совсем просто — хочет товарищ Сталин посмотреть, что же этот самый гражданин Чеботарев из себя представляет.

А отсюда мораль. Угодать Сталину, корчить из себя пламенного коммуниста — без мазы. Расколется в момент. Значит... значит, просто будем делать, что должно — и японский бог нам в помощь.

Однако к заметке. Пишем, что думаем, но и думаем, что пишем. Черт, заткнулись бы эти певцы — достали воплями дурными, ур-роды!

«Как многократно отмечал товарищ Сталин, империалистическое окружение Советского Союза не остановится ни перед чем для того, чтобы уничтожить страну победившего социализма. И прямое военное нападение мировой буржуазии на СССР с целью полного уничтожения социалистического строя возможно и в конечном итоге неизбежно.

Следует учесть, что нападающая сторона всегда имеет важное преимущество — инициативу. Нападающий выбирает и место нападения, и удобное для себя время. Он имеет возможность сконцентрировать силы на удобных для наступления участках и обрушить всю свою мощь на защитников наших рубежей.

Нет сомнения, что армия трудового народа, вооруженная марксистско-ленинским

учением (во загнул! Так держать, Андрюха!), отразит подлое нападение (стоп! Чуть не написал «фашистских») захватчиков и водрузит Красное Знамя над поверженными городами агрессора. Но следует заранее подготовиться к отражению мощного первого удара вражеских армий.

Большевистская стойкость в обороне в сочетании с ударами по флангам наступающих вражеских войск, методическое уничтожение основной ударной силы противника — танков и авиации — станут залогом последующего перехода в наступление и полного разгрома врага»

Так. Вроде нормально. Будем надеяться, что НКВД держит новоявленного Кассандра на достаточно свободном поводке и репрессий не воспоследует.

Дурной ор пьяненькой компании на минуту притих и затем опять возник, уже в коридоре. Никак, баиньки собрались. Давно пора. За стенкой тихо выматерился разбуженный Нефедыч, что-то пробурчала его супружница.

Гогот и топот приблизились и начали было удаляться. Но, видимо, жажда общения перевесила, а полоска света из-под двери классово чуждого элемента была воспринята как приглашение. Дверь без стука распахнулась — щеколду Андрей накинута забыл, — и Леха Клязьмин возник на пороге, обводя комнатушку наглым, хотя и плохо сфокусированным взглядом.

— А! Тилихент! Не спится, бамть! — матерился Леха тупо и неизобретательно. Напоминал он шпану совсем иных времен, здесь искусство расцвечивания обыденной речи еще оставалось искусством, традиции балтийских матросов кануть в лету не успели. Пара Лехиных корефанов нетерпеливо выглядывала из-за спины.

— Закурить дал бы рабочему человеку, что ля... — Ну это знакомо, чай не в графском поместье росли. «Бить будут аккуратно, но сильно».

— А что, на свои не скопил? — Андрею было страшно, вроде и не то видел, но вот так уж устроен человек, в нештатной ситуации мандраж все равно пробирает. Что было — то уже прошло, а вот что будет... Но на обострение он шел сознательно — мордобоя не избежать, так хоть избавиться от тягостной предварительной разводки.

— От-те нате... Слышал, Сема? — Здоровяк Сема послушно закивал. — Чой-тс тилихенция больно некультурная пошла. Никакого почтения пролетарскому гегемону!

— Не уважаи-ит, — прогудел третий, его Андрей не знал.

— Ща, зауважает! — Забавы не получилось, злоба искала выхода. Размах был по-пьяному широк, так что Андрей успел отшатнуться, кулак просвистел мимо. Леху повело в сторону.

На свои рукопашные таланты Андрей не рассчитывал, так что сразу прибегнул к тяжелым предметам. Сосновая табуретка впечаталась в череп возле уха с неслабым треском. Отоваренный клиент начал оседать, но на этом везение кончилось. Сема по нетрезвости своей не успел проморгаться, но третий, незнакомый крепыш, ужом ввинтился в комнату мимо валяющегося предводителя и без замаха ткнул кулаком по не зажившим до конца ребрам. Андрей сложился, ожидая продолжения. Легкие свело судорогой, оставалось лишь хрипеть. Однако сквозь кровавый шум в ушах пробился гулкий, почти колокольный звон, и крепыш тоже вдруг с чего-то решил малость полежать.

С немалым усилием разогнувшись, Андрей в розоватом тумане увидел картину, достойную кисти Делакруа и Рубенса одновременно. Над поверженным супостатом в воинственной позе возвышалась Наташка Хромова, пафосом и одеянием копирующая

«Свободу на баррикадах». Вместо знамени в руке, правда, была чугунная сковородка с клеймом «Тульской Литейной Мануфактуры купца 2-й гильдии Х. Н. Синерылова», но впечатление это не портило.

Два тела на полу не шевелились, а третье, Семино, было приперто к стенке коридора невесть откуда взявшимся Давидом и еще одним комсомольцем, Славкой Иванченко из кузнечного. Тело блеяло, мекало и всячески пыталось доказать, что оно просто проходило мимо.

Наташка отшвырнула сковородку и бросилась к Андрею.

Через четверть часа натертый в районе пострадавших ребер гусиным жиром Андрей сидел на топчане, Наташка суетилась вокруг, обматывая пострадавший торс широкой тряпицей. Мелькающие перед носом пышные формы целительницы весьма успешно отвлекали от ноющей боли.

Леху с крепьшом подвалившие на шум члены комячейки выволокли на улицу и теперь, по всей видимости, учили нормам социалистического общежития. Давид в воспитательной работе участия не принимал, препоручив руководство процессом Славке. Он сидел на уцелевшей табуретке, изучая Андрееву статью. Черные брови сошлись на переносице, взгляд перемещался между листами и лицом Андрея.

— Ин-те-рес-но... — слово это комсорг произнес вразтяжку, выделяя каждый слог, — интересно. Серьезный подход. Да ты, я гляжу, вообще парень серьезный... — Он аккуратно сложил листы, запихнув их в карман пиджака, — ты... вот что. На стрельбище мы идем в пять, я тебя в список внесу. Если оклемаешься — подходи к заводууправлению.

Он встал, кивнул и вышел, аккуратно притворив дверь. Через минуту с улицы донесся его говорок, звуки, сопровождавшие воспитательную работу, стихли. Славка что-то бухнул на прощанье воспитуемым, и дружный скрип сапог начал перемещаться к соседнему общежитию.

Наташка полюбовалась на свою работу и вдруг охнула. Ну, понятно, с момента своего появления в стиле разящей валькирии времени обратить внимание на свое облачение у нее не было. За долю секунды покраснев, она что-то невнятно пискнула и вылетела в коридор, прикрывая руками мало скрываемые ночной сорочкой плечи. Сковородка осталась валяться рядом с обломками табуретки.

Посидев, откинувшись к стене, полминуты, Андрей с кряхтением перебрался к столу. Еле дотянувшись до пачки бумаги, придвинул ее к себе. Работа еще не закончена. К завтрашнему утру нужно было еще нарисовать по памяти хотя бы пяток силуэтов танков, состоявших в сорок первом году на вооружении иностранных государств.

Работа, однако, не клеилась. С трудом наметив контуры немецкой «трешки», уставился в темное окно. Обошлось удачно, это факт. Даже слишком удачно. Что-то подозрительно быстро появилась кавалерия в лице Давида со Славкой. Можно, конечно, объяснить это простым везением, но... Не верил Андрей в везение, в его-то ситуации. Энкавэдэшники просто обязаны были подстраховаться. Так что скорее всего Давид... Впрочем, ну и что? Человеческих качеств Давида гипотеза не меняла, а сам факт контроля выглядел совершенно естественным. Более того, такт подчиненных товарища Берии внушал уважение.

В дверь тихо поскреблись. Андрей развернулся и увидел смущенно заглядывающую в дверь Наташку.

— Я... Это... Андрей, можно сковородку забрать? — Наталья, несмотря на час ночи, была при полном параде. Ультрамодная полосатая футболка на шнуровке, расклешенная

юбка до середины икр, коса уложена соломенным венком, немного яркая, согласно времени, помада...

— Да ладно! Заходи! — Андрей улыбнулся. О так от, товарищи чекисты! Пока вы там раскочегаривались, така вот гарна дивчина успела уполовинить супостата! — Извини, забыл даже спасибо тебе сказать. Чаю хочешь?

Находясь в служебной командировке в США, использовал выделенную на закупки авиационной техники и оборудования иностранную валюту на покупку в личных целях электрического ледника «Генерал-Электрик» и автомобиля «Паккард».

Выписка из уголовного дела в отношении гр. Туполева А.Н.

Андрей Николаевич Туполев еще раз потрогал карман пиджака. Нет, справка о реабилитации никуда не делась. Более того, эта наглая скотина — ну а как еще относиться к Берии? — даже извинилась за своих сотрудников. Можно подумать, что сам он так, погулять вышел. Нет, ну представьте себе — авиаконструктор Туполев — враг народа, авиаконструктор Петляков — враг народа, авиаконструктор Поликарпов — дважды враг народа. Это что же получается — всю советскую авиацию создали враги?

Да и вновь обретенная свобода была несколько ограниченной. Ему дали два дня на встречу с Юленькой — а потом — в Сибирь, в Омск. Насколько это затормозит работы по «сто третьему», Туполев старался даже не думать. Проект и так рождался в муках. От первоначальной бериевской концепции тяжелого четырехмоторного пикировщика — каков бред, а? — к нормальной двухмоторной схеме. Хотя, конечно, без новых моторов ничего не вышло бы. А теперь и микулинские моторы отбирают — дескать, они нужны для другого. И приходится перелопачивать проект под моторы воздушного охлаждения, с их огромным лбом. Значит, прощай, рекордная скорость. А моторчики-то — говно-с, клинят через раз, греются. Над ними еще работать минимум месяцев шесть.

Поданный прямо к дверям «шарашки» — конструкторского бюро в системе НКВД — на улице Радио «ЗиС» крутил по вечерней Москве. Юленька, слава богу, уже ждет его в гостинице. Остальных тоже развозили по домам, у кого был, на машинах. А вот его бывшего дипломника Сережу Королева и еще нескольких человек увезли несколько недель назад вообще без всяких объяснений. Андрей Николаевич надеялся, что с ними тоже все хорошо. Вообще слухи ходили очень странные. Говорят, Бартини вызывали прямо в Кремль, показывали ему то ли фотографии, то ли зарисовки каких-то иностранных самолетов совершенно невообразимой конструкции. Говорить о деталях Бартини отказывался, но пару раз, забывшись, черкал на листках что-то странное — то летающую трубу (иначе это нельзя было назвать) с каплевидным фонарем, скошенными назад крыльями и высоким скошенным же хвостом, то вообще что-то распластанное, словно лягушка, с крылом, плавно переходящим в сплюснутый фюзеляж. Еще один самолет был более-менее обычным — только все то же стреловидное крыло. Очень тонкий, явно огромный бомбардировщик с четырьмя спаренными винтами. Его вид вызвал в Андрее Николаевиче какую-то странную дрожь. На мгновение показалось, что это его самолет — но ощущение быстро прошло, уступив место недоумению. Почему во всех этих почеркушках есть одна общая черта — стреловидность крыльев и оперения? Обсуждать этот вопрос Туполев ни с кем, естественно, не стал — отучили. Но потом случайно подслушанный разговор кое-что прояснил. Бартини спорил с Берией. Само по себе это было немислимо — но темпераментный итальянец прямо-таки атаковал наркома:

— Или вы, гражданин народный комиссар, строите сверхзвуковую или хотя бы околозвуковую аэродинамическую трубу — или я на ваши вопросы отвечать отказываюсь. В моем положении выдавать заключение, не проверенное экспериментально, не только безответственно, но и опасно лично для меня.

И что удивительно — Берия не только не стер орущего на него зэка в лагерную пыль, но и вроде даже оправдывался — мол, строить такую трубу мы обязательно будем. А пока, гражданин Бартини, будьте добры... Боже мой! Да он же не приказывал! Он *просил!* Неужели немцы уже строят сверхзвуковые самолеты?! И разведка это раскопала? В том, что немцы могли выйти на этот уровень, побывавший в Германии Туполев не сомневался. Тогда становилось понятно многое. И вежливый тон Берии, и реабилитация, и исчезновение Королева — ну да, он же работал над... ракетными двигателями! Точно!

Что ж — большевики, всегда кичившиеся тем, что пользуются передовой исторической теорией, получили от этой самой теории серьезный удар. Можно сказать, серпом по молоту. Если государство относится к квалифицированным специалистам так, как отнеслись к нему — его обставят в технической гонке и просто сомнут. Накатила волна злорадства — но ненадолго. Большевики большевиками, но патриотом своей страны, как бы она ни называлась — Российская ли Империя, просто Россия, Советский Союз — Андрей Николаевич был несомненно. И судьбы Игоря Сикорского себе не желал, даже после всего.

А потом... Потом «ЗиС» подъехал к гостинице «Москва», водитель с кубарями в петлицах вручил ему ключ от номера — надо же, заранее у портье взяли, откозырял. Андрей Николаевич поднялся в свой номер, и жена бросилась к нему на шею. И все другие мысли на время ушли вон.

Мания преследования, в психиатрии бред преследования — форма психического расстройства, выражающаяся в убеждении, что некое лицо или группа лиц преследует больного с некой целью (обычно, чтобы убить). Как правило, эта мания не существует сама по себе и является симптомом других заболеваний психики. В частности, мания преследования может являться элементом шизофрении или же паранойи.

Паранойя, психическое нарушение, характеризующееся подозрительностью и хорошо обоснованной системой сверхценных идей, приобретающих при чрезмерной выраженности характер бреда. Эта система обычно не меняется; она была бы совершенно логична, если бы исходные патологические идеи были правильными.

Популярная Медицинская Энциклопедия

Так. Домой возвращаться нельзя. Могут взять прямо там, не дожидаясь совещания. Идем, естественно, к немцам. Благо есть что предложить, так что можно будет рассчитывать на высокий пост в отошедшей рейху Литве. В том, что Гитлер, получив от него подробную информацию, раскатает Советский Союз в блин — Прунскас не сомневался. Там-то все на волоске висело. А тут... Даже получив королевский подарок от неведомых сил, Сталин не мог ничего изменить, по большому-то счету. Уж это-то посвященный во многие тайны и подробности лейтенант госбезопасности знал. Слишком велика эта страна, слишком много азиатчины. Временами Россия напоминала ему болото — сколько ни ухни в вонючую жижу бревен и камней (да хоть бетона!) — а под ногами все одно хлюпает. Немцы совершили несколько роковых ошибок. Теперь они их не совершат. И его доклад — как своевременен! — им в этом поможет.

Где уходить? В хорошо знакомой ему Литве его будут искать в первую очередь. Либо юг, либо Брест. Юг... румыны — это дополнительная затяжка времени. Неделю будут надувать щеки, прежде чем сведут его с немцами. Значит, Брест. Было бы забавно сбежать к англичанам — но прямых границ с ними нет, а через Турцию или Иран — масса сложностей. Нет, надо делать все нагло и быстро. Сначала — в архив.

Прунскас заполнил бланк, расписался. Документы и вещдоки по делу «Паука» выдавались ему в любое время и по первому требованию. А часть вообще хранилась в его собственном сейфе. Так и произошло. Дежурный с заспанной круглой мордой выдал ему под роспись маленькую опечатанную картонную коробку и пару папок. Жаль, электрический патефон уехал с наркомом на Урал. В кабинете коробка и папки отправились на дно дорожного саквояжа. Туда же — те материалы, из сейфа, над которыми он работал до того, как их Особую группу начали устранять. Несколько чистых бланков управления — пригодятся. Теперь — в общий отдел.

Общий отдел в столь серьезном учреждении, как Народный Комиссариат Внутренних Дел, тоже работал круглосуточно. Но природу человеческую полностью пока переделать не удалось. Неважно, что окна в помещении были замазаны краской и закрыты тяжелыми

шпорами, неважно, что свет электрических ламп одинаков что днем, что ночью. Плотный делопроизводитель с кубарями, чья карма обрекла его на это ночное дежурство, явно позевывал — кофе в допайке ему не полагался.

Выписать командировку в Брянск (благо, что один из дальних предков объекта разработки как раз там и проживал) было минутным делом. Дежурный пошел к сейфу за печатью, а пока возился с ключами сейфа — длинные тонкие пальцы прибалта умыкнули со стола из неосмотрительно оставленной там стопки пару бланков. Что поделать — дыры в самых лучших системах безопасности образуются неизбежно, причем, как правило, из-за несовершенства человеческой природы. С печатями, конечно, так просто не получится, придется изобретать что-то на ходу. Ага, а вот это просто подарок судьбы. Взглядом нашел в лежащей под стеклом таблице нужные условные слова, попросил разрешения позвонить. Коммутатор ответил сразу — по ночному времени загрузка была небольшой — и соединили его с «Папоротником» почти сразу. «Папоротник» тоже был сонным, телефонограмму с указанием о содействии принял только со второго раза. Дежурный ухом не повел — едет человек, причем из особой, подотчетной лично наркому, группы, в командировку, и едет. Причем командировка у него за этот месяц четвертая или пятая уже. Ишь, лицо аж заострилось. И идей насчет проверки позывных у него не возникло, конечно. А возникни случайно — человек так устроен, что со строчки, в начале которой стоит «Брянск», глаз неминуемо перескочит на только что упомянутый «Папоротник», хотя «Папоротник», как и еще ряд произнесенных только что кодовых слов, соответствовал соседнему в списке Бресту.

Тепло попрощавшись, Прунскас вернулся в свой кабинет. Распотрошил аптечку, накрутил на спичку ватку. Открыл флакончик с перекисью водорода, аккуратно, точечными касаниями удалил все буквы после «Бр» во всех встретившихся «Брянсках». И заменил «Брянск» на «Брест», благо, что чернила во всем НКВД использовались одинаковые. А врожденной аккуратности следователю было не занимать.

Теперь вызвать машину и переодеться в штатское. На проходной лейтенант под тяжелым взглядом двух сержантов сдал пенал с ключами, расписался в журнале. Машиной оказался древний «фордик» со спицевыми колесами. Лейтенант сел на переднее сиденье:

— Домой, Саша! — Персонального водителя ему не выделили, но этот парень возил его по ночам частенько.

— Доставим, товарищ лейтенант! — улыбнулся тот.

Машина вырулила на Лубянку, потом пять минут по бульварам. После поворота на Каретный ряд Прунскас встрепенулся.

— Саша, останови здесь. Сам дойду. Духотища в управлении, хоть воздухом подышу.

«Фордик» скрипнул тормозами, остановился, пофыркивая. Попрощавшись, лейтенант неторопливо, прогулочной походкой отправился в сторону дома. Улица была пустынна, доставивший его шофер развернулся и поехал назад, видимо, отсыпаться. Проверить, не ждут ли его во дворе? Не стоит. Это все равно ничего не изменит. Если его уже пасут — возьмут так и так. Лейтенант прошел мимо ведущего во двор прохода и немного ускорил шаг. Перешел через Садовое, потом двадцать минут до Белорусского вокзала. Пистолет — не штатный «ТТ», а компактный полицейский «вальтер» — лежал в кармане плаща. Застрелиться... если дадут.

Народу у касс было мало, окошко администратора было свободно. Лейтенант подошел, сверкнул корочкой в левой руке — правая ласкала рукоять пистолета.

— Бронь категории «А», отдельное купе до Бреста на ближайший.

— Ваше командировочное, товарищ лейтенант госбезопасности, — никакого пиетета к НКВД тетка не испытывала. Их таких в день шпук десять набирается. И всем категорию «А» подавай. Благо, на утренний поезд места были, а то, бывало, скандал и до Кагановича доходил. Года два назад, причем скандалисты частично исчезали, один вон раз пять ей неприятностями грозил, а потом пропал. А она все тут же, на том же месте. То-то!

Впрочем, этот пассажир был спокоен, не хамил. Пока администраторша выписывала билет, пассажир стоял, привалившись к стойке, скучающим взглядом бродя по залу. Получив требуемое, вежливо поблагодарил и пошел в буфет — коротать оставшиеся пару часов до поезда.

Пронесло.

Пронесло.

Видимо, все-таки не предполагали, что он встрепенется. Теперь хватятся не раньше полудня понедельника, он уже будет в Бресте. Полдня на выяснение что к чему. И искать, скорее всего, начнут с Прибалтики. Выручили бы документы на другое имя — но где их взять? Ладно, шансы есть и так. Расслабляться, конечно, не стоит — но побег, кажется, начался удачно.

*Возьмем винтовки новые,
На штык — флажки,
И с песнею в стрелковые
Идем кружки!*

В. Маяковский

Андрей задом загнал полуторку в сарай — проводку в новом гараже он дотянул, но электрики на заводской подстанции что-то телились. Наверное, ругаются с главинжем по лимитам — раньше Андрею и в голову не могло прийти, что с тривиальным освещением гаража могут возникнуть какие-то проблемы. Электричество было строго нормировано, за перебор лимита в комнатухе барака, к чему Андрей регулярно бывал близок, тут могли и провода обрезать. Да это еще что — вот когда Андрей увидел приводные ремни, тянущиеся от вала под потолком к шкивам токарных станков — вот это был шок. И бормотание трудовика в школе — дескать, в стары времена вам-то руки бы поотрывало, разгильдяи, — стало, наконец, понятным.

Да и по сравнению с тем, на чем приходилось ездить, в ноль убитая батина «шаха» была шедевром. Что неудивительно, гм. Механические тормоза полуторки не тормозили вообще. Ну вообще. Шкворни передней подвески требовали регулярной смазки — как, впрочем, и другие механизмы. Электростартер, слава богу, уже был, но тянул через пень колоду — регулярно приходилось пользоваться кривым. Заводной рукояткой, по-научному.

А уж знаменитый двойной выжим сцепления... Елки-палки, Андрей никогда в жизни не понимал, какое гениальное изобретение — синхронизаторы в коробке перемены передач. Здесь для тривиальнейшей операции — с первой на вторую, со второй на третью и обратно — требовалось вдвое больше движений и как бы не втрое — усилий. Да и машину новичку, да еще — со справкой, дали хм... не самую лучшую. Но тут выручила общая техническая грамотность, да и ребята помогли. Пивом угостил, конечно, не скупясь, да. В результате Андрей так вылизал аппарат, что завгар Семеныч кричал и предложил было Андрею передать машинку Семенычеву зятю — за премию со стороны Семеныча и отдельный магарыч со стороны зятя, понятно. А самому взять еще одну развалину и довести ее до такого же состояния. Андрей подумывал даже согласиться — поуправшись и выбив с Семеныча запчасти. Но тут зятя призвали на сборы, танкистом, и вопрос, как думал завгар, был отложен. Андрей, ясно дело, понял, что вопрос вообще отпал. Такие дела.

Собравшиеся на стрельбы комсомольцы кучковались у проходной. Андрей подошел, поздоровался. Он боялся, что до стрельбища будут идти строем и с песней, как в фильмах, то-то идиотом бы себя почувствовал, но Давид помимо самого стрельбища выбил еще и грузовик, так что ехали хотя и с песнями, но в кузове. Репертуар был в основном знакомым по довоенным фильмам. Да и дорога была недлинной. Наташка сидела напротив, улыбалась Андрею. Пела она замечательно.

Стрельбище было динамовским, при райотделе милиции. Длинная, метров пятьсот, обвалованная площадка с грубыми силуэтными мишенями. Вместо матов на позициях для стрельбы лежат — дощатые настилы, покрытые мешковиной. Привычной россыпи гильз на

огневых рубежах не было — на гильзы здесь шла в основном латунь, цветной металл, так что собирали гильзы (а кстати, когда и пули из мишеней, за ради свинца) после каждого стрелб.

На всю ораву выдали пять винтовок и пять наганов, патроны в картонных пачках — по счету. Начать решили с винтовок.

Андрей попал в третью пятерку, вместе с Наташкой. Смотрели, как стреляют остальные. С винтовкой народ управлялся ловко, видно, что на стрельбище не первый раз. Первая пятерка отстрелялась так себе, только отслуживший в пехоте Иванченко выполнил норматив. Вторая — уже неплохо. Там было двое служивших, да и Давид не подкачал.

Андрей взял винтовку с некоторым волнением — легендарную «мосинку» он до того живую видел только у задержавшего его патруля и прочих конвоиров. Дерево было отполировано тысячами рук, да и приклад был спроектирован изумительно удобно. А вот металлические части... Нет, то, что выглядел металл грубо, как только что от деревенского кузнеца — ладно. Даже с торчащей сантиметров на пять вбок рукоятью затвора можно было смириться. Но вот почему ни Александр Третий, ни Николай Второй не высказали капитану Мосину свое императорское «фэ» по поводу предохранителя — Андрей решительно не понимал. Он и понял-то, что это предохранитель, только наблюдая за первыми двумя пятерками. А при первом же применении его грибок начисто содрал Андрею шкуру с большого пальца левой руки. Даже стыдно немного стало за свою неумелость. Забить обойму в приемник магазина тоже было нетривиальной задачей. В общем, все товарищи по пятерке уже отстрелялись, а Андрей только-только примерился к прицелу. Вроде никто пока не смеется, и то ладно.

«Бабах!» — Ого, как конь лягнул. Да, ребята, это не «Калашников». Не «Калашников», я сказал! Что, Андрей Юрьевич, затвор за тебя сам Михаил Тимофеевич передергивать будет?

«Бабах!» — Да, так без ключицы останешься.

— Андрей, ты приклад к плечу плотнее прижимай, синяк набьешь. — Давид, советчик хренов. Ладно.

«Бабах!» — Уже легче. Не было бы двух первых выстрелов — вообще все нормально было бы. «Бабах!» «Бабах!» Уфф.

— Открыть затворы! Положить оружие! К мишеням!

Так. Непомеченных мелком — четыре дырки, одна в молоко ушла. Три лежат кучно, в девятке-десятке. Четвертая — в районе тройки, видимо — результат неудачной прикладки то ли с первого, то ли со второго выстрела.

— Ого! Для первого раза ничего. Из винтовки раньше же не стрелял?

— Не стрелял. — «Ну да. Только из автомата. В школе, на стрельбах по НВП вызвался на полигоне училища связи для всего класса рожки набивать. Все пальцы ободрал, зато потом оставшиеся полцинка на пару с приятелем расстреляли, на зависть остальным пацанам».

— Тогда совсем хорошо.

Стоя и с колена получилось средненько, но хоть не последний по результатам. Могло бы быть и лучше, но отбитое плечо меткости не добавляло.

А вот от «нагана» Андрей проперся. До того ему довелось попробовать только «макарку», из которого, если ты не офицер группы «Альфа», только стреляться удобно. И бутылки с пивом открывать, ага. По аналогии с «мосинкой», Андрей ждал мощной отдачи — но «наган» только слегка подпрыгнул. Андрей так удивился, что отстрелял весь барабан со вторым в группе результатом. Всего на одно очко хуже Наташки. Хотя, вообще-то, в

Интернете «наган» ругали. Может, экземпляр удачный попался... Экземпляр экземпляру, как известно, люпус эст...

Обратно на машине не поехали — общежитие было в стороне от завода. Пошли пешком, по легкой вечерней прохладе. Давид погнал полуторку в гараж, основная масса народа оторвалась и гомонила впереди. Андрей с Наташкой шли рядом, примерно в метре друг от друга. По тутошним временам — как в обнимку в девяностых. Да-а-а... Попал ты, Андрюха, на прицел. А эта дивчина бьет без промаха и наповал.

— А ты где так стрелять научился?

— Да нигде особо. Так. В тир ходил иногда, в школе.

— Говорить не хочешь?

— Да нет... Что скрывать-то? — Есть, есть что скрывать. Не расскажешь ведь ей ничего. — Просто — я же рисую много. Вот, видимо, руку и набил.

— Да, рисуешь ты здорово... А меня... Можешь нарисовать?

— Могу. — И о том, что уже нарисовал ее после памятного побоища — в ночнушке и со сковородкой наперевес, тоже не расскажешь. Рисунок, по обыкновению, сжег, хотя и было жалко. До того, кстати, рисовалась только Ленка. Странно, по ней вообще не тосковал с самого начала. Да и, в общем, дело *там* явно шло к разрыву, месяцем раньше, месяцем позже, какая разница. — Если хочешь — пойдем, посидишь у меня, а я порисую.

Наташка покраснела, но предложение ей явно понравилось.

— Давай, — тряхнула головой, — у меня пироги еще остались, с капустой. Хочешь, принесу?

— Заметано. Тащи пироги, а я пока чай поставлю.

Тащила пироги Наташка минут пятнадцать — прихорашивалась. Чайник на примусе успел засопеть, да и Андрей немного прибрался. Пришла церемонная, покрашенная, села на табурет напротив, водрузив блюдо с пирожками на стол.

Андрей разлил по эмалированным кружкам чай с молодыми смородиновыми листьями (с детства любил). Пирожки оказались что надо, даром, что холодные. Андрей съел штуки три, Наташка ограничилась одним. Сидела, смотрела на него, чисто по-русски подперев подбородок ладонью. Андрей мысленно сфотографировал ее, и потом, когда он короткими штрихами переносил ее образ на бумагу, принятая ею поза, совсем как на старых карточках — скованная, официальная, но, видимо, для этих времен каноническая, — уже не имела никакого значения.

*Был побег на рывок -
Наглый, глупый, дневной, -
Вологодского — с ног
И — вперед головой.*

В. Туманов. Магадан, ок. 1965

Кто сказал, что в СССР не было деловых людей? Ну, частных предпринимателей? Чеботарев Андрей Юрьевич, 1976 года рождения, ранее судимый? Девять граммов ему между глаз за дезинформацию — и не было бы у лейтенанта ГБ Прунскаса проблем, кстати. Попугчик, подсевший-таки в Толочине в купе (лейтенант забронировал оба места, но вот поди ж ты! Не скандал же устраивать... Хотя в иной ситуации...), был живым воплощением, прямо-таки эталоном делового подхода и частного предпринимательства. Несмотря на свою формальную принадлежность к потребкооперации. Толстый разбитной дядька неопределенного возраста, пухлый, в засаленном пиджачке, направляющийся в Брест по каким-то своим якобы потребкооператорским делам.

Это целое искусство — надоесть попутчику всего за 30 минут. На третьей минуте Сидор Егорович Сирко предложил перейти на «ты», на пятой — выволок из портфеля бутылку беленькой (судя по звяку — не единственную), крутые яйца и курицу в газетке. На пятнадцатой — «тонко» намекнул, что на недавно возвращенной в лоно братских советских народов территории еще можно делать дела (хотя, конечно, уже не так, как годом раньше), и по доброте душевной предложил «товарищу инженеру» свести того с нужными людьми. Ведь есть же у товарища инженера супруга? Нет? Ну значит, должна быть, хе-хе, любовница. А женщины — они ж любят тонкое обхождение и, хе-хе, тонкое бельишко.

Лейтенант отмалчивался, лишь изредка бросая короткие реплики, а чаще — понимающе усмехаясь. Человек был не из органов, там, конечно, были гениальные опера-актеры, но принять на операции пару стаканов за десять минут, не обращая внимания на то, что собеседник едва пригубил — это было исключено. Значит, вырваться удалось. Впереди была куча проблем — но, по крайней мере, эта часть проводимого исключительно на наглости ухода прошла удачно. До Бреста следовало решить проблему с печатью на командировочном — там все же не московский вокзал, там погранзона. Хорошо еще, маховик предвоенных мероприятий еще только начал раскручиваться, так что шанс был.

— А что ж вы не пьете, Владимир Оттович? — Сосед не умолкал ни на минуту. — Давайте-ка выпьем за гладкую дорожку. Вон курочкой закусите, не побрезгуйте! А вот яички, только с утра из-под курочки, хе-хе.

— Благодарствую! — Вот и решение. Отхлебнуть полплотка, этот все сто грамм засадил, какие же русские алкоголики, прав все-таки Гитлер — недочеловеки. — Курицу, пожалуй, не буду, а вот яичком — угощусь, спасибо.

Кооператора хватило еще на полтора часа. Практически в одиночку уговорив поллитру (у Прунскаса осталось еще пол-стакана), он неловко завалился на свой диван и захрапел. Лейтенант взял так и не облупленное яйцо и пустой стакан, прошел к титану за кипятком. Проводник посмотрел неодобрительно — уплывали чаевые — но ничего, естественно, не

сказал. Оставив стакан и яйцо на полочке у титана, прибалт вышел в тамбур, покурил. Яйцо нагрелось. Вернувшись в купе, Прунскас достал из дорожного саквояжа пачку прихваченных с собой документов, выбрал наиболее подходящий. Под богатырский храп толстяка прокатил аккуратно очищенным яйцом по печати, затем — по первому из прихваченных бланков. Получилось вполне приемлемо, да еще и с первого раза. Что ж, цивилизованному европейцу аккуратности не занимать. Дотошной проверки печать, конечно, не выдержала бы, но тут уж точно — за неимением гербовой...

Убрал бумаги в саквояж, еще раз покурил в тамбуре. Отправил яйцо на шпалы, в промежуток между вагонами. Мелькнула мысль — съесть вместе со штампом, но природная чистоплотность не позволила. Ничего, птицы склюют. За окном проносилась тьма, лишь изредка разрезаемая огоньками. Вернулся, легким движением забросил себя на верхнюю полку и лег спать с полицейским «вальтером» под подушкой.

К Бресту поезд подходил ранним утром. Вопреки ожиданиям, прощельга-кооператор с похмелья не страдал, подскочил в пять утра, за окном едва светало. Слава богу, больше бутылок из пузатого портфеля не появлялось — дескать, предстоит много хлопот, нужно встречаться с нужными людьми, вы же, товарищ инженер, понимаете. Заказали у проводника чайку. Зато из того же портфеля на газетку перекочевала сочащаяся жиром колбаса, кою кооператор принялся жизнерадостно нарезать. От угощения «инженер» опять отказался, нервы все-таки подшаливали. Хотелось пристрелить толстяка, но такую роскошь Владимир, нет, теперь уже снова Валдис Прунскас, позволить себе не мог. Приходилось терпеть. Наконец проводник в коридоре зычно объявил, что до Бреста осталось полчаса и предложил собираться. Подхватив саквояж, Валдис извинился и вышел в уборную. Когда по истечении трех минут он вернулся, вчерашний кошмар был отмщен. Кооператор в немом ужасе глядел на «инженера», затушеванного в слегка помятую в саквояже, но щегольскую форму, слепящую глаза малиновыми петлицами.

— Что же вы так неаккуратно, Сидор Егорович? — Аристократический палец указал на стол, где под слоем колбасных кружков на первой странице «Известий» красовался заляпанный жиром и изрядно порезанный ножом портрет Сталина, — нехорошо это.

Кооператор бросился собирать колбасу, уронив пару кружочков на брюки. Впрочем, тем уже было все равно — пятном больше, пятном меньше. Попытался рукавом вытереть жир, но только разорвал и так уже надрезанную бумагу. Лейтенант с иронической улыбкой наблюдал за суетящимся толстяком, откинувшись в углу. Тот, наконец, осознал тщетность попыток и затих, сгорбившись. Считанные минуты назад румяное, лицо попутчика теперь было мертвенно бледным. Хоть бы инфаркт не схлопотал, скотина — уж больно не ко времени. Нет, выдержал. Губешки дрожат, но жив пока. Пару раз свистнув на семафорах, поезд ворвался на станцию.

Прунскас с достоинством поднялся, откозырял полумертвому попутчику и, не задевая (сами жались по сторонам) других пассажиров, вышел на перрон. Постоял, покурил. Все разошлись, даже бедняга-кооператор укувылял в обнимку с портфелем, прячась за спины. Наверное, забьется в какую-нибудь вшивую гостиницу, будет глушить оставшуюся водку и ждать, когда за ним придут. Пусть ждет.

На привокзальной площади мельком предъявил патрулю документы, огляделся. Рядом с ящиком мороженщика и будкой чистильщика сапог примостился мелкий лоточник — классический еврей, совершенно местечкового вида. Сначала — к чистильщику. Если идешь брать службу на арапа — что-что, а сапоги должны сиять. Затем подошел к лоточнику.

Хорошие шведские спички, немецкий фонарик-коробочка с набором светофильтров. Вот ведь торгашеская нация, немцы их прямо в синагогах жгут, а этот кустарь-одиночка наверняка с ними свои гешефты и ведет, пусть и через посредников. Хотя он же, наверное, не знает...

Лоточник, почуяв богатого клиента, сыпал словами не хуже, чем этот, как его... газетный террорист-кооператор. За то время, что лейтенант опробовал фонарик, он узнал, что торговля, конечно, уже не та («спасибо, мне уже сообщили»), но что если товарищ командир желает, то можно найти многое; что Советская Власть, шоб ей было хорошо, с прошлой недели активно вербует местных жителей куда-то на Урал вместе с семьями. Но какая, азохэнвей, на Урале торговля? Там же одни заводы, на которые поехали одни гои или голытьба вроде Рувима Блюмшмита или Изи Малкина. А вот если товарищ командир желает наилучшие французские кондомы...

Товарищ командир наилучшие французские кондомы пожелал. Не торгуясь, взял сразу десяток. После чего выслушал информацию о том, где собираются лучшие девушки города, и массу пожеланий хорошо отдохнуть. Расплатился сотенной и даже получил сдачу, в основном — медяками.

Теперь следовало четко рассчитать время. Карту погранрайона Прунскас изучил еще в поезде, сразу по отъезде от Москвы. Дорога до интересующей его заставы должна была занять часа два, следовательно, полдня нужно было где-то убить. Для начала зашел в ресторан и наконец-то позавтракал. Затем посетил оба местных кинотеатра. Время утекало, его уже должны были хватиться, но запас еще должен был остаться. Единственный в мире мобильный телефон был у него, да и тот без сети базовых станций малополезен. А по обычному телефону...

В кинотеатре посмотрел «Семеро смелых», затем в другом — какую-то пафосную лабуду «про шпионов». Это было ошибкой — фильм был бездарным, а жанр только усугубил нервное напряжение. Пришлось зайти в рюмочную и принять пятьдесят под селедочку. Это помогло.

По ступеням здания НКВД-НКГБ лейтенант взлетел внешне уверенным и деловым. Предъявив на посту удостоверение, поинтересовался, получена ли телефонограмма из Москвы. Телефонограмма была, естественно, получена, машина с водителем будут готовы через полчаса. Отметив пребывание (хорошо получилось — предвоенная лихорадка уже потихоньку раскручивалась, но параноидальная бдительность еще не успела развиться), потребовал на этот срок помещение для работы, с пишущей машинкой. В кабинете, запершись изнутри, открыл саквояж, достал мобильник. Распаковал презервативы, один за другим натянул три из них на аппарат, перевязав суровой ниткой каждый по отдельности. В остальные семь упаковал часть документов — какие влезли. Остальные бумаги переложил в распухший планшет. Достал один из «прокатанных» в поезде бланков, отпечатал недостающий, но крайне нужный документ. В столе оказались конверты и сургуч. Печать, конечно, не добыть, придется запечатывать своей, персональной. В любом случае это уже неважно.

Ровно через полчаса, сдав ключи и оставив на хранение саквояж (кроме гражданской одежды, там все равно уже ничего не осталось), спустился во двор, к выделенной ему «эмке». Водитель дорогу до нужной заставы знал. «Вальтер» в кармане приятно тяжелил бедро, табельный «ТТ» на поясе особо не мешал. Охрана распахнула ворота, машина вылетела на улицу. Все. Теперь вряд ли догонят. Маршрут знает только водитель, остальным

он не докладывался. Даже то, что он едет на заставу, а не, к примеру, в горком партии, не известно никому. Укачавшись на ухабистой брусчатке, лейтенант незаметно для себя заснул.

К заставе подъехали еще засветло. «Эмка» скрипнула тормозами, лейтенанта выбросило из дремоты. Сон пошел на пользу — мандража не было, была собранная бодрость. Выйдя из машины, он значительным движением одернул гимнастерку, взмахом приказал водителю отогнать машину в сторону.

— Боец! Начкара ко мне!

Часовой у ворот, не спуская с нежданного визитера глаз, снял с держателя трубку. Начальник караула тоже был бодр и собран. Отказырял («Лейтенант Сухомлин!»), бегло глянул корочки и командировочное предписание («Цель командировки — выполнение задания командования»).

— Проходите, товарищ лейтенант госбезопасности. Пропустить! — Это часовому. — Начальник заставы в своем кабинете.

Прунскас холодно кивнул и проследовал в ворота, на ходу бросив:

— Лейтенант! Покормите моего (это слово Прунскас выделил буквально за гранью слуха, намеком — вроде и не слышать, а звучит солидно) шофера. И ночлег обеспечьте.

«Вот же ж цаца московская», — подумал Сухомлин. Чем ему не понравился московский гость, он так и не понял — барством каким-то, что ли... Вернее даже не барством — старших командиров, в том числе и из ГБ, он повидал, некая доля надменности в их поведении присутствовала частенько. Но этот смотрел на него, как на какое-то низшее существо. Скотину рабочую, что ли.

Застава была, что называется, ладной. Не с иголки — все же полтора года назад обосновались, но аккуратной, правильной. В коридоре стоял свежий запах краски, да и двери кабинетов отблескивали лаком. Плохо. Видимо, начальник дотошный и службу блюдет — но посмотрим. Обратного хода все одно нет.

Начальник заставы поднялся из-за крытого зеленым сукном стола. Заставе своей он соответствовал на сто процентов — не щеголь, но аккуратен и основателен.

— Начальник заставы старший лейтенант пограничных войск НКВД СССР Лемехов!

— Лейтенант госбезопасности Прунскас. Выполняю специальное задание командования, — начальник заставы кинул быстрый взгляд на командировочное предписание. — Я по поводу «окна», товарищ старший лейтенант. Вот приказ, — прибалт достал из планшета заранее заготовленный пакет, — об оказании мне необходимого содействия. Вызовите в кабинет наиболее опытного и знающего район младшего командира и прикажите, чтобы нас здесь в ближайшие полчаса не беспокоили.

Пограничник быстро сломал сургучную печать, вскрыл пакет, пробежал приказ глазами. Положил пакет в одинокую картонную папку рядом с письменным прибором.

— Есть, товарищ лейтенант госбезопасности. Все верно. Всем, что в моем распоряжении, — помогу. — Выглянул в коридор, подозвал бойца. Секунд пятнадцать втолковывал, что надо, — молодое пополнение, что делать. Обернулся. Гость сидел у стола, длинные ухоженные пальцы левой руки барабанили по зеленому сукну около чернильницы. Правая шарила в кармане галифе и через секунду появилась с пачкой «Дуката».

— Курить у вас тут можно, старший лейтенант? Угощайтесь, кстати.

— У нас тут курящих мало — служба быстро отучивает, — усмехнулся тот самым уголком губ. — Но пепельницу сейчас организуем.

— Не надо. Раз уж курение не соответствует специфике — до утра перебьюсь.

Лемехов кивнул. А гость-то ничего. Кажется немного высокомерным, но дело у него, видимо, действительно важное. Раз уж от курева отказался. Сам он после училища отвыкал полгода.

Через пару минут, после стука и капитанского «Войдите!», на пороге появился невысокий кряжистый старшина.

— Товарищ старший лейтенант, старшина Томилин по вашему приказанию прибыл!

— Вольно, старшина. Закройте дверь. Это товарищ из самой Москвы, выполняет спецзадание. Я рекомендовал вас как самого опытного следопыта заставы. Прошу вас, товарищ Прунскас.

— Товарищи пограничники. Через несколько дней на участке вашей заставы возможен переход с той стороны нашего сотрудника. Моя задача — проинспектировать обустроенное на участке вашей заставы окно перехода и в условленное время обеспечить нашему встречу и прикрытие. Сегодня ночью, — обратился прибалт к Лемехову, — прошу вас выделить в мое распоряжение старшину Томилина и еще одного бойца из лучших стрелков заставы для рекогносцировки на местности. Предоставьте нам также хороший бинокль. И маскхалаты. А сейчас давайте изучим местность по карте.

Пограничники показали место «окна» на карте, дополнив фотографиями и словесным описанием. Не вполне удобный берег с нашей стороны (съехать вниз по глинистому склону было легко, а вот взобраться обратно, да еще после заплыва через Буг — непросто) компенсировался уж больно хорошими подходами «с той стороны». К тому же немцы этот участок навещали редко, да и жилья на той стороне было, что называется, кот наплакал.

На закате идти было бессмысленно — солнце в глаза. Старлей отвел гостя в столовую, поужинали. Лемехов живо интересовался московскими новостями (в основном театральными), Прунскас отвечал. На околопрофессиональные темы — отвечал, подумав. На заданный намек о скорой войне намеком же и ответил, мол, вот через несколько дней и узнаем, чем расположил к себе пограничника окончательно. Оказаться хоть краешком причастным к операции такой важности, как ни крути, приятно.

Когда солнце скрылось за деревьями, Лемехов провел гостя на склад, за маскировочными халатами. Московский визитер потребовал пакет, сложил туда документы (в основном, туфту — благо старлей профессионально-вежливо отвернулся) и, запечатав своей личной печатью, вручил начальнику заставы с приказанием положить в сейф до их возвращения.

Третьим в группе оказался рядовой-якут. Кстати сказать, лица на заставе были в основном славянские, других было мало. Осмотрели друг друга (дотошность старшины Томилина внушала уважение), вышли в ночь.

Быстро дойти до кабинета старлею не удалось — перехватил политрук, минут пятнадцать обсуждали спущенные вчера сверху изменения в акцентах политической подготовки. Добравшись, наконец, до кабинета, он отпер сейф — положить оставленный гостем конверт с документами — и замер. Эту, вот именно эту печать он явно видел не более пары часов назад. Ну да, точно. На пакете с адресованным ему приказом. Конечно, тот сургуч уже изошел на крошево, и сравнить было нельзя — но... А ведь лейтенант ГБ запечатывал конверт с документами уже здесь, при нем! И «московская» печать на сургуче просто обязана была быть другой! Печать... Печать на приказе! Что-то там было... Подскочив к столу, он быстро открыл папку, куда два часа назад положил адресованный ему приказ о содействии. Печать была... не такой. Бледноватой и вроде бы не совсем круглой.

— Дежурный! Заставу в ружье, но тихо. Не кричать, не греметь. Построение — во дворе, быть готовым к прочесыванию местности. Ждать приказа. Двоих к воротам, в мое распоряжение, живо.

На заставе поднялась суета. Старлей выскочил во двор, закрепил фуражку подбородочным ремешком, махнул рукой двум озирающимся у ворот пограничникам: «За мной!»

Стараясь не шуметь, Лемехов бежал по знакомой тропе. Бойцы отставали — по физподготовке со старшим лейтенантом на его заставе мало кто мог сравниться. До указанной прибалту точки оставалась всего верста, как вдруг даже не слухом, а каким-то шестым, «пограничным» чувством он ощутил два слабых хлопка — слишком слабых для «ТТ» или «нагана» и уж тем более — для винтовки. Сердце пропустило такт, он наддал еще уже понимая, что опоздал. Бойцы отстали безнадежно, но Лемехову было не до них. Неглубокая ложбинка уходила вправо, к воде. Скользя по примятой минут двадцать назад скользкой от вечерней росы траве, старлей проскользнул к дереву. Старшина Томилин сполз по скату прибрежного бугорка, его развернуло лицом вверх. Из-под белесых волос под широкую спину текла черная в неверном свете остатков зари кровь. Лучший стрелок заставы Тюленев уткнул лицо в рукав, винтовка валялась рядом. Сзади приближался топот отставших, от реки доносился мерный плеск. Внезапно на фоне светлого песка берегового откоса мелькнула тень.

— Ссука.

Старлей поднял винтовку якута. Передернул затвор. Попытался успокоиться. Встал на одно колено — «как учили». Поймал бредущую уже по пояс в воде у того берега еле заметную фигуру. Отбросил все лишнее на данный момент — собственный позор, набегающий сзади топот, вздохнул глубоко, но без напряжения и в короткую, очень короткую паузу между ударами сердца — выстрелил. Потом еще. Фигура сломалась, начала оседать в воду. Оставшиеся три пули пограничник выпустил уже наугад, в реку, туда, куда опало тело.

На том берегу тоже бухнуло. Закричали: «Хальт!», лучи фонарей рванулись по дальнему урезу воды, метрах в пятистах правее... По песку им бежать минут пять. Вытащить труп на свою сторону все одно не успеть. Сзади охнул кто-то из подбежавших.

— Симаков. Заставу не выводить. Нарядам на линии — усилить бдительность. Сюда — особиста и политрука. Пусть возьмут четверых, принесут фотоаппарат с магнием и фонари. И носилки. Водителя «эмки» — разоружить и задержать. Сообщить в отряд — у нас уход, убиты двое пограничников. Нарушитель как минимум тяжело ранен. Пусть высылают следственную группу.

Мучительно хотелось застрелиться, дур-рак, идиот. Развесил уши перед московским гостем! Теперь все, теперь конец — но только в свой черед. Нужно будет рассказать все, что запомнил, малейшие нюансы. Легкого выхода он не заслужил.

*Поздно мы с тобой поняли,
Что вдвоем вдвойне веселей
Даже проплывать по небу,
А не то что жить на земле.*

*С. Микоян и ВИА «Цветы». «Звездочка», первое исполнение
— предположительно, Красноярск, 1972*

Путевку Андрею выписали аж во Владимир, на электромеханический. Всего-то делов — отвезти коробку амперметров и забрать по накладной три десятка катушек трансформаторного провода. В принципе, провод они обычно брали в Кольчугине, и другие водилы катались туда каждый день. Но тут снабженцы закрутили какую-то хитрую схему (слово «бартер» было не в ходу), и в результате намотать на колеса предстояло километров двести пятьдесят. До того в основном гоняли до станции и назад, ну и по близлежащим колхозам. Так что поехал Андрей с удовольствием — он всегда кружению по городу предпочитал трассу.

Что приятно — за экспедитора с ним направили Наташку. С того вечера, когда Андрей нарисовал ее у себя в комнатухе, они почти не встречались, Андрею даже казалось, что она его избегает. Живущая в соседней с Наташкой выгородке Аня из бухгалтерии «по секрету» растрезвонила всему заводу, что портрет теперь висит у Наташки на стене. Автора портрета долго искать не пришлось — Андрей как художник уже пользовался в заводских кругах широкой известностью. Естественно, не обошлось без подколок — вот Наташка, видимо, и стусевалась. Но тут же было совсем другое дело — официальная командировка.

Так что в кабину она заскочила безо всяких следов смущения, да еще и глазками стрельнула, устраиваясь поудобнее. Андрей не возражал.

Заправились, выехали за ворота и покатали с ветерком. Накануне он еще немного повозился с зажиганием, и моторчик тянул, как только что с завода. Шел Андрей честные пятьдесят — полз, по привычным ему меркам, но Наташка впечатлялась — тут скорости держали поменьше, Андрей считался записным лихачом, хотя ни одного происшествия не допустил — привык к совсем другой интенсивности движения. Дороги еще, конечно, гонкам не способствовали. Местные шоссе — или «шоссированные дороги» — обходились без асфальта. Гравием засыпали (то самое «шоссирование», ага) — и хорошо. А то ж в основном по грунтовке шли. Но, кстати, за грунтовками следили и, видимо, клали по какой-то прочно забытой к рубежу веков технологии — по крайней мере, даже в ливень можно было до соседнего колхоза добраться.

Десяток раз обгоняли подводы, раз пять — грузовики, а один раз Андрей оставил глотать пыль даже легковушку с каким-то мелким начальником. Водила попытался было отыгаться, отчаянно сигналил — но, видимо, за машиной следил хуже, вот и отстал. В общем, до Владимира долетели часа за три, еще полчаса выруливали к электромеханическому. По дороге болтали о разном. Ивану Трофимовичу парторг выбил путевку в профилакторий, Семенычев зять написал со сборов письмо, что все в порядке, а Катерина с заводоуправления родила и через пару недель выйдет на работу, так что Наташке

будет полегче.

Во Владимире, однако, настроение резко испортилось. Завскладом принял по счету привезенные амперметры, а вот насчет провода сделал круглые глаза — знать, мол, ничего не знаю, ведать не ведаю. Наташка пошла в атаку, бегала между заводоуправлением, складом и дирекцией. Андрей помочь ничем не мог — стоял, пинал баллоны. Уже вечером, после смены, Наташка выскочила — красивая и злая и прямо-таки приказала (вошла в роль!) подгонять машину к складу. В сумерках Андрей с меланхоличным грузчиком закинули, наконец, в полуторку катушки с проводом — их, как оказалось, еще надо было искать. В общем, выехали уже в темноте. Но и на этом злоключения не кончились. Километрах в тридцати от города, прямо за Ставровом, Андрей поймал правым передним колесом гвоздь. Машину повело, чудом в кювет не слетел. Ну и как назло — на старом грузовике запасное колесо отсутствовало как класс. Пришлось ставить домкрат, при свете ручного фонарика снимать колесо, разбортовывать покрышку. До этого Андрею довелось заниматься этой операцией всего раз в жизни, счастье то еще. Ладно, ремкомплект в ящике под кузовом у Андрея был на все случаи жизни. Наташка суетилась, но помочь особо ничем не могла, только «подай-принеси» да на руки воды полила, когда Андрей закончил. Тронулись уже за полночь. Фары светили тускло, так что плелись на двадцати. Часам к двум, проехав Дубки, Андрей понял, что скоро начнет клевать носом. Наташка уже спала, облокотившись на дверцу. Пришлось будить и требовать, чтобы развлекала разговорами. А то и навернуться недолго. Наташке план не понравился. То ли жалея Андрея, то ли резонно опасаясь за жизни их обоих — заявила, что ночью ехать они не будут. В слабом свете фар обнаружили небольшой просвет в стене леса и колею, уходящую куда-то на север. Андрей вышел из машины — грунт был нормальный. Отъехал с дороги — мало ли что. Из ящика же достал котелок с куском хлеба, салом, двумя луковицами — во Владимире между Наташкиной беготней перекусили в столовке, вот и не пригодилось. Наташка принесла хвороста, он же пока притыренной в гараже лопаткой окопал костровище — еще только пожар не хватало устроить и сесть еще раз, за вредительство. Плеснул граммуюльку бензина. Недалеко нашлись две сухие лесины, одну Андрей порубал топором, тоже притыренным, на дрова, другую положил рядом с костром как скамейку. Посидели, поели. В котелке заварили чай из свежесорванных листьев дикой смородины. Было прохладно. Андрей накинул на Наташку свой пиджак, сам облачился в промасленную спецовку. Из кустов шарашили соловьи и еще какие птички попроще. Звездное небо своей глубиной прогнало сон напрочь. Созвездия Андрей знал, Наташка, что удивительно — тоже.

— А знаешь, Наташка, когда-нибудь мы и до них доберемся. Вот представь — лет через двадцать, — ага, точно! В шестьдесят первом — «Ты поосторожнее, Андрюха!» — запустим мы на орбиту космический корабль. И будет его пилотом наш, советский человек. Летчик.

Сцена сразу напомнила очень подходящий американский фильм про безумного профессора с машиной времени, «Назад, в будущее»? Точно.

— Ага. Я кино смотрела, — Андрей чуть не подскочил от неожиданности: откуда тут?! — «Космический Рейс» называется. Там наши на самую Луну летали. А до Луны мы когда долетим?

Андрей поперхнулся чаем. Хорошо, что сидят они рядом, а не напротив друг друга и не надо прятать глаза. Ну не скажешь же ей, что на Луну мы так и не слетали, что года с семидесятого все покатило по наклонной, и теперь огрызок Советского Союза — всего лишь космический извозчик для богатых американцев. И то не факт, что надолго, — пока

мы топчемся на месте, все остальные идут вперед.

— Думаю, еще лет через пять. Там еще три километра в секунду скорости надо, на отлет к Луне. Ну и около Луны поманеврировать придется.

В километрах в секунду Наташка разбиралась хуже, так что Андрей смог излагать теорию и всякие технические детали, не кривя душой и тщательно скрывая стыд за свое время. Что с того, что он и родился-то уже после того, как американцы прикрыли «Аполло», — все равно он, в том числе и он, обманул и Наташку, и всех тех, кто сейчас надеялся на лучшее будущее.

— Ух, как много ты знаешь... Ты что, на инженера учился?

— Ага. На специалиста по системам управления.

— А потом?

— А потом... болтал слишком много.

Наташка замолчала. То ли растерялась, вспомнив, что сидит и болтает с бывшим «врагом народа» — пятьдесят восьмую статью не спрячешь, — то ли просто не знала, что сказать. Молча допили чай и пошли устраиваться спать. Наташка — в кабине, на сиденьях, он — в кузове, на свернутом брезентовом тенте.

Спали часа три, до зорьки.

По свету уже на хорошей скорости добрались до завода.

В пути молчали.

— В ставке Гитлера все малахольные.

Макарыч (А. Смирнов). «В бой идут одни старики».
Киностудия Министерства Обороны, 1973

— Итак, мой фюрер, большевики явно что-то заподозрили. Согласно прямому указанию Сталина, в настоящее время они проводят перегруппировку своих соединений у границы, приводя их в повышенную боеготовность. Нами отмечена также скрытая мобилизация автотранспорта в западных округах. Объявленными ими большими учебными сборами такую мобилизацию объяснить невозможно — в южных районах Украины и прилегающих к Кавказу областях уже наступило время уборки озимых, а через несколько недель озимые нужно будет убирать уже в Центральной России. Автотранспорта в селах у них и так немного, ранее они на время сельскохозяйственных работ, напротив, привлекали технику из городов. Как считают наши аналитики, такая мобилизация будет стоить им около трех миллионов тонн потерянного зерна. По моим данным, — Канарис^[5] вздернул подбородок, — большевистские хозяйственники очень недовольны. Дело дошло до того, что кое-кто из них уже подумывает о саботаже.

— Я всегда говорил, что Россия — колосс на глиняных ногах, — Гитлер казался крайне довольным, несмотря на возможную утечку информации, — вот увидите — через пару недель после нашего удара они сами сбросят своего азиата. Русские достигали каких-то успехов только под управлением немцев!

Когда Гитлер оседлывал любимого конька, остановить его было невозможно. Оставалось только ждать, пока он выдохнется сам. Наконец это произошло.

— Насколько приготовления большевиков могут осложнить «Барбароссу»? Гальдер?

— Мой фюрер! С одной стороны, концентрируя части в приграничных округах, Советы облегчают нам задачу молниеносного окружения и разгрома их армии. С другой стороны, сопротивление может оказаться несколько выше ожидаемого. Однако этот ход большевиков легко опровергается подтягиванием дополнительных ударных сил. Главная техническая проблема русских — это неразвитость транспортной сети. По нашим оценкам, они могут пропускать к границе до ста пятидесяти эшелонов в сутки, мы же в состоянии пропускать шестьсот. Поэтому штаб сухопутных войск предлагает сместить сроки начала операции на неделю — на утро 29 июня — и за оставшееся время дополнительно усилить наши войска. Мы наращиваем силы быстрее, чем они, так что время работает на нас.

— Разрешите возразить, мой фюрер? — приглашенный в качестве эксперта по танковым прорывам Гудериан не смутился маршальских погон окружающих, его вообще мало что могло смутить. — Я не считаю стягивание дополнительных сил русских серьезной угрозой. Качество и боевую стойкость русских войск я расцениваю как крайне низкие. Чем больше дивизий большевики выдвинут на запад, тем больше их окажется в котлах. Когда германские танки вырываются на оперативный простор, становится неважно, сколько солдат противника остается позади. Нам понадобятся разве что несколько лишних охранных полков — пересчитывать пленных. Что же до затяжек сроков операции... Нашим главным врагом в русской кампании будет не русская армия, а расстояние, следовательно — время.

Поэтому я настаиваю на скорейшем ударе.

— Браухич? — Гитлер колебался.

— Мой фюрер, позиция оберкоммандо вермахта однозначна. Для того чтобы танки вышли на оперативный простор, оборона русских должна быть прорвана. Если большевики успеют подготовиться — нам нужно усилить артиллерию и пехотные штурмовые части. Иметь в резерве дополнительные танки я бы тоже не отказался.

— Откуда вы предполагаете получить это усиление?

— В ближайшее время англичанам будет не до высадки на континент. Я предполагаю частично снять войска с французского побережья. Кроме того, для прорыва русской обороны могут быть использованы трофейные французские танки. Они малопригодны для маневренных действий в германском духе, но для поддержки штурмовых отрядов подойдут. После осуществления первоначального прорыва, ориентировочно к началу августа, мы перебросим снятые части назад. Что же до затяжки времени — согласно скорректированному с учетом переноса сроков варианту плана большевики будут окончательно разбиты к концу сентября, до наступления распутицы и холодов. Отмечу также, что дополнительная концентрация Советами материальных запасов в приграничных районах позволит нам после разгрома и капитуляции их войск еще улучшить положение со снабжением в целях завершения кампании.

— А большевики не могут нанести по нам превентивный удар?

— Не думаю, мой фюрер, — за это Канарис мог ручаться. — Конечно, они сыграли нам на руку. После начала войны мы сможем аргументированно заявить о якобы подготовке ими нападения, сославшись на концентрацию войск. Но что касается их истинных намерений — разведка выявила ведущиеся русскими работы по созданию полевых рубежей обороны в приграничных районах. Причем работы тщательно маскируются.

— В таком случае концентрация дополнительных артиллерийских и пехотных частей представляется мне оправданной. Герман?

— Люфтваффе готовы выполнить любой ваш приказ, мой фюрер! Мы не считаем русскую авиацию серьезным противником и гарантируем захват господства в воздухе при любых условиях! После чего вопрос русских оборонительных рубежей может быть решен пикировщиками. Нам дополнительная подготовка не нужна, — Геринг был вальяжен и уверен в себе, свысока посматривая на сухопутчиков.

— Один раз вы уже обещали это, рейхсмаршал, как раз перед Британской кампанией! И что стало с вашими обещаниями?

... Это было сигналом. Свара получилась в лучших традициях германского верховного командования. Канарис тихо сидел в углу и не отвечивал. Геринг хорохорится, но после фактического поражения над Англией его авторитет уже не столь бесспорен. Вермахт явно чувствует себя неуверенно, только авантюрист Гудериан рвется в бой. Но его дожмут. А поскольку в России первая скрипка будет принадлежать сухопутным частям — видимо, операцию отложат. Это было бы хорошо. В идеале было бы совсем не связываться с Россией — но из доставленных абвером сведений и выводов аналитиков Гитлер мистическим образом отбирал только те факты и выводы, которые свидетельствовали в пользу восточного похода. Но вот перенести дату он, кажется, склонен. Да, так и есть. А за лишнюю неделю есть возможность еще немного прояснить ситуацию. Если удастся заполучить серьезные аргументы, можно будет попытаться обречь «Барбароссу» на судьбу «Морского Льва» — вторжение в Англию тоже регулярно переносилось, пока не было, наконец, полностью

отменено. Тем временем — пощипать англичан на периферии, обеспечив себе доступ к африканским и азиатским ресурсам. Вполне возможно, за пару лет упрямство Черчилля надоеет англичанам, и вот тогда... Тогда можно будет развернуться на Восток без особого риска. Хотя лучше бы решить все спорные вопросы миром и как следует переварить уже захваченное.

Когда довольный глава абвера наконец-то покинул совещание, к нему подскочил давно ожидавший его в приемной референт.

— Герр адмирал. Срочное сообщение из генерал-губернаторства.

— Что случилось? Поляки опять мутят воду? — Референт замялся.

— Я бы хотел...

— Хорошо. Следуйте за мной!

Референт проследовал за главой абвера, он вспотел — в приемной было душновато, вентиляция не справлялась. Эсэсовец из охраны ставки распахнул перед адмиралом лакированную дверцу «Хорьха», Канарис знаком приказал референту сесть рядом с ним. Когда дверца захлопнулась, отгородив мягкое кожаное нутро машины от мира, разведчик коротко бросил:

— Докладывайте!

— Герр адмирал. Вчера вечером в районе Бреста при попытке перехода на нашу сторону Буга русскими пограничниками убит перебежчик. Тело было прибито к нашему берегу. Судя по документам, это офицер русской тайной полиции. Начальник отделения абвера сообщил, что обнаруженные на теле убитого материалы требует вашего личного внимания. Подробности он счел неподходящими для телефонного разговора или даже шифрованной телеграммы, настаивая на личной встрече. Два часа назад он вылетел в Растенбург.

При выполнении постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от декабря 1940 г. «О привлечении к ответственности изменников Родины и членов их семей» НКГБ, НКВД и Прокуратура Союза СС. предлагают руководствоваться следующим:

1. Проведение следствия по всем делам об изменниках Родины, бежавших или перелетевших за границу, кроме военнослужащих, возложить на органы НКГБ, надзор за следствием — на военных прокуроров военных округов; дела по окончании следствия направлять через военных прокуроров в военные трибуналы для судебного рассмотрения — заочно (следствие по делам об изменниках Родины из числа военнослужащих и вольнонаемных Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД проводят органы третьих управлений НКО, НКВМФ и третьего отдела НКВД).

Приказ НКГБ СССР, НКВД СССР и Прокуратуры СССР № 00246/00833/ПР/59сс о порядке привлечения к ответственности изменников Родины и членов их семей

— Как — ушел?! — Берия как будто уменьшился в росте. — Как. Ви. Могли. Допустить. Это?!

Ответить было нечего. Оправдываться? Как? Сбежавший предатель был выведен в прямое подчинение самого Берии — тут даже на непосредственного начальника не свалишь, а головотяпы, пропустившие через страну и границу беглеца с липовыми документами, также подчинялись, в конечном счете, ему — наркому внутренних дел. Да и не об оправдании следовало думать. Даже из тех, отнюдь не главных соображений, что оправдывающихся Сталин не любил. Просто на ниточке повисло слишком многое — не для самого Берии, для страны. Надо было срочно думать, что еще можно спасти.

— Виноват, товарищ Сталин. Это целиком моя вина.

— Не сомневаюсь, — резко бросил вождь и внезапно успокоился. Вероятно, из тех же соображений. — У вас, товарищ Берия, есть три недели. До двадцать второго числа. До этого времени вы должны совершенно точно выяснить, что стало известно немцам, поверили ли они перебежчику... или тем документам, которые, если этот... Лемехов действительно пристрелил мерзавца, они нашли на его трупе.

— Там были не только документы, товарищ Сталин. Непосредственно перед побегом лейтенант госбезопасности Прунскас получил из хранилища под расписку вещественное доказательство — рацию марки «Сименс». В личном сейфе Прунскаса объект не обнаружен.

— Совсем плохо. Значит, поверят, — Сталин покачал головой. — Мы же поверили. Что вы собираетесь предпринять?

— Во-первых, я предлагаю уничтожить все оставшиеся вещественные доказательства по этому делу. Точнее, разобрать соответствующие устройства, особо критические части передать в совершенно несвязанные друг с другом секретные лаборатории для дальнейшего

изучения. Во-вторых, провести операцию по дезинформации противника. В ближайшее же время немцы неизбежно должны зашевелиться, пытаясь выяснить, что же все-таки произошло. Я думаю, что кто-то из их агентов направится в Острожск — протокол задержания Чеботарева входил в число похищенных документов. Но, кроме того, они должны активизировать научно-техническую разведку. Состав пластических масс, из которых сделаны корпуса радиостанции и патефона, весьма схож. Мы попытаемся подсунуть одному из германских агентов панель, похожую на панель корпуса рации. Я поинтересовался у химиков — плавление и литье в бескислородной атмосфере не приведет к окислению пластической массы.

— Хорошо. И что это нам даст?

— Немцы могут подумать, что рация — наша мистификация. Пусть даже это будет не полная копия — к примеру, может же у нашей «мистификации» быть прототип. Кроме того, на основе купленной у Маркони технической документации мы можем составить отчет по испытанию жидких кристаллов разных типов. Датируем примерно тридцать шестым годом. Может сработать.

— Может, да. А может, и нет. Еще вопрос. Место, куда мы определили Чеботарева, тоже может быть... скомпрометировано. Что вы предполагаете делать с ним самим?

— Убирать «Паука» оттуда нет никакого смысла. Если немецкий агент не обнаружит Чеботарева, но расспросит сотрудников завода и узнает, что да, был такой да после утечки сплыл, — немцы еще больше уверятся. Проще в рамках начавшейся мобилизации выдернуть его и еще нескольких его товарищей и призвать в армию.

— В армию? Накануне войны? Рискованно.

— Рискованно было отпустить его тогда, товарищ Сталин. А теперь... К тому же он водитель, закатаем его в тыловую часть. Лучше всего — на Дальний Восток.

— Тогда проще устроить ему пищевое отравление. Благо приставленный вами к нему сотрудник такую возможность теперь имеет. Весь смысл того риска, на который мы пошли, отпустив этого человека, заключается в том, чтобы определить, что же он из себя представляет. Так что на Дальний Восток его отправлять не надо. Пусть поводит грузовик под немецкими бомбами. Если они будут.

Отменить бронирование от призыва на военную службу для 50 % лиц, имеющих специальности шофера и тракториста с разбитием по промышленным предприятиям колхозам и совхозам. Призвать разбронированных работников на срочную службу в ряды РККА. Одновременно по аналогичной квоте провести мобилизацию грузового автотранспорта и тракторов промышленного и сельскохозяйственного назначения, а также строительной техники. Мобилизованные а/м и водительский состав использовать для пополнения автомобильных подразделений механизированных соединений, а также для формирования отдельных автомобильных батальонов в приграничных округах.

Приказ наркома обороны Тимошенко от 01 июня 1941 года

Военкомат в Александрове радикально отличался от знакомого Андрею по той жизни Кировского районного. Отличался в первую очередь по духу. И там и там собиралась изрядная толпа нетрезвых юношей с родственниками. Но если там нетрезвость была угрюмая, злая — то в этом времени поддавали больше для веселья. «Социальный лифт», — подумал Андрей. Ну да, армия в этой жизни была уважаемым социальным институтом, школой жизни без появившегося позже издевательского оттенка. Помимо получения множества полезных в дальнейшей гражданской жизни навыков (обращения со сложной техникой, например, на гражданке такую не везде встретишь), отслужившие возвращались уверенными в себе взрослыми мужиками. Причем привычными к совместной работе, что сразу поднимало вчерашних крестьян на одну ступеньку во все еще деревенской на семьдесят-восемьдесят процентов социальной иерархии. Готовый рабочий как-никак. А уж если вернулся младшим командиром — прямая дорога в звеньевые, бригадиры — и далее, хоть из прораба до министра дорастай.

Да и провожали сыновей-братьев-женихов хотя и с почти теми же нетрезвыми песнями-танцами под гармошку, но совершенно с другим настроением. И бравурные марши из репродукторов звучали без скрытой безнадеги... Если не знать, что сегодня уже, как ни крути, восьмое июня одна тысяча девятьсот сорок первого года. Точнее, не знать смысла этой даты.

Народ действительно веселился. Давид в окружении комячейки травил байки, Славка Иванченко гулко ухал, забывая смех остальных слушателей. Он уже отслужил, так что пришел только проводить друзей, поделиться опытом. И уж в такой ситуации не отказал себе в удовольствии пострадать «молодых». Не дедовщиной, нет — тут слова-то такого еще не изобрели. Скорее, все его страшилки и байки можно было свести к постулату «в армии служить — это вам не девок портить». Но особо тоже не пугал — «научат».

Даже Леха Клязьмин в окружении давешнего тела и еще двух корешей (давешнего же крепыша среди них не наблюдалось) бодрился и выпячивал грудь. Провожали его с компанией две подавальщицы из столовой.

Андрей, как всегда, тусовался чуть в сторонке. Ну уж так он себя поставил, и народ к

этой его особенности уже привык. Давид иногда, после памятного разговора «про древних греков» в заводском гараже, пытался сблизиться, то ли по должности, то ли из симпатии, но Андрей, хотя и вежливо, неизменно уходил в глухую оборону. Ага, про серого речь, а серый навстречь. Подскочил, улыбнулся во все шестьдесят четыре.

— Ну что, Андрюха, как настроение?

— Нормально.

— Я тут вот что подумал. Тебе что — судимость, что ли, сняли? Я тут у военкома узнал, с судимостью в армию брать не положено.

— Угу, сняли. Вместе с повесткой постановление пришло.

— Ну, поздравляю! Это здорово. Теперь главное — доверие оправдай. У меня на тебя ба-альшие виды по возвращении. И не у меня одного, кстати.

— А еще у кого? У Семеныча что ли?

— Да какой там Семеныч! Ты вон туда посмотри!

Андрей обернулся. На противоположной стороне дороги, под мечущим в небо пух старым тополем стояла Наташка Хромова. В той же полосатой футболке и в той же расклешенной юбке, в руках — узелок. Андрей загасил о каблук папиросу, вскинул на плечо сидор с ложкой-кружкой-миской и пошел через улицу. Чего девчонку мучить.

— Андрей, я тут тебе на дорогу... Пирожков принесла. Ты... уходишь? — Толковый вопрос, слов нет.

— Ухожу, понятно. Родина приказала, рабочий класс ответил «Есть!», — улыбнулся Андрей, — да ты не переживай.

— Я и не переживаю. Я, наоборот, рада, что тебя призвали.

— Надоел?

— Да что ты говоришь! Просто Верка-почтальонша сказала, что тебе вместе с повесткой...

— Ну да, судимость сняли. Я теперь как все.

— Вот я и рада, — ага, — и глаза на мокром месте. — Андрей... Ты, когда отслужишь, к нам на завод вернешься?

— А куда ж я от вас, таких хороших, денусь?

— Андрей, — слезы у девчонки уже не держатся, стекают по щекам, — я все-все твои статьи в стенгазете читала. Я не знаю, откуда ты все это взял... ну, про войну... Но я тебе верю. Ты уж там, на войне, поосторожней... Пожалуйста... Если получится...

— Есть быть поосторожнее... Если получится.

— Товарищи призывники! — Зычный голос майора с медалью «XX лет РККА» перекрыл многоголосый гомон и оборвал гармошку. — В две шеренги стано-ооо-вись!

— Ну все, я побег. До свидания, Наташка.

— До свидания, Андрей.

Когда две выделенные для такого случая заводом полуторки (одна — бывшая Андреева, с его же сменщиком за баранкой) скрылись за углом, Наталья Тимофеевна Хромова, комсомолка, спортсменка и просто красавица, а по совместительству — штатный сотрудник Управления Наркомата Госбезопасности по Владимирской области, текущий оперативный псевдоним Бушлат, развернулась и, глядя под ноги, пошла к общежитию. И слезы продолжали капать на пыльную обочину безо всякой служебной необходимости.

Во имя святой и нераздельной Троицы, мы, Петр, император и самодержец всероссийский, всем нашим потомкам и преемникам на престоле и правительству русской нации (...)

VIII

Неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Черного моря.

IX

Возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии. Обладающий ими будет обладателем мира. С этой целью возбуждать постоянные войны то против турок, то против персов, основывать верфи на Черном море, мало-помалу овладевать как этим морем, так и Балтийским, ибо то и другое необходимо для успеха плана — устроить падение Персии, проникнуть до Персидского залива, восстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта через Сирию и достигнуть Индии, как мирового складочного пункта. По овладении ею можно обойтись и без английского золота.

Завещание Петра Великого — фальшивый документ, якобы найденный в 1757 французским посланником Д'Эоном в секретных царских архивах

— Вы идиот, Канарис! Вы не заметили самого главного! Боже, какой же вы идиот! — Гитлер бегал по кабинету, брызгая слюной, изредка останавливаясь перед замершим во фрунт разведчиком. — Неудивительно, что с генералами и адмиралами вроде вас Германия может быть повержена! Вы все не видите дальше собственного носа! Вы битый час утомляли меня техническими деталями и не упомянули о самом главном! Не догадайся я сам заглянуть внутрь...

Гитлер подскочил к столу, схватил собственноручно распотрошенный им жемчужно-серый корпус и сунул под нос адмиралу.

— Что здесь написано, Канарис? Вот здесь, на этой наклейке! Здесь написано — «Росстандарт»! Вы понимаете, что это значит? Что толку, что «Сименс» где-то там, в будущем, сможет создавать такие замечательные устройства? Неужели кто-то сомневается в полном и безоговорочном превосходстве германского технического гения? Что толку, что на него будет работать весь мир — от Малайи до Формозы? Главное — стандарты будет устанавливать Россия! Именно Россия будет решать, что ей одобрять, а что нет! Запомните, Канарис — стандарты может устанавливать только высшая раса!

Канарис был готов возразить, что сам факт нанесения надписи «Росстандарт» на бумажную наклейку свидетельствует лишь о том, что русские и немцы (если принять безумную идею о подарке из будущего) всего лишь активно торговали. До такой степени активно, что наклейки регулирующих торговлю органов приходилось печатать типографским способом. Таково было общее мнение аналитиков абвера. Но жизнь адмиралу

еще не надоела, и он считал за благо промолчать. Тем более что фюрер далеко еще не закончил.

— А язык надписей на экране? Все, все в этом устройстве написано либо по-русски, либо по-английски! Ни одного немецкого слова! Немецкий язык погиб, немецкого языка не существует! Вы понимаете это, Канарис? А вот это? — Нервно подрагивающий палец остановился на клейме «Made in EU». — Европейский Союз — да, мы могли бы объединить Европу в такой союз! Но почему, скажите, почему официальный язык этого союза — английский?! И почему символом союза является кольцо из пятиконечных звезд?! Пятиконечные звезды — символ большевиков и американских плутократов! Вы понимаете, что в этом будущем Германия — всего лишь экономический придаток истинных хозяев мира, всего лишь второе издание проклятой Веймарской республики?!

Гитлер кинул аппаратик на стол и обхватил голову руками.

— Что же до якобы выловленных с этим вашим перебежчиком протоколов допроса — вы не хуже меня понимаете, что уж что-то, а стряпать фальшивки большевики и американские плутократы умели всегда. Если бы не этот аппарат — я просто посмеялся бы над ними. Но подделать столь сложное устройство им действительно не хватит мозгов. Да и американцам — тоже. Но во всей этой куче, — он брезгливо ткнул стопку фотокопий и машинописных страниц перевода, — достоверно только одно. Они каким-то образом разнюхали о «Барбароссе» и об одной из дат начала операции. Я даже склонен допустить, что ваши измышления верны и они действительно получили сигнал из будущего. К счастью, мы несколько изменили план и усиливаем наши войска. И к каким бы подлым трюкам ни прибегали большевики — что в прошлом, что в будущем, — германский дух выйдет из войны победителем! Само Провидение рушит их коварные планы! Теперь мы тоже предупреждены, и мы поведем войн) еще более безжалостно!

Канарис понял, что сейчас, пока гнев Гитлера временно направлен мимо его персоны, у него есть шанс. Возможно, последний.

— Мой фюрер! Слабость большевиков — в гнилости их режима!

— Вы решили говорить банальностями, адмирал?

— Дело в том, что, по моим данным, все связанные с этой... аномалией изменения в политике и военном планировании большевиков исходят лично от Сталина. Вероятнее всего, круг посвященных крайне узок — сам Сталин, кто-то из верхушки тайной полиции, несколько экспертов.

— Это тоже тривиально. Я тоже не намерен кричать об этой находке на весь рейх.

— Соответственно вся лихорадочная подготовка к войне, причем — к конкретной дате, тоже исходит лично от Сталина. Причем, боюсь, он не в состоянии раскрыть свой источник информации. Что не способствует доверию к этой информации и к самому Сталину со стороны большевистской верхушки. При этом, как я уже упоминал, мобилизационные мероприятия встречают серьезное сопротивление хозяйственных бонз. Мобилизация людей и автотранспорта в разгар летних полевых работ, форсирование слабой русской промышленности — все это порождает массу недовольных как среди народных масс, так и в верхах.

— Вы предлагаете...

— Да, мой фюрер. Я предлагаю прикрыть стальной кулак вермахта бархатной перчаткой дипломатии. По всем официальным и неофициальным каналам мы должны продемонстрировать наше миролюбие. Мы должны создать у большевистской верхушки полную

иллюзию того, что все приготовления к войне — всего лишь плод паранойи Сталина... Или его стремления напасть на рейх. Мы должны внушить людям из второго эшелона, что политику Сталина необходимо менять.

— Вы полагаете, менее чем за месяц мы успеем убедить их свергнуть Сталина? И что это у них получится?

— Вряд ли. Тем более что глава русской тайной полиции не может не быть в курсе дела. Но мы можем успеть посеять раздоры и создать напряжение в русском руководстве. Пусть большевики немного погрызутся. А когда двадцать второго июня вместо нападения последует какой-либо дружественный жест со стороны Германии, позиции Сталина резко ослабнут.

— И что мы сможем им предложить?

— Турцию, мой фюрер. Проливы. Мы могли бы сделать вид, что согласны на прошлогодние требования Молотова — хотя бы на южном направлении. Мы сошлемся на то, что не можем допустить, чтобы Турция стала плацдармом для англичан, и предложим им совместную операцию. Русские жадны, на такой кусок они не смогут не разинуть пасть. К тому же, хотя Святая София им сейчас, казалось бы, и не нужна — фактически большевики продолжают политику русских царей, так что возможность захватить Босфор и Дарданеллы будет для них неодолимым искушением.

— Вы в самом деле...

— Что вы, мой фюрер. Слова, особенно произнесенные в кулуарах, ничего не стоят. Что же касается дел... За неделю они никак не смогут даже спланировать операцию. А жаль. Если бы они успели напасть — турки стали бы нашими вернейшими союзниками, как и финны. А, учитывая позицию Румынии и Болгарии, Черное море стало бы немецким озером. Кроме того, англичане очень бы разозлились. Я не исключаю, что они все же решились бы претворить в жизнь свой прошлогодний план и совершить налет на Баку. Будь у русских пара лишних недель на раскачку, как в случае с Польшей, — мы могли бы поставить их в безвыходное дипломатическое положение. У них просто не осталось бы потенциальных союзников. Так что я бы предложил рассмотреть вариант с переносом операции, чтобы дать медведю залезть в капкан всеми четырьмя лапами.

— Отложить операцию на июль? Нет, Канарис, это исключено. Я не могу рисковать и гнаться за возможностями, подвергая риску беспроигрышный вариант. Что бы там ни насовали русским из будущего их потомки — они не смогут преодолеть свою расовую ущербность. Я думаю, на те три месяца, которые нам нужны для разгрома России, будет довольно эффекта от «случайной утечки». А затем мы подкрепим ее трофейными протоколами заседаний Коминтерна. Даже если они успеют уничтожить документы — мы их все равно опубликуем. Тем или иным способом. Подготовьте план действий по турецкому варианту к завтрашнему совещанию.

Гитлер, удовлетворенный собственной гениальностью, успокоился. Подошел к столу, опять взял распотрошенный корпус «Сименса», рефлекторно поглаживая округлые очертания. С третьего раза вставил на место спичечную коробку аккумулятора и крышку.

— Дальнейшие работы по этому... артефакту будет курировать СС. Как и по другим возможным находкам. Мы создадим специальный засекреченный Технический Комитет СС... Да, пожалуй, назовем его... «Наследие потомков», «Nachkommenerbe». Туда войдут группы Гейзенберга и Паули, а также фон Браун. Кроме того, сама возможность путешествий во времени, какой бы гипотетической она ни была, также заслуживает

исследований. Абверу же следует сосредоточиться на своих прямых обязанностях. Проработайте мероприятия по активизации разведки в России. Помимо данных о русской армии и о разногласиях среди окружения Сталина, мне нужно как можно больше информации по тому, откуда взялся этот аппарат. Я все же не исключаю, что это какая-то дьявольски хитрая еврейская провокация. Какой город упоминается в этих документах? Острожск?

— Да, мой фюрер. Это город чуть в стороне от Транссибирской железной дороги, довольно-таки провинциальный. Раньше был одним из основных центров Западной Сибири, теперь основательно захирел. Промышленности мало, несколько крупных учебных заведений.

— Выясните, что там произошло.

— Мой фюрер, наши сотрудники уже в пути.

В случае срочных или слабо мотивированных поездок подлежащих контролю лиц в Новосибирскую область по личным делам либо по служебным делам, но по собственной инициативе — немедленно докладывать о данном факте в областное либо республиканское Управление НКГБ с указанием шифра «Паук» и приложением краткой справки по данному лицу.

Циркуляр Народного Комиссара Госбезопасности от 05 апреля 1941 года

Это же самое естественное дело — проведать живущего под Новосибирском отца. Вот только есть пара маленьких нюансов. Во-первых, отца в его деревне чаще называют «батюшкой», и потому верному члену ВКП(б), товарищу Сомову, среднего уровня чиновнику Наркомата легкой промышленности, последние лет пятнадцать навещать родителя было не с руки. А во-вторых, отпуск товарищ Сомов запросил внезапно. Впрочем, в огромной стране, где горизонтальная мобильность населения (когда добровольная, а когда и не вполне) была, пожалуй, наивысшей в мире, эти нюансы вполне могли остаться незамеченными. Только вот была на личной карточке товарища Сомова в отделе кадров так называемая «контролька». Ну или «сторожок» — где как. Маленькая такая пометочка, обязывавшая сотрудников этого отдела сообщать «куда положено» о предпринимаемых товарищем Сомовым телодвижениях строго определенного рода. Чистая предосторожность — что бы не писали ни сейчас, ни потом, далеко не все, кто бывал в Германии по торговым делам, непременно зачислялись в шпионы. А если вдруг и зачислялись — далеко не все сразу же арестовывались. Потому что выявленный *настоящий* шпион, да еще и перед войной — это величайшая ценность, которую надо холить, лелеять и кормить вкусной и питательной информацией. Когда имеющей отношение к действительности, а когда и нет. А арестовывать или уж тем более расстреливать — только в крайнем случае. Или по скудоумию. Такое тоже бывает, чего уж там.

И надо ж такому случиться — только вчера в список таких подлежащих контролю телодвижений попали поездки в район Западной Сибири, а сегодня товарищ Сомов тут как тут. И ценность товарища Сомова в определенных кругах, обычно подразумеваемых под тем самым сочетанием «куда положено», взлетела до небес.

Конечно, отпуск ему, несмотря на массу дел в наркомате, дали.

И купе ему с женой — холеной, шикарно одетой дамой, что называется — «с запросами», досталось замечательное. И попугачики — удивительно приятная, милая и интеллигентная пара.

А когда товарищ Сомов с женой, погостив четыре дня у деревенского священника, взяли билет до Острожска, проведать троюродную тетку по отцовой линии, так им и вовсе повезло. В одной с ними секции плацкартного вагона оказался врач из Острожской психиатрической больницы. Выпили на дорожку, как водится (супруга товарища Сомова изволила от беленькой сморщить носик), заговорили о разном. От футбола перешли к кино, от кино — к литературе. Дошли до «Золотого тельца». Товарищ Сомов усомнился в

правдоподобности историй с бухгалтером Берлагой, пытавшимся пересидеть ревизию в сумасшедшем доме, симулируя бред величия. «Да этого „вице-короля Индии“ и в приемный покой не должны были допускать! — горячился товарищ Сомов. — Он бы еще лидером монархистов себя объявил!» На что молодой врач с обидой отвечал, что случаи бывают разные, и вот прямо сейчас у него в отделении на излечении находится человек, выдающий себя за внебрачного сына царя Николая. Даже паспорт с двуглавым орлом себе нарисовал, с присущей этой категории душевнобольных аккуратностью. Причем заметьте, товарищ Сомов, никакой не симулянт, а действительно глубоко больной человек. Причем, как говорили соседи, ранее в симпатии к монархии не замеченный. И прошу учесть — лежит уже полгода, с начала января, и никто его выгонять как симулянта или же передавать органам как скрывающегося контрреволюционера не собирается. Типичный случай (тут врач выдал длинную латинскую тираду), так что лежать гражданину Чеботареву в больнице еще долго. А вот что действительно возмущает — так это то, что товарищи Ильф и Петров в своей книге позволяют себе насмеяться над действительно глубоко несчастными людьми — я имею в виду учителя географии, не нашедшего в учебнике Берингов пролив. Товарищ Сомов согласился, что товарищи Ильф и Петров действительно поступили некрасиво, и высказал предположение, что гражданин Чеботарев просто слишком увлекся празднованием Нового года. На что доктор компетентно возразил, что делириум тременис, или, по-простому, белая горячка, как правило, протекает сравнительно быстро и дает совершенно иную клиническую картину. Что, впрочем, не отменяет необходимости умеренности в питье. Ваше здоровье, товарищ Сомов.

Побыв у троюродной тетки в Степановке всего день и передав скромные подарки от троюродного брата, чета Сомовых, видимо, опасаясь загоститься, купила билет до Москвы, где товарищ Сомов благополучно вышел на службу, а его супруга отправилась по портнихам.

А вот аккуратный вброс информации по специальному химическому цеху в Дзержинске и статья в «Комсомольской правде» о работе британских ученых по жидким кристаллам эффекта не дали. То ли немцам не хватало рук и глаз, то ли вброс был слишком аккуратным — но на автора статьи никто не вышел. Да и с большим трудом отформованная (кстати, с браком — но так было даже убедительнее) пластмассовая детальюшка, напоминавшая формой корпусную панель мобильного телефона «Сименс», осталась лежать на тщательно, но неявно охраняемой лабораторной свалке. Впрочем, скоро это стало совершенно неважным.

Вероятнее всего, плохое качество советских танков было в немалой степени следствием того, что станочный парк СССР заметно уступал германскому. Советские руководители осознавали важность этой проблемы, однако поставки из Германии по торговому договору не покрывали всех потребностей, а американские станки были недоступны из-за «морального эмбарго», введенного после войны с Финляндией, вплоть до весны 41-го года.

Д. Пелед. «Красная броня». Латрун, 1960

Десятого июня Сталин, как и обещал, приехал в Кубинку еще раз. Не на весь день — работы было слишком много, а на пару часов. Девятнадцать танков пылили по дороге, заходя на последний перед окончанием двухсоткилометровой дистанции круг. Один все-таки не выдержал — запах перегретого масла чувствовался даже со ста метров, — и черные фигурки опять суетились вокруг. Правда, ветер дул в сторону проверяющих.

— Уже лучше. Но... недостаточно хорошо. Что с машиной?

— Разбираемся, товарищ Сталин, — Морозов с черными от масла руками старался держаться подальше.

— Давно стоит?

— Два часа. На сто семьдесят первом километре встал, — Морозов выглядел расстроенным.

— Товарищ Малышев! — Нарком тяжелой промышленности оторвался от разговора с техником-лейтенантом. — Разберитесь в причине поломки. Машина из новых — или из тех, что мы тут видели в прошлый раз?

— Из новых, что и обидно.

— Неудивительно. Небось старые танки до последней гайки вручную отполировали? — Возражать никто не стал. — Ладно. Разберитесь с этой поломкой. Если это случайность — поставьте директору завода на вид. Если не случайность... или если эта случайность повторится — подберите товарищу менее ответственную работу. В войсках полировать танки будет некому. И некогда.

Из-за выступа роицы послышался усиливающийся лязг. Колонна машин выползала из-за деревьев. Пять, шесть... Девять... Тринадцать... Все девятнадцать. Одна за одной машины подходили к бетонированной площадке, разворачивались, образуя неровный строй. Обсыпанные пылью, пышущие жаром машины отличались от двух виденных в прошлый раз парадных «красавиц», как шахтер от балерины. Экипажи, обалдевшие от многочасового грохота, прыгивали на бетон и формировали короткие шеренги по краю площадки. Сталин подошел к строю и остановился у крайней четверки.

— Ну что, товарищ капитан? Как поживает ваш зверь? Не ломается? — И, поймав глаза шатающегося от усталости командира, обернулся к Федоренко: — Товарищ генерал-лейтенант! Отправьте людей на отдых. Отчеты они напишут после. Представьте их мне. А сейчас... У вас найдутся девятнадцать сменных экипажей? — Справа раздался грохот запускаемого двигателя. Отставшая «тридцатьчетверка» дернулась назад — вперед,

танкисты закрыли жалюзи и полезли внутрь, машина выпустила сизую тучу и пошла по дороге. — Двадцать сменных экипажей?

— Да, товарищ Сталин, найдутся.

— Посадите их во все эти танки и гоняйте их до тех пор, пока машины не выйдут из строя до такой степени, что устранение поломок силами экипажей станет невозможным. И подробно опишите — что, когда и при каких обстоятельствах вышло из строя. Товарищ Морозов! Будем считать, что задание Правительства вы выполнили. Теперь разрешаю заняться улучшением конструкции. Обратите особенное внимание на удешевление производства и, пожалуй... на условия работы экипажа. Вон, люди на ногах не стоят. И как они будут сидеть в такой тесной башне в зимних полушубках, я понимаю с трудом. А параллельно... Параллельно рисуйте новую машину. Лучше, чем «Т-34М». Тонн на тридцать, с пушкой восемьдесят пять — сто миллиметров. И, — он опять задрал голову, посмотрев на крышу башни, оценивая высоту, — пониже. Но не увлекайтесь. Сейчас доводка и действительно массовый выпуск этой... красавицы, — он, наконец, похлопал танк по горячей броне, — важнее.

Морозов кивнул.

— Товарищ Малышев! Сколько таких машин выпущено заводами?

Нарком тяжелой промышленности к вопросу был готов.

— Тысяча шестьсот семь, товарищ Сталин! Из них с усовершенствованным двигателем и новой КПП — семьдесят четыре, остальные — старых типов.

— Значит, нам нужно модернизировать полторы тысячи машин. За какое время мы можем это сделать?

— Зуборезные станки из США мы получим не раньше конца месяца. Пароход приходит во Владивосток только через десять дней. Даже если товарищ Каганович даст поездам со станками зеленую улицу — мы сможем установить их только в середине июля. До этого времени мы с трудом справляемся с производством КПП нового типа только для вновь выпускаемых танков. Кроме того, не хватает квалифицированных рабочих. Но эту проблему со временем решим.

— Со временем... А есть ли у нас оно, это время?

Обратить особое внимание на обучение поступающего пополнения навыкам движения в колонне, в том числе — ночью, с принятием мер светомаскировки.

Приказ начальника ГАБТУ Федоренко от 10 июня 1941 года

Времени не было совсем. Ни одной свободной минуты. Последним временем отдыха, насколько помнил Андрей, была дорога до Самары. Вот уж не думал, что придется ехать в знаменитой теплушке — а поди ж ты. Даже знаменитые таблички «40 человек или 8 лошадей», оказывается, еще были в ходу. Экзотика. Некоторое время удалось посидеть у открытого по летнему времени дверного проема, покурить. Давид попал с ним в одну теплушку, чему Андрей не удивлялся. Вечером, пока сопровождающий их старшина не подал команду «отбой», маленько поговорили — еще на невоенные темы. Андрей пришел на призывной пункт уже бритым налысо, «под Котовского» — за три давешних месяца несвободы к такой стрижке он привык и чувствовал себя достаточно комфортно. А вот Давид за свою шевелюру, чувствовалось, переживал.

И выглядел он в карантине после стрижки, действительно, как-то несерьезно, отчего, небывалое дело, стусевался и попритих. Впрочем, переживать ни ему, ни Андрею особенно не давали. Со второго же дня понеслось — подъем сорок пять секунд — тот же старшина, что сопровождал их команду, фамилия его была Селиванов, закалку имел еще царскую, потом — гимнастика (народ тут был крепкий, Андрею и еще двоим городским приходилось туго), строевая, уставы, политзанятия. На политзанятиях, как говорили Андрею отслужившие там, можно было, теоретически, отоспаться. Но тут это было рискованно, особенно для него. К счастью, политрук роты в основном дергал либо деревенских — для соответствующей накачки, либо активистов типа Давида. А вот строевая подготовка доставала реально. Тупая долбежка плаца, смысла, как считал Андрей, ноль. Ну тут уж ничего не попишешь, приходилось по мере сил осваивать солдатский шаг. Благо с портянками вопросов не возникло — привык к ним еще на заводе. Хотя автоматизм в скоростной намотке пришлось, конечно, нарабатывать по ходу дела. На стрельбы новобранцев не возили, оружия до присяги не давали. А вот в автопарк погнали сразу. Что характерно — права были у всех, большинство пришло с ними из Осоавиахима. На проверочном вождении Андрей неожиданно оказался в числе лучших — благо к полуторке успел на заводе попривыкнуть. А с теорией Андрей вообще попал. Уже на второй день техник-лейтенант, излагающий им матчасть, прикрепил его в качестве шефа (было тут такое понятие — «шефство над отстающими») к здоровенному парню из их команды — Мамину. Что характерно — тоже сибиряку. Мамин был парняга неглупый, но уж больно тормозной. Со всем, что можно было пощупать, справлялся на раз, а вот электричество ему не давалось. И приходилось вместо личного времени сотый раз объяснять здоровенному лбу, что такое электричество, откуда берется, как бежит по проводам и каким образом из него внутри фар получается свет. Как Мамин, быстро переименованный в Мамина-Сибиряка, и Амирджанов, который и по-русски-то говорил с огромным трудом, получили у себя в колхозах права, было совсем непонятно.

После очередной «самоподготовки», перед отбоем, удалось пять минут покурить, и Мамин завесу тайны все-таки чуть-чуть приоткрыл. Ну да, образование у него было формально обязательное, семиклассное. Но учителя хотя и гоняли на переподготовку в Тюмень, знал он программу свыше четвертого класса весьма поверхностно. Ну и учил соответственно.

— К тому же знаешь, земляк (ну да, от Тюмени до Острожска тыщи полторы километров всего, считай, соседи), с пятого класса учились-то в основном зимой. Осенью — уборочная, весной сев. Да и зимой в тайгу, на лыжах зайца поохотить — сам-милое дело. А электричества у нас в деревне отроду не было. Бают, в нынешнем году линию проведут. Было бы оно, это электричество — уж я б его освоил. А так непонятная, скажу тебе, вещь. С машиной-т проще — по-перву с бате́й на тракторе поездил, потом сам уже. Ну а как восемнадцать исполнилось — мне на машинной станции документ и выправили.

Амирджанов не курил, читал по слогам Устав гарнизонной и караульной службы, иногда обращаясь за разъяснениями. Вот для кого армия счастье. Вернется грамотным, уважаемым человеком. Если вернется, конечно. Дай Аллах ему удачи. Завтра уже четырнадцатое июня. Наши передадут заявление ТАСС, опровергающее слухи о якобы неизбежной войне. А немцы на него не ответят. Или ответят?

... В середине июня Иден огорошил меня совершенно неожиданным и обескураживающим известием — якобы Гитлер решил все-таки согласиться с требованиями Молотова, выдвинутыми на встрече в ноябре сорокового года. Мысль о возможном союзе двух диктаторов, направленном на установление контроля над Турцией и Средним Востоком, привела меня в крайнюю степень беспокойства.

У. Черчилль. «Вторая мировая война»

— Хм. Действительно ответили... — Сталин еще раз перечитал текст ноты германского МИДа от двадцатого июня. Строго говоря, реагировать целой нотой на заявление пусть и официального, но всего-навсего телеграфного агентства, немецкий МИД был не обязан. Конечно, оставить сообщение ТАСС совсем без ответа было бы странным — но присутствующим показалось, что Сталин удивлен. Причем удивлен неприятно.

— Возможно, таким образом немцы дают нам понять, что советско-германские отношения имеют для них очень большое значение, — Молотов испытывал облегчение. Нагнетавшая подспудно с начала мая напряженность давила страшно. Надежда оттянуть войну была уже, как он думал, похоронена. Оказалось, неглубоко.

— Так... Выражая глубокую уверенность... Плодотворное сотрудничество... Стремление совместно утверждать новый мировой порядок... Провокации клики Черчилля... — пока это все слова. Я бы даже сказал — констатирующая часть. За ней, как мне кажется, должны последовать какие-то предложения?

— Полагаю, предложения скоро последует, товарищ Сталин. К нам едет Риббентроп.

— Да вы прямо Гоголь, товарищ Молотов! «К нам едет ревизор!» Ну, хорошо. Сообщите Германии — пусть едет. Мы не возражаем. А вот нам надо постараться не попасть... в положение городничего. Мы ведь не хотим попасть в положение городничего, не так ли? А значит, нам нужно ориентироваться не на слова господина... Риббентропа, а на реальные факты. Немцы ведь не снизили концентрацию войск около наших границ, так, товарищ Голиков?

— В настоящее время немецкие войска в восточных районах Польши, а также в Румынии остаются на своих позициях, — начальник Главного разведуправления Генштаба после месяца работы на износ напоминал собственную тень. — По сведениям наших агентов, они занимаются боевой подготовкой. Однако один из наших источников в железнодорожном ведомстве сообщает, что штаб сухопутных войск вермахта заказал подачу людских вагонов и платформ для техники в целях войсковых перевозок в направлении Болгарии и Греции. Сроки начала перебросок датируются двадцать пятым — тридцатым июня. Кроме того, германское посольство в Болгарии активизировало контакты с болгарской армией и флотом. Возможно, немцы планируют перенос основных своих усилий на южный театр военных действий. Об этом же говорит и начавшаяся переброска десантно-высадочных средств, ранее подготовленных для атаки на Англию, на Средиземное море. Часть этих средств перебрасывается в Грецию и Югославию, часть — в ту же Болгарию.

Таким образом, высадку в Англии, притом что британская авиация и флот находятся в значительно лучшем состоянии, чем год назад, мы полностью исключаем.

— Согласен, — Сталин подошел к большой карте Европы. — А Румыния? Что происходит в Румынии?

— Там все спокойно, товарищ Сталин. Никаких заметных передислокаций, никакой особой политической активности. Железные дороги около наших границ работают в обычном режиме.

— Значит, Болгария и Греция... Интересно. Фактически, это означает одно — вектор военных усилий Германии — если, конечно, верить этим сведениям, — Голиков дернулся, но успокоился, Сталин махнул трубкой, все, мол, нормально, — вектор немецкого продвижения определяется однозначно. Из Греции и особенно из Болгарии идти можно только в одно место — в Турцию. Чтобы ударить по англичанам на Ближнем Востоке еще и с севера. Очень логично. И снимает для немцев проблему войны на два фронта.

— Вы считаете, товарищ Сталин, — Молотов был единственным, кто называл Сталина на «ты» и по партийной кличке, но, конечно, не на людях, — что Риббентроп едет информировать нас об этом?

— А вот это должны были нам сказать вы, товарищ Молотов. Впрочем... посмотрим. Все зависит от позиции самой Турции. Если немцы договорились с турками по-хорошему — тогда просто проинформируют. А вот если им это не удалось... А могло и не удался — Инёню^[6] хитрый лис, сейчас он активно лавирует между Англией и Германией... Тогда, полагаю, они будут склонять нас на что-то вроде второго издания тридцать девятого года. Возможно, предложат нам Армянское нагорье и Иран. Но тут я не понимаю одного. В сороковом году мы уже отвергли схожие предложения, поскольку немцы не пошли нам навстречу в вопросе о Болгарии. Что нового они могут предложить нам на этот раз? Кстати, товарищ Шапошников. Каковы могут быть военные последствия обоих вариантов? Я имею в виду — добровольного присоединения Турции к Оси, во-первых, и ее оккупации немцами, во-вторых.

— Я считаю, Иосиф Виссарионович, что оба варианта для нас губительны. Если мы предположим, что немцы тем или иным способом получают контроль над Турцией и Ближним Востоком, — наше положение осложняется катастрофически. Во-первых, с территории Турции немцы получают возможность угрожать нефтеносным районам Баку и нашим черноморским базам. Как с воздуха, так и с суши. Во-вторых, они получают доступ к гигантским нефтяным ресурсам. И, в-третьих, — немецкий контроль над черноморскими проливами позволяет странам гитлеровского блока в любое время перебросить в Черное море все еще весьма мощный итальянский флот. Особенно, если они вытеснят англичан из Средиземноморья.

— Значит, губительны. Что же, посмотрим, что скажет нам господин Риббентроп.

А представь себе, что большевики успели бы запустить в серию «И-185» Поликарпова. Он начал полеты в феврале и к июню вполне мог начать поступать в части. Три 2-см пушки и скорость за 600! Тогда нашим ягерам пришлось бы несладко. И «МиГ-3» они сняли с производства, а это был единственный высотный истребитель иванов. Так что мы били русских в хвост и в гриву, спасибо towaristschu Сталину. Непонятно только, какая муха его укусила.

<http://forum.luftwaffe-45.de>, участник Sbwalbe

Огромный четырехмоторный «Фокке-Вульф-200» «кондор» пересек границу СССР ровно в четыре часа утра 22 июня 1941 года. Он летел над лесами, забитыми полностью (насколько, конечно, успели) готовыми к бою, накачанными на политинформациях и вздрюченными посредством приказов солдатами. И боевой техникой отремонтированной, пусть зачастую «хоть как-то», пусть на день боя — но отремонтированной. Над железнодорожными станциями, на которых разгружались эшелоны с топливом и боеприпасами. Его сопровождали рупоры звукоулавливателей и накачанные до полной паранойи глаза зенитчиков — чудо, что никто не открыл огонь. Дважды, в порядке бдительности, параллельными курсами проходили эскадрильи «ишачков». Уже под Москвой в качестве эскорта к «кондору» пристроилось звено незнакомых ранее ни пилотам, ни Риббентропу, ни сопровождавшим его офицерам остроносых истребителей, отдаленно напоминавших «Vf-109». Один из сопровождавших рейхсминистра офицеров, гауптман ^[7] люфтваффе, заснял незнакомые машины для отчета.

После посадки на Тушинском поле у него появилась возможность сделать еще несколько снимков: прямо напротив небольшого «кондора» выстроилась линейка из полутора десятков столь же огромных (а то и поболее) четырехмоторных бомбардировщиков, причем не гофрированно-полотняных «ТБ-3», а зализанных хищных тяжеловесов. Рядом с ними демонстративно уходил к краю поля ряд стремительных маленьких машин, таких же, что и взлетевшие на сопровождение — или на перехват? — истребители.

Пока Риббентроп обменивался рукопожатиями с встречающими, гауптман отщелкал всю пленку. Уж если иваны решили что-то показать — грех не воспользоваться. Помешать ему никто, конечно, не мог — да и не хотел. Чего гауптман, конечно, не знал — так это того, что выпуск тяжелых «ТБ-7» и высотных истребителей «МиГ-3» был уже месяц как прекращен, что все микулинские моторы срочно перебрасывались на производство бронированных «Ил-2» и что на авиазаводах вместо тяжелых бомбовозов уже производятся пикировщики Петлякова. Перетряска для советской авиапромышленности была жуткой и совершенно неожиданной. Многие ждали следующей волны репрессий, но как-то обошлось.

Пострадавшие больше всех — сняли с производства единственную серийную машину — Микоян с Гуревичем днем и ночью вкалывали в Куйбышеве с малоизвестным двигателем из Харькова Архипом Люлькой. Чем они там занимались, что чертили — мало кому было известно, но видимого огорчения от снятия их машины с производства они не испытывали.

А вот Николай Николаевич Поликарпов, старейший из советских авиаконструкторов, был крайне расстроен. Даже несмотря на полную реабилитацию. Он был абсолютно, не на сто, а на двести процентов уверен, что его новый истребитель «И-185» был именно той машиной, которая необходима советским ВВС, что его летные данные, подтверждаемые на опытных машинах с января, на голову превосходят не только конкурентов, но и врагов.

Но указание с самого верха было прямым и недвусмысленным — все работы по самолету и по 18-цилиндровым перспективным двигателям прекратить вплоть до дальнейших распоряжений, винтомоторную установку поликарповского детища с 14-цилиндровым швецовским «М-82» адаптировать для установки на серийный «ЛаГГ».

Нет, логика была понятна — в воздухе ощутимо пахло порохом, видимо, верхи сочли, что необходимо насытить ВВС современными истребителями как можно быстрее. Да и «три мушкетера», как называли Лавочкина, Горбунова и Гудкова в авиационных кругах, были, конечно, талантливыми молодыми конструкторами. Но оказаться, как ни крути, в подчиненном положении было... унижительно. Тем более что до его, Поликарпова, уровня всей троице было расти и расти.

Николай Николаевич вздохнул и еще раз бросил взгляд на разложенный на столе чертеж. Помещение для КБ в Горьком, куда и его, и Лавочкина перевели без объяснения причин, еще не было оборудовано до конца, даже кульманов не хватало. Конструктор взял карандаш и задумался. Да, вот тут молодые явно намудрили. Даже без продувок видно (по крайней мере, ему), что маслорадиатор расположен неудачно и будет отъедать у машины километров пять, а то и десять в час. А если перенести его вот сюда? Наскоро наметив изменения, он взял «простыню» и отправился к коллегам. Большая аэродинамическая труба ЦАГИ осталась, естественно, в Москве, а строительство такой же установки в Горьковском филиале завершится не раньше сентября. Но переделать один из трех построенных опытных самолетов прямо на серийном заводе и снять скоростные показатели непосредственно в полете можно было и так.

Как правило, вещественные доказательства являются более надежными уликами, чем показания свидетелей. Поэтому поиск вещественных доказательств является наиболее важной задачей следствия.

Доктор М. Хофмайер. «Научная криминалистика». Берлин, 1972

Предложение Риббентропа поразило своей щедростью всех присутствующих. Иран и Армянское нагорье с озером Ван были ожидаемым бонусом за участие в предполагаемом разгроме Турции. Но то, что и Босфор и Дарданеллы были признаны Германией «входящими в сферу интересов России» (хотя, конечно, не так уж прямо сплеча, а принятыми в языке дипломатии полунамёками), вызвало натуральный шок даже у Молотова. По крайней мере, Вячеслав Михайлович не был уверен, что смог сохранить неизменно-непроницаемое выражение лица, или, как говорят американцы, «rocker face». Сталин же казался всего лишь крайне заинтересованным. Такие выгоды от всего лишь продолжения вековой, с Ивана Грозного еще, борьбы, да еще и в паре с таким мощным союзником... И всего лишь заинтересованность. Да, товарищ Молотов, до Кобы тебе далеко.

Естественно, столь заманчивое предложение требовало обсуждения. Риббентроп отклонялся и отбыл в германское посольство, а Сталин предложил собрать вечером заседание Политбюро.

Оставшись в одиночестве, вождь долго ходил по кабинету. Было совершенно ясно, что без влияния попавшей к немцам информации такого резкого поворота в политике Гитлера произойти не могло. Год назад, в сороковом, немцы уперлись из-за Болгарии — а тут несут на блюдечке проливы.

И жизненно (или смертельно) важно было понять — действительно ли Гитлер испугался? Нужно поставить себя на его место. Бесспорная улика (да, лучше всего размышлять именно в этих терминах) только одна — невозможная в этом мире аппаратура. Остальное — показания, что письменные, что при личной встрече, могут быть подделкой. Значит, остаются только часы. Сталин предпочитал думать о приборчике как о часах. В конце концов, возможности жемчужной коробочки служить телефонным аппаратом ему не демонстрировали.

Итак, у нас есть часы, решительно в этом мире невозможные. Предположим, версию подделки мы исключили полностью. В часах имеем надписи на русском и английском языках, хотя произведены они немецким предприятием в Китае. Однозначно установить можно только то, что Германия в будущем является мощной экономической державой. Остальное — домыслы. Можно ли испугаться этого факта настолько, что отказаться от своих планов? Вряд ли. Значит... Либо предложение Гитлера ловушка, либо... Либо он с самого начала не собирался нападать на Советский Союз.

В конце концов, какие бесспорные факты, связывающие странные приборы с якобы неизбежной войной, есть у него самого? Только один — яростная песня этого... Высоцкого со странной стеклянной пластинки. «От границы мы землю вертели назад». Но с другой

стороны — с пластинки ли? К серебристому диску было подключено столько машинерии, что спрятать промеж нее хороший американский магнитофон не составило бы труда. А сочинить песню — и вовсе не проблема. В Советском Союзе много хороших песенников. Как и хороших инженеров. И часть из них, что характерно, до сих пор проходит по ведомству Берии.

А кстати. Лаврентий хитер... Как только сбежал его сотрудник (по собственной инициативе?), он сразу же предложил разобрать устройство. Во избежание дальнейшей утечки. Так что теперь концов не найти, даже оригинал пластинки еще раз не послушаешь — только обычную копию, для патефона. Поставить, послушать еще раз? Нет, не стоит. Песня вызывает слишком много эмоций, а сейчас нужна холодная голова. Итак, протоколы допросов Чеботарева могут быть и сфальсифицированы. Нарком вполне мог наскрести по лагерям достаточно умных голов, чтобы сконструировать страшное, но вполне убедительное будущее.

Интересно, мог ли он найти среди ээка талантливого актера, способного убедительно играть роль вот уже... почти три месяца, да? Товарищ Сталин не был наивным человеком и контролировал «Паука», помимо НКВД, и по своим каналам. А теперь, когда тот призван в армию — НКВД и вовсе отстранили от контроля, передав человечка, естественно втемную, военным.

С другой стороны, предложение Риббентропа... слишком щедро. Немцы неизбежно займут проливы раньше нас, им от Болгарии посуху ближе и проще, чем нам по морю. Уж если они разнесли Францию за пару недель. И Босфор с Дарданеллами они в этом случае могли полностью оставить за собой — по праву победителя. Ну, может, выделили бы нам за участие пару островов под базу. Так нет — с чего-то же они идут на такие гигантские уступки? Хотят повязать кровью — не понарошку, как тогда в Польше, а всерьез? Уж проливов-то Англия не простит...

Нет. Это все домыслы. Принимать решения на столь хлипком основании — не просто глупо, а преступно глупо. Нужны не догадки, а бесспорные аргументы. Даже донесения агентов в немецком тылу будут, пожалуй, недостаточно надежными.

— Товарищ Поскребышев? Пригласите ко мне товарищей Голикова и Жигарева. Да, начальника Управления ВВС. Через час. Он успеет? Хорошо. — Начальник ГРУ Голиков точно в Москве, а вот то, что Жигарев не успел вылететь в западные округа, было удачно.

Когда оба генерала вошли в кабинет, Сталин задумчиво смотрел на большую настенную карту.

— Садитесь, товарищи. Товарищ Голиков. Вы недавно информировали нас о том, что немцы намерены вывозить свои войска из Польши на юг? И концентрируют для этого в Польше поезда и подвижной состав?

— Так точно. Наши источники на польской железной дороге, а также в Румынии и Болгарии получили инструкции по обеспечению бесперебойного движения эшелонов.

— А на какую дату назначена погрузка войск?

— Непосредственно в зону погрузки доступа у нашего польского источника нет. Однако, исходя из имеющихся данных, первые эшелоны должны быть отправлены двадцать пятого — двадцать седьмого июня.

— То есть уже через несколько дней. Это плохо, товарищ Голиков, что у вашего источника нет доступа к местам погрузки. К тому же... Источником могут двигать... разные

мотивы. А ситуация складывается так, что нам необходимо получить действительно объективную информацию. Информацию, я бы сказал, из первых рук. Поэтому я пригласил вместе с вами товарища Жигарева. Товарищ Жигарев. Немцы ведь активно ведут воздушную разведку нашей территории?

— Да, товарищ Сталин. За последние сутки...

— Не надо. Это сейчас неважно. Важно другое — они получают о нас много интересной для них информации. А мы о них такой информации не имеем. Как вы думаете, товарищ Жигарев, это — правильно?

— Товарищ Сталин, мы выполняли прямой приказ командования — на провокации не поддаваться!

— А поддаваться и не надо. А надо, товарищ Жигарев, обеспечить руководство страны точными и надежными разведанными. Вы в состоянии сделать это?

— В состоянии, товарищ Сталин, — а вот в этом недавно сменивший печальной памяти Рычагова генерал-лейтенант был не уверен, но разве скажешь это вот так прямо? — Однако, как правило, все крупные железнодорожные узлы немцы прикрывают большим количеством зенитной артиллерии и авиацией. Наши самолеты они просто не пропустят.

— Наши — не пропустят, да. А если это будет немецкий самолет?

— Немецкий?

— Ну мы же закупили у Германии в прошлом году несколько новейших самолетов? В каком они состоянии, товарищ Жигарев? Могут они пролететь, например... над Седльце? — И Сталин ткнул мундштуком в серое пятно на карте. — Это крупный железнодорожный узел, и немцы не могут не использовать его при переброске. А по знакомому силуэту зенитчики открывать огонь вряд ли станут.

— Но... Немцы могут поднять истребители и сбить самолет или принудить нашего летчика к посадке.

— А вы не посылайте такого летчика, который... принудится. Вы пошлите такого летчика, который сам их... принудит. Кто у нас сбил больше всех немцев в Испании?

— Думаю, майор Шестаков, товарищ Сталин. Восемь сбитых лично и до тридцати — в группе. Еще — Лакеев, Остряков, Якушин...

— Лакеев и Остряков... Нет. Лакеев и Остряков не подойдут. Генералов в разведку не посылают. Да, жаль, Серов разбился. А вот Шестаков и Якушин — подойдут. Где они сейчас?

— Якушин — в Москве, Шестаков — в Одесском округе, товарищ Сталин.

— Вызовите. Можете воспользоваться моим телефоном. Завтра в четырнадцать ноль-ноль я их жду. Подготовьте два лучших по техническому состоянию истребителя. Лучше всего — «Мессершмитты-109». Их немцы знают хорошо. И позаботьтесь о том, чтобы, если наших летчиков все же собьют, немцы не могли доказать, что это те самолеты, что они продали нам. А то, что нашим летчикам в плен сдаваться нельзя, они и сами, как я думаю, понимают.

— Товарищ Сталин! Я полностью уверен в наших летчиках, но... Такая операция противоречит всем нормам ведения войны. Полет на самолете с чужими опознавательными знаками — это против всяких правил!

— А вы можете обеспечить нас надежными разведанными, этих самых правил не нарушая?

— Нет, но...

— «Но» нас, товарищ Жигарев, не устраивает. Точные, своевременные и, главное, объективные данные о намерениях немцев сейчас, как считает Правительство, являются, без преувеличения, вопросом жизни и смерти для страны. И если мы стоим перед выбором — потерять страну, действуя по правилам, или сохранить ее, немного нарушив эти правила... Впрочем, как я понял, вы не хотите брать на себя ответственность. Кто у нас непосредственно командовал ВВС на Финской? Товарищ Новиков?

— Так точно.

— Хорошо. Поручите эту операцию ему. С вас, товарищ Жигарев, я ответственность за нарушение правил снимаю. И больше не задерживаю.

Когда за генералами закрылась дверь кабинета, Сталин опять прошелся из угла в угол. Да, Жигарева пора менять. Потому что если невозможно победить по правилам — надо побеждать как получится. А многие, слишком многие, этого не понимают. Боятся проявить инициативу. Боятся взять ответственность. Если Новиков справится — нужно будет передать ему все ВВС.

Он опять закурил. Все-таки успокаивает нервы. А нервы сейчас напряжены у многих. Кстати, интересно будет посмотреть, кто из тех, кто в курсе всей этой заварухи с неслучившимся нападением, дернется первым — Лаврентий (Сталин не исключал и такой вариант), «Паук» или... Гитлер.

А зачем дополнительные авточасти обороне? В обороне дополнительные автомобильные части не нужны. Линии коммуникаций короткие, железные дороги не разрушены. В обороне нужны саперы. Если бы Сталин призвал перед войной бульдозеристов со строек — значит готовился бы к обороне. А раз призыв шоферов — значит, собирался нападать.

В. Трезвон. «Освобождение». Женева, 1984

«Паук» не то чтобы дергался. Он не находил себе места. Всю ночь с субботы на воскресенье он не спал вообще. Лежал на продавленном матрасе с открытыми глазами. Думал. Ждал.

На построении, во время завтрака (кусоч в горле не лез), на занятиях по политической подготовке (для карантина выходных по воскресеньям не предусматривалось), в автопарке — он продолжал ждать. Должны же в войсках объявить тревогу раньше? Не может же быть так, что войска, пусть и в тыловых районах, все еще живут мирной жизнью? Или опять проспали?

Часы у рядовых отсутствовали, да и среди младших командиров были редкостью — Андрей ориентировался по заведенному распорядку. Пока ничего. Вот сейчас, в полдень...

В полдень репродуктор закашлялся, сердце пропустило такт.

«Внимание! Внимание! Передаем важное правительственное сообщение! — Голос Левитана теперь уже был знакомым не только по фильмам, репродукторы на столбах тут заменяли телевидение и работали чуть ли не круглосуточно. — Сегодня в Москву для переговоров с Советским Правительством и обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес, прибыл министр иностранных дел Германии господин Риббентроп...» — «Как Риббентроп? Почему? Я что, дату перепутал? Да нет, воскресенье — вон у КП отпразднуется в увольнение группа старослужащих. Тот самый день — и вместо падающих на города бомб — переговоры? Голова шла кругом. Мир снова, как и почти полгода назад, стал нереальным, призрачным. Неужели он действительно двинулся умом и лежит сейчас привязанный к кровати, в кровати психушки? Или Сталин повел какую-то хитрую игру, пытаюсь оттянуть неизбежную схватку? Пошел на какие-то уступки? Что, что происходит?!»

Нереальность не уходила. Андрей как сквозь вату слышал команды: «По машинам! Заводи!» — и при первой же попытке тронуться заглох, вызвав поток изобретательной, но совершенно безматерной ругани со стороны старшины Селиванова. Со второй попытки тронулся, вел как в тумане. Среагировать на далеко не внезапную, по сигналу, остановку колонны не успел — впилился в идущую впереди полуторку.

Старшина — Андрей уже успел понять, что не матерится тот принципиально — мог только беззвучно разевать рот. Или это звуки до Андрея не доходили? Нет, сначала: «Чеботарев! Водовоз! Три наряда вне очереди!», а потом: «А ну дыхни!» — Андрей услышал четко.

Не обнаружив запаха и глянув в шальные глаза Андрея, Селиванов что-то перещелкнул в мозгах. Поймал одного из сержантов и приказал сопроводить Андрея к фельдшеру, а сам сел

за руль Андреевой колымаги. Повреждения были не очень велики, но Андрей за обе неполных недели в части не допустил ни одного косяка, водил аккуратно, матчасть знал лучше иных инструкторов, а тут такое.

Фельдшер никаких проблем со здоровьем не выявил, так что вечером Андрея ждала гора грязной подгнившей картошки. И это было хорошо. Можно было подумать относительно спокойно — руки сами по себе, голова отдельно.

Бред сумасшедшего?

Изменившаяся ситуация?

Какой-то параллельный мир?

Андрей опять отключился от реальности, гоня по кругу ошметки мыслей, и очнулся только тогда, когда понял, что кто-то стоит за спиной. Гора картошки уже распределилась по трем немаленьким бачкам, нечищенной оставалось меньше ведра.

— Нда, Чеботарев. От тебя я этого не ожидал. Похоже, с картошкой у тебя получается лучше, чем с машиной. Может, тебя помощником повара определить?

— Виноват, товарищ старшина, — подскочил Андрей.

— Садись, заканчивай. Знаю, что виноват. Только не понимаю, как ты это так сводовозничал.

— Сам не знаю, товарищ старшина. Накатило что-то.

— Да вижу, что накатило. С утра сам не свой, а как радио заиграло — тебя аж вообще передернуло. У тебя что, к этому Риббентропу личные счета, что ли?

— Пока нет, товарищ старшина.

— Андрей Панфилович — вне службы. Можно сказать, тезка. А что значит — пока? Думаешь, немец нападет?

— Думал. Думал, как раз и напали, — вылетело, не воротишь. Нет, голова явно не в порядке. Собратся, ммать!

— О как. Да ты, оказывается, стратег, — это слово Селиванов произнес с ударением на последний слог, — ты про попа и студента знаешь? Так вот, приходит студент к деревенскому попику и давай его агитировать, что бога нет. А тот смотрит на него эдак хитренько и говорит: «А вот ты, мил человек, скажи мне — а с чего это корова серит лепешками, а коза горошками?» Ну а тот — не знаю, мол. А батюшка и ответь: «Ну вот. В навозе, — грит, — не разбираешься, а в высокие материи лезешь!» Понял мораль?

И, прежде чем Андрей успел удивиться смелому для этого времени, по его понятиям, анекдоту, бросил, вставая:

— Будет война или нет — нам то в приказе объявят. А ты займись сегодня картошкой, а завтра — баранкой... Кассандра. Просто я, — добавил он, видя недоумение Андрея, — до того, как при царе еще в самокатчики попасть, в типографии подручным работал. И книжек разных перечел — аж самому страшно. Короче, заканчивай, помойся — и отбой. Завтра будешь у меня ездить до посинения. А то ну как правда война — а ты только товарищам в корму тормозить и умеешь.

Основа для радиоигр «Монастырь» и «Березина» была заложена еще до войны, когда нам удалось вскрыть часть немецкой шпионской сети в Москве. К сожалению, это было сделано слишком поздно, и к началу войны мы еще не успели внедрить в сеть абвера своих агентов.

П. Судоплатов. «Спецоперации». Шведское издание. Стокгольм, 1986

Выйдя на работу в понедельник, двадцать третьего июня, после проведенного в Сибири отпуска, товарищ Сомов был незамедлительно вызван в кабинет заведом. Заведом был радушен и приветлив. Благоклонно приняв дар в виде полдюжины копченых обских стерлядок, он как бы по секрету, полупотком, сообщил:

— Вы, Игнат Васильевич, один из самых дельных наших сотрудников. К тому же с опытом зарубежных поездок.

Товарищ Сомов засмутился, но возражать не стал — что есть, мол, то есть.

— Так вот. Наша легкая промышленность нуждается во все больших количествах мануфактурного сырья. И если благодаря монгольским товарищам мы получаем достаточное количество шерсти и бараньих шкур, то с хлопком дела обстоят значительно хуже. К сожалению, на всей необъятной территории СССР подходящие условия для промышленного выращивания хлопка сложились только в Средней Азии. Однако в настоящее время ситуация складывается таким образом, что для Советского Союза могут стать доступными дополнительные территории, пригодные для выращивания хлопка.

Поэтому он, заведом, просит товарища Сомова временно сдать дела своему заместителю, а самому лично подготовить развернутый доклад по перспективам выращивания высококачественного хлопка на территории Турции и, в перспективе, Ирана. Само собой разумеется, что распространяться об этом задании не надо, поскольку, если правящие буржуазно-феодалы этих стран преждевременно узнают о наших интересах, условия концессий будут не столь льготными. А в случае успешного выполнения задания Правительства перед ним, товарищем Сомовым, откроются весьма заманчивые перспективы.

За ужином товарищ Сомов, разумеется, подробно и точно поделился с супругой видом на свои заманчивые перспективы.

А супруга Игната Васильевича на следующий же день поделилась заманчивыми перспективами товарища Сомова с одной из лучших московских портних. Причем поделилась она с портнихой удачей мужа, несмотря на то, что приходила размещать заказ на строгий костюм английского стиля только вчера, а примерка была назначена только на послезавтра.

Ну а портниха поделилась перспективами товарища Сомова с другой своей клиенткой.

В общем, цепочка получилась достаточно длинной, и не всю ее удалось отследить — пока, но в результате в штаб-квартиру абвера ушла шифрованная радиোগрамма, общий смысл которой можно было выразить так: «Медведь сунул в наш капкан все четыре лапы».

Сразу после успешного завершения Критской операции генерал Штудент, несмотря на ранение, имел встречу с Гитлером. Немецкие воздушно-десантные войска понесли серьезные потери, но боевой дух после «Критского чуда» был силен как никогда. В потерявшие до половины состава части направлялось пополнение, в основном — имевшие боевой опыт добровольцы из пехотных частей вермахта и СС. Уже к 21 июня прославленный на Средиземноморье 11-й авиакорпус был переброшен в Румынию транспортной авиацией.

Х. Кёнитц. «История германских воздушно-десантных войск». Дрезден, 1958

В ивняке на пологом левом берегу Прута было душно, слепни и прочая живность не давали покоя. Двое притаившихся в засаде людей не были пограничниками — войска Одесского округа бросили на усиление, а с востока в частично-опустевшие места дислокации подходили новые части.

— Тоска, тарщ лейтнант! — Разбитной крепенький боец тяжело вздохнул. Лейтенант, в сотый раз оглядывая в бинокль румынский берег, ничего не ответил, хотя, по идее, бойца следовало окоротить — посторонние разговоры в секрете не приветствуются. Еще двое бойцов «отдыхали лежа» — проще говоря, спали. На противоположном берегу, далеко, вяло плелась соловая лошаденка, запряженная в почти русскую по виду телегу. И больше ни души.

— И какого черта нас здесь держат? — ободренный молчанием командира, продолжал боец. — Уж хоть бы учения какие или стрельбы. Сидим тут уже две недели почти, а толку? Только харчи зря переводим. И то, тарщ лейтнант, терпения на этих вот кровопийц не хватает — и он прихлопнул очередного слепня.

— Раз держат — значит, есть соображения, — сухо, но не слишком, заметил лейтенант. Ему тоже было смертельно скучно.

— Оно конечно, — разговор налаживался, и боец оживился, — да только хоть бы кинобудку в лагерь прислали. А то, как в поле выехали, — никакого культурного отдыха. Или в село бы вывели, в клуб. Опять же политическую беседу среди местных провести. А то ж они в Союзе без году неделя. Надобно разворачивать агитацию.

— Уж ты наагитируешь... Что, Михальчук, кралю себе нашел?

— Ну почему сразу кралю, тарщ лейтнант? Просто — очень уж тут девушки красивые. Глаза — огонь, оглянется — в дрожь бросает.

— Тебя, Михальчук, от любой юбки в дрожь бросает. Так что, высмотрел какую или так?

— Дык, есть тут одна дивчина. Фигура — ого! Коса — до попы, извиняюсь за выражение. Вы бы, тарщ лейтнант, мне бы увольнительную в субботу подписали, а? А то сохнет девка без грамотной агитации-то.

— В увольнение не могу. Приказ слышал? Все увольнения запрещены. А вот если завтра с кем-нибудь махнешься — в субботу можешь отдыхать. В расположении части, — немного

подумавав, добавил он.

В принципе, все было понятно. В субботу ушлый Михальчук махнет к своей крале, а в благодарность за то, что его не будут особо сильно искать — притащит из села бутылку или кувшинчик местного красного винца. В конце концов, лейтенанта-то уж точно никто не отпустит. Две недели назад их сорвали из городка, накрутили хвосты так, что голова пошла кругом. Даже оружие раздали и боеприпасы — по два боекомплекта. И держали в постоянном напряжении целую неделю. Сам комдив заявлялся в распоряжение батальона два раза на дню, что душевного спокойствия тоже не добавляло. Правда, со вторника все как-то постепенно пошло на убыль, и, видимо, скоро их отведут в места постоянной дислокации. И то — кто ж две недели непрерывного напряжения выдержать сможет?

— О! — встрепнулся Михальчук. — Тарщ лейтнант! Слышите?

Слева за кустами на самом пороге слышимости возникло какое-то пыхтение. Оно усиливалось — медленно, но уже через минуту стало понятно, что звук идет с воды.

— Михальчук! Буди остальных!

Сонные бойцы заняли позиции справа и слева, выставив винтовки. Михальчук тоже замолк. Минут через десять на реке, ближе к дальнему берегу, показался древний паровой катерок. Плюхая колесами, он с натугой полз против течения. На мачте лениво развевался подкопченный румынский флажок. На корме сидел раздетый по пояс смуглый либо очень сильно загорелый парень с удочкой. Рыба, видимо, не клевала, да и клевать не могла, распуганная шлепками плещ по воде. Парня это не смущало — сидел себе и вертел головой, скорее всего — отдыхая от вахты.

— Во мамалыжник бездельничает! — восхитился Михальчук. — Интересно, у него там наживка на крючке вообще есть?

Лейтенант не ответил, внимательно разглядывая катерок в бинокль. Все какое-то развлечение. Правда, развлечение было недолгим. Шлепает катерок себе и шлепает, оружия на нем нет, замеров никаких не производит. Тоска. На часы, блеснувшие на запястье «рыбака», внимания он не обратил.

Сидящий на корме конфискованного румынского катера гауптман Шлоссер внимательно оглядывал оба берега. Да, вот тут, пожалуй, действительно неплохое место. Судя по карте, глубины для паромов тут подходящие, и берега выглядят вполне удобно. Посмотрим еще, что покажет эхолот. Большевики, конечно, выставили здесь пост — вон как прибрежные заросли шевелятся, но само это шевеление не позволяло гауптману принимать их всерьез. Когда он сменится, местоположение их поста будет нанесено на карту, и, прежде чем первая лодка будет спущена на воду, это место обработают ротные пушки. Вряд ли иваны озаботятся сменой позиции. Да, здесь будет проще, чем на Крите. Значительно проще.

Ведь что такое полевой аэродром? Просто лужайка. Самолеты стоят открыто, бензина — сколько успели завезти, связь — только по радио. Ангаров для самолетов нет, летчики живут в палатках. Можно в таких условиях ждать нападения? Можно, конечно.

А это самое нападение отражать?

На большом аэродроме все просто — там и механиков, и заправщиков, и топлива, и запчастей — всего хватает. Летчики спят в удобных постелях. Машины проверены и заправлены. Линии связи продублированы. Да и взлетать с бетонных полос легче и быстрее, чем с кое-как выровненных площадок. А если еще и дождь?

Нет, такие временные аэродромы годятся для одного — для внезапного первого удара по вражеским аэродромам. Когда время взлета известно заранее, когда лихорадочно искать на последних каплях бензина узкую затерянную в лесах полянку не надо — возвращающихся неопытных летчиков спокойно наводят флагманские штурманы даже не полков, а дивизий. Ну а по исчерпанию завезенного на полянки горючего к услугам сталинских соколов уже будут отличные бывшие немецкие аэродромы.

В. Трезвон. «Освобождение». Женева, 1984

Майор Шестаков вышел из стоящей на краю неприметного полевого аэродрома палатки. Было еще темно, небо на востоке за изломанной линией леса лишь слегка начинало сереть. Зажатая деревьями полоска летного поля еле угадывалась в темноте, а укрытый брезентом от посторонних глаз «мессер» и «Ли-2», на котором на полевой аэродром прилетели техники из НИИ ВВС и прилегающая к немецкому истребителю «наземка» разглядеть вообще было невозможно. Предугреть ли прохладу ли, мандраж ли перед полетом к черту в зубы — но тело под комбинезоном непривычного покроя покрылось мурашками в доли секунды. Понятно, если его захватят живым — расстреляют как шпиона, и будут в своем праве. Но живым Шестаков, ясное дело, сдаваться не собирался.

Разбудивший Шестакова командир с петлицами техника-лейтенанта протянул ему желтую кобуру с «вальтером», планшетку с немецкой картой и немецкий же шлемофон. Откуда ГРУ достало все эти и многие другие мелочи, включая документы на имя гауптмана Отто Новицки, Шестаков не спрашивал. Вдалеке замигал фонарик, и они двинулись к самолету. Техники уже снимали с чужой машины чехлы, обнажая смутно различимые кресты и эмблему — желтый кенгуру в красном круге. Подумав, реально существующих обозначений решили не рисовать — точное распределение истребительных частей было неизвестно, так что был шанс нарваться на «своего», а это было нежелательно — немалая часть расчетов строилась на путанице и затычках в прохождении информации. Тогда Шестаков предложил поступить просто — нарисовать эмблему «с потолка». Идея была принята с восторгом и тут же реализована. Причем основное время занял перебор максимально экзотического зверья.

Один из техников подал Шестакову парашют — тоже, конечно, немецкий.

— Зачем? — удивился майор. — Прыгать я не намерен в любом случае.

— Положено, — «техник-лейтенант» (в Москве на его петлицах были шпалы) был серьезен, — во-первых, сидеть на чем-то надо. Во-вторых, много вы видели немецких летчиков, летающих без парашюта? Так что, если им все-таки придется изучать обломки — какое-то дополнительное время на выяснение личности покойного герра Новицки у них уйдет. — Шестаков скривился. Кто же говорит о смерти перед вылетом. — А в-третьих, даже если вы благополучно уйдете — приложить вас могут и на нашей стороне. Я, к слову, хоть и принял меры, считаю это вполне вероятным.

За кустами резко затарахтел пускач, его сменило ровное урчание дизельного генератора аэродромной команды. Еще пара техников подкатила тележку на мотоциклетных колесах.

— Ну, ни пуха.

— К черту, — Шестаков сплюнул и полез в кабину. Времени на изучение самолета было всего ничего — на круг восемь часов, включая полеты и пару учебных боев с Якушиным и еще одним летуном из НИИ ВВС, но в управлении машина была простой, что радовало. Да и истребителем Шестаков был, что называется, от бога, а уж на то, чтобы оценить тяговооруженность и вертикальную маневренность «немца», много времени было не надо. Правда, на виражах «мессер» вел себя как утюг. Значит, не надо виражить, вот и все.

Главной проблемой было взлететь — мало того, что темно, как у марокканца в... внутри, так еще и колея шасси у немца была непривычно узкой. Ничего, как-нибудь взлетим, а о посадке думать пока рановато.

— От винта! — Мотор чихнул и заработал с непривычным подвывающим звуком. Шестаков минут пять погонял его на разных оборотах, махнул рукой остающимся на земле, захлопнул фонарь. Из-под колес метнулись черные фигуры с колодками, техник при генераторе дернул рубильник, и вдоль всего поля протянулась редкая двойная цепочка огней. Шестаков дал газ, вырулил в начало дорожки. Ну, сколько ни оттягивай... Сектор газа на полную, самолет с крестами на плоскостях и желтым кенгуру на фюзеляже рванулся вперед.

Набрав высоту, Шестаков сориентировался по компасу, рефлекторно осмотрелся. До границы было еще километров пятьдесят, отсутствие своих истребителей в воздухе ему гарантировали. Но все равно: потерявший базовые рефлексy истребитель — мертвый истребитель. Проверено. Так, светает. Впереди блеснуло серебром — Буг. Взгляд на часы — все штатно, на Седльце выходим сразу после рассвета.

Еще в ходе Первой мировой войны немецкий капитан Теодор фон Хиппель, находящийся тогда в африканском корпусе генерала Леттов-Форбека, обратил внимание на то, что грамотное использование разведчиков, замаскированных под местных жителей или военнослужащих противника, при проведении наступательных операций позволяет с минимальными потерями брать под контроль стратегически важные объекты. В начале 30-х годов офицер сформулировал весь положительный опыт подобных операций в Танганьике (в начале века — африканская колония Германии) в виде специального доклада. Материал попался на глаза шефу абвера (военная разведка и контрразведка) адмиралу Вильгельму Канарису. В 1935 году Хиппель был вновь призван в армию, где приступил к формированию отряда «профессиональных партизан».

А. Березин. «Части спецназначения во Второй мировой войне». Новосибирск, 1998

Небо на востоке посветлело. Самый тяжелый для часовых, водителей и прочих бдящих по обязанности час уже миновал.

— Мы опаздываем уже на три часа, — сидящий рядом с водителем командир выглядел недовольным.

— Дорога очень плохая, товарищ капитан, — водитель обозначил пожимание плечами, и быстро дернулся, ловя задумавший было упасть от сильного толчка «ППД». Еще недавно вполне приличное шоссе было раздолбано в хлам. — Интересно было бы узнать, что они тут гоняли? Танки, наверное?

— Возможно. Но это не наше дело. Крутите баранку, Петров. И на дорогу смотрите внимательней.

— Слушаюсь. Не волнуйтесь, товарищ капитан. До цели еще примерно двести километров. Сократим дневку, наверстаем.

Еще минут десять ехали в молчании. Мотор спешно «мобилизованной» в колхозе полуторки еле тянул — даром, что техника новая, но для непривычных к технике крестьянских рук год — вполне достаточный срок для того, чтобы даже «Мерседес» уработать.

— Это точно были танки, товарищ капитан. На съезде на грунтовку остались следы. Фары светят плохо, но заметно. Жалко, что нет возможности заменить фары.

— К сожалению, из дома захватить забыл. Приходится пользоваться этими. — Оба усмехнулись.

— Приходится. Вижу мост, товарищ капитан!

Из-за поворота показалась светлая полоска деревянного настила, черные на жемчужном фоне утреннего неба решетки перил, заросли кустарника по берегу, караульная будка. Капитан три раза стукнул по задней стенке кабины, затем приложил ребро ладони к носу и козырьку, поправляя фуражку.

— Голосует, — усмехнулся водитель.

Фигура в плащ-палатке и низкой фуражке неопределимого цвета властно махнула рукой

— стоп, мол.

— Тормози.

Водитель остановился с шиком, дверцей прямо напротив фигуры. Ага, фуражка зеленая.

Пограничник.

— Начальник поста лейтенант Пограничных войск Сухомлин. Товарищ капитан, прошу выйти из машины и предъявить документы.

— Прошу предъявить ваши полномочия, товарищ лейтенант!

Выйдя из кабины и вернув мандат пограничнику, капитан бросил взгляд за его спину. В некотором отдалении за его спиной переминался боец — тоже пограничник, больше не было видно никого. В окнах караульного поста мерцал слабый свет керосинки. Дрыхнут, собаки. Из нагрудного кармана капитан достал удостоверение личности и командировочное предписание, протянул лейтенанту. Облокотился на борт кузова в ожидании.

Сухомлин, подсвечивая себе фонариком, вглядывался в документы. Вроде все в порядке. Следует себе капитан с двенадцатью бойцами «Для выполнения задания командования». Вот только тот лейтенант госбезопасности... тоже следовал. И точно с такой же стандартной формулировкой. Интересно, почему он вдруг вспомнился? Что-то... Манера держаться? Тот, конечно, был высокомерен, всем своим видом давая понять, что он, небожитель, пограничной черной кости не чета. Этот вроде держится нормально... или нет? Взгляд такой... оценивающий... Нет, что-то неуловимо-схожее есть. Или мнительность? Бойцы в кузове все бодрячком, несмотря на раннее утро. И держатся... уверенно. Даже носом никто не клюет, даром что после ночного марша в кузове. Хоть сейчас на плакат. Винтовки — сплошь «СВТ», ручник у одного. Явно не простая пехтура. Он встретился глазами с одним из бойцов — и взгляд этот настолько напоминал своим презрением к низшим существам ту белокурую сволочь, что по большому счету все стало ясно.

Лейтенант еще раз опустил взгляд на документы — не пытаясь ничего разглядеть, только выгадывая время. Что же там было, в той старой ориентировке, которую еще в начале июня спускали? Бремен? Брюссель? Бранденбург! Точно!

— Издалече едете, товарищ капитан! — указал лейтенант на запыленную машину. — Такое впечатление, что аж от самого Бранденбурга.

Капитан великолепно владел собой, но этого он не ждал. Быстрый взгляд в кузов — на вроде бы безмятежных, но абсолютно готовых к бою солдат, окончательно снял сомнения. У обеих сторон. И не успел пограничник открыть рот, чтобы пригласить капитана в караулку, как тот негромко скомандовал: «Огонь!» — скомандовал, конечно, по-русски, чтобы выгадать дополнительно одну-две секунды замешательства. Частично это сработало — пограничник с винтовкой упал, сраженный сразу тремя пулями, но лейтенант, успевший все понять и осознавший, что шансов у него практически не осталось, рванулся прямо к капитану, входя в клинч, наваливая его на проем дверцы и закрываясь им от уже поднимающегося изнутри кабины ствола «ППД». Водитель не успел остановить палец — одна пуля короткой очереди вошла в плечо пограничника, две — в широкую спину капитана, оба упали. В караульном помещении послышались крики — русские, разбуженные выстрелами, видимо, лихорадочно мотали свои портянки. Прямо из кузова заработал «дегтярь» — пулеметчик держал на прицеле окно, прикрывая стремительный бросок попрыгавших из кузова камерадов. «Hans! Ulrich! Forwerts, zwei Grenaden in Fenster

schnell!»^[8] — Фельдфебель, второй в группе по званию после уже покойного капитана Ланге, не растерялся, принял командование, но маскироваться под русских и далее счел бессмысленным. Задание, конечно, сорвано — но прямо сейчас все ясно и просто. Делов-то — пробежать несколько метров и закинуть в окна бревенчатого домика с суетящимися русскими пару-тройку гранат.

Однако «не срослось» — от реки, из образованного ивняком мыска заработал еще один пулемет — «максим». Сто тридцать метров — для станкача в упор. Строчка пуль прошла от капота к кузову грузовика, расколов блок цилиндров, пробила бедро находящемуся в ступоре от своей ошибки водителю, снесла уже занесшего штык ефрейтора, готового приколоть лежащего под телом командира пограничника, отправила к праотцам пулеметчика с «Дегтяревым». Потом строчка пошла вышивать дальше — обе бегущих к караулке с гранатами в руках фигуры упали. Те, кто успел попасть на землю, открыли было огонь на подавление — но с фланга по ним уже начали работать винтовки караула.

— Пятеро ушли, товарищ лейтенант. Отползли по полю до лесу — и смылись. Семерых упокоили, один раненый валяется. Раненый тяжелый, пуля бедренную кость разнесла. Фершал морфию вколол, тот вроде в полусне, бредить начал. Плачет, говорит, офицера своего убил. Новый-то начальник заставы как приехал вместе с фершалом — так молодец, его по-немецки спрашивает, а тот в полпамяти и ответь. В общем, «Брагинбург» какой-то. Диверсанты в нашей форме.

— «Бранденбург-800». Есть у немцев такой полк специальный, — лейтенанту было больно, морфина у фельдшера было мало. Только немцу и хватило, чтоб не сдох до поры, — в первых числах июня на них ориентировка из Москвы пришла. Ты лучше скажи, Емельянов, как ты так скоро огонь открыл?

— Да что тут, товарищ лейтенант. Я сначала гляжу — непорядок. Вроде солдатики справные, а машинка гражданская, с черной кабиной. Оно, конечно, многие на мобилизованных прямо так ездят. Но гляжу — в кузове сидят — не шелохнутся. Значит, дисциплинка в части на ять. А у таких все в уставной цвет должно быть крашено. Непорядок. Ну а потом Щагин меня под бок слегка толк и шепчет: машинка мне, грит, товарищ сержант, знакомая. Вон у ей отщепина на кузове свежая, белая. Я, грит, если помните, три дня как в колхоз в порядке шефской помощи ездил — технику чинить, зуб даю — колхозная это машинка, одну ее после мобилизации оставили. Они еще подвинка в порядке взаимопомощи прислали. За починку. Ну, раз такое дело — я на всякий случай и приготовился.

В 1941 году «эмил» — истребитель «Мессершмитт-109Е» в частях люфтваффе уже массово заменялся «фридрихом» — «Мессершмиттом-109F». Новая машина обладала более высокими летными данными. Несмотря на формально более слабое вооружение — одна 20-мм пушка вместо двух — огневая мощь даже несколько выросла, т. к. мотор-пушка «MG-151» обладала лучшей огневой эффективностью, чем пара крыльевых «MG-FF».

<http://hangar.luftwaffe-45.de/Bf-109>

Комендант станции Седльце был вне себя. Чертовы французские танки ползали, как беременные свиньи. И если легкие «Рено» и «Гочкисы» хотя бы нормально разворачивались, то похожие на бронепоезда, по чьему-то бредовому приказу поставленные на гусеницы, а затем снова взгроможденные на железнодорожные платформы «Char V-1 bis»^[9] разгружались чуть не втрое медленнее привычных «роликов». Уже рассвело, а пришедший последним состав был разгружен только наполовину. Случись такое в боевой обстановке... Хорошо еще, не надо опасаться авианалетов — доносящееся сверху гудение было неопасно-привычным — над станцией нарезал круги хорошо знакомый по силуэту истребитель.

Шестаков, прищурившись, вглядывался вниз. Солнце уже поднялось за спиной, и большая узловая станция была как на ладони. На путях — эшелоны... И не пустые, ох не пустые. Какие-то странного вида танки на платформах. Показалось или... Нет, не показалось! Длинный, похожий на «Т-35», но какой-то зализанный танк явно смещался вдоль полупустого состава в направлении эстакады. Разгружаются!

Шестаков щелкнул тангентой радиостанции: — «Hier Tante Marta, Hier Tante Marta, Bruno-elf, Bruno-elf. Margaret. Margaret» — на долбежку более-менее правильного произношения десятка кодовых фраз ушел целый вечер, благо еще, учительша была симпатичной. Его ждали, сквозь треск донеслось: «Hier Onkel Fritz. Hier Onkel Fritz. Bruno elf, Bruno-Elf. Cesar. Cesar». Ага, дядя Фриц услышал. Теперь рацию можно и выключить, а при нужде — подохнуть с честью. Но лучше все-таки не сдыхать, тем более что наверху требовали фотографии. А их надо было не только отщелкать, но и доставить.

Шестаков зажал ручку между коленями, вводя самолет в неглубокий вираж. Из кустарных держателей по правому борту достал «Лейку» с длинным тяжелым объективом — по слухам, разведывательные «Мессершмитты» у немцев были, но купить их наши не догадались. Так что ручками. Установки фокуса, выдержки и диафрагмы были заклинены кернером, специалисты-разведчики накурили не на один десяток топоров, определяя нужные цифры. Хорошо, что погода совпала с предположениями. И то, результат не был гарантирован. Выбирая моменты, когда солнце не слепило глаза, Шестаков щелкал затвором. Самолет взбрыкивал (рулить коленями — трюк тот еще), да и фотокамера была непривычным инструментом. Так что приближение двух немецких истребителей летчик почти что проморгал.

— Генрих, видишь его?

— Так точно, герр обер-лейтенант! — Для фельдфебеля Кемпке это был первый боевой

(войны, конечно, пока нет, но перехват есть перехват) вылет. То, что целью оказался такой же «Vf-109», его даже немножко расстроило. Ничего, иванов на его долю еще хватит.

— Сближаемся. Смотри, ходит кругами. Заблудился? — Внизу расстилался польский городок, рядом с которым отблескивали серебристые нитки железнодорожных путей — обычный указатель для потерявших ориентировку раззяв. Внезапно одинокий истребитель прервал вираж и, покачав крыльями, лег на параллельный паре курс, слегка сбросив скорость.

— Кемпке, подстрахуй, — обер-лейтенант пошел на сближение. Сопливному новичку пока не хватит наблюдательности — разобраться, что к чему. Боже, да это «эмиль!» Надо же, у кого-то они еще остались. Впрочем, их гешвадер перевооружили на более новые «фридрихи» всего месяца полтора назад. Значит, кому-то пока не свезло. Интересно, кому? «Эмиль» шел ровненько, и, сблизившись, обер-лейтенант кинул взгляд на камуфлированный борт. Что это у него намалевано?

— Герр обер-лейтенант?

— Генрих, знаешь эту эмблему?

— Никак нет, герр обер-лейтенант. Какая-то новая часть?

— Возможно.

Пилот в кабине «эмилля» яростно жестикулировал — сначала похлопал себя по наушнику, потом описал рукой круг над макушкой. Ну ясно, вышло из строя радио, потерял ориентировку. Они-то с Кемпке были здесь старожилами, а вот во вновь перебрасываемых частях пилоты, бывало, и терялись. Пилот-раззява продолжал махать рукой — обозначил несколько направлений ладонью, чуть вскидывая голову. Спрашивает, куда лететь? Интересно, долго он болтается? В любом случае, надо сажать его к себе, благо недалеко.

— Кемпке, пристройся слева от него, веди домой. Я сзади. — Простая перестраховка, но *Ordnung muss sein*.^[10] Вряд ли «эмиль» выкинет какой-то фортель, но в случае чего сбивать очередной «мотор» будет он. «Право командира». Кенгуру, кенгуру... Кто же может летать с такой эмблемой? — Он недодумал. Кемпке, по неопытности, проскочил чуть вперед, а «эмиль» внезапно свалился на крыло, в полубочке прошив изо всех четырех стволов его борт. На полсекунды обер-лейтенант остолбенел, чуть не столкнувшись с отлетевшей от самолета его ведомого плоскостью. Проклятый «эмиль» уже пикировал вниз, стремительно набирая скорость. Черт, он уже под крылом, его не видно. Глубокий вираж, скоба! Откинуть скобу с гашетки! Где же он? Вот! «Эмиль» крутанул нисходящую петлю и уже идет вверх. Не достать — «фридрих» обер-лейтенанта потерял на вираже скорость, а враг стремительно, свечкой, набирал высоту — нет, не достать! Кемпке... Парашюта нет — заклинило фонарь? Скорости катастрофически не хватало, обер-лейтенант пытался уйти вниз — но одна из пущенных с поворота двух пушечных трасс «эмилля» дотянулась до кабины, и «Мессершмитт» перешел в беспорядочное падение.

Шестаков спикировал еще ниже, прижимаясь к самым верхушкам деревьев, и на брющем погнал самолет на восток. На душе было погано. Казалось, после Испании представления о воздушном рыцарстве, если бы и были — испарились бы на раз. А вот поди ж ты. Да, ради отснятой пленки он бы пошел и не на такую... ммм... военную хитрость. Но новых звездочек на борту своего «ишака» он рисовать не будет.

Всем. ГРОЗА 29.

Шифрограмма Генерального Штаба РККА от 01:30 28 июня 1941 года по Московскому времени

— И что немцы? — Голиков смотрел на ответственного за операцию «техника-лейтенанта». Пачка еще мокрых снимков лежала на широком столе. Французские танки, надо же. Решили бить нас всем что есть. За окном была непроглядная ночь — двадцать восьмое июня началось полчаса назад. «Техник», уже с подполковничьими шпалами в петлицах, не спал почитай двое суток, его шатало.

— Немцы заявили решительный протест и потребовали немедленной выдачи перебежчика и самолета. Самолет мы им показали. Дежурное звено привело Шестакова прямо на аэродром Кобрин, и на посадке он удачно — для нас удачно — подломил шасси, так что самолет мы сожгли. Сам летчик не пострадал, ушибся только. Желания забрать самолет немцы не выразили.

— Странно. Я бы на номера в такой ситуации посмотреть не отказался. А если бы они выразили такое желание?

— Никаких уникальных номеров или других примет на сгоревшем самолете обнаружить невозможно. Особенно, если учесть, что над этим вопросом мы поработали еще в Москве. Напильником номера с картера двигателя спиливали.

— Надеюсь, сгоревший самолет вывезли?

— Так точно. Отправили с вывозимым из Кобрин оборудованием.

— Как решили вопрос с летчиком?

— Сказали, что пилот обгорел и в настоящий момент он находится в госпитале. Я «проговорился», что его допрашивает НКВД. Выразили готовность устроить им встречу в понедельник.

— И как они отреагировали на это?

— Настоящую истерику устроили. Требовали выдать им пилота немедленно. Мы сослались на то, что с НКВД очень трудно договариваться, ну а с врачами невозможно договориться вообще. Они вроде как выразили понимание. Правда, что такое НКВД, они не сразу сообразили. Вроде грамотные люди, а до сих пор — «ГеПеУ», «ГеПеУ». Предложили им подождать до понедельника в Кобрине. Вы бы видели, товарищ генерал, как они подскочили. Сбежали быстрее собственного визга. Но обещали вернуться.

— Значит, обещали. И вернутся, видимо, уже завтра. Сегодня пока на их стороне моторов не слышать, — рука генерал-полковника похлопала по папке со свежими сводками, — а понедельника они у нас дожидаться не хотят. Значит, завтра. Со всем, что у них есть, заявятся. В общем, предварительную информацию от Шестакова я отправил наверх еще вчера днем. А подтверждение представишь Хозяину сам. Лично. Да, с Якушиным что?

— Нормально, товарищ генерал. Прошло как по маслу. Слетал, отснял, приземлился. На станции Радзынь ничего, кроме пустых платформ и вагонов, не обнаружил, но на грунтовой дороге, идущей от нее к лесному массиву, — многочисленные следы от гусениц. Если бы немцы танки не разгружали, а, наоборот, грузили — не было бы либо следов, либо

платформ. На пленке, правда, следы неразличимы.

— Ничего. Этих кадров хватит, — Голиков разглядывал три сделанных подряд снимка, на которых тяжелый французский танк явственно выползал на эстакаду. — Тебя за организацию операции я представляю к ордену. А летуны о своих нехай сами заботятся. Не, ну Шестаков каков, а? Война еще не началась, а он уже счет открыл. Все, едем на доклад. После доклада — выпишься. Это приказ. Боюсь, спать вволю нам теперь долго не придется.

Подполковнику ГРУ повезло. Пожалуй, из командиров сравнимого ранга, проходящих службу в центральных органах РККА, выпастись удалось только ему. Волна лихорадочной активности шла сверху вниз. Собственно, первые признаки ее прихода прокатились сразу после получения радиogramмы от «Тети Марты». Но теперь вал, распространяющийся от Кремля и Генштаба, шел большей частью, конечно, на запад. Пока.

Почти та же картина наблюдалась неделю назад, поэтому в армейских и хозяйственных низах тревожные телеграммы и прочие послания Центра вызвали массу мата. Так и не пришедший тогда хищник сделал свое дело — крики: «Волк! Волк!» воспринимались с изрядным скептицизмом. Нет, о прямом саботаже речи быть не могло — но всегда можно, сославшись на объективные причины, задержать десяток «ЗиСов»-цистерн с водителями у предколхоза, который чуть не плакал в кабинете зампотыла дивизии — мол, машины все забрали еще месяц тому, а чем воду на поля возить? Вы уж, товарищ интендант второго ранга, поспособствуйте, а уж колхоз в накладе не останется. И напряжение вроде как раз спало... Таких случаев, конечно, было немного, но курочка, как говорится, по зернышку.

Наскоро отремонтированные к пятнадцатому числу танки к среде-четвергу затеяли было перебирать по новой — уж больно в прошлый раз поторопились. На лесных аэродромах у авиации кончалось горючее — на неделю интенсивных полетов полным составом без смены аэродрома мало кто рассчитывал. Не закладывались штабисты на длительную работу с этих полей. К некоторым офицерам вернулись массово отправленные в первых-десятых числах июня на курорты семьи — у кого путевка кончилась. Таких приходилось перехватывать и уже безо всяких политесов распахивать по тыловым городам и деревням. Ну, или по родственникам, у кого были.

Впрочем, по сравнению с ситуацией трехмесячной давности разница была громадной. Из того, что можно было подтянуть, исправить, подготовить было подтянуто, исправлено и подготовлено больше половины. И то хлеб.

Хлеб — настоящий хлеб — тоже был проблемой. Урожай сорок первого по всем прогнозам обещал быть рекордным — и на тебе, такая беда. На юг, к основным житницам, немцев требовалось не пускать любой ценой — или, по крайней мере, как можно дольше. Вот и сиди, думай — чему верить больше — полученным непонятным образом подсказкам или замнаркома сельского хозяйства Панникову, с цифрами в руках разрисовывающему объективную ситуацию.

И эшелоны, эшелоны, эшелоны... Это только со стороны война — дым, стрельба и взрывы. Для тех, кто занимается ею всерьез, это в основном тонно-километры на пределе и даже за пределом возможности. Начиная от тонн переброшенной малой пехотной лопаткой окопной земли и изнуряющих, на десятки километров, маршей. Выше уровнем речь шла уже околоннах и составах. Туда — люди, техника, снаряды, топливо, обмундирование, пайки. Обратно — беженцы (официально их так никто не называл, но суть уже была именно такой), скот, оборудование с заводов Минска, Киева и даже Харькова. Даже если удастся остановить немцев на границе — ритмичная работа под бомбами представлялась крайне сомнительной.

Сон становился роскошью — пока только в штабах и наркоматах. Скоро он станет роскошью почти для всей страны.

Зенитно-артиллерийским частям обеспечить оборону прифронтовых коммуникаций, уделяя особое внимание прикрытию железнодорожных станций, разъездов, мостов и пунктов погрузки и выгрузки. Предусмотреть использование огня зенитных орудий при отражении возможных атак прорвавшихся танков противника.

*Приказ Командующего Западным Фронтом генерала армии
Г. К. Жукова от 28 июня 1941 года*

Зенитно-артиллерийский взвод прибыл на указанное место назначения к семнадцати тридцати. Небольшая станция встретила два «ЗиСа» с прицепленными к ним тридцатисемимиллиметровыми автоматами запахом паровозной гари и свежескошенной травы. Водители заглушили моторы, расчеты попрыгали из кузовов, разминая конечности. Молодой, только что из училища, лейтенант, стараясь держаться как можно солиднее, вышел из кабины первого грузовика. Ему тоже хотелось размяться, но это было его первым самостоятельным заданием, и мальчишеской несерьезности он позволить себе не мог.

— Взво-од! В две шеренги стано-овись!

Два десятка человек сформировали короткий строй.

— Товарищи красноармейцы! Согласно полученным командованием данным, в ближайшее время вероятен вооруженный конфликт между СССР и фашистской Германией. Исходя из этого, нашему взводу приказано обеспечить противовоздушную оборону железнодорожной магистрали Минск — Брест от возможных атак вражеской авиации. Поэтому приказываю. Первое орудие занимает позицию... — Наводчик первого орудия Михаил Никифорович Чеботарев слушал вполуха. Войной пахло уже давно, а с прошлог воскресенья ему вообще было как-то не по себе, словно мир из живого и осязаемого стал плоским и каким-то ненастоящим. Словно он, как когда-то мальчишкой, проник без билета в «Иллюзион» и смотрит про себя самого кино. И самое страшное — что среди своих товарищей он временами встречал людей с такими же недоуменными глазами. И те тоже осознавали какую-то странную общность. С одним таким, совершенно незнакомым майором-танкистом, они полчаса курили, глядя на изумительно красивый закат — встретились случайно на отведенном для курения пятачке рядом с техпарком и смолили одну папиросу за другой. Когда у зенитчика кончилось курево, майор безо всякой просьбы протянул ему пачку «Дуката». Вспышка самодельной зажигалки отразилась в глазах майора каким-то яростным пламенем. На мгновение показалось даже, что пламя бушует внутри самого танкиста, что он горит, только это не видно никому, и ему самому тоже. Будь Чеботарев штатским и верующим — ушел бы в монастырь. Но штатским и верующим он не был. Он был младшим сержантом Красной Армии, кандидатом в члены партии, старослужащим, получившим прошлым летом отпуск за отличную стрельбу. С какой гордостью прошел он тогда по улицам родного городка, как повисла у него на шее Лелька... Странно, но лица жены он не помнил, хотя ее фотография с новорожденным сыном на руках лежала в нагрудном кармане. Лейтенант закончил. Михаил шел, толкал, разворачивал опоры пушки, перекидывал по цепочке ящики с патронами, растягивал вместе с другими бойцами

маскировочную сеть, но впечатление неоплаченного кино не уходило. Было совсем не страшно, как будто война была неотъемлемой частью фильма.

Усевшись в дырчатое сиденье, он покрутил штурвалы наводки, описав стволом полный круг. Позиция в кустах чуть в стороне от стационарных зданий была выбрана правильно — обзор что надо. Проем в стене леса, уже казавшегося черным на фоне вечерней зари, куда ныряли колеи железки, тоже просматривался хорошо, как и подъездная дорога. «Толковый», — подумал он о лейтенанте.

Водители отогнали машины под росшую в отдалении группу деревьев и укрывали их притащенными из леса ветками. Видимо, связисты с рацией расположились там же — один из них, с катушкой телефонного провода, шел как раз оттуда. Лейтенант подбежал к позиции, проверил все что мог. Вот он как разволновался, хотя и тщательно это скрывал. К чему придраться, так и не обнаружил и убежал ко второму орудию.

Потихоньку стемнело окончательно, костры разжигать лейтенант запретил. Поужинали сухим пайком. Бойцы устраивались на ночлег, шуршали плащ-палатками.

В караул Михаила не назначили, он жалел об этом. Сон не шел. Михаил перевернулся на спину. Было ясно, бездонное небо манило, втягивало в себя. Казалось, это единственное, что осталось от реальности. От станции доносился лязг сцепок, шипение пара, паровозные гудки, какие-то команды, топот — разгружалась пехотная часть.

Изредка в лесу оживала кукушка, но спрашивать ее, сколько осталось лет, Михаилу не хотелось. Совсем.

Дорогая Алевтина Тимофеевна! С прискорбием сообщаем, что ваш муж, Чеботарев Михаил Никифорович, пал смертью храбрых в боях с гитлеровскими захватчиками. Он до последнего дыхания хранил вашу с сыном фотографию у самого сердца. Передайте его сыну, когда он вырастет, что мы отомстим фашистским стервятникам за смерть его отца. Командир в/ч № 56238 капитан Трофимов.

Это письмо сгорело в разбитом прямым попаданием снаряда почтовом грузовике. Младший сержант РККА М. Н. Чеботарев был внесен в списки пропавших без вести

Строй на пыльном утоптанном плацу неподвижен, хотя и лишен парадной четкости. Часть бойцов с положенными по штату мосинскими карабинами, часть пока без оружия.

За строем людей, на утрамбованной тысячами колес площадке — разных оттенков потрепанные полуторки да несколько «ЗИСов» с будками реммастерских и топливными цистернами. Машины разномастные, несколько новеньких, только что с конвейера, остальные, как и большая часть людей в строю, из колхозов, с заводов, со строек.

Угловатые рупоры громкоговорителей на столбах притягивают глаза бойцов и командиров.

«Граждане и гражданки Советского Союза!» — Молотов, ага. — «Сегодня, двадцать девятого июня, в четыре часа утра, без объявления войны...» — Ну вот и все, Андрюха. Началось. Твоя дата, которую ты так старался донести, не сыграла, все пошло иначе. Как ты пыжился над книжками там, в похожих уже на сон девяностых, как ты проклинал вместе с многомудрыми авторами якобы бестолковых советских генералов! Дата «двадцать второе июня» там, в будущем, казалась настолько очевидной, что только идиоты могли ее прошляпить. Тебе даже в голову не могло прийти, что даже такой основополагающий, казалось бы, незыблемый исторический факт есть всего лишь результат, сумма, точка фокуса массы обстоятельств, решений различных лиц и кропотливых расчетов. Не все из которых может зафиксировать разведка, учесть в своих выкладках даже самый лучший штаб, предвидеть самый проницательный политик. Ты думал — только пустите меня туда, только дайте развернуться. Дали. И что?

А ничего. Твоего послезнания больше нет. Да его, как выяснилось, и не было вовсе. Так, иллюзия. Ты всего лишь один из пяти или скольких-то там миллионов бойцов. И ничем принципиально от них не отличаешься, разве что образование получше многих. Короче, стой в общем строю и не чирикай. Что должен делать — делай. А там посмотрим, что будет.

Молотов умолк. Сталин выступит в двенадцать по Москве, а пока присяга.

На плац втащили покрытую красной материей тумбу, установили рядом со сгруженными на землю длинными ящиками. «Равнение на знамя!» — Знаменосцы печатают шаг, все не так парадно-безупречно, как он привык видеть — но слегка поползший после окончания речи строй замирает на вдохе.

— Амирджанов!

— Йй-я!

По алфавиту Андрей был предпоследним, из своей второй шеренги он наблюдал, как подобные ему новобранцы выходили строевым к накрытой кумачом тумбе, зачитывали текст, расписывались в книге и возвращались в строй уже с положенными по штату водителям карабинами.

Дошла очередь и до него. Неловко пытаясь рубить шаг, он промаршировал к осененной знаменем тумбе и взял переплетенную в красный дерматин книжицу.

— *Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик...*

Далеко на западе «лаптежник» с крестами на плоскостях переворотом через крыло входит в пике над станцией. На путях два поезда, головами в разные стороны. Вокруг — суета, разбегаются люди-муравьи. В кустах рядышком — деловое шевеление, на тонком хоботке пульсирует желто-красный огонек. От тридцатисемимиллиметрового зенитного автомата с земли тянется цепочка светящихся шариков.

— *... вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии...*

Зенитчик в штампованной чашке сиденья сосредоточенно доворачивает штурвальчики наводки. Изломанные крылья пикировщика бьются в сетке прицела, как шершень в паутине. Заряжающий забивает в приемник очередную обойму.

— *... принимаю присягу и торжественно клянусь...*

Носок кирзового сапога аккуратно, даже нежно, давит педаль спуска, трассы идут к пойманному «Юнкерсу», от которого уже отделяется серия бомб. Треугольник фюзеляжа вытягивается, выходит, сволочь. Ладно. Бомбам лететь еще почти километр, секунд пять. И, похоже, в сторону. Работаем.

— *... быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом...*

Очередная обойма забита в патронник, длинный тонкий ствол доворачивается на следующий пикировщик. Очередь. Один из снарядов приходит прямо под мотор, от «лаптежника» отделяются какие-то опметки, клубы дыма... И очередная серия черных точек. Успел сбросить, сука. Работаем. Обойма. Поймать следующего. Ог-гонь!

— *... строго хранить военную и государственную тайну...*

В сотне метров восточнее расчет второй установки лихорадочно стаскивает с орудия маскировочную сеть. Молодой парнишка в кажущейся огромной каске замороженно смотрит на идущие к земле бомбы.

— *... беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, Комиссаров и начальников...*

Лейтенант, лишь самую малость старше пацана в каске беззвучно (за воем сирен «Юнкерса» слов не слышно) орет на растерявшегося. Тот дергается, хватает из ящика рядом с установкой обойму, оцетинившуюся клыками остроголовых снарядов...

— *... Я клянусь добросовестно изучать военное дело...*

... пытается забить обойму в гнездо, руки дрожат. Наконец, та входит на место, вторая зенитка открывает огонь. Между первой установкой и составом рвутся сброшенные подбитым «Юнкерсом» бомбы.

— *... всемерно беречь военное и народное имущество...*

Осыпанный комьями земли паровоз выпускает клубы пара, но это не попадание, котел цел. Машинист со сбитой взрывной волной фуражкой чуть приподнимает голову над обрезом окна. Паровоз трогается и медленно, очень медленно начинает тащить состав к выходному семафору.

— ... и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству...

Снова первая установка, тонкий ствол слепо смотрит в небо. Наводчик пытается поднять голову, сетка прицела расплылась и почти не видна. Небо с почти уже неразличимыми изломанными кляксами самолетов темнеет, наводчик заваливается вбок, совсем как «Юнкерс» десятью секундами раньше.

— ... Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик...

Подносчик снарядов без сантиментов спихивает тело товарища с чашки сиденья, кладет руки на штурвалы. Очередная серия огненных шариков тянется к заходящим на цель пикировщикам.

— ... И, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело...

«Юнкерс» шарахается в сторону, его не зацепило, но прицел сбит, бомбы идут в чисто поле.

— ... с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами...

Сброшенный с установки наводчик еще жив, пальцы скребут землю, потом они замирают.

— ... Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу...

Очередная пара «Юнкерсов» пикирует на вторую установку. Заряжающий в огромной каске не выдерживает, спрыгивает с разворачивающейся рифленой платформы, спотыкаясь, бежит к лесу.

— ... то пусть меня постигнет суровая кара советского закона...

Наперерез ему от штабеля ящиков бросается здоровенный мужик с неразличимыми от пыли петлицами, с широким замахом бьет его по морде. Мужик и утирающий рукавом юшку пацан хватают за веревочные петли ящик со снарядами, бегом волокут обратно к ворочающей хоботком автомата зенитке.

— ... всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Рвутся сброшенные последней парой бомбы, и наступает тишина, которую постепенно размывают крики, стоны, пыхтение не успевшего тронуться паровоза, треск горящего штабеля шпал в стороне от путей. Обыденные страшные звуки самой страшной в истории войны.

Подпись — Чеботарев.

Андрей отдал честь знамени, забросил полученный карабин на плечо, четко развернулся и, уже уверенно печатая шаг, занял свое место в общем строю.

Часть 2

Главная Дорога

В ночь на 2 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте.

Утренняя сводка Совинформбюро от 2 сентября 1941 года

Мелкая пыль дождя оседала на пожухлых кустах, покрывала влажной пленкой единственную во всем автобате маскировочную сеть, натянутую над последней оставшейся ремлетучкой. Гуляющими по роще сквозняками влагу вбивало в щелястые кабины, задувало под растянутые плащ-палатки, а дальше она вполне уже самостоятельно забиралась внутрь рваных, подпаленных шинелей. Растянутые на кольях возле костерка портянки парили, но на каждую молекулу испаренной воды приходилось две ее товарки, немедленно занимавших освободившееся место. Мартышкин труд.

В мирное время половина из трехсот человек, остававшихся на этот момент в списках батальона, уже слегла бы с воспалением легких или ангиной. Но то — в мирное время. Сейчас людям вполне хватало других способов умереть, так что изможденные организмы просто не обращали внимания на всякие мелочи.

Напротив, низкое небо, изливающаяся водяной пылью, сулило спокойный отдых — ни «мессеры», ни «лаптежники», ни корректировщики-«рамы» в такую погоду появиться ну никак не могли, так что можно было забыться хотя бы часа на три.

Война — наиболее радикальное средство от бессонницы. В сотне метров трое злых на весь свет усталых мужиков под дружные матюги правят кувалдой смятый на особо коварной колдобине колесный диск, колокольные удары доносятся небось до самого Киева — а тебе хоть бы хны. Правее еще двое регулируют наглотавшийся воды карбюратор, гоня движок на полных оборотах — а тебе пофиг. Глухая пелена сна прошибается только яловым сапогом, ласково проходящимся по ребрам.

Андрей выпростал ноги из-под брезента, вскочил, лихорадочно оправляя мятую гимнастерку. Рядом, явно после аналогичной побудки, хлопал глазами Давид, перешедший за последнюю неделю из стадии небритости в стадию бородатости.

Старшина Селиванов не изменил своему правилу — никакого мата — и на фронте. В течение тридцати секунд, не допустив ни единого прямого оскорбления подчиненных, он привел обоих в чувство, обрисовал ближайшую задачу, мягко, насколько позволяла обстановка, намекнул на последствия в случае ее недостаточно быстрого выполнения и ушел, приминая немалым весом перепаханный гусеницами грунт. Андрей с Давидом переглянулись и босиком побрели в глубь рощицы, к протекавшему по дну неглубокой балочки ручью.

Железное стадо за ночь оставило свой след — радужные пятна нет-нет да и проплывали по темной воде, но за последний месяц бензин и масло стали частью повседневной жизни. Наскоро умылись. Давид вынул из набедренного кармана кусок похожего на тесто мыла, наполовину облысевший помазок и трофейную золингеновскую бритву, которую с присущим евреям талантом выменял в разведзвезде на недельное табачное довольствие.

Андрей, кстати, тоже включился во фронтовой бартер — махнул свой карабин на «СВТ». Основная масса пехоты самозарядки не любила дико, считая ненадежными. Так что и командир того пехотинца не возражал, хотя всего-то делов — ухаживать за оружием как следует. Намного проще, чем за машиной, кстати.

Андрей, подвернув штанины, скинул гимнастерку с плеч, стянул фуфайку и начал растираться, прогоняя остатки сонливости. Давид ругался под нос — бритье по холодку, да ключевой водичкой, занятие не из приятных, но явно и доходчиво выраженное неудовольствие старшины выбора не оставляло. «Мышки плакали, кололись, но продолжали кушать кактус», — настроение у Андрея чуть поднялось, но подшучивать над другом он не стал, тем более что аналогичный процесс предстоял и ему, а искусство обращения с опасной бритвой он так и не постиг, отчего вечно ходил в порезах. Хорошо хоть горло себе не перехватил.

Через две минуты Давид закончил и бросил орудия пытки Андрею. Наблюдая за его потугами, он краем рта усмехнулся. Знал ли комсорг о проблемах мышек — неизвестно, но, видимо, ассоциации у него были схожие.

Вернулись к костерку. Дождь приутих, и горячие портянки успели малость просохнуть. Настроение поднялось еще на полградуса, и к загнанным в рожицу машинам они подошли значительно веселее.

Остальные шоферюги уже подтянулись и группировались поротно. «Хозяйство Селиванова», как в шутку называли первый взвод, выглядело военнее всех, что и неудивительно. Большая часть водителей батальона была призвана либо перед войной, либо сразу после ее начала. Времени на превращение штатской шоферской вольницы в настоящих солдат просто не было — фронт требовал, по слегка измененному выражению Наполеона, трех вещей — грузов, грузов и еще раз грузов. Да и сам комбат, призванный из запаса в начале июня, больше походил на заведующего гаражом (каковым, собственно, до призыва и являлся), чем на командира, пусть и тылового — но командира. С соответствующими последствиями.

— Так, товарищи бойцы, — Селиванов тяжело подбежал от штабной палатки, одной рукой придерживая пилотку, во второй белел листок с самопальной картой. Понятно, Андреевого, как почти что штатного художника-чертежника, производства. — Всем смотреть сюда.

Строй разом сломался, два десятка коротко стриженных голов склонились над белым листочком. На школьных линейках были достаточно подробно размечены ближайшие окрестности с указанием дорог, мостов и бродов.

— Так вот. По имеющимся сведениям, немцы нанесли сильный удар по нашим войскам где-то на севере. Где — мне не доложили, — он неприятно уставился на Андрея, уже успевшего пару раз проявить неуместное, с точки зрения старшины, любопытство, соответственно — командование приказало перебросить вот сюда, — промасленный палец ткнул в карандашный кружочек около верхнего обреза листа, — дополнительные силы. Нашему взводу поставлена боевая задача — прибыть на станцию Ворожба, загрузиться согласно приказу и следовать вот этим маршрутом, — палец проскреб вдоль помеченной дороги к северу — в район восточнее Глухова. — После разгрузки — возвращение на станцию Ворожба для следующего рейса. Старший колонны — я. Головной идет машина Савченко, я иду с ним. Порядок движения знаете.

Помолчал и добавил:

— Надеюсь, ребята, поспать вам хоть чуть-чуть да удалось. Потому что чует мое сердце
— в ближайшую неделю такой роскоши нам не представится. По машинам!

Гудериан, Хайнц Вильгельм (Guderian), (1888–1954), генерал-полковник германской армии (1940), военный теоретик Наряду с де Голлем и Фуллером считался родоначальником моторизованных способов ведения войны. В своих книгах «Внимание — танки!» и «Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск» (1937) Гудериан отводил главную роль в исходе современной войны массированному применению танков. В начале 1940-го командовал танковым корпусом во Франции, с июня 1940-го командующий 2-й танковой группой (с октября 1941-го — 2-й танковой армией). Фактический автор плана операции «Браун», предусматривавшей захват Москвы до наступления зимы 1941 года.

«Сто генералов Гитлера». Женева, 1972

«Повелитель танков!»

Звучит, nicht wahr?^[11] Глядя на ровно гудящие моторами и лязгающие траками колонны, командующий второй танковой группой генерал-полковник Гудериан был счастлив. Это его «ролики», его люди — и они наконец-то выполняют его собственный план. Фюрер — великий человек, ведь истинное величие государственного деятеля состоит в том, чтобы прислушиваться к имеющимся в его распоряжении экспертам.

С каким восторгом фюрер принял его детально разработанный план!

— Господа! Выслушав доклад генерал-полковника Гудериана, я принял решение. Судьбы мира, судьбы наших потомков на тысячу лет вперед решаются сейчас, на этом совещании, — глаза фюрера горели неистовым огнем, — предлагаемые фельдмаршалом фон Браухичем осторожные и половинчатые решения не соответствуют судьбоносности момента. Наши победы в первые недели восточной кампании показали, что какие бы силы ни вкладывали большевики в свои контрудары — добиться решительного успеха им не удалось ни разу.

Гитлер распалялся от звуков собственного голоса, такой священный экстаз обычно овладевал всем его существом только во время его обращений к огромным массам народа.

— Какие бы темные силы ни приходили на помощь нашему противнику — они оказались бессильны перед мощью германского оружия. Массы большевистской брони уничтожены, рассеяны и захвачены под Гродно и Ковелем, под Дубно и Кишиневом. Противник превосходил германские части в живой силе, в танках, в авиации — и все же он был разбит. Азиатские орды не представляют опасности для арийского духа.

Голос фюрера заполнял весь зал, казалось, его эхо разносится по всему миру, лишая врагов последних остатков воли.

— Основные силы большевиков уничтожены. Так беспокоящая оберкомmando вермахта киевская группировка русских является спешно мобилизованным и отловленным по тылам сбродом. Нашим главным противником в русской кампании является не армия большевиков, а время. Мы должны разбить армии русских до наступления холодов.

В устах фюрера собственная мысль Гудериана приобрела новое звучание. Одно дело — соображения одного из многих генералов, совсем другое — воля всего германского народа, воплощенная в одном человеке.

— Итак, я приказываю, — стенографистки яростно записывали, — группе армий «Центр» нанести, согласно плану генерал-полковника Гудериана, решительный удар тремя танковыми группами на Калинин, Москву и Тулу, имея целью охват и окружение Москвы. Первая танковая группа совместно с шестой армией, наносят мощный удар по войскам русских в районе Киева с целью полного разгрома большевиков и недопущения ударов во фланг наступающим армиям. На участках групп армий «Север» и «Юг» вести сковывающие действия, не допуская связывания большевистских резервов. После разгрома противников их судьба будет решена.

Запомните, господа, главной целью этого наступления является Москва и только Москва! Столица большевиков отличается от обычных цивилизованных столиц. Система управления большевиков примитивна и требует концентрации управления, производства, транспортных коммуникаций в едином центре.

Мы возьмем Москву — и разрежем фронт русских пополам.

Мы возьмем Москву — и парализуем всю русскую систему управления.

Мы возьмем Москву — и одним ударом лишим русских воли к победе.

Господа! — глаза фюрера горели, — наши потомки будут гордиться нами! Мы не имеем права обмануть их доверия!

И сейчас именно он, генерал-полковник Хайнц Гудериан, «Быстроногий Хайнц», фактический создатель германских танковых войск, был тем железным кулаком, который исполнял железную волю фюрера. Ну, если честно, третью кулака. Неважно. Он был горд служить Германии и фюреру в любом качестве. Однако в таком качестве, как сейчас — одновременно и мозгом, и карающим мечом германской нации, это было намного, намного почетнее.

Тем более что его фельдмаршальский жезл лежал совсем, по масштабам этой войны, недалеко — в трех-четыре сотнях километров, на брусчатке Красной площади. Оставалось прийти туда и взять его.

Задача бронетанковых войск — наступательными действиями решать исход боя. Эту задачу они выполняют путем нанесения внезапных ударов по наиболее уязвимым местам обороны противника — по флангам, тылу, незанятым участкам фронта и т. п. Нанося удары на большую глубину, бронетанковые войска преследуют цель — захватить важные оперативные объекты, окружить и уничтожить противника.

Э. Миддельдорф. «Русская кампания — тактика и вооружение». Изд-во АСТ, 1998

Лес был изумительно красив. Через еще влажную зелень пробивались желтые и красные мазки, самые нетерпеливые деревья уже почувствовали осень. Сюда бы фотоаппарат, мегапикселей на побольше, да комп с фотошопом... Такая красота пропадает. Давешний дождь прибил пыль, ехать было легко. А вот думы были тяжелыми.

Война шла никак не лучше, чем в школьных учебниках и читанных еще «дома» книгах. По-другому, но никак не лучше. Ничего ты, Андрюха, не добился. Да, рубились наши по всем рубежам, судя по косвенным, отчаянно. Неделю немцев в приграничье держали, неделю! А потом — потом немцы рванулись на восток как бы не с удвоенным темпом, видимо, действительно пожгли, перемололи нашу армию у границы. Как эта гребаная «Барбаросса» и предусматривала.

Шутки истории? Старая карга мстит пытающимся ее обмануть, так что ли? Похоже на то, ой как похоже. И опять-таки похоже, что счет еще не оплачен. Как платить будешь? Ты ведь не Жуков, максимум, что можешь поставить на кон — свою шкуру, ну и машину с той фигней, что в нее на станции покидали.

Командующий Брянским фронтом генерал армии Жуков оторвался от пулемета. Вроде откатились. До чего обидно, вот так... Немецкие танки давно прорвались на восток, предоставив зачистку немногих остающихся узлов сопротивления пехотным частям. Как все глупо получилось. Пристрелить этого мингрельского проходимца! Какой черт нашептал ему, что немцы не рискнут идти на Москву, не разделавшись с киевской группировкой. Впрочем, сейчас Жуков мог быть честным с самим собой. До вчерашнего дня он был полностью согласен с Берией. И не только он. И Шапошников, и Тимошенко, и сам Сталин — все были уверены: они не рискнут.

А вот рискнули!

И теперь весь его — его! — Брянский фронт, развернутый для удара во фланг предполагаемому наступлению немцев в тыл Киеву, вся эта масса людей и стали, подчиненная его — его! — воле, была рассечена на части ударами немецкой брони, отрезана от соседей, от снабжения, от командования и таяла, как сахар в кипятке. Кипяток, черт! Вода в «максиме» закипела, а немцы скоро пойдут вперед, снова и снова. Срочно нужна вода.

— Воротников! — Адъютант не ответил, только несколько мин взорвалось неподалеку, сейчас начнется. — Воротников, твою мать!

Ответа не было. Жуков обернулся. Адьютант лежал в трех шагах, на пороге блиндажа, спина была черной от крови. Выкинутая вперед рука сжимала за тесемки связку солдатских стеклянных фляг в матерчатых чехлах, как будто тот последним движением пытался дотянуться, донести столь необходимую воду. Жуков глянул в амбразуру — нет, немцы еще не атакуют, да и рано, мины еще сыплются, — метнулся к Воротникову. Выдернул из не успевших зачоченеть пальцев тесемки, чуть откатил пулемет. Откинул крышку и вылил мутную жижу в кожух. Нормально, еще постреляем.

Мины продолжали рваться, кто-то недалеко от блиндажа страшно заорал. Похоже, все. Следующей атаки им не пережить — застигнутый врасплох, отрезанный от своих штаб долго сопротивляться не может. Почему так случилось, почему? Ведь ждали, готовились — а не смогли. Сосредоточенные на западе мехкорпуса огромной (на бумаге) ударной силы немцы перемололи не то чтобы шутя, нет. Просто чего-то не хватило ему, генералу армии Жукову. Немцы всегда, каждый раз, реагировали, перегруппировывались и били на день, на часы быстрее, чем он, подрезая клинья его танковых ударов. Как будто он, Жуков — здоровенный деревенский увалень, слегка пообтесавшийся в городе, безусловно сильный, с пудовыми кулачищами, сцепился с мелким, но крепким и жилистым бандюганом с Хитровки. На каждый удар — да что там удар, замах — бандюк отвечал серией точных тычков под дых и под ребра. И следовало учиться быть быстрее, иначе конец.

А ведь учиться будут уже другие, с грустью подумал генерал. Странно. Где-то в душе крылась непонятная убежденность, что именно он, Жуков, должен был, сдержав первый натиск, довести закаленную, изменившуюся по самой своей сути Красную Армию до Берлина. Брось, Георгий Константинович, брось. Это самообман. Ты военный человек, ты понимаешь, что чудеса на войне происходят только тогда, когда ты долго и тщательно их готовишь. А сейчас — мины перестали падать, значит, немцы снова пошли вперед. Генерал снова прильнул к пулемету.

В поле зрения опять показались серые фигурки, правда, шли они вроде бы нерешительно, короткими перебежками, надолго скрываясь в густой траве. Жуков скупно расходовал патроны, изредка поправляя ленту. Внезапно совсем рядом застучали немецкие автоматы. Обошли, суки, понял генерал, и успел обернуться как раз тогда, когда влетевшая в дверь блиндажа граната на деревянной ручке взорвалась и унесла его в темноту.

... А ведь ты, Андрей, на Гитлера сработал. Вот они, те самые благие намерения, которые известно куда ведут. Вообразил себя ценнейшим информатором, знающим все наперед. Дескать, откроешь ты Сталину глаза, завалишь его абсолютно надежными сведениями — и все, победа у нас, можно сказать, в кармане. Цена твоим знанием, друже — в базарный день копейка. Привык судить по задетому еще краешку излета СССР с поголовно грамотным народом, мощной промышленностью и прочими атрибутами сверхдержавы. Ан нет — немцы на данном историческом, мать его, этапе, настолько круты, что на каждое наше вызванное этим «абсолютным знанием» действие находят контрход. Причем настолько успешно, что информация твоя, дающая иллюзию всезнания, оборачивается великим самообманом.

Так что дезу ты прогнал, получается. Стратегическую, рокового масштаба, можно сказать, дезу. Крыть ее — нечем. И что теперь делать? Просто баранку крутить?

Но и насчет баранки у взбаламученной, «неправильной» войны были иные планы. Идущий впереди грузовик подпрыгнул и нырнул в кювет. Тишина (гул мотора сознанием не

воспринимался) взорвалась выстрелами, взрывами и — что было всего страшнее — лязгом гусениц. Сразу десяток пулеметов прошлись вдоль колонны. Зазвенели стекла, радиатор выплюнул клуб пара, движок заскрежетал и встал. Полуторка запнулась и въехала правым крылом в кузов передней машины.

Андрей кувыркнулся на сиденье, на ходу подхватывая винтовку, и вывалился на землю, вышибив ногами правую дверь. Из пробитого бака хлестал бензин, кто-то сзади уже горел. Ходу! От передней машины поднимался Давид, растерянный, с кровавой полосой поперек лба, без пилотки. Глаза у него были совершенно пустые. Андрей налетел, сбил его с ног, сам плюхнулся рядом, выставив ствол между дорогой и днищем машины.

В узкую щель был виден край выходящей к дороге просеки, и по этой просеке надвигался полный и окончательный финиш. Корпуса танков были скрыты рельефом, но по башням Андрей с полувзгляда опознал чешские «Pz-38» — так себе танк, но против деревянных кабин и кузовов колонны — наши, как говорится, не пляшут.

По мерцающему за пылью огоньку Андрей засек позицию пулеметчика, Прицелился чуть выше-правее. Шансов было мало — но уж какие есть. Потрепыхаемся маленько — и все. Палец начал выбирать спуск, когда сильный рывок за плечо сбил прицел и заставил Андрея скатиться в кювет.

— Чеботарев! Гольдман! Быстро к лесу! Приказываю! — Старшина был без фуражки, рукав гимнастерки набухал кровью, «наган» в левой руке. — В лес! Ходу!

Что нашло на старшину, Андрей не понял, да и времени не было понимать. Подхватив винтовку и взяв под локоть все еще не пришедшего в себя Давида, он, пригнувшись, побежал в сторону опушки. Шагов через десять обернулся — Селиванов бежал за ними, пригнувшись, придерживая раненую руку здоровой, с «наганом». Над ухом пару раз цвиркнуло, старшину бросило вперед. Андрей всунул винтовку оторопевшему Давиду, дернул его так, что тот свалился в траву. Сам на четвереньках пополз к старшине.

Тот уже умирал, на губах выступила пена. «Наган» валялся в полвершке от скребущих воздух пальцев.

— Товарищ старшина!

— Чеботарев! «Наган»... «Наган» где? Должен... Где «наган»?

— Тут, товарищ старшина! — Андрей вложил револьвер в испачканную глиной ладонь. Рука слегка дернулась и вновь бессильно опала.

— Слушай, — старшина уже едва шептал. Андрей склонился ухом к самым губам, чтобы разобрать хоть что-то среди боя. — Я... не смог... приказ... не допустить... чтобы ты к немцам попал... Хотел убить тебя прямо там... у машины... Не смог... Беги... Не попадайся... Тебе к ним... нельзя, никак нельзя... — Он замолк Андрей сунул выпавший из замерших пальцев «наган» за ремень, из нагрудного кармана гимнастерки достал документы старшины. И где на четвереньках, где уже по-пластунски — обстрел усилился, танки выбрались на дорогу и прочесывали пулеметами окрестности — пополз к лесу. Слегка оклемавшийся Давид полз за ним.

Жуков Георгий Константинович (19.11(01.12).1896-02.09.1941), член ВКП(б) с 1919 г. Родился в дер. Стрелковка Угодско-Заводского района Калужской области. Русский. С 1918 г. в Красной Армии. В 1938–1939 гг. зам. командующего войсками Белорусского военного округа. В 1939 г. командующий корпусом и группой войск в районе Халхин-Гола. В 1940–1941 гг. командующий войсками Киевского особого военного округа. В январе-мае 1941 г. нач. Генштаба и зам. наркома обороны СССР. Незадолго до войны принял командование Западным особым военным округом, с 29.06.1941 — командующий Западным фронтом, с 14.08.1941 — командующий Брянским фронтом. Пропал без вести 02.09.1941.

Сборник БСЭ. Казань, 1942 г.

— Как — так — на запад? Что — вы — говорите?

— Сегодня утром войска второй танковой группы немцев прорвали оборону наших войск на стыке 13-й и 40-й армий в районе Хутор Михайловский и развивают наступление в общем направлении на Севск. Вспомогательные удары нанесены по стыку 50-й и 3-й армий на Брянск и по стыкам 3-й и 13-й армий — на Трубчевск.

— Что делает Жуков?

— Товарищ Верховный Главнокомандующий! Генерал армии Жуков со всем штабом пропал без вести. Командование осуществляет командарм генерал-майор Городнянский.

— Пропал без вести.

Сталин ссутулился. Положил трубку на стол, взял папиросу. Размял ее. Положил рядом с трубкой. Ни Василевский, ни Шапошников никогда не видели Сталина таким. Даже в страшные июльские дни, когда стало ясно, что даже заблаговременно стянутые к границе, доведенные до максимально возможной боеспособности части терпят сокрушительное поражение, что лучшие бойцы и лучшая техника сгорают без остатка, Сталин был таким, каким он был обычно — жестким, язвительным — лидером. Вождем.

Сейчас в нем как будто лопнула пружина.

— Вы... уверены? Может быть, просто нет связи?

— Товарищ Сталин. Последнее сообщение из штаба Брянского фронта: — «У аппарата Жуков. Немецкие танки прорвались южнее...». На этом связь прервалась. Авиаразведка доложила — на месте расположения штаба шел бой. Немецкие танковые колонны также замечены восточнее и севернее места расположения штаба.

— Значит, конец... А ведь он был должен...

Что же такое должен был Жуков, что его гибель или пленение привели Сталина в такое состояние, никто не понял. Да и времени разбираться не было. Василевский продолжал стоять у карты, руки пытались согнуть дубовую указку.

— Товарищ Василевский, вы хотите сказать что-то еще?

— Так точно, товарищ Главнокомандующий, — Василевский был встрепан, мешки под глазами почти черные, — на участке Духовщина — Вердино сконцентрированы части

третьей германской танковой группы. Вероятно, следует ожидать удара на этом участке в ближайшие часы. И еще. В районе Рославля зафиксированы части шестой танковой дивизии немцев.

— И?

— Товарищ Сталин. Шестая дивизия входит в состав четвертой танковой группы Клейста. До недавнего времени эти части вели наступление на Ленинград. Предположительно под Москву переброшены также первая и восьмая дивизии, а также моторизованные дивизии, входящие в эту группу.

— Что значит — предположительно? — Сталин как будто взорвался. Только что перед генералами сидел пожилой, да к тому же еще и крайне усталый человек. Только что этот человек получил сокрушающий удар, казалось, сломавший его если и не навсегда, то на неделю минимум. Да, ему хотелось вызвать машину. Закрыться на даче. Никого не видеть. Не принимать. Жуков, который должен был принять капитуляцию в сорок пятом у раздавленного, но пытающегося сохранить надменность — Кейтеля? Да, Кейтеля. И вот теперь Жуков убит. И хорошо, если убит. А если пленен? А вдруг... Что, если он... Сталин не привык верить людям, с чего бы? Власов *там* ведь тоже поначалу показал себя грамотным генералом...

Но рефлекс Хозяина — он знал, что его так называют за глаза, это прозвище ему льстило — так вот, эти самые рефлекс мгновенно выдернули его из черного колодца отчаяния, лишь только до его ушей донеслась допущенная Василевским слабина.

— Вы решили, что в создавшейся ситуации вы можете кормить Советское руководство предположениями? — Глаза вспыхнули, спина выпрямилась. Василевский отступил на полшага, но выдержал удар.

— Разрешить пояснить, товарищ Сталин?

— Разрешаю. И безо всяких «скорее всего» и «предположительно».

— Информация о переброске четвертой танковой группы немцев на Московское направление получена от агентурных источников. — Сталин хмыкнул, Василевский продолжал: — Однако данная информация надежно подтверждена только в части прибытия под Москву Шестой танковой дивизии — сегодня ночью разведкой нашей Девятнадцатой армии захвачен пленный из состава данной дивизии. Это, конечно, повышает доверие к агентурной информации, но однозначно утверждать о переброске всей танковой группы мы пока не можем.

— Убедительно. Какие еще подтверждения имеются относительно этих... данных?

— Штаб Ленинградского фронта отмечает резкое ослабление немецкого натиска на наши войска. За последние сутки войскам генерала Попова даже удалось контратаками потеснить немцев в районе Чудово — Любань. Кроме того, авиаразведкой зафиксированы перевозки танков и другой техники в направлении от Ленинграда на юг через Дно на Великие Луки.

— Хм. Тогда я склонен согласиться с вашими... предположениями. Они ударят всем что есть.

— Так точно. Всем что есть. По нашей оценке, они вкладывают в этот удар все свои подвижные части. Возможно, первая танковая группа оставлена для сковывания нашей киевской группировки — по крайней мере, ее прибытие на Московское направление нами не зафиксировано.

— Но это же авантюра!

— Не обязательно, товарищ Сталин. Взятие немцами Москвы осложнит нам маневр войсками, значительно снизит производственные мощности страны. И главное — будет иметь большое политическое значение. Если немцы возьмут Москву — они не смогут решить свои задачи на северном и южном фланге по частям в течение одной-двух кампаний, но и значительно снизят дух наших войск, нашего народа. Это будет иметь серьезное негативное влияние на дальнейший ход войны.

— Значит, допустить захвата Москвы нельзя. Что мы можем сделать?

— Во-первых. Вывести из-под удара войска Западного фронта. Войска Брянского фронта, боюсь, придется выводить уже из окружения, — Василевский сыпал номерами армий, танковых бригад, стрелковых корпусов. Мелькали названия городов и поселков, отмечающие рубежи обороны. Но это было не то, полумеры, тушение пожара стаканами. Сталин дослушал, потом поднялся со стула и подошел к карте.

— Все это хорошо, товарищ Василевский. Но... Вы действительно верите, что этими силами можно остановить немца?

— Уверен, товарищ Сталин.

— А я вот — не уверен.

Василевский опешил. Сталин раскурил трубку и успокоился окончательно. Да, «собачий парикмахер» попал пальцем в небо. Но ведь мы марксисты, не так ли? И товарищ Сталин — тоже марксист. А что говорит теория Маркса? Теория Маркса отрицает принцип предопределенности событий. Так что ничего удивительного в том факте, что немецкое командование в новых исторических условиях изменило свою стратегию, нет. Особенно — учитывая утечку информации, будь он проклят, этот ежовский выкормыш.

Однако эта новая стратегия немцев оперирует теми же силами, теми же производственными мощностями и реализуется теми же людьми, что и в изложенной «Пауком» версии. А в той версии немцы почти дошли до Москвы в значительно более трудных условиях — при достроенных линиях обороны, при большем количестве наших войск. Значит, в нынешней ситуации сдержать немцев будет еще труднее.

— А я — не уверен, — еще раз повторил Сталин. — Заметьте, товарищ Василевский, за два с половиной месяца войны нашим войскам ни одного раза не удалось сдержать немецкие танковые группировки. А значит — нет оснований предполагать, что это получится у нас сейчас.

— Мы не собираемся ограничиваться обороной, товарищ Сталин. В складывающейся ситуации линия фронта образует обширный «балкон», обращенный во фланг наступающей германской группировке, — указка описала длинную дугу от Киева до Курска, — что создает возможность для проведения мощного контрнаступления, охватывающего фланги немецкой ударной группы.

— И вы уже научились проводить операции такой глубины, товарищ Василевский? — саркастично заметил Сталин. — Скорее немцы вспомогательными ударами срежут этот балкон. И усядутся на нем сами. — Я не отрицаю возможности такой операции, — продолжал он, — однако — большого барана нужно есть маленькими кусочками. Нам предстоит разработать и провести комплекс сложных операций. Причем не по заранее подготовленному плану — планы в таких условиях долго не живут, а быстро и — главное — правильно реагируя на действия противника. Исходя из этого, — Сталин уже ходил по кабинету, — Ставка предлагает создать на базе Северо-западного, Западного, Резервного, Брянского, Юго-Западного фронтов Особую группу фронтов. Задачей группы считать —

остановку немецкого наступления на Москву и последующий разгром немецкой группировки. Координатором группы фронтов назначить генерал-лейтенанта Рокоссовского. Есть мнение, товарищ Рокоссовский справится.

И, не давая присутствующим опомниться, возразить — уж больно крут был взлет из всего-навсего командармов в начальники над пятью комфронтами сразу, добавил:

— Спасибо, товарищи. Все свободны.

Я освобождаю вас от химеры, называемой совестью.

А. Гитлер

Грохот боя позади затих, доносились лишь резкие щелчки одиночных выстрелов. Кто-то прорвался — скорее назад, чем вперед, но вряд ли повезло многим. Андрей с Давидом продирались через подлесок, отводя от лица норовящие ткнуть в глаз ветви. Оружие не бросил ни тот, ни другой — то ли от страха, то ли просто забыли — вряд ли из соображений воинского долга. Одни рефлексy. Хотя и правильные, да. По крайней мере, теперь, когда в голову начали возвращаться какие-то мысли, наличие в руках оружия хоть немного успокаивало совесть. А совесть нуждалось в успокоении у обоих.

И каждый новый выстрел за стеной деревьев был дополнительным укором. Сесть и завить не позволяли именно стволы — селивановский «наган» у Андрея и Андреева «СВТ» у Давида. Совесть требовала повернуть назад, но обычный человеческий страх поддерживался здравым смыслом — даже без учета танков, подстерегшие их колонну вояки не им чета.

— Стреляют еще.

— Раненых добивают. Кто идти не может, — Андрей шагал, ненавидя сам себя за то, что идет на восток, а не на запад: «... и мы помним, как солнце отправилось вспять»... Давид сглотнул:

— Андрей... Вернемся?

— Куда? Вдвоем, с «наганом» и «светкой» против танков? Ежли б мы сразу в канаве залегли — может, одного-двух и кончили б... И то при удаче. А сейчас — отловят нас на подходе, и все, пишете письма. Зазря поляжем. И хорошо, если поляжем. В плен ни тебе, ни мне нельзя.

— Мне-то понятно, — о привычках немцев все уже были наслышаны, да и бессмертное «Бей жида-политрука, морда просит кирпича» в листовках рассыпалось фрицами регулярно, — а ты?

— Если у меня будет отдельная могилка, на ней надо будет написать: «Он слишком много знал». Усек? — Андрея колотило, в здравом уме ничего такого он не сказал бы — слишком уж, по меркам его времени, это напоминало понты.

— Ага. Я так и думал, собственно. И что делать?

— К своим идти. Пойдем через лес, вряд ли немец прорвался так уж далеко, — и почти сразу же, опровергая его слова, на северо-востоке что-то загрохотало. — Ч-черт. У тебя еда есть?

— Откуда? Сидор в машине остался.

— Ладно. Смотри по дороге — может, малинник какой встретится, — канонада впереди усилилась. — Ч-черт. Похоже, я ошибся. Идти придется долго, лучше грибы-ягоды, чем ничего.

Грибов-ягод, как назло, не попадалось. Благо, была одна стеклянная фляга в матерчатом чехле на двоих, ее наполнили из темного спокойного ручейка. Дня три продержатся, а там посмотрим. На третий день желудок уже начало не просто сводить, а буквально скручивать. Канонада грохотала по-прежнему впереди, немцы своими огромными массами людей и

стали двигаться быстрее. Много времени уходило на преодоление дорог — один раз лежали почти час, дожидаясь, пока длинная колонна не пройдет, изрыгая пыль, лающие команды, гогот и звуки губных гармошек.

— Слышишь? — Андрей поднял отведенную назад руку, подсознательно копируя какого-то американского морпеха из давным-давно, по его счету, отсмотренного боевика.

— Дым?

— Точно, дым. Жилой. Но... плохой какой-то. Неправильный. Патронов у тебя сколько?

— Только то, что в магазине. Десять штук.

— И у меня только барабан. Так, двигаемся тихо. Я впереди, ты прикрываешь.

... Суки.

Только одно это слово и вертелось в Андреевой голове, когда они с Давидом рыли найденной на пепелище лопатой неглубокую могилу, когда укладывали в нее скрюченные головешки сгоревших тел (желудок выворачивало напустую), когда засыпали яму супесью пополам с золой. О возможности возвращения немцев на затерянный в лесу кордон не думали.

Во-первых, это было неважно — не похоронить лесника с семьей было просто невозможно, ни при каких обстоятельствах.

А во-вторых, работающая часть сознания отметила: судя по следам, немцев и было тут два мотоцикла — разведка. Сделали дело — и укатили.

Суки.

Пусть воют, когда мы придем в Германию. Пусть плачут кровавыми слезами. Пусть на коленях ползают под дулом винтовок и автоматов, вымаливая прощение.

О том, что «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается» будем думать потом. Когда размажем их тонким слоем — сначала по нашей, а потом и по чужой земле. Когда они и сами до конца жизни запомнят, и правнукам накажут — никогда больше! Ферботен, мля!

Боже мой, мы — там — все забыли.

Мы забыли, как пахнут горелые тела.

Мы забыли, как отражается небо в глазах девушки с окровавленными ногами.

Мы там клеим модельки «Тигров» и редких модификаций «трешек», с легким презрением относясь к «скушной», «без детализировочки» броне «тридцатьчетверок» и «ИСов».

Мы дошли до того, что ставим памятники эсэсовцам при церквях, а сами присваиваем себе на Интернет-форумах гитлеровские звания.

И вот когда запах горелой человечины накрывает тебя по-настоящему — ненависть к этим нелюдям смешивается с презрением к самому себе, образуя взрывчатый состав страшной силы.

Простите меня, люди.

Простите, что я убежал с поля боя, пусть безнадежного. Простите, что я не убил даже одного немца, позволив одному лишнему нелюдию дойти до вашего дома.

И ты, девонька, прости. Спи спокойно.

Красноармеец Чеботарев больше от врага не побежит.

Сталин Василий Иосифович 21.03.1921-05.09.1941
Фрунзе Тимур Михайлович 05.04.1923-19.01.1942
Микоян Владимир Анастасович 26.01.1924-18.09.1942
Хрущев Леонид Никитович 10.11.1917-11.03.1943

... В этом полку были самые лучшие самолеты и самые лучшие летчики. Он никогда не испытывал недостатка в запчастях, боекомплекте, высокооктановом горючем. И его никогда не раздергивали по эскадрильям, звеньям и парам. Но только не ночью. Немцы были уже в считанных десятках километров — но смоленские аэродромы никак не могли подтянуться за наступающими войсками, а до подмосковных вермахт еще не дошел. Так что хотя бы «Юнкерсы-87» до Москвы не долетали — впрочем, им и без того было чем заняться, на последних километрах перед столицей советские войска вгрызлись в землю намертво, выигрывая дни, часы, метры и пяди земли. Но двухмоторные машины — «Хейнкели», «Дорнье», «восемьдесят восьмые» — рвались к Москве днем и ночью. Понесся довольно значительные потери в массированных августовских налетах, люфтваффе сменило тактику — налеты теперь шли небольшими группами, с разных направлений, по ночам. Благо технология была отработана еще над Англией. Кого-то засекали немногочисленные радиолокаторы, кого-то — посты ВНОС.^[12] Но поди найди тесную группу бомберов в темноте, когда из освещения — одна луна, да и та уполовинена... К тому же советская авиация тоже была вынуждена расплыть свои силы...

Очередную цель засекали перед самым рассветом — еще за линией фронта. Скорость «Юнкерса» — триста шестьдесят километров в час, сто метров в секунду, двадцать минут до Москвы. Дежурный истребитель (ночью держать строй было невозможно, только дополнительный риск столкновения) 16-го ИАПа, взревев мотором, заложил вираж и пошел на перехват. Голос оператора наведения в шлемофоне успокаивал. Капитан оглядывал светлеющий небосвод, но немец, судя по цифрам в наушниках, был еще далеко.

Капитан был лих и бесстрашен, к лести и зависти (неизбежным в его жизненной ситуации) относился спокойно. Правда, с весны ходил какой-то смурной, от чего с головой уходил в службу — сначала просто в полеты, потом — в бои. Как он выжил — знал только его ведомый.

Ему повезло — вывели точно, на фоне едва посветлевшего неба проявилась черная черточка. С набором высоты, на полном газу «МиГ» развернулся — и меньше чем через минуту зашел на едва различимый силуэт снизу, сам невидимый на фоне земли.

Первую атаку «Юнкерс» прозевал. Пулеметные трассы вонзились в брюхо, бомбардировщик дернулся, но продолжал лететь. Звенья мотором, «МиГ» проскочил вверх, заходя в следующую атаку.

Стрелок в верхней башне немца увидел мелькнувшую тень, вспышки пламени на патрубках и, рывком повернув спарку «МГ», нажал на гашетки. Трассы прошли мимо, лишь указав местоположение бомбардировщика. Капитан повернул самолет и снова открыл огонь. От крыла «Юнкерса» полетели ошметки, правый мотор пыхнул огнем. Стрелок бомбардировщика повернул турель на сверкающие огоньки пулеметов и прошел истребитель

двойной трассой. «МиГ» дернулся, капитан повис на ремнях, мертвеющие пальцы выпустили ручку, и лишенный воли истребитель устремился к земле. Горящий «Юнкерс» врезался в лес пятью километрами западнее.

Телефон на столе зазвонил. Сидящий за столом человек с летными петлицами убрал от лица руки и несколько секунд смотрел на него, как на готовую взорваться бомбу. Потер ладонями черное от бессонницы лицо, взял трубку.

— Слушаю!

— Командир 16-го ИАПа Пруцков? С вами будет говорить товарищ Сталин, — в трубке что-то щелкнуло, на самой границе слышимости возник прерывистый вой. Мучительно хотелось достать пистолет, пулю в сердце — и далее покой. Но это было бы трусостью, и комполка запретил себе думать об этом. Будь что будет.

— Товарищ Пруцков. С вами говорит Сталин.

— Здравия желаю, товарищ...

— Не надо. Расскажите, как это произошло.

Пруцков вздохнул.

— Групповые полеты ночью невозможны, товарищ Верховный Главнокомандующий. Поэтому свидетелей, наблюдавших бой с близкого расстояния, не осталось. Капитан Сталин находился на боевом дежурстве. Был направлен на перехват идущего к Москве бомбардировщика. По сообщению наземных наблюдателей, и наш истребитель, и бомбардировщик, предположительно, «Юнкерс-88», упали почти одновременно. Я отдал приказ найти место падения самолета Василия.

— Отставить. Вы — летчики, ваше дело — летать. На земле есть кому заняться поисками, — голос в трубке замолк, майор ждал. Наконец, слегка изменившимся тоном собеседник спросил:

— Федор Михайлович, — по имени-отчеству собеседников Сталин называл редко, майор этого не знал, но почувствовать особость момента было нетрудно, — скажите мне просто, как мужчина мужчине — какой он был? Василий?

— Он был хороший летчик. И... ничего не боялся, товарищ Сталин. Никого и ничего. Своих берег как мог. А вот себя... И мы его...

— Спасибо, Федор Михайлович. Я понимаю, вы стараетесь говорить о погибшем товарище только с лучшей стороны. Но... я звоню вам сейчас не только как отец. Есть еще несколько вещей, которые мне знать просто необходимо. По ряду причин. Скажите... Если бы Василий остался жив и... вырос по службе, мог бы он... начать куролесить? Я не приказываю, я прошу — отвечайте честно.

— Он был летчик, товарищ Сталин. Если вы о выпивке — этим многие грешат. Особенно теперь. Нервы у людей не железные.

— Значит, выпивал. Чудил?

— Бывало. Как и любой летчик, товарищ Сталин, — майора прорвало. — Мы все люди. И он тоже был человеком. Отличным человеком и отличным летчиком. И мы, товарищ Сталин, за него отомстим.

— Мстить — не надо. Специально мстить. Просто выполняйте свой долг, майор. Сбивайте их и постарайтесь оставаться живыми сами, чтобы сбивать их дальше. Это и будет самая лучшая месть. Спасибо, товарищ майор. Удачи в бою — вам и вашим летчикам.

Основной задачей засады является — нанесение противнику максимального поражения в течение первых секунд боя, прежде чем он сумеет оказать организованное огневое противодействие. Необходимо лишить противника возможности выйти из зоны поражения, перегруппироваться и провести контрзасадный маневр.

Учебник САС Великобритании. Лондон, 1972

Андрей возненавидел дороги. Одно дело, когда длинная лента, пусть даже разбитая гусеницами и колесами до полного изумления, ложится под колеса километр за километром, и совсем другое — когда приходится перемахивать через ладно пятьдесят, а то и все триста метров открытого пространства, ежесекундно опасаясь услышать лающее «Халыт!» от ненароком подвернувшегося патруля. Однако ж другого выхода не было. Выждав пару минут и не заметив ни пятнышка «фельдграу», они с Давидом перемахнули через просеку со змеящимися колеями и вломились на опушку очередной рощицы. Звенели последние комары, стрекотала сорока.

— Гляди! — Давид указывал на двухметровую треногу из молодых березок, с вершины которой к двум точно таким же эрзац-столбам тянулся провод немецкого полевого телефона, — режем?

Андрей внимательно посмотрел на жерди. Срез был еще сырым, сочился влагой.

— Резать-то режем. Только... Как ты считаешь — немцы ведь пойдут обрыв искать.

— Предлагаешь встретить?

— А тебе самому бегать не надоело? Меня уже заездило зайцев изображать. Тем более после вчерашнего...

— А справимся?

— Думаю, справимся. Немец пока непуганый, вряд ли больше двоих пошлют. Из леса, тихонько... А если целая толпа припрется — значит, не судьба, услышим и ноги сделаем. Накрайняк — совесть перед смертью спокойна будет.

— Это точно, — Давид достал из чехла штык-нож.

— Погоди. Тут по уму надо, — Андрей покачал треногу, держалась она хлипенько. — Ща мы эту хрень завалим, чтобы все поестественнее выглядело. Нехай отвлекутся. И засядем мы во-он там. Немаки, судя по следам, туда ушли, значит, оттуда и вернуться. Вот не доходя до обрыва, мы их и встретим.

Немцы заявили через полчаса. Действительно двое — один с автоматом и катушкой, другой налегке, с карабином. Шли настороженно. Автоматчик пас ближнюю опушку, другой, с винтарем, — дальнюю. Не доходя до березового мыска, один что-то гортанно крикнул. Автоматчик длинно выругался, закинул ствол за спину и затопал по дороге к так некстати повалившейся опоре. Андрей досчитал до трех, вывернулся из-за березы и вскинул «наган». Как и тогда, на довоенном стрельбище, он не целился — просто указал стволом в затянутую серым сукном спину и мягко нажал на спуск. Устаревший, но гениальный в своей убийственной простоте револьвер дважды подпрыгнул — совсем чуть-чуть. Казалось, Андрей видел, как пули входят связисту в область позвоночника. Другой немец

разворачивался медленно-медленно, поднимая «маузер», в оловянных глазах плескался испуг. Третья пуля вошла прямо между ними одновременно с резким щелчком «СВТ». Видимо, Давид нервничал — вряд ли он специально целился в голову, просто дернулась рука — но от второй, уже тяжелой винтовочной пули, череп врага разнесло алым фонтаном, каска отлетела метров на пять и плюхнулась донцем вниз, как чаша для кровавой жертвы.

— Быстро! — Так, автомат, магазины, документы, это что? Галеты? Отлично, живем! — Давид, потом проблюешься! — Андрей был неестественно спокоен. Может, потом и накатит, а может, и нет. Это человека убивать трудно, по первости-то. Нелюдей — просто. Только не дай боже не по книжкам, а самому осознать, что помимо людей в мире есть и нелюди.

Остановились они только километров через пять, пробежав по дну пары ручейков. Блевать Давид раздумал. И то хорошо.

Столько было раненых, что казалось, весь свет уже ранен...

А.С. Демченко, медсестра

Желтые листья вихрились по пустынному проспекту, кидались под колеса черной «эмки», как собаки под танк. Скрипнули тормоза. Часовой у кованых ворот Второй Градской больницы (ныне, конечно, госпиталя) вышел из будки. Глянул на листок пропуска за ветровым стеклом. У пассажиров этой машины документы проверять было не положено. Воротина откатилась, «эмка» скользнула внутрь. Разминувшись с санитарной полуторкой, машина прошелестела к служебному крыльцу одного из корпусов. Передняя дверь распахнулась, жилистый неприметный мужичок в шинели без знаков различия вышел и секунд двадцать несуетливо изучал окрестности. Удовлетворившись, открыл заднюю дверцу — без подобострастности, делово.

Из машины появилась — девушка ли, девочка — не поймешь, пограничный возраст. Фигуристая, с полными щеками — сказать бы «кровь с молоком», да глубокие серые тени под глазами убивали сравнение на корню.

Ведомая мужичком, девушка простучала ботиками по крыльцу. Коридор был наполнен густой смесью шуршания, бреда, стонов, запахов формалина, хлорки, мочи и гноя. Пол, однако, блестел после недавней уборки. Белье на поставленных за недостатком места в простенках между дверями койках тоже было свежее. Девушка юркнула в дверь сестринской. Сопровождающий повесил шинель на гвоздик близ двери и уместился в торце, у окна. И как не стало его — потрепанный френч, потертая кобура «тэтэшника», морщинистое лицо воспринимались как мебель или часть стены.

Следующие пару часов пассажирка «эмки» моталась по палатам — в белом халатике, то со шваброй, то с уткой, то с какими-то бумажками в ординаторскую. Командовала ею плотная, какого-то сержантского вида тетка — должно быть, старшая медсестра. Что интересно — пожалуй, она единственная не испытывала перед девчонкой никакого пиетета. Остальные сестры старательно делали вид, что ничего особенного не происходит, общались, когда требовало дело — но именно что старательно. Даже проходящие по коридору врачи привычно-буднично принимали на пару сантиметров в сторону. Ну а раненые... большей частью им было не до нее.

Набегавшись со шваброй, девушка скользнула в одну из палат, прижимая к груди стопку книжек и бумаги. Запах в палате был помягче, чем в коридоре — проветривали недавно, да и раненые здесь по какому-то капризу то ли статистики, то ли главврача были полегче. По крайней мере, не бредил никто.

— О! Светик-Семицветик! — лежащий у двери здоровила с синими якорями-цепями-чайками на предплечьях воздел в футбольно-приветственном жесте забинтованные кисти рук, — письмецо черкнешь?

— Ща, разбежа-ался, земноводный! — Плотный мужик с грубым лицом, жмякавший в углу кистью гуттаперчевый мячик, посмеивался добродушно, исполняя что-то вроде ритуала, — вот бог войны у Светочки уроки проверит — тогда и до тебя очередь дойдет.

— Ага. Капитан мужик суровый, у него по пути из пункта А в пункт Бэ не забалуешь, —

согласился кудрявый черный парень со стальными резцами, — так что морская пехота временно отдыхает. Пошли, броня, покурим твоего «Казбека».

Девушка Светлана грустно улыбнулась балагурам и подошла к кровати у задернутого светомаскировочными шторами окна. Война, а тем более ранения — старят. До войны полулежащий на подушках мужчина, которого кудрявый назвал капитаном, выглядел, наверное, лет на двадцать пять, сейчас — пожалуй, на десяток старше. С усилием выпростав из-под простыней похудевшую синеватую руку, он нашарил на тумбочке в изголовье круглые очки. Улыбнулся, не так жизнерадостно, как соседи по палате, а ровной доброжелательной улыбкой школьного учителя, каковым, судя по тому, как быстро пробежал глазами по протянутой тетрадке, он и являлся. Протянул руку, принял от Светланы карандаш. Почиркал по страницам.

— Видишь? — Голос был негромкий, хрипловатый, но четкий. К тому же прочие, «ходячие» обитатели палаты деликатно вышли, только редкий скрип пружин доносился от входа, где ворочался «земноводный» — лейтенант морской пехоты, — так что слышно было, как в классе, — вот тут и тут — одна и та же ошибка. Теорему косинусов тебе надо повторить. Ты же сама говоришь, что была отличницей — значит, можешь. Надо только собраться. Давай теперь историю.

И по истории, и по географии, и по литературе Светлана плавала. Но то ли меньше уже, чем раньше, то ли учитель был особо терпелив и деликатен. По крайней мере, сдержанное одобрение пару раз она заслужила, каждый раз расцветая, правда ненадолго. К концу задания по литературе (князь Болконский под серым небом Аустерлица) она уже еле шептала, наклонив голову к самым коленям.

— Нет, Света, так не пойдет, — голос учителя был по-прежнему тих, но интонация сменилась, стала более мягкой, — у тебя что-то случилось? Скажи, если можешь...

— Я... У меня... Я... — плечи Светланы затряслись, она сползла с табуретки, рухнула на грудь раненому, — брат... Брат у меня погиб. Сбили вчера...

Учителю было больно, вес у девушки был немаленький и пришелся, похоже, как раз на рану. Закусив губу, он осторожно положил свободную руку на выбившиеся из-под косынки волосы, повел, успокаивая. Светлана уже редела в голос, моряк у входа замер, ошарашенный, в неудобной позе. Такого поворота он не ждал. Учитель лихорадочно просчитывал что-то в уме. Он тоже был застигнут врасплох, несмотря на то, что со смертью друзей было время свыкнуться. Да и от него самого, судя по всему, костлявая сейчас недалеко гуляла.

— Эх, Света-Светланка... Как тебя приложило-то... Ты поплачь. Поплачь. Тебе — можно. Чертова война... Поплачь немного. Легче вряд ли будет, но держаться — надо.

Рев и всхлипывания постепенно сошли на нет. Светлана выпрямилась и, не замечая явного облегчения учителя (одеяло сползло, обнажив обширную кровавую повязку на левом плече и груди), зафиксировала невидящим взглядом трещину на штукатурке в углу палаты и начала говорить. Как резко поменялся с мая отец. Как на пустом месте наорал на нее и брата. Брат с началом войны уехал в полк, а ее отец отправил в госпиталь. Сначала она ходила сюда только для того, чтобы реже с ним встречаться. А когда другой брат пропал без вести, он вообще перестал с ней разговаривать. А вчера... вчера...

Она снова готова была разреветься, уголки губ уже поползли вниз, но скрип двери и приятный баритон: «Можно?» — заставили ее резко развернуться. На входе в палату стоял невысокий полный человечек в накинутом поверх шинельки со шпалами в петлицах и звездой на рукаве белом халате.

— Светлана? Здравствуйте. Я... Я друг вашего брата. Алексей Каплер, режиссер. Вы знаете, я не мог не приехать... принести соболезнования... Вот... — Он сделал шаг в палату мимо койки опешившего моряка, неловко повернулся, пытаясь протиснуться в узкий проход. То ли замутило от тяжелого больничного запаха, то ли еще что — локоть держащей правой руки встретился с никелированной спинкой кровати очень неудачно — ну, многие стукались этой болевой точкой, знают. Режиссер зашипел, затряс рукой. Светлана смотрела со странным недоумением, этот человек был здесь чужой, зачем он, что он делает здесь?

— Светлана, может быть, выйдем в коридор? Мне надо вам сказать кое-что. Вы позволите? — Это было уже учителю, вежливо, но значительно более уверенно.

Светлана беспомощно оглянулась на капитана, увидела расплывающуюся по повязке кровь.

— Да-да, конечно, товарищ Каплер. Подождите меня в коридоре, я сейчас.

Проскользнув между режиссером и койкой, она выскочила в коридор. Откуда-то из дальнего конца, где размещалась комната сестер послышался ее взволнованный голос. Режиссер огляделся. Капитан полулежал, закрыв глаза, на лбу выступала испарина. Развернувшись к двери, гость наткнулся на острый взгляд моряка. Дернувшись, пошел к двери — и был сметен ворвавшейся в палату старшей медсестрой. На этот раз локтю повезло еще меньше — судя по шипению.

Светлана стояла у дверей, глядя мимо режиссера в глубь палаты.

— Светлана — черт, больно-то как, — я узнал, мне сообщили... Сегодня утром сказали... Он погиб как герой! Я понимаю, такое горе, но вы, вы должны гордиться им! Давайте отойдем... — Он взял ее за руку, она вздрогнула. Они отошли к торцу коридора, человека с морщинистым лицом, как обычно, никто не заметил. — Я узнал и сразу... Сразу поехал к вам... Василий рассказывал о вас... Собирался меня вам представить... Вам сейчас, наверное, тяжело... Вот, выпейте... — Из внутреннего кармана он достал плоскую металлическую фляжку, набулькал пахучей жидкости в колпачок. Неприметный человечек напрягся, но всю мизансцену сломала медсестра.

— Светлана! Принесите сулему, бинт и тампоны, и побыстрее! — Сержантский голос вывел девушку из ступора.

— Извините, товарищ Каплер, мне нужно бежать! — Быстрым шагом она направилась к перевязочной. Он семенил рядом, держа в одной руке колпачок с коньяком, в другой фляжку.

— Светлана, когда мы сможем увидеться? — Она не ответила, юркнула в перевязочную. Он топтался у двери, когда тяжелая рука легла ему на плечо. «Броня» оценивающе смотрел на него, продолжая жамкать гуттаперчевый мячик. Парень со стальными зубами сверкал улыбкой чуть позади.

— Ну что же вы, товарищ батальонный комиссар, мешаете нашей Светочке выполнять прямые служебные обязанности? Это ж, не говоря худого слова, прямо саботаж какой-то?!

— Вашей?! — почти взвизгнул режиссер. — Какой такой вашей? Да вы хоть знаете, кто она, да вы хоть знаете, чья она...

— Това-арищ батальонный, — опять протянул танкист, — ну что вы, право, совсем нас за идиотов держите? Это совсем неинтеллигентно, я бы сказал... Конечно, знаем. Вы, товарищ батальонный, видимо, на фронте да в госпиталях не бывали до сей поры? Не бывали? Вот я так и думал. И что такое солдатский телеграф, конечно, не знаете. Так что если вы хотели поразить нас до глубины души — то немножко ошиблись. Еще вопросы?

— Да какое вы имеете право...

— А собственно, при чем тут право? Ты, батальонный, — переход на «ты» не изменил расслабленную манеру речи. Да и «ты» в исполнении танкиста от уставного «вы» по интонации не отличалось, так что режиссер перехода не заметил, — знаешь, что у человека горе. И вместо того, чтобы просто прийти на похороны, как нормальный человек, летишь быстрее-быстрее к человеку на службу, да еще с пойлом. Так, уважаемый, сочувствие не выражают.

— Я... У меня... Я завтра уезжаю в командировку. И на похоронах быть не смогу. А вас я попросил бы не тыкать!

— А извини, товарищ батальонный, мы тут народ простой. Невзначай не только тыкнуть, но и ткнуть можем — по неловкости своей. У нас же кто раненый, а кто и контуженый... Так что ехал бы ты в свою командировку. А брата Светкиного схоронить кому — найдется. И мы тут его тоже... помянем. Как павшего смертью храбрых. За Родину. Ясно я выразился?

Скрип сжимаемого мячика отсчитал три секунды. Режиссер развернулся через правое плечо, скинул халат на спинку подвернувшегося стула и пошел к двери. Выскочив на крыльцо, он присосался к фляжке. Все по-дурацки! Все не так! Допил до дна и почти побежал к воротам госпиталя. Желтые листья стаяй бросились следом, хватая за пятки щегольских сапог.

Светлана сидела у койки перевязанного по новой учителя. Он спал. Флотский лейтенант с забинтованными руками диктовал громовым шепотом письмо. Светлана Иосифовна Сталина-Аллилуева, внезапно повзрослевшая девушка пятнадцати лет от роду, — писала.

Из более чем 650 тыс. военнослужащих, задержанных к 10 октября 1941 г., после проверки были арестованы около 26 тыс. человек, среди которых особые отделы числили: шпионов — 1505, диверсантов — 308, изменников — 2621, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, других — 4371 человек. Был расстрелян 10201 человек, в том числе перед строем — 3321 человек. Подавляющее же число — более 632 тыс. человек, т. е. более 96 %, были возвращены на фронт.

Ю. Рубцов. «Советские части охраны тыла»

К своим вышли как-то буднично. Не ползли через линию фронта, не прорывались с боем по нейтральной полосе — ни фронта, ни нейтралки просто не существовало в этом месте, в это время.

Просто в один хмурый день, когда запасы галет подошли к концу, в кустах рядом зашуршало, и испуганный, срывающийся голос завопил «Стой! Стрелять буду!» и еще пару народно-матерных слов от испуга.

Оба замерли, развернув головы на голос. Из кустов, одной рукой наводя карабин, а другой — поддерживая штаны, со сложенным ремнем поперек шеи (до ветру отошел, бедолага, че ж не понять) поднялся молоденький красноармеец.

— Стою, стою, браток, — Андрей медленно прислонил «СВТ» к березе. — Давид! Положи оружие, не нервируй бойца.

Давид медленно положил на землю висевший под мышкой «шмайссер»,^[13] аккуратно потянул через голову ремень карабина.

Боец в кустах перехватил винтовку двумя руками, отчего штаны сползли вниз, дуло лихорадочно металось от одного к другому.

— Руки вверх! Пять шагов назад!

— Я, голуба, руки вверх перед немцем не поднимал, да и перед тобой не буду.

— Руки вверх!!!

Ну и что тут делать прикажете? Пристрелит ведь только со страху. Или еще глупее — чтоб не рассказали невзначай, что со спущенными штанами застали.

Андрей с Давидом переглянулись, задрали руки и отошли на требуемые пять шагов, остановившись спиной к бдительному красноармейцу. Сзади слышалось пыхтение и шорох — тот стремительно подтягивал и застегивал штаны. Затем несколько раз лязгнуло — да он что, весь арсенал на себя навьючил?

— Кру-гом!

Вот чудила! В мозгах у парня явно заколодило — он по-прежнему держал в руках карабин, автомат поперек груди, самозарядка и трофейный «маузер» за спиной. Будь на месте двух шоферов немцы — уговорили бы малого на счет цвай.

— Вперед!

Шли метров двести, крайние пятьдесят из них обвешанный железом боец еле телепал,

пыхтя и спотыкаясь. А когда в землянке особиста Андрей вместе с красноармейской книжкой вывалил из кармана галифе «наган», совсем потерялся. Особист был с вот такенными мешками под глазами от недосыпу, строить «конвоира» не стал, лишь посмотрел эдак невесело: «Ладно, идите, Васильев. Объявляю, хм, благодарность. Гольдман, подождите снаружи. Давайте, Чеботарев, рассказывайте».

Вопреки ожиданиям, мурыжили их недолго. То ли трофейное оружие и солдатские книжки неудачливых связистов сыграли, то ли просто было не до того — но уже на следующий день их отправили с попуткой на армейский сборный пункт. Автомат немецкий забрали, конечно, а вот записанную на него «светку» Андрей отстоял, что было вовсе не трудно — за время их странствий любви к самозарядкам в войсках не прибавилось.

На сборном тоже не задержались. Андрея сразу заслали в автобат, а Давида, прознав о «тракторных» правах, отправили куда-то в тыл — в танковое училище или около того. Давид был счастлив. Андрей тоже просился — не взяли. И разошлись военные дороги. Даже почтой полевой обменяться не успели.

Сводка особого отдела стоявшей в обороне на спокойном участке стрелковой дивизии вместе с усталым особистом была уничтожена бомбой с брьющего вдоль дороги «Мессершмитта» на следующий же день. В деле Чеботарева Андрея Юрьевича красноармейца, беспартийного, ранее судимого, проходящего по списку контроля «Особой важности», осталась пометка «Пропал без вести». Разведгруппа ОСНАЗ НКВД, посланна неделю спустя в глубокий немецкий тыл на предполагаемое место разгрома колонны, в которой находился объект «Паук», ситуацию прояснить не смогла и была полностью уничтожена при попытке обратного перехода линии фронта.

Нельзя быть сильным везде.

Бисмарк, канцлер Германской Империи

Русские не бежали.

Они отступали, цепляясь за каждый холмик, за каждую речку. Зубами вгрызались в недостроенные линии укреплений. Прорывались из окружений под Вязьмой, Брянском, Трубчевском, занимали следующую линию обороны и снова рыли окопы на каждом маломальском удобном рубеже. Они понимали — простым закапыванием в землю немцев остановить не удастся, пробовали уже много раз. Не вышло. Взгляды тех, кто имел доступ к картам с нанесенной на них обстановкой, неизбежно цеплялись за гигантский клин от Конотопа до Киева, вдававшийся в немецкий фронт подобно топору. Эх, этим бы топором — да под самый корешок...

— Так объясните мне, товарищ Еременко, в чем же дело? На двухсоткилометровом фронте вам противостоит одна-единственная вторая немецкая армия. А сколько армий вы задействовали в наступлении? Три?

— Так точно. Три.

— При этом у вас огромное превосходство в танках — все танки немцев задействованы в наступлении на Москву. Тем не менее вы топчетесь на месте, пока немцы перемалывают наши войска на западе. Как это объяснить? Если генерал Вейхс с одной армией успешно сдерживает генерала Еременко с тремя — не значит ли это, что Вейхс в три раза лучше Еременко?

— Товарищ Сталин...

— Слушаю вас, товарищ Еременко.

— Немцы имеют огромный опыт современной войны. Причем не только генералы, но и солдаты, и офицеры. Наши части, особенно вновь сформированные, такого опыта не имеют.

— Вот как. Плохие у нас солдаты, значит, негодные. Генералы не хуже немецких, а солдаты — плохие. Так, товарищ Еременко?

— Товарищ Сталин, я с себя ответственности не снимаю...

— А мне кажется — снимаете. За действия ваших войск отвечаете вы. Почему немцы могут брать укрепленные пункты силами пехотных соединений, а вы требуете у Ставки танки и жжете их в лобовых атаках? Почему немцы перебрасывают войска в два-три раза быстрее, чем вы? Причем даже пешим порядком они движутся быстрее, да. Почему немцы удерживают свои опорные пункты даже в условиях глубокого охвата, а наши войска отходят, стоит немецким танкам появиться на флангах? Почему немецкие солдаты за бой расходуют весь боекомплект, а наш боец выпустит два-три патрона и прячется в окоп — пускай, мол, артиллерия работает? Вы читали доклад группы инспекторов Ставки?

— Не успел, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Это плохо, что вы не успели. Эдак можно и страну защитить «не успеть». В общем, так, товарищ Еременко. Вы воюете, как будто у вас за спиной неисчерпаемый источник танков и людей. И можно не готовить людей, не искать наилучшие тактические решения, а просто давить массой. Это не так. Совсем не так. Мы потеряли огромную территорию, а на

немцев работает вся Чехословакия, половина Франции, не считая более мелких стран. Сейчас у немцев больше людей, больше техники, больше заводов. Мы просто не имеем права бездумно транжирить ресурсы. Натиск на южный фланг немецкой группировки не ослаблять. Лобовые атаки без подготовки — исключить. Использовать маневр и артиллерию. Снарядов на киевских складах достаточно. Вы свободны, товарищ Еременко. Самолет ждет вас на аэродроме.

«У аппарата Буденный. Товарищ Сталин, здравствуйте. Разведкой зафиксировано прибытие на Кременчугский плацдарм 9, 13 и 16 танковых и 16 и 25 мотодивизий противника. Бомбежка переправ результатов не дала. Штаб ожидает удара немцев с плацдарма в ближайшие часы. Существует угроза окружения Киева и Юго-Западного фронта. Просим разрешения Ставки оставить Киев и вывести войска во избежание окружения и уничтожения группировки».

«У аппарата Сталин. Здравствуйте, товарищ Буденный. Оставление Киева Ставка запрещает. Киевский выступ является единственным плацдармом для флангового удара по наступающим на Москву частям. Исходя из этого, Ставка приказывает вам, с использованием подвижных танковых и кавалерийских соединений, наносить контрудары по немецким танковым клиньям. Обращаем ваше внимание на то, что угроза охвата Киева с севера в условиях наступления группы Гудериана на Москву отсутствует».

«Буденный: После прибытия танковых и моторизованных дивизий на плацдарм немцы имеют над Южной группой перевес в силах. Эффективное блокирование немецких ударов невозможно без получения подкреплений».

«Сталин: Ставка выделяет из резерва три танковых бригады и 4 истребительно-противотанковых полка из резерва Главного Командования с погрузкой в Харькове. Укажите место назначения для переброски и разгрузки. Однако Ставка предупреждает — дальнейшего поступления крупных резервов не будет. Танковых боев стенка на стенку избегать, шире применяйте противотанковую артиллерию. Старайтесь перерезать немецкие коммуникации в случае прорыва. Ваша задача — не допустить окружения Киева и удара в тыл Еременко».

Приднепровские степи горели. Бронированные клинья крестили равнины, пытались поймать друг друга, копыта тысяч коней вздымали пыль, ища мягкое подбрюшье механизированных орд, перегрызая артерии и вены, по котором цистернами шел бензин — кровь войны. Тут не было ДОТов, не было многокилометровых траншей — разве что наскоро вырытые ячейки. Тут был пахнувший дымом ветер, горящие у подножья древних курганов бензиновые костры, скорость и ярость. И вопрос — кто же устанет первым.

В цеху было непривычно тихо. Нет, что-то как обычно звенело, что-то стучало, шипело, скрежетало. Но разве ж то шум! Производственные линии, еще месяц назад стоявшие несокрушимой фалангой, напоминали старческую челюсть — пустых фундаментов было как бы не больше, чем станков.

— Товарищ инспектор! Я все прекрасно понимаю. И что стране нужны танки, я знаю не хуже вашего. Только извините меня за грубость — из нихрена нихрена и выйдет! Вы меня хоть сейчас расстрелять можете, но станков от этого не прибавится. Карусельные станки эвакуированы? Эвакуированы. Сварочные автоматы эвакуированы. Прессы эвакуированы. Кстати, это что, товарищ инспектор — вредительство? Станки — на Урал, а немец до

Харькова так и не дошел?! Так что мы сейчас, товарищ инспектор, не танкостроительный завод, а всего лишь танкоремонтный. Причем хреновый.

— Товарищ Бондаренко, — глаза сталинского порученца внимательно смотрели из-за стеклов «интеллигентских» очков, — я не говорю о расстреле. И о вредительстве я сейчас не говорю. Я говорю о танках. Пожалуйста, перестаньте перечислять то, чего у вас нет и что тому причиной. Меня интересует, что вы можете сейчас и что вам нужно, чтобы производить технику.

— Станки мне нужны. Прежде всего — станки. Без карусельных станков мы просто не можем точить башенные погоны. А танк без башни — это...

— Значит, башни — ваша основная проблема? Немцы, между прочим, широко применяют безбашенные танки. Я это на собственном опыте знаю, — инспектор, возмутительно молодой, еще тридцати нет салаге, рефлекторно потер свежий шрам поперек высокого лба.

— Если бы только башни. У нас, куда ни кинь, проблема. Но с башнями тяжелее всего, да.

— За неимением гербовой... — произнес инспектор.

— За неимением горничной... — одновременно улыбнулся Бондаренко.

Они посмотрели друг в друга в глаза и расхохотались.

— Будьте спокойны, товарищ Андропов. Танки — не танки, а броня у вас будет. Еще прошу не сильно битых немцев, которые не в ключья и которых в тыл удалось утащить, к нам свозить. Заделы по корпусам и моторам у нас тоже не бесконечные. А так глядишь — из трех два соберем и к делу приспособим.

«Чертовы иваны!» — командир 16-й танковой дивизии вермахта генерал Хубе рассматривал три бронированных разнокалиберных туши, оставленные откатившимися русскими всего в двух километрах от понтонного моста. Одна интереса не представляла — обычный «Микки-Маус», он же «Русский Кристи», а вот две другие...

Дальше всех в глубь позиций прорвалось нечто, напоминавшее «Т-34», только лишенное башни. В передней части корпуса возвышалась грубо сваренная броневая рубка, из которой торчал короткий толстый ствол двенадцатисантиметрового калибра. А вот третья машина была отвратительна своей противоестественностью. Схожей формы рубка на шасси хорошо знакомого «Pz-III», с длинной дрыной русской танковой пушки в лобовом листе. Сквозь копоть проглядывала большая — для вящей заметности — красная звезда. Бортовой люк был открыт, из него по пояс торчало тело русского танкиста в ребристом шлеме. Из самоходки несло горелой резиной и горелым человеческим мясом. Генерал провел единственной рукой (левую он потерял еще на Первой мировой) по неровному шву и обернулся.

Ближе к Днепру полыхали еще четыре костра — два танка его батальона, БТР приданных гренадеров и нечто уже совершенно неопознаваемое, разнесенное на куски тяжелым гаубичным снарядом русской самоходки.

Если русские научились клепать таких монстров в деревенских кузницах (судя по качеству сварки) — дело дрянь. Замкнуть кольцо окружения вокруг Киева без встречного удара с севера, силами одной лишь танковой группы вряд ли удастся.

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
 Как шли бесконечные, злые дожди,
 Как кринки несли нам усталые женщины,
 Прижав, как детей, от дождя их к груди,
 Как слезы они вытирали украдкой,
 Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси!
 — И снова себя называли солдатками,
 Как встарь повелось на великой Руси.
 Слезами измеренный чаще, чем верстами,
 Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
 Деревни, деревни, деревни с погостами,
 Как будто на них вся Россия сошлась,
 Как будто за каждою русской околицей,
 Крестом своих рук ограждая живых,
 Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
 За в бога не верящих внуков своих.

К. Симонов, 1941

Потоки отступающих войск хлюпали по разбитому проселку. Пожженные и вытертые шинели, осунувшиеся лица. Солдаты проходили как сквозь строй — взгляды, которыми отходящие войска провожали из-за покосившихся жердин заборов, били наотмашь не хуже батогов. Два десятка предвоенных лет, наполненные тяжким крестьянским трудом, страна успокаивала себя мыслью, что все эти тяготы и лишения — ради Красной Армии, ради того, чтобы «малой кровью, на чужой территории», «и врагу мы не позволим рыло сунуть в наш, советский огород»... Эх...

Не сильно даже и битые — основной удар танковых колонн Гота и Клейста пришелся южнее, вдоль Минского, и севернее, вдоль Волоколамского шоссе, — нагруженные полуторным, а то и двойным боекомплектom, не сильно голодные, солдаты тоже не понимали, почему они уходят. Три дня окапывались, мозоли от лопат слились в одну большую подушку, отразили несколько жидких атак, не особо даже напрягаясь — и на тебе.

Нет, никто не рвал на себе гимнастерку, не орал: «Не отдадим родной земли ни пяди» — жить хотелось всем. Громкие слова пусть комиссар орет, ему за это доппаек выдают. Но непрерывное трехмесячное отступление, когда в сводках Совинформбюро сообщения о массовом героизме и небывалых потерях противника перемежаются с «после тяжелых боев наши войска оставили город...», не оставляет от морали и боевого духа войск камня на камне.

Мало кто даже из командиров, угрюмо месивших сейчас грязюку рядом с бойцами, понимал, что этот отход почти, по меркам сорок первого года, нетронутого полка означал для страны и армии перемены к лучшему. Хотя и небольшие. На третьем месяце войны штабы уже вполне адекватно собирали и анализировали информацию, а командиры — принимали на ее основе пусть и не совсем оптимальные, но вменяемые решения.

Растерянность первых дней, когда панцеры противника были вездесущими и почти неудержимыми, авианалеты парализовали весь ближний тыл, связь и разведка не работали — все это не то чтобы совсем осталось в прошлом, но перестало быть определяющим фактором войны. Какой ценой это было достигнуто — вопрос другой.

Вот и сейчас — стремительные прорывы танковой дивизии немцев вдоль Волоколамского и двух моторизованных вдоль Минского шоссе были своевременно отслежены, и находящиеся между ними войска спешно отводились на восток. Окружениями все уже были сыты по горло.

Серая колонна, минуя околицу, вытекала на разбитую тысячами ног и колес дорогу. В полукилометре от крайнего дома — с почти еще целыми стеклами — поток людей разделялся на два узких ручейка, обтекая замерший в грязи трактор «СТЗ» с прицепленной к нему пушкой. Ее ствол, прикрытый у дульного среза грязным брезентовым чехлом, был, наверное, единственным на версту вокруг, уставившимся на запад. Винтовки отходящих бойцов глядели или в серое сентябрьское небо, или в коричневое месиво под ногами. В моторе трактора копался одинокий сержант, его гимнастерка давно потеряла уставной желто-зеленый колер, являя собою дикую смесь выгоревшего белого и мазутно-черного цветов. Рукава были засучены до локтей, руки лоснились черным. Видно было, что занимается этим делом человек давно и безнадежно. На проходящих мимо него он не реагировал — видимо, просто не замечал. По-крестьянски работал, как траву косил. Как будто находящая с запада туча вот-вот разродится свинцовым дождем и нужно успеть, иначе все предыдущие труды насмарку, пропадет поле.

Собственно, так оно и было — фигурально выражаясь.

Другое дело, что проходящие мимо одинокого косца крестьяне, пусть и из соседнего села даже, не преминули бы переброситься с ним словечком, «Бог в помощь» хотя б сказали. Ну или не бог там, по новому-то времени. А бредущая по дороге пехтура просто старалась не замечать выбивающегося из общего потока отступления человека. Точно так же, как не замечали укоряющих взглядов из-за заборов оставшейся позади деревеньки.

Людской поток истончился до мелких группочек по три-четыре человека, потом — до отставших одиночек, потом вообще иссох. Сержант-артиллерист распрямил хрустнувшую спину, свел лопатки, разминая затекшие плечи. Кинул средних размеров гаечный ключ на гусеницу, пошарил по карманам. В кисете нашлась щепотка махры, а в нагрудном кармане заваялся обрывок газеты. Самокрутка вышла тощая, но на пару затяжек хватило. Выбросил докуренный до губ бычок, порывлся в карманах столь же замызганных галифе шнурок. Намотал на шкив пускача, дернул со всей души и нехилой силушки. Впустую. Сержант спрыгнул с гусеницы, с тоской посмотрел на окрашенный багровым кусок неба на западе. Изредка доносящиеся оттуда слабые раскаты оптимизма не добавляли.

У крайних домов деревни показалась очередная группа. Четыре красноармейца, оскальзываясь, тащили что-то (или, вернее, кого-то) на покрытых плащ-палаткой жердинах. Идти после вчерашнего дождя по глинистой дороге было нелегко, бойцы постоянно скользили, и полверсты до замершей среди поля машины заняли у них минут десять, не меньше. У трактора остановились, осторожно поставили носилки наземь, рядом с молчащим сержантом. Тот продолжал смотреть на закат. Человек с обмотанной шапкой бинтов головой коротко застонал, когда носилки слегка ударились о кочку, открыл глаза. Сфокусировать взгляд на молча стоящей фигуре ему удалось с трудом.

— Я... Полковой комиссар... Пашенко... Назовите... себя... боец!.. — Голос лежащего был слабым, прерывающимся, но командирские нотки ухо старослужащего уловило безошибочно. Сержант вышел из ступора, как-то разом подтянулся и, разворачиваясь лицом к носилкам, вроде бы даже прищелкнул каблуками вдрабадан разбитых сапог. Не на плацу, конечно, но...

— Младший сержант Фофанов, механик-водитель второй батареи 1072-го артиллерийского полка. Осуществляю ремонт вверенной боевой техники.

— Где... остальные? — Сержант вновь поник, зыбкое ощущение плаца испарилось.

— Не знаю, товарищ полковой комиссар.

— Поня-атно... Вольно... сержант... Значит... трактор... завести не удалось?

— Нет, товарищ комиссар... Машина изношена вусмерть просто... От самой от границы идет. Последние сто верст — вообще на честном слове держалась.

— Я-асно. Орудие исправно?

— Да-к вроде исправно, товарищ комиссар... Стреляло...

— В негодность привести сможешь?

— Эт-то да... Смогу, товарищ комиссар... Прицел в мешок, затвор в речку, — он широким взмахом указал на петляющую в пятидесяти метрах от дороги речушку с заболоченными, поросшими ломким осенним камышом берегами, — трактор — сожгу. Газолин есть. Только...

— Что? — говорить комиссару было уже тяжело, щеточка усов казалась черной на бледном от потери крови лице.

— Товарищ полковой комиссар! Пушка-то в порядке и снарядов штук тридцать есть еще, — Фофанов широко махнул рукой в сторону зарядного ящика, — так может, того... Может, ваши бойцы подмогут, мы ее во-он до тех кустиков дотащим, так фриц пойдет — я хоть снаряды расстреляю? Не зря ж орудию пропадать?

Сил у комиссара уже практически не осталось, он кивнул, голова бессильно свесилось набок. Фофанов приободрился. Теперь у него была какая-никакая боевая задача и какие-никакие подчиненные — из всей четверки был только один ефрейтор, да и тот с санитарной сумкой на боку, остальные — рядовые. Быстро отцепив станины, сержант указал тройке рядовых, за что хвататься и куда толкать; ефрейтора-санинструктора оставил при комиссаре. Переть вчетвером полуторатонную пушку по влажной глине было удовольствием тем еще, но стометровку до кустов прикончили в полчаса. Вечером немцы вперед идти вряд ли будут, они уже тоже подвыдохлись, а авиация их работала, видать, на главных направлениях удара, так что дергаться не стоило. Снаряды перетаскали на руках, закидали орудие ветками. Комиссар в сознание не приходил. Было сомнение, не оставить ли кого себе в помощь, но переть раненого вдвоем, даже несмотря на его вполне умеренную комплекцию, было нереально. Оставаться одному жутко не хотелось, но попади комиссар в лапы фрицам, кокнули б его в ту же минуту. В соседней батарее был боец, умудрившийся в первую же неделю войны попасть в плен и в первую же ночь смыться, он понарасказывал...

Санинструктор во время работы зыркал глазами злобно, но сделать ничего не мог. Однако, трогаясь в путь, одинокому воину в поле посочувствовал, отсыпал махры на пару козых ног и краюху деревенского хлеба в придачу. По рассказам бойцов во время единственного короткого роздыха, ждать немца следовало завтра с утрачка. Время было.

Любители обсуждают тактику, кабинетные генералы — стратегию, а профессионалы — логистику.

Гуннар Питерсон

— Ну что ж, товарищ Рокоссовский, — Сталин снова был спокоен, — вы хорошо подумали?

— Так точно, товарищ Сталин! Мы еще раз пересчитали все варианты. Контрудары во фланг немцев в настоящее время и с теми силами, которыми мы располагаем, однозначно обречены на неудачу. После пограничных боев и Черкасско-Полтавского сражения мы не располагаем достаточным количеством танков. Свежесформированные дивизии нуждаются в дополнительной подготовке, а прибытие войск с Дальнего Востока до сих пор задерживается. Но главное — наступающая распутица. Состояние дорог таково, что препятствует успешным наступательным действиям. А через одну-две недели будет препятствовать еще больше.

— Распутица препятствует и переброске немецких резервов, — Сталин все еще сомневался, — а маневрируют они значительно лучше, чем мы. Приграничные бои — да и недавние их удары — показали это достаточно ясно.

— Затруднить маневр противнику мы можем и иными средствами. — Рокоссовский ткнул указкой в карты: — Сковывающие контрудары силами стрелковых и кавалерийских соединений будут нанесены здесь и здесь, воздушно-десантные отряды проведут серию диверсий на железных дорогах. Так что эту проблему мы решим. А вот обеспечить проходимость танков и, главное, автомашин со снабжением в процессе развития наступления мы не в состоянии.

Товарищ Сталин, — Рокоссовский волновался, но говорил твердо, — если мы перейдем в наступление сейчас, мы просто угробим ударные группировки, не добившись никаких результатов. Они просто сточатся, до ушей сточатся.

— И что же вы предлагаете? Ждать погоды, а немцы тем временем возьмут Москву? Вы понимаете, что это значит — немцы возьмут Москву? Вы понимаете значение этого с точки зрения производства, транспорта, а главное — с политической точки зрения? И не надо мне про Кутузова. Времена теперь совсем другие.

— Так точно, товарищ Сталин. Времена другие. И другими их делают три главных козыря немцев — танки, авиация и маневр войсками с использованием автомобильного транспорта. Все три этих козыря сейчас если и не выбиты из рук противника, но значительно ослаблены. Наши стратегические коммуникации проходят по железным дорогам и ослаблены в меньшей степени. Поэтому мы имеем возможность оперативной переброски резервов на угрожаемые участки фронта как для парирования немецких ударов, так и для контрударов с ограниченными целями. Естественно, при удобном случае мы не преминем перейти и в решительное контрнаступление — но, честно говоря, в силу изложенных мною причин я в такой случай до конца октября — начала ноября не верю.

— Это хорошо, товарищ Рокоссовский, что вы говорите честно. Мне нужен именно честный, без фанфаронства и лакировки, ответ — удержим ли мы Москву?

— Удержим, товарищ Сталин. Если примем необходимые меры — удержим. Главное — не дать им обойти город. Фланговые группировки мы всемерно усилим, в том числе — за счет маневра по восточной части окружной дороги. Фактически, если сдержать немцев на подготовленном рубеже не удастся, я планирую спровоцировать немцев на лобовой штурм западной окраины города. В самом городе я предполагаю создать мощные артиллерийские кулаки из дальнобойных орудий здесь, здесь и здесь. Такое расположение артиллерии обеспечит маневр огнем по всему городскому участку обороны.

— И здесь? — Мундштук трубки указал на пятно огромной стройплощадки невдалеке от Кремля. — Интересная мысль, товарищ Рокоссовский. Чья идея? Кто предложил?

— Капитан первого ранга Макаров, товарищ Сталин. На строительной площадке Дворца Советов уже закончен нулевой цикл. Подвальные помещения дворца готовы, часть каркаса может быть использована для строительства железобетонных капониров, позволяющих вести обстрел немецких позиций и контрбатарейную борьбу в радиусе десяти-пятнадцати километров, практически не опасаясь ответного немецкого огня.

Товарищ Сомов тоже не опасался немецкой артиллерии. По очень простой причине — он был далеко от фронта. В этом были и свои минусы. Куйбышев — не Москва, далеко не Москва. Светской жизни — почти никакой, что очень, очень расстраивало жену товарища Сомова. Но что поделать, если большую часть наркомата эвакуировали именно сюда? Немного скрашивало тоску мадам Сомовой по столичной жизни, во-первых, наличие все-таки достаточно приятного общества: в Куйбышев или, как говорили фрондерствующие — «Самару», эвакуировались несколько московских театров и, что самое приятное — иностранные посольства. Дополнительную прелесть составило присутствие личной портнихи мадам Сомовой. Благо и на новом месте перспективы товарища Сомова, равно как и вознаграждение за его нелегкий труд, позволяли товарищу Сомовой одеваться вполне прилично.

Но все равно, до московского (или, заглядывая немного вперед, берлинского) шика Самаре было далеко. Что влияло на настроение мадам Сомовой не лучшим образом. И поэтому товарищ Сомов все чаще оставался на работе, чтобы не портить себе настроение. На работе же дела, за вычетом естественных военных неудобств, шли замечательно. Многие завистники остались в Москве или ушли на фронт, туда им и дорога. Товарищ Сомов естественным образом, как ценный кадр, пошел на повышение. Этому не помешало даже недоразумение с двумя вагонами одежды, ушедшими «налево» — жуликов, конечно, взяли, но к товарищу Сомову, как облеченному ответственностью руководящему работнику, особо ценному кадру тож никаких вопросов возникнуть просто не могло.

Да и как же иначе — через товарища Сомова проходили горы документов. Войскам на фронте, кроме винтовок и снарядов, нужны были гимнастерки, шинели, нижнее белье, сапоги, портянки. Все это нужно было выбить и доставить куда следует. Доставляли в основном под Москву. У товарища Сомова сложилось полное впечатление, что все, что осталось у Советского Союза — танки, солдаты, одежда для солдат, — шло только и исключительно под Москву, куда рвался всеми своими силами вермахт, и на Дальний Восток, откуда, судя по доходившим до товарища Сомова обрывкам слухов, со дня на день ждали удара японцев. И всего — танков, солдат и одежды — было мало, очень мало. Особенно тяжело, как по секрету шепнул товарищу Сомову один человек из соседнего отдела — порохового (а что? Хлопок — не только ткань, но и порох!), дело обстояло с

артиллерийскими зарядами. Как для гаубичной, так и для противотанковой артиллерии. Американские поставки решить проблему не могли. Пожалуй, если немцы подтянут побольше танков и нажмут как следует, сил для того, чтобы удержать столицу, у Красной Армии не хватит.

За поздним ужином товарищ Сомов подробно (с цифрами и фактами) поделился своими опасениями с супругой. Супруга же, явно будучи серьезно огорченной, на следующее же утро отправилась к портнихе — заказать в целях поправки настроения новый наряд.

Значит, на второй день после этого, на второй день уже идет танк, еще мотоциклов несколько, вот здесь вот останавливается, где березка — танк останавливается, вылезает рыжий немец, вытаскивает собачку такую, ну мирно вроде, остальные вышли и раздают детишкам конфеты, такие вот, подушечки, такие вот (пренебрежительно) вишневенькие, ага... Ничего, разговаривают так, а этот солдат...

Козлов А.А., дер. Холмово Московской области, расшифровка записи 2002 года — Р. Алымов

... Немцы ворвались в Холмово около десяти утра. Десяток мотоциклистов, разведвзвод. Малость уже потерявшие тяжелой (после европейских-то благодатей) жизнью в России, ехали осторожно. Основное стадо рассыпалось по полю, изготовившись к стрельбе. Два «Цундапа» протарахтели к околице. Водители остались в седлах, автоматчики из колясок и с заднего сиденья ринулись огородами в деревню. Из погребов и банек за ними встревоженно наблюдали десятки пар глаз. Один из нибелунгов, прикрываемый настороженно зыркающим вокруг камрадом, распахнул дверь в сени дома Козловых, стоящего на западной окраине села. Три зрчка, включая дульный срез «МП-40», пристально вглядывались в полумрак. Не обнаружив со стороны бочки с водой и нехитрого крестьянского имущества явной угрозы, немец рывком распахнул дверь в комнаты. Антонина Козлова сидела в красном углу, под невыгоревшим квадратом на стене. На немца она смотрела с неприкрытым страхом. Лешка — семилетний пацан — жался к матери. Хмурый хозяин, Андрей Михалыч, незначительного роста, но вполне себе крепкий мужик, сидел верхом на лавке и, демонстративно не обращая внимания на пришельца, ковырял кривым шильцем в подошве сапога.

— Aufstehen! — Солдат боком сместился вправо, заглянув за печь. Второй уже стоял в проеме дверей, контролируя обстановку.

Михалыч нехотя отложил работу, поднялся. Взгляда немца он избегал, в собственном доме он хозяином сейчас не был. Антонина вскочила несколько суетливо. Лешка и так стоял, смотрел он на врага с вызовом, но немец, по счастью, на него внимания не обратил. Проверив дом, первый солдат, точнее ефрейтор, вновь обернулся к семье и с сильным лающим акцентом спросил:

— Рус зольдат есть? Юде, комиссар? Schnell!

Михалыч молчал. За окном, судя по звукам, начиналась стандартная для лета-осени сорок первого веселуха — треск мотоциклетных моторов, гогот гусей, кудахтанье кур, разбегающихся от бравых фуражиров в фельдграу. Русские войска отошли, можно было заняться более приятными для нордического духа и желудка делами.

— Где зольдат? Antworten!

— Ушли все, — крестьянин говорил медленно, глухо, — туда ушли.

Он махнул рукой в сторону выходящего на восток окна. Словно в ответ, гулкий удар внес в комнату осколки стекла. За осколками внутрь ворвался грохот близкого разрыва.

... Младший сержант Василий Игнатьевич Фофанов не был ни наводчиком, ни командиром орудия. Он был трактористом на гражданке и механиком-водителем арттягача (то есть тем же трактористом) в армии. Когда трактор заглох на дороге у невеликой деревушки, весь расчет прицепленного орудия сначала бестолково суетился вокруг пытавшегося оживить машину Василия, а потом как-то незаметно сделал ноги. Так что теперь отдуваться за всех пришлось именно ему. С прицельной панорамой Василий справиться даже и не пытался. Еще наблюдая за курсантами в училище, где он до войны, выражаясь высокопарно, «обеспечивал учебный процесс», он понял, что премудрость, на которую курсанты тратили по полгода, с кондачка не осилишь. Поэтому прибег к простому и доступному способу — открыл затвор и, заглядывая в ствол, вращал маховички, пока в пятне света, окруженном спиральными узорами нарезов, не показалась зажатая меж домами улица. И когда в кружочке промелькнул первый автоматчик, преследующий отступающую в панике курицу, послал семидесятишестимиллиметровый снаряд в казенник, закрыл затвор и дернул за шнур.

Особо удачным выстрел назвать было нельзя. Бурый столб из комьев земли и визжащего металла поднялся метрах в пятидесяти перед домами. Второй — пробил насквозь крышу приехавшей до войны из-под Бреста полячки Ядвиги и разорвался в поленнице на другом краю деревни. Третий, четвертый и пятый тоже ушли неведомо куда. В цель они не попали, но цели своей достигли — такой уж военный каламбур. Не задетые ни одним осколком, разведчики попрыгали по коляскам и оттянулись на пять километров к западу. Связываться с пушками им не хотелось. В представленном ими рапорте отмечалось, что восточнее деревни Холмово русские создали оборонительный рубеж, усиленный артиллерией. Части Рокоссовского на главных направлениях продолжали упорно сопротивляться, и командование решило не выделять против полуокруженной позиции крупных сил. Решено было на следующее утро направить в Холмово новую разведку, усилив ее двумя последними свободными танками. Впрочем, одна из выделенных «двушек» вышла на ужасных русских дорогах из строя, и пришлось ограничиться командирской машиной разведбатальона.

Вторая попытка прощупать «русскую оборону» (впрочем, к чему кавычки? Там, где стоит русский солдат, защищающий свою землю, там его линия обороны и есть, пусть с геометрической точки зрения эта линия и представляет собой точку), закончилась для немцев с более тяжелыми потерями. Пока двое разведчиков через проделанную вчерашним снарядом дыру в крыше дома Ядвиги пытались втихую разглядеть русские позиции, командир разведбата решил дать размяться своему любимцу — непонятной породы песику, подобранному им еще во Франции. От опушки леса, где, предположительно, скрывались русские, танк загоразживали дома. Гауптман открыл люк и выпустил кобелька побегать. Тот немедля задрал лапку у ближайшего забора. Высунувшись по пояс, танкист ласково следил за процессом. Тем временем бинокль у наблюдателей дал блик, и этого хватило. Первый же русский снаряд грохнул в пяти метрах от танка, собачью тушку подняло в воздух и кинуло на крыльцо дома. Второй взрыв застал слегка оглохшего командира уже за броней — любимец любимцем, но, когда русские начинают артобстрел, не до сантиментов — за три месяца войны это-то гауптман усвоил накрепко. Танк выплюнул струю сизого дыма из давно нуждавшегося в переборке двигателя и рванулся вперед. Впрочем, недалеко. Следующий снаряд лег уже почти совсем хорошо, и прежде, чем двадцатимиллиметровка панцера успела пройти очередь по опушке, третий разрыв намертво заклинил бронемаску.

Оттянувшись к западной околице, разведчики засовещались. Русские продолжали класть редкие снаряды по центру села, и, укрывшись за танком, можно было обсудить положение с приемлемой степенью риска.

Наблюдатели определили позицию одной из пушек, но основные силы русских себя не обнаруживали. То, что, кроме одного упрямого артиллериста, на пять верст в округе не было ни одного советского солдата, немцам в голову как-то не пришло. Единственный танк лишился огневой мощи, а его броня против русских семидесяти шести миллиметров не играла. Система обороны так и осталась невскрытой, но желающих пощупать ее не наблюдалось. Сошлись на том, что силы русских составляют до батальона, их поддерживает от взвода до батареи орудий. Собственно, огня стрелкового оружия отмечено не было, но, видимо, русские просто выжидали, чтобы ударить в упор. Без поддержки брони проверять, так это или нет, было страшновато. Предложение обойти открытое пространство лесом не прошло — собственные силы были сочтены недостаточными.

... Достаточные силы подтянулись на следующий, третий день. Уже знакомые с местностью ветераны холмовской битвы — мотоциклисты, девять грузовиков с пехотой, две полевые пушки и главная ударная сила — семь «Pz-IV» с 7.5-см «окурками». Рассмотрев из обжитых кустов царящую в деревне суету, сержант Фофанов с внезапно накрывшим его весельем понял, что жизнь его, в общем, удалась. Выпустив оставшиеся четыре снаряда (ответным огнем из танка был, наконец, подожжен и уничтожен злополучный тягач), он снял затвор, забросил его в протекавшую в нескольких метрах речушку и где ползком, где перебежками удалился на восток. Прицел орудия еще с позавчерашнего вечера был за ненадобностью свинчен и сейчас покоился в вещмешке. Согласно Уставу.

Война — сложный процесс. Двадцать семь снарядов, выпущенных решившим остаться у потерявшей мобильность пушки красноармейцем, всего лишь повредили один легкий танк и нанесли психологическую травму его командиру. Однако во вражеских штабах сочли неразумным продолжать наступление до ликвидации образовавшегося вклинения противника между двух главных операционных направлений — во избежание возможных фланговых ударов. Две советские дивизии получили полусуточную передышку, которую потратили на лихорадочное вкапывание в подмосковную землю. Кроме того, семь боеготовых танков, выдернутых из мясорубки возле Волоколамска, потратили драгоценный моторесурс на восьмидесятикилометровый марш под Холмово и обратно. И уже вскоре были отправлены в мастерские, сократив тающий на глазах танковый кулак Гота еще на два процента.

Делай, что должен — и хрен бы с тем, что будет.

*Мы не успели, не успели, не успели оглянуться -
А сыновья, а сыновья — уходят в бой...*

В. Высоцкий

— Садись, сын. Все знаешь?

— Знаю, отец.

— Кто рассказал? Лаврентий?

— Нет. Артем написал. Отец... Я все понимаю. Война. Но... Это неправильно.

— Неправильно... Я знаю это, сын. Вообще, все, что идет вокруг — неправильно. Ты сам как тут оказался? Не сбежал?

— Никак нет. Получил отпуск на одни сутки. Жена с детьми в эвакуации, к ним не успел бы. Приехал к тебе.

— Хорошо, что приехал, — тяжелый, старческий вздох, — пойдем, поедим. Выпьем. Тебе можно?

— Можно, отец. Если немного. Вечером — в часть.

— А я тебе больше наркомовской нормы и не налью. И себе тоже. Нам обоим воевать еще. Тебе — там, мне — здесь.

За дубовой дверью уже было накрыто. Отец самолично разлил по глубоким тарелкам харчо, оба ели молча. Сын ел как-то по-деревенски (по-солдатски, поправил себя отец), пронося ложку над куском хлеба, чтоб ни капли не пропало.

— Как там?

Сын положил ложку, выпрямился на стуле. Задумался.

— Тяжело. Очень тяжело. Они пока лучше. Просто лучше. Когда в лоб давят — еще можно держаться. А вот когда найдут слабинку и прорвутся... А слабинку находят часто. Один раз все вообще на волоске висело. Обошли с двух сторон, готовились уже орудия взрывать. Танки подошли, ударили им во фланг. Потом, когда окружили, когда по лесам шли — тоже тяжело было.

Отец вздохнул.

— Я тебе приказывать не могу. У тебя свои командиры есть. Я тебя попросить могу. Чтобы ты понял — если что такое — в плен тебе нельзя. Никак нельзя. Понимаешь?

— Понимаю, отец.

— К Ваське на могилу заехал?

— Не успел. Я сразу к тебе. К брату успею еще, если жив буду. А ты — уедешь ведь скоро.

— Ты что сказал? — Глаза отца пыхнули желтой яростью. — Что ты сказал, щенок? Я — никуда — не — уеду. Никуда, понял? Я никуда не имею права уехать, пока Москва стоит. Поэтому ты, — прокуренный палец уперся в лицо сыну, — ты будешь насмерть стоять, ты костями ляжешь, взорвешь себя со всей батареей, если край, — но сюда, палец ткнул под ноги, — сюда ты их непустишь, — гнев схлынул. — Ты... Ты понимаешь, почему?

— Понимаю, отец, — сын пережил вспышку гнева спокойно, как артралет с неделю тому, — я все понимаю.

— Прости, — а вот это слово поразило сына, никогда на его памяти отец им не пользовался — ни на службе, ни в семье, — прости. Да, ты понимаешь. А ты изменился, сын.

— Это война, отец. Война всех меняет.

— Да. Меняет. Вот что, сын. Я с тобой посоветоваться хочу. Я, как уже говорил, тут останусь. А вот Светку тут оставить не могу, никак. Хотел ее со школой эвакуировать, общим порядком... А она вот что учудила. Читай, — сын взял из рук отца тетрадный лист с синими печатями регистрации, прочел.

— Понимаешь, боюсь я. И тяжело там, гноем дышать. И народ... разный. Иные себя не помнят. И *эти*, — слово было выделено почти с презрением, — вокруг роятся. Власик докладывает, да.

Сын вторично пробежал строчки, поднял взгляд.

— Если тебе, отец, действительно нужен мой совет — отпусти. В клетке ты ее всю жизнь держать не сможешь. Да и неправильно это. Ты ее уже ничему не научишь, пусть жизнь учит. Жизнь... Жизнь сурово учит.

— Я знаю, — эту фразу отец произнес уже по-русски, перейдя с грузинского, на котором велся разговор.

Задумался. Потом сдвинул миску, положил на освободившееся пространство стола листок.

«В Государственный Комитет Обороны
Товарищу Сталину.

Прошу вашего разрешения на зачисление в штат 62-го госпиталя на должность санитарки. Обязуюсь продолжить образование самостоятельно, не зависимо (отец чиркнул карандашом, поправляя ошибку) от возможной передислокации госпиталя.

*И. О. санитарки
2-го хирургического отделения
Сталина Светлана Иосифовна.
28 сентября 1941 года»*

Карандаш на мгновение замер над листом, затем стремительным росчерком вывел резолюцию: «Не возражаю. И. Сталин»

№ 813

(...)

1. Ввести с 04 октября 1941 г. в г. Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

(...)

4. Организацию эвакуации не занятого в военной промышленности и транспорте населения возложить на Председателя Исполкома Моссовета т. Пронина.

5. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Оборона призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всякое содействие.

Постановление ГКО от 03 октября 1941 г.

Боец Красной Армии на фронте может поспать в кровати в двух случаях — если он попадает в госпиталь — или в санаторий. Санаторий был самым настоящим. С перестроенными из бывших графских или там купеческих, кто разберет, палат корпусами, фонтаном, аллеями, парком и девушками с веслом. Правда, корпуса большей частью разнесли, выкуривая особо наглых немецких разведчиков, в фонтане за каменным бордюром оборудовали пулеметную точку, простреливающую те самые аллеи, девушке с веслом невзначай, приняв за раскомандовавшегося офицера, отшибли весло вместе с рукой, а кровати с голыми сетками стащили в относительно целую столовую. И все равно спалось на них почти как в мирное время — и сны были мирные. Как будто устал после сенокоса, мамка гремит у печи чугунками, поворачивается к лавке... и громовым басом орет.

— Фофанов!

— Я! — Василий соскочил с продавленной сетки, подхватил винтовку, распахнул пробитую осколками дверь и выскочил в коридор. Комроты стоял, привалившись к обшарпанной и посеченной осколками стене, протирая рукавом дырчатый кожан «ППШ».

— Собирайся. Забирают тебя у нас.

— Куда?!

— Не докладывают. Приказано срочно собрать по стрелковым подразделениям всех мехводов из безлошадных или окруженцев, вроде тебя. Дуй к штабу полка, там тебя заждались.

Голому? собраться — подпоясаться. Все имущество бойца Красной Армии, как правило, умещается в тощем вещмешке. А если не умещается — значит, либо у бойца в распоряжении есть танк, машина ну или, в крайнем случае, повозка. Или же это никакой не красноармеец, а вражеский шпион.

Шпионом Василий не был, а трактора давно лишился, так что через пять минут уже

стоял рядом со штабным подвалом, вместе с еще двумя такими же приبلудными. Мрачный старшина с артиллерийскими петлицами провел переключку, и еще минут через пять они гуськом брели по прорезающей санаторный сад тропке. У штаба дивизии их ждали еще человек семь, целый лейтенант в качестве «покупателя», и вдобавок — длинный автобус, явно только что с московских улиц. Даже номер маршрута сохранился. Видимо, лейтенант-артиллерист рассчитывал на более солидный «улов», а может, из транспорта дали что было. В любом случае, повезло. Едва присев на обитые драным дерматином сиденья, почти все сразу же отрубались. Василий не спал — во-первых, только что выпался после ночного охранения, во-вторых, автобус шел в Москву, а Москвы он еще не видел.

Город был насторожен и пуст. Людей на улице, кроме военных, почти не было. На въезде автокран сгружал с грузового трамвая противотанковые ежи, устанавливая их поперек улицы. Такие же ежи и баррикады из мешков с землей перегораживали ведущий к центру проспект через каждые двести-триста метров. Подвальные окна были заложены камнем до состояния узких амбразур. Документы проверяли почти на каждом перекрестке.

Автобус выкатился на Садовое кольцо и пристроился в хвост колонне броневиков. Серо-зеленые трехосные машины шли, выпуская сизые клубы дыма, пятна свежей краски выделяли пулевые отметины. Перед площадью Павелецкого вокзала встали — орудовец — совсем как до войны, только с винтовкой за плечом — поднял жезл, пропуская колонну детей, ведомых двумя девушками в военной форме.

— Детдом эвакуируют, — пробурчал шофер с интонацией знающего тут все и вся человека. Может, и правда знал — видимо, с автобусом и мобилизовали. Дети прошли, колонна тронулась. — А то вон все — тоже в эвакуацию. — Справа, перед зданием вокзала, было черно от народа. Перед одним подъездом бушевала людская толпа, которую еле сдерживали человек десять с винтовками — вроде бы милиционеры. Гомон, плач, крики доносились даже сквозь стекла. Из соседних дверей один за другим выходили бойцы, строились в шеренги. — Знамо, поезд придет с солдатами, на него гражданских — и к черту на рога. А мне повезло вот, в Москве родился, в Москве, видно, и помру, — водитель продолжал бухтеть, лейтенант уставился в пол. Все проснулись, смотрели на бушующее море со смесью стыда — что допустили такое — и превосходства. Все-таки, военные люди, при деле, при приказе и даже специально отобранные для чего-то важного.

У Курского творилось примерно то же. Переходящая дорогу бабка с узлом, ведущая за руку девчонку лет семи, обернулась, встретила взглядом Василия и плюнула под колеса. «Превосходство избранных» испарилось, остался только стыд. Комсомольская площадь, слава богу, осталась в стороне, что творилось у трех вокзалов — страшно было и представить.

Свернули на Новослободскую, на Сушевке, пропустив «кукушку» с десятком пустых платформ, перевалили через железнодорожный переезд. Пятьдесят метров — и водитель втопил тормоз так резко, что от рывка проснулись все. Лучше бы не просыпались, право слово. Пока очередной милиционер в сизой шинели проверял у шофера и лейтенанта документы, все полтора десятка бойцов команды прильнули к окнам левого борта, отчего автобус слегка накренился. У забора, отгородившего пути от то ли улицы, то ли переулка, стоят двое штатских — руки связаны за спиной, плечи опущены. Еще трое мешками лежат в сторонке. Шестеро милиционеров метрах в десяти, винтовки смотрят в ссутуленные спины. Хлесткий залп — стоящие у стенки валяются, снег у забора под крайним розовеет. «Можете следовать», — голос проверяющего спокоен, никаких эмоций. Рутина.

— Мародеры, знамо, — водитель автобуса открыл рот только метров через сто, — или паникеры. Станция рядом. А ну, — это уже сгрудившимся у окон, — садись давай по местам, а то машину мне опрокинете. Не навидались, шголь?

Еще пара минут по переулкам, и у проходной какого-то завода автобус скрежетнул тормозами и встал. «Выходи строиться!»

Знакомый рокот дизелей заставил всех обернуться. От железной дороги к воротам завода шла длинная, машин пятнадцать, колонна «СТЗ-5», «сталинцев» — хороших, надежных арттягачей. В училищном гараже один такой был, для обучения, а вот в армии — жуткий дефицит. Одна за другой машины проворачивались на гусенице и исчезали за железными воротами. Табличка — желтые рубленые буквы на черном стекле — была далеко, так слету не прочитаеть, но выписанное крупнее название завода разобрать удалось — «Компрессор».

Мотоциклисты ворвались в Кунцево на рассвете. Очереди пулеметов с колясок с ходу заставили заткнуться русских автоматчиков, попытавшихся задержать разведроту. То ли русских было мало, то ли они трусили — высланная в окружающий дачу парк разведка обнаружила только одно тело, рядом валялись автомат с круглым диском и фуражка с зеленым верхом.

— Да, Герхард, я вижу, большевики бегут быстрее собственного визга, — фельдфебель, придерживая локтем автомат, присосался на мгновение к фляге.

— Ничего удивительного, Оскар. Сам Сталин давно сбежал, чего ради русским оставаться? Охранять его сапоги? Едем дальше?

— Нет. Общайте сад, русские могли затаиться. Потом вызовем саперов.

На юге загрохотало — артиллерия взламывала наспех занятые русскими оборонительные позиции, русские отвечали. Автоматчики шныряли по саду, несколько человек со снятыми с колясок пулеметами залегли по периметру дачи.

— Герхард, ты уверен, что это действительно дача Сталина?

— По крайней мере, эта шишка из абвера сказала именно так. Думаю, парни адмирала скоро будут здесь, можешь спросить их сам.

На дороге послышался лязг гусениц, снеся ворота, в сад вломился угловатый «Pz-IV», за ним — два бронетранспортера, из которых выскочила целая группа офицеров от лейтенанта до оберста,^[14] замыкающий танк встал снаружи у ворот.

Командир роты отрапортовал прибывшим.

— Лейтенант, вы уверены, что большевики не успели заминировать здание?

— Уверены, герр оберет. Позвольте показать! — Он провел группу абверовцев вокруг главного здания. На площадке около гаража стояла полуторка, кузов которой был забит деревянными ящиками. Три ящика лежали на земле, один раскололся, грязно-белая пыль высыпалась на землю — видимо, они как раз разгружали вот это.

— Аммонал, — гауптман из абвера размял порошок в пальцах, — то, что у русских недостаток взрывчатки, мы знаем.

— Хорошо, — принял решение старший группы, — проходим в дом. Только осторожно. Лейтенант, проверьте здание.

Дверь в прихожую была распахнута, неровный сквозняк чуть покачивал ее с легким скрипом. Первыми вовнутрь проскользнула четверка разведчиков. Они рассыпались по многочисленным переходам и помещениям, топот кованых сапог гулко отдавался в полном

безлюдье. Прикрывая друг друга, двое ворвались в небольшую комнату на втором этаже. В углу стояла узкая кровать, застеленная солдатским одеялом. На столе лежала открытая коробка папирос. В углу, около высокого комода, свесив набок голенища, пристроилась пара мягких кавказских сапог.

— Оскар! Ты только посмотри! — Второй обернулся, глаза расширились, — Оскар! Это же сапоги самого Сталина! Вот так шутка! Старый азиат сбежал, похоже, в одних трусах! Если они вообще у него есть! — Он схватил сапоги за голенища.

Тонкая проволока, проходящая петлей через две небольшие дырочки в одном из каблучков, порвалась, размыкая цепь. Реле в подвале щелкнуло, посылая электрический импульс в разветвленную сеть проводов. Около трех десятков детонаторов одновременно «завели» стокилограммовые ящики с аммоналом в фундаменте дома, в саду, около обоих въездов. Земля дрогнула танк у ворот подпрыгнул и завалился набок. Из разведроты и спецгруппы абвера не уцелел никто.

Полковник Старинов^[15] любил хорошие шутки.

Форсирование водных преград — преодоление войсками в ходе наступления водной преграды (реки, канала, водохранилища, пролива и др.), противоположный берег которой обороняется противником. От обычного наступления Форсирование водных преград отличается тем, что наступающие войска под огнем противника преодолевают водную преграду, овладевают плацдармами и развивают безостановочное наступление на противоположном берегу. В зависимости от характера водной преграды (ее ширины, глубины, скорости течения воды и др.), силы обороны противника, возможностей наступающих войск и др. условий форсирование водных преград осуществляется с ходу или после планомерной подготовки.

Сколько всего рек форсировал вермахт по пути от Бреста до Москвы — вопрос, конечно, сложный. Впрочем, немецкий Ordnung настолько глубок и всеобъемлющ, что в одной из многочисленных сводок ОКБ, без сомнения, имеется подробная роспись с указанием названия реки, ее ширины и глубины, характера дна и берегов, наличия мостов с их грузоподъемностью, а также с описанием обстоятельств форсирования. Конечно, безусловным чемпионом в этом списке был Днепр — все ж таки три с лишним километра в нижнем течении совсем не шутка. Хотя Десна, Буг, Днестр, Неман, Западная Двина — тоже вполне почетные записи. А уж сколько разных мелких речушек в этом списке — местного значения Камышовок, Каменок да Песчанок — не сразу и сочтешь. Так что технология форсирования, причем с боем, у немцев была отработана на ять.

Конечно, временами случались сбои — русские цеплялись за берега «естественных водных преград», как утопающий за соломинку. Иногда это у них даже получалось, особенно если артиллерии было в достатке. Тогда приходилось маневрировать вдоль реки и форсировать ее там, где оборона послабже.

Московская речка Сетунь — смех, а не речка. Разве что берега заболоченные. А глядишь ты — запнулись.

Капитан Джугашвили, чуть горбясь, пробежал по извилистому ходу сообщения. Над головой неприятно цвиркало, но подсознание отсекало привычные звуки. Все одно «свою» пулю не услышишь, а предостережение — тебя, дескать, обстреливают, командир, поберегись — было излишним. Обстрел был круглосуточным, как осенний дождь. Под ногами хлюпало, кирпичная засыпка была надежно вбита сантиметров на двадцать в глубь болота.

До НП дивизиона оставалось метров сто, когда к чавканью сапог добавились более мощные всхлипы. Немецкие мины уходили в болотистую почву чуть не на полметра и взрывались уже там, не нанося существенного урона. Однако ж налет был плотным — одна из мин ухнула за изгибом хода.

Чавкающий звук разорвавшегося в болоте тяжелого снаряда заставил капитана на рефлексе — дедушка Павлов был бы в восторге — растянуться в грязи. Налет был

слабеньким — с боеприпасами у немцев, судя по всему, было туго, да и уходящие глубоко в болотистую землю снаряды оставляли большую часть осколков в грунте. Капитан испытывал прямо-таки нежные чувства к раскисшей почве Лужников и к серой октябрьской погоде. И готов был смириться и с сыростью блиндажей, и с тем, что не укрепи саперы траншеи бревнами — их затянуло бы за пару дней.

Край ближайшего бревна был стесан «под замок», чуть выше виднелась вырубленная топором римская цифра. Не иначе остаток раскатанного саперами домика из лужниковской деревеньки. Дома, конечно, жалко, но пусть уж лучше так, чем сгорят без пользы. Добежав до НП, Джугашвили махнул рукой вскочившей было радистке и протиснулся между пахнущих мокрым сукном и застарелым потом спин к стереотрубе.

Наблюдатель посторонился, пропуская командира батареи к окулярам. Рожки объективов повело вправо, потом влево. Лес на крутом берегу Сетуни, за Москвой-рекой, в поле зрения был выбрит начисто, — сколько за месяц городских боев туда вбухали железа — и из Лужников, и с Поклонки — выяснит разве что какой дотошный историк лет через 50. По крайней мере, сам капитан счет выпущенным боекомплектам своего дивизиона уже потерял. Помпотех, отвечающий за состояние стволов, помнил, наверное — но вчера его накрыло, до санбата вроде довели, а там — кто знает.

— Шевелятся, товарищ капитан! — Деталей было не разглядеть, но какое-то серое движение на гребне и ниже по склону царапало глаза.

— Связь с огневыми? — Мокрая спина телефониста напряглась, «Ромашка» тонула в помехах.

— Есть связь!

— Ориентир двенадцать, право пять, по десять снарядов на орудие, беглым! — пристрелка, после потери счета боекомплектам, выпущенным именно по «ориентиру двенадцать», не требовалась, — огонь!

Концентрирующаяся для очередного рывка через Сетунь немецкая пехота залегла под стадвадцатидвухмиллиметровыми разрывами. Пехота на нашем берегу вяло добавила минометами, но это было уже излишним — атака сорвалась так и так.

Впрочем, все только начиналось. Разозленные срывом очередной атаки и неизбежными потерями немцы открыли огонь по позициям дивизиона, им ответили восьмидюймовые гаубицы и морские шестидюймовки «Опорного пункта номер три». Авиации было тесно под цеплявшим верхушки Воробьевых гор влажным небом, так что дуэль богов войны проходила «один на один».

Заброшенная было с началом войны, гигантская стройплощадка на месте разрушенного собора жила странной жизнью. На поверхности, в бетонных кратерах боевых постов «Опорного пункта номер три», обшаривали небо хоботки зенитных автоматов. Судя по всему, не зря — алюминиевый хвост со свастикой, торчащий из Москвы-реки почти вертикально, был тому доказательством.

Амбразуры бетонных укрытий на закате давали красноватые отблески линз, по которым с Воробьевых гор временами вели огонь полевые гаубицы. Правда, лишь изредка — пробить бетон, даже не успевший набрать полную прочность, но напиčkанный легированной сталью в качестве арматуры, легкие снаряды не могли, а в ответ на каждый залп по наводке «слушачей» прилетали два-три десятка шести— и восьмидюймовых «чемоданов»

Бетонные казематы, армированные первоклассными стальными конструкциями,

прятали тяжелые пушки — столь громадные, что колесный ход для них создать так и не удалось. Тракторные гусеницы при каждом выстреле вышибали из бетонного пола крошку. Мощные стены многократно усиливали эхо, даже забитые ватой уши под клапанами ушанок глохли. Штуки четыре отстрелянных лейнеров лежали рядом около стены, на наброшенных поверх них матрасах кто-то дрых, замотав голову тряпьем.

За орудиями из огороженных деревянными козлами дыр в полу наскоро налаженные ленты транспортеров поднимали пятидесяти— и стокилограммовые чушки снарядов и ящики с зарядами. Еще пятью метрами ниже, в технических помещениях так и не построенного дворца, по наскоро уложенным рельсам, метростроевские вагонетки выныривали из черных потерн, доставляя все новые снаряды к аккуратным масляно отблескивающим рядам.

Четверо краснофлотцев покидали в пустую вагонетку стреляные гильзы и покатали ее обратно. На каждом стыке наскоро уложенного пути гильзы подпрыгивали и звенели. В дальнем конце потерны возник неверный свет, вагонетка прогрохотала по дощатому настилу и выкатилась на платформу скупо освещенной станции. Часть мраморных плиток со стен и раскрывающихся мраморными цветами колонн осыпалась, обнажив ноздреватый бетон.

Подвывая электродвигателями, на свободный путь подкатил обычный поезд метро со снятыми дверями. Другие краснофлотцы грузили на носилки многопудовые снаряды, выносили, укладывали на мраморном полу. Комендант станции — скорее старый, чем пожилой майор с орденом Красного Знамени и знаком «Почетный железнодорожник» распекал молодого капитан-лейтенанта, тот вяло отругивался.

— Какие, к черту, противогазы? Да зачем они нам тут нужны, товарищ майор?!

— Ты, мил-человек, под землей без году неделя. Так что слушай и мотай на ус. Половину подстанций немцы уже разнесли, работаем на последней сопле, можно сказать. Еще немного — и питаться будем с дизелей, — он резко ткнул обкуренным пальцем на пути, где в одном из вагонов вольготно устроилась туша дизель-генератора. — Соответственно, гари будет много. А если *он* еще и до тоннелей прорвется — может и газ пустить. Так что бери, пока дают, расписывайся в ведомости и смотри, чтобы твои орлы вверенное имущество военно-морским способом не утратили.

— Это как? Что это еще за способ?

— Эх, голуба. Молодой ты, традициев не помнишь. «Утратить военно-морским способом» — значит либо сломать, либо про... любить. Что, истории не знаешь — про государя Петра Алексеича, матросов русского, голландского да аглицкого и два чугунных ядра? А вы что встали? — рявкнул он на опустивших носилки и наостривших было уши морячков. — Таскай давай, не задерживай подвижной состав!

В течение 14 октября на всех направлениях фронта продолжались бои. Особенно упорные бои шли на Одинцовском и Сходненском направлениях. Отбито несколько ожесточенных атак немецко-фашистских войск.

За 13 октября уничтожено 38 немецких самолетов. Наши потери — 17 самолетов.

Вечернее сообщение Совинформбюро от 14 октября

— Москва. Был тут когда-нибудь?

— Был. Пацаном еще. — Мимо проплывали темные громады зданий, ни огонька, ни человека. Окна — либо с белыми бумажными крестами, либо вообще без стекол. Часть домов обрушена, уцелевшие стены торчат гнилыми зубьями. Регулировщики на перекрестках — в тулупах, с винтовками за спиной. Противотанковые ежи, баррикады с приземистыми пушками, глядящими вдоль улиц. Тут и с нормальной-то довоенной Москвой контраст был — голова кругом. А уж с тем лаково-неоновым симулякром, который Андрей помнил по рубежу веков...

Где-то на Рождественке коротко протрещал «ППШ». Бухнуло два или три револьверных выстрела, потом скороговоркой простучали сразу несколько автоматов, потом все стихло.

— Милиция. Ракетчиков ловит.

— Скорее, мародеров. Больно быстро справились.

Машины свернули с Бульварного кольца на испятнанную воронками улицу Горького. Немецкие снаряды падали где-то в районе Киевского вокзала, оттуда же доносился треск пулеметно-винтовочного огня.

Фары-щелочки едва позволяли заметить незасыпанные воронки и лавировать между вросшими прямо в мостовую ДОТами. Часто останавливались — кордоны стояли чуть ли не на каждых ста метрах. Вспышки выстрелов и взрывов подсвечивали небо, и при одной, особенно яркой, Андрей обомлел.

Знакомая с детства панорама в конце улицы исчезла. Островерхие башни Кремля не цепляли низкие тучи звездами, пусть даже и в брезентовых защитных чехлах. Их просто не было. По крайней мере, на первый взгляд. А на второй... Угловой Арсенальной башни не было вообще. То, что не закончил французский порох больше века назад, довершил немецкий снаряд. На месте шпиля Спасской башни зияла пустота. Еще одна башня, выходящая на Александровский сад, Андрей не знал названия, тянула вверх обгорелые балки шатрового каркаса.

Чем ближе подъезжали, тем ярче становилась картина разрушения. Зубцы краснокирпичных стен зияли провалами, хотя сами стены, засыпанные землей почти до гребня, вероятно, уцелели. Желтые дворцы екатерининских времен были черны от копоти, купол над зданием Сената отсутствовал. Манежу тоже досталось. Боровицкая башня была почти цела, только от шатра осталась едва половина. Грузовики въехали в ворота, покружили между воронок, закопченных соборов, неизменных баррикад и остановились на Ивановской площади. Андрей выскочил из кабины, оглянулся и замер. Такого Кремля он не

видел, не ждал увидеть и не желал. Соборам повезло, только в куполах чернели дыры от снарядов. Вокруг Ивана Великого воронка налезала на воронку — но ни одного прямого попадания немцам добиться так и не удалось.

Но Казаковские дворцы, с улицы Горького казавшиеся почти целыми, с обращенной к Воробьевым горам стороны оказались разнесенными до щебенки. На месте привычной своей инородностью коробки Дворца съездов — впрочем, откуда ей здесь взяться? — громоздились кучи кирпича, окружающие несколько огромных воронок — поработали пикировщики.

Что ты натворил, Андрюха?! Что ты, сволочь, натворил?! Горький дым вышибал слезы — или то холодный ветер с реки?

Увидев, что им предстоит грузить, Андрей опомнился — и до крайности изумился. Старинные наполеоновские пушки лежали, перевязанные тросами. Курсанты в измятых, испачканных шинелях под командованием старика, похожего на обернутый шинельным сукном божий одуванчик, поднимали их одну за другой, аккуратно клали в кузова.

Как старому грибу, судя по всему — музейщику, удалось выбить на перевозку древних орудий целую автоколонну, было непонятно. Впрочем, Андрей догадывался. Трофеи прошлой Отечественной были важным символом для народа в новой — Отечественной же — войне. И уж кто-кто, а Сталин значение символов понимал и превращать их во что-то реально-ощутимое умел.

Пока курсанты грузили стволы, Андрей пытался понять, в каком же именно месте располагался сталинский кабинет. Даже будь здания целы, вряд ли ему это удалось бы — слишком много поворотов, слишком много коридоров. Да и неважно, в самом-то деле. В разрушенном артиллерией Кремле Сталина явно не было.

Товарищ Сталин находился в паре километров северо-западнее и парой сотен метров ниже. Рабочий кабинет размещался в обычном вагоне метро с занавешенными плотным сукном окнами. На одной из стен висели карты, вместо сидений под ними — импровизированный стол. Впрочем, сейчас нужды в картах не было. Разговор шел о другом.

— Сведений о том, что немцы получили дополнительные сведения от «Паука», — импровизированный характер кабинета предполагал дополнительную осторожность, поэтому в детали Берия не вдавался, — нами не получено. Вероятно, источник информации убит в бою... либо в результате принятых нами мер.

— Либо сидит в немецком лагере, и не идентифицирован как... носитель информации. Либо... Либо ваши сотрудники не отследили дополнительной утечки.

— Это практически исключено. По известным вам причинам специально созданная немцами организация — «Наследие потомков» — тесно сотрудничает с фирмой «Сименс».

— Неудивительно.

— Имеющиеся у нас источники информации не подтверждают начала каких-либо новых разработок, которые неизбежно были бы начаты в случае Поступления новой информации и к которым «Сименс» неизбежно имел бы отношение.

— Вот как. Интересно.

— Работы групп фон Брауна и Гейзенберга также идут в прежнем темпе.

— Это немного успокаивает. Совсем немного, да. Но меня сейчас интересует совсем другой вопрос. Как вы считаете, та... ситуация, которая сложилась сейчас, то, что немцы решились на достаточно авантюрную операцию по захвату Москвы, не обеспечив свои

фланги... Насколько она связана с... утечкой?

— Практически наверняка. В похищенных сотрудником НКВД документах совершенно точно находился протокол допроса, относящийся к описанию поворота второй танковой группы немцев на юг. Согласно имеющимся копиям, «Паук» на одном из допросов в НКВД заявил, что, вследствие отвлечения группы Гудериана на уничтожение наших войск под Киевом, наши войска успели подготовить линии обороны и задержать немцев до зимы. Согласно же донесению одного из наших источников, Гитлер неоднократно упоминал во время совещания о долге перед потомками и помощи providения.

— Это неубедительно. Обычная гитлеровская риторика.

— Я так не думаю, товарищ Сталин. Во-первых, несмотря на то, что политика Германии достаточно авантюристична начиная с 1935 года, рывок на Москву с необеспеченными флангами — слишком рискован даже для этой политики. Далее. Обычно Гитлер использует приведенные в донесении обороты в своих публичных выступлениях, но никак не на деловых совещаниях. Наш источник сообщает, цитирую: «Фюрер был вдохновлен, он проявил весь свой талант оратора».

— Я понимаю вашу мысль, товарищ Берия. Если руководитель крупного государства начинает вести себя нетипично — это может быть только следствием нетипичного фактора. Учитывая, что мы знаем один такой фактор — нет смысла умножать сущности до получения новых данных. Хорошо. Возможно, вы правы. Бритва Оккама, да. Спасибо, товарищ Берия. Вы свободны.

Оставшись один, Сталин прошел в бывшую кабину машиниста, где на месте пульта управления был устроен диван, а у перегородки — маленький столик. Снял сапоги, не снимая френча растянулся на одеяле.

Берия был прав. Какими бы авантюрами ни были все действия Гитлера до того — ввод войск в Рейнскую область, Мюнхен, нападение на Польшу, Норвежская операция, разгром Франции... Нападение на СССР, в конце-то концов... Но попытка взять Москву без обеспечения флангов была диким, причем принципиально непросчитываемым риском. Без экстраординарных причин на такой риск не идут. Значит, спусковым крючком для этого наступления действительно стала утечка.

С другой стороны, авантюризм сама по себе не является залогом неудачи. Все авантюры немцев до сего дня оканчивались успешно или, по крайней мере, как воздушное наступление на Британию, не катастрофически. Впрочем, и сейчас немцы были близки к успеху. Их части метр за метром продвигались с обеих сторон Лужниковской дуги к Киевскому вокзалу и Замоскворечью. Автозавод захвачен, Поклонная гора в полукольце. Химки, которые удалось отстоять, стоили обороняющимся двух сожженных дотла танковых бригад. Рокоссовский держит фланги, подставляя под удар московские кварталы, прикрываясь Москвой как щитом. Город пока держит только крупнокалиберная артиллерия. Если немцы сумеют подтянуть тяжелые пушки... Голиков докладывал, что немцы снимают из-под Ленинграда самоходные мортиры, стреляющие полуторатонными снарядами. Если немцы установят их, к примеру, на Воробьевых горах, то не устоят и форты. И тогда вся система обороны может рухнуть. Нужно продержаться хотя бы неделю. Или две.

Незадолго до войны я был вызван в Москву. В кабинете Ворошилова я увидел высокого человека с тонким лицом, в прекрасно сидящем костюме. — Познакомьтесь, товарищ Старинов, — это известный изобретатель, товарищ Термен. Товарищи из НКВД предложили создать совместную группу по разработке новой минно-взрывной техники.

И. Старинов. «Мины ждут своего часа»

Поезд тяжело грохотал на стыках рельсов. Два мощных паровоза напрягали стальные мускулы, с натугой преодолевая умеренной крутизны подъем. Несколько классных вагонов за связкой локомотивов были для них несерьезным грузом, как, впрочем, и пара платформ с булыжником впереди. А вот четыре платформы странной конструкции — по две пятиосных площадки, между которыми висели, скрепляя их в единое целое, бронированные туши с угадывающимися под брезентом короткими стволами, — явно стоили затрачиваемых паровозами усилий.

Часовые на платформах внимательно оглядывали окрестности. Лес был вырублен на пятьдесят метров по обе стороны дороги, счетверенные рыльца зенитных автоматов глядели не столько в небо, сколько по сторонам.

Поезд вскарабкался на гребень и начал спуск в длинную неглубокую ложбину между двумя грядами холмов. Стук участился — под горку дело шло чуть веселее, состав запасал энергию для следующего подъема. Полотно дороги слегка приподнималось относительно рельефа, образуя примерно трехметровой высоты насыпь. Примерно посередине ложбины насыпь пересекала небольшую речку — скорее, ручеек, стиснутый бетонной трубой. Естественно, эта труба, как и все прочие такие трубы и мосты, была тщательно обследована саперами. Но на то, чтобы проверить все сотни километров пути, как, впрочем, и все окрестные холмы, сил не хватало.

На склоне одного из таких холмов, на краю перелеска, две фигуры в буро-зеленых маскхалатах ждали уже несколько часов. От лежащей между ними радиостанции к ящичку с несколькими тумблерами и переключателями змеился толстый провод в каучуковой изоляции.

— Они, родные, — лежащий справа сопровождал биноклем двойной султан дыма, — самоходные мортиры типа «Карл». Калибр шестьсот миллиметров. Четыре штуки.

— Да, страшноватые зверюги. Если они доберутся до Москвы...

— Отставить разговорчики! Предварительная!

— Понял, предварительная, — второй щелкнул тумблером. В прижатом к уху наушнике послышался тонкий свист. — Подтверждаю, есть предварительная!

— Задержка... — человек с биноклем следил за составом, отсчитывая секунды, — задержка двести двадцать три!

— Понял, задержка двести двадцать три!

Состав подходил к выбранной точке. Метров за пятьдесят до трубы, когда передовая платформа стукнула колесами на очередном стыке, тон гудения в наушнике поменялся на

более басовитый. Огромная масса проносящегося над рельсами металла изменила индуктивность тщательно спрятанного под строением пути контура.

— Двести двадцать один, — одновременно с изменением тона второй откинул плексигласовый колпачок, — двести двадцать два, — рука зависла над кнопкой, — двести двадцать три!

Слегка посиневший от холода палец утопил ярко-красный диск. Долю секунды казалось, что ничего не происходит. Затем терпеливо ждавшие своего часа больше двух месяцев центнеры взрывчатки, повинувшись модулированному радиосигналу, вздыбили путь, подбрасывая оба паровоза, снося их с рельсов. Первый сразу начал заваливаться в ложбину, второй пытался удержаться на насыпи. Его развернуло поперек путей, искры сыпались фонтаном. Влекомые инерцией, гигантские платформы складывались, бронированные туши между полуплощадками налезали друг на друга и на вагоны, из которых пытались выбраться серые и белые, в нижнем белье, фигуры. Медленно валяющийся вниз паровоз, наконец, рухнул, котел взорвался и облако пара скрыло из вида стальную кашу.

— Передавай — и ходу, — первый из «пятнистых» отложил фотоаппарат, которым он увлеченно щелкал все эти долгие секунды: — «Тетя заболела, приезжай, Маша».

Через сорок пять минут две девятки «Пе-2» под прикрытием истребителей атаковали место крушения. Стокилограммовая бомба попала в один из уцелевших вагонов в конце состава. Шестисотмиллиметровые снаряды сверхтяжелых мортир сдетонировали, разрушив пути и насыпь на протяжении почти сотни метров. Движение было остановлено почти на неделю. Еще несколько заложенных на излете лёта радиомин ждали своего часа.

Товарищ Старинов продолжал шутить.

№ 0427

22 сентября 1941 г.

Дополнение к № 0054 от 15 июля 1941 г.

1. Передать в распоряжение Главного Управления гидрометеослужбы РККА 12 дальних бомбардировщиков «ТБ-7» с экипажами и наземными службами для ведения метеоразведки над контролируемой противником территорией.

2. Обеспечивать переданные ГУГМС КА бомбардировщики новой радиопередающей аппаратурой, двигателями, включая турбокомпрессоры наддува, и запасными частями по списку первой очереди.

*По поручению Ставки Верховного Командования начальник
Генерального штаба Красной Армии генерал-майор
Василевский*

Новый, по меркам мирного времени, «ТБ-7» промерз от носовой турели до кончика высокого кия. Похожий на медведя штурман извернулся и, быстро отстегнув маску, отхлебнул из шведского термоса. Если бы не горячий чай, сладкий, даже блаженно-сладкий — совсем вилы. Впрочем, за пятнадцать лет полетов можно было бы и привыкнуть. Однако не получалось. Он бешено завидовал сидящим в заклепанном бомбоотсеке «гражданским» — конечно, лейтенантские звания им присвоили, но оба метеоролога, срочно отозванных «с северов», остались какими-то невоенными — отличные мужики, в Арктике другие не выживают, но не вояки, нет. Зато высотный холод им должен быть как дом родной. После Новой-то Земли.

Услышали бы эти самые метеорологи мысли штурмана — встретили бы после полета на узенькой тропке и объяснили бы всю его неправоту. «По-товарищески». Если штурману холод просто не нравился, то полярники-зимовщики ненавидели его лютой ненавистью.

Оба они только в начале июня сменились с годичной вахты — каждый на своей станции, познакомились в мягком вагоне поезда на Ленинград, уговорили пару литров коньяка — за знакомство и за-ради окончания вахты. Закусывали в основном предвкушениями — предвкушали Гагры (путевки дожидались в Севморпути), море, фрукты, сухое вино, девушек опять же — оба семьей пока не обзавелись. На вокзал прибыли в воскресенье — и дома каждого уже ждала повестка.

Сейчас они, свернувшись клубком в своих меховых комбинезонах и меховых же куртках поверх, привычно-внимательно оглядывали облачную кашу внизу, каждый по своему борту. Кустарные блистеры из оргстекла, врезанные в борта бывшего бомбоотсека, серьезно искажали картину. Хотя неважно. Серая пелена казалась бесконечной, как срок зимовки к концу марта. Не привыкать. И потому появившаяся на самом горизонте клубящаяся гряда вызвала почти мгновенную реакцию.

— Командир, гряда облаков справа тридцать, на горизонте! Это фронт, зуб даю, это холодный фронт! — Отзываясь на возбужденную скороговорку полярника, тяжелый корабль

накренился, доворачивая на облачную стену. Штурман возил по планшету линейкой и транспортиром, прокладывая новый курс. Лохматая стена впереди вырастала, вызывая инстинктивный холодок в груди каждого из пилотов «ТБ-7» — слишком много неприятностей было связано с такими вот «воздушными замками».

— Второй, тянем на девять тысяч! — Второй пилот двинул рычаги газа до упора вперед. Благо моторы были новые, вытянут, тем более с турбокомпрессорами. Компрессоры, честно говоря, были барахло, прогорали на раз — но и меняли их после каждого полета. Сколько стоила такая роскошь, пилот боялся даже подумать — но начальству, как говорится, виднее. Раз уж в разгар войны сочли необходимым переделать целую дюжину самых мощных бомбовозов Советской страны в извозчика для «колдунов», как традиционно летуны именовали метеорологов, да еще и моторы чуть не языками вылизывают — значит, так надо. Не сказать, чтобы экипаж был недоволен — положила руку совсем уж на сердце, мало кому хотелось лезть на фрицевские зенитки и под атаки «худых».

Один из пиков облачной гряды тянулся километров до десяти, не меньше, но бомбардировщик обошел его стороной, над восьмикилометровым «перевалом». Тяжелую машину лишь слегка тряхнуло, и внизу раскрылась черная, на первый взгляд и по сравнению с белоснежными горами облаков, бездна. Уже второй взгляд ловил извилистую береговую линию, приведенные то ли легким снежком, то ли инеем леса, неразличимые детали городков. Земля была видна до самого горизонта, и за скатом облачной гряды не было ни тучки.

— Антициклон, — в голосе метеоролога слышалось удовлетворение от хорошо сделанной работы, — совершенно определенно — арктический антициклон. Судя по всему, от минус десяти до минус двадцати в нижних слоях.

— Понял. Радист, связь с базой. Идем дальше? Горючего у нас еще километров на триста, потом возвращаемся. Или сразу домой? — Штатские или полуштатские, но во всем, что не касается прямо и непосредственно управления кораблем, метеорологи сейчас были главными.

— Согласен, командир. Пройдем сколько можем, оценим размеры. А потом на базу, да. «ТБ-7» шел на девяти километрах, взбудораженный воздух принимал в себя насыщенные углекислотой и водяным паром выхлопные газы, мгновенно высасывая из них тепло. При минус пятидесяти градусов за бортом пар мгновенно кристаллизовался в микроскопические иголочки, образующие за тяжелой машиной пышный, хорошо заметный с земли инверсионный шлейф. Это было красиво, однако пара «мессеров» из финской ПВО руководствовалась совсем другими эмоциями. Одиноким высотный самолет мог быть только разведчиком, а значит, должен быть сбит. Турбокомпрессоров на «Vf-109F» не было, но легкие машины с мощным мотором и без них карабкались вверх весьма уверенно. Хвостовой стрелок «ТБ» засек истребители на фоне земли всего с пары километров, когда те обзавелись собственными шлейфиками. Бомбардировщик дернулся, но от границы облаков они ушли километров на сто, минут двадцать лета — и эти двадцать минут надо было продержаться.

Пулеметные турели тяжелых бомберов — это сила, когда те идут в коробке машин в двенадцать, а лучше — под сотню. Тогда на пути истребителей встает стена свинца, пробить которую можно только сочетанием тактики, мастерства пилотов — и количества, естественно. Одиноким бомбардировщик против двух грамотных пилотов не жилец, разве что повезет.

Не повезло. После двух коротких очередей стрелок в хвостовой турели завалился на пулемет, еще пара заходов покончила с бортовыми точками и верхним куполом. В разреженном воздухе «мессеры» маневрировали с трудом, что позволило отчаянно (насколько позволяла высота) маневрирующему разведчику выиграть хоть сколько-нибудь времени. До облаков оставалось всего две-три минуты — но этих минут не было. Уже не опасаясь пулеметов, «Мессершмитты» один за другим зажгли оба левых мотора. «ТБ-7» свалился на крыло и посыпался вниз. В полутора тысячах километров восточнее один оператор сделал отметку о потере очередного метеоразведчика, а другой прочертил курс и скорость холодного антициклона, неотвратимо надвигающегося на европейскую часть Союза.

65. При стрельбе на уничтожение огневой налет ведут, как правило, беглым огнем. Если по условиям обстановки цель должна быть подавлена в кратчайший срок, то для ее подавления назначают огневой налет без указания его продолжительности.

*«Наставление по управлению огнем наземной артиллерии»,
изд-во НКО СССР, 1939*

Старший сержант Лемехов лежал между могилами мещанина Пузанова и безгильдеинового купца Братухина почти пять часов. Деревья на кладбище были скошены артиллерийским огнем, словно гигантской косой, так что маскироваться среди могил, да плюс под поваленными стволами было одно удовольствие. Изредка в оптике винтовки за речкой и в развалинах Канатчиковой дачи наблюдалось шевеление, но для стрельбы по «пациентам» было слишком далеко. Лежащий на три могилы справа наблюдатель что-то хрипел в телефон, но, видимо, командование сочло перебежки немцев недостаточным поводом для огневого налета. Хотя тяжелые снаряды артиллерийских фортов могли бы успокоить нынешних обитателей больницы не хуже смирительной рубашки — начальству виднее.

Начальству всегда виднее. Ну почти всегда.

Его дело вел целый старший майор госбезопасности, не какая-то мелкая сошка. Разобрал по косточкам весь тот злосчастный вечер, когда он, Лемехов, почти пропустил через границу предателя. Он был готов к расстрелу — считал его заслуженным. Его ротозейство стоило жизни двум лучшим бойцам заставы и, судя по въедливости следователей, привело к большому ущербу для страны. Пусть перебежчик был убит — то, что он нес через границу, похоже, было чем-то очень, очень важным.

Поэтому, когда почти через два месяца осунувшийся старший майор протянул ему красноармейскую книжку, он не сразу поверил и понял, что происходит.

«Пограничник из тебя, Лемехов, хреновый. А вот стрелок — неплохой. Так что иди — и стреляй». Только тогда Лемехов и узнал, что началась война.

Он стрелял — редко, как и любой снайпер, точно — как снайпер хороший. Их воздушно-десантная бригада ни разу не видела самолетов, кроме как над ними — немцев, которые пытались смешать их с землей, и изредка — наших, которые занимались тем же по ту сторону фронта. Парашютов тоже не видели — кроме тех, что раскрывались над сбитыми летчиками.

Ими затыкали дыры, их бросали под гусеницы танков и удары штурмовых групп немцев, под снаряды гаубиц и очереди пулеметов. Потом отводили, пополняли молодыми, здоровыми и полными готовности умереть за Родину парнями. Большинству это — умереть за Родину — удавалось, часто в первом же бою. Немногие выжившие учились не умирать, а убивать врагов. Но таких, научившихся, было мало, и они отступали, сменялись — и затыкали новую дыру, каждый раз на другом участке фронта, но все дальше и дальше на Восток.

А потом — они уперлись спинами в московские кварталы, и отступать стало некуда.

Немцы тоже уперлись. Не в них, Лемехов трезво оценивал ситуацию, а в огневой вал, который обрушивали на наступающую пехоту и танки тяжелые орудия из глубины обороны. Теперь главными становились не пулеметчики и стрелки, а наблюдатели с полевыми телефонами. Хотя расслабляться, конечно, не следовало.

На кончик носа упала снежинка. Как будто пахнуло зимой, Забайкальем... Скоро, видно, подморозит.

Лемехов плавно провел стволом вправо-влево. Все как обычно — в поле зрения прицела попали развалины больницы, глинистый берег речки с неизвестным названием, две порушенные то ли колокольни, то ли водонапорные башни, станция на горизонте, пять подбитых танков, которые немцы так и не смогли либо так и не захотели вытащить. Выдохлись? Хорошо если так. Хотя вряд ли, конечно.

Черт. Накаркал. С немецкой стороны послышался резкий свист, справа, слева, сзади встали дымные столбы разрывов. Налет был недолгим, но мощным, как летний ливень. По берегу речки уже тянулась полоса дыма, скрывающая немецкие позиции. Сейчас начнется.

Первого немца, выскочившего из дымной стены, Лемехов снял влет. Менять позицию не стоило — дым мешал не только нашим, но и немецким пулеметчикам. Потом фрицы поперли валом, с флангов застучали «максимы». Угловатая коробка танка прорезала сизые клубы, сразу два или три росчерка отрикошетили от брони. Танк повел башней, выискивая позиции пушек. Найти их он не успел.

Лемехова подбросило в воздух, невысоко, сантиметров на пять. Звуки боя ушли — только шум в ушах. Земля медленно поворачивалась на своей оси гигантской каруселью. В воздухе кружились серые тела, клубы дыма, бревна наведенной немцами за ночь переправы, какие-то уж совсем непонятные ошмотья.

Второй залп восьмидюймовок рухнул уже почти беззвучно — разве что легкий щелчок от разрыва первого снаряда да внезапно появившийся во рту медный привкус. Танк уже лежал на боку, выставив отполированное грязью брюхо в сторону русских позиций. Уже никто никуда не бежал и даже не полз, и третий залп лег скорее только для проформы. Впрочем, был третий залп или нет — Лемехов с уверенностью сказать не мог. Слух возвращался постепенно, земля проворачивалась все медленнее, пока не замерла, наконец, в неустойчивом равновесии.

Рядом, всего в метре от его лежки, валялся немецкий сапог — к счастью, без ноги хозяина внутри, сорвало взрывом; за стойкость желудка сержант сейчас бы не поручился.

... Ночью бригаду сняли с позиций, заменив свежими войсками откуда-то из глубины страны, погрузили в грузовики и повезли на восток. О переформировании речи идти не могло — потери бригада, вопреки обычному ходу дел, понесла небольшие. Гадали долго — часа четыре. Пока лес внезапно не расступился и во всю ширь не распахнулся простор наполненного ревом моторов аэродрома.

В течение 5 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На Истринском направлении наши войска ночной атакой выбили противника из поселка Куркино и в течение дня отразили четыре атаки немецких войск.

Вечерняя сводка Совинформбюро от 5 ноября 1941 года

Давид уже давно перешел на ночной образ жизни, как и вся танковая бригада. Погрузка — ночью, движение, начиная от Воронежа — только и исключительно ночью, днем состав отстаивался на полустанках и разъездах. Ночью же разгрузка в Раменском, и марш к Подольску — тоже ночью. И шли они далеко не одни. Дороги разнесло гусеницами до состояния полного изумления. Утром загоняли танки в рощи с полностью вытоптаным гусеницами подлеском, принимались за профилактику.

— Ну что?

— Нормально, командир. Не скажу, что как новенький, но коробка и фрикционы в порядке.

Командир недоверчиво помотал головой. «Тридцатьчетверкам» он не доверял с тех пор, как в июле был вынужден собственноручно спалить новенький танк под самыми Бродами — полетела трансмиссия. А потом на своих двоих, с «ДТ» на плече прошагал сто двадцать километров на восток. Давид, сам повидавший в бытность еще водителем не одну вставшую на фронтовых дорогах «тридцатьчетверку», полностью разделял его опасения, отчего при первом удобном случае залазил «примадонне» в потроха. Это, да и схожие скитания по вражеским тылам, если и не сблизили их, то заставили проникнуться изрядным уважением друг к другу.

— Ладно. Иди, поспи. А то одни глаза остались.

— Не, командир. Если я машину не вылижу до гайки — боюсь, как бы один пепел не остался.

— Отставить, Гольдман. Это приказ. Птичка на хвосте донесла — завтра последний на пока переход. А там — ждать. Сколько, не знаю, но двое суток обещают точно. Будет время гайки повывлизывать.

— Шоб я так жил, как ты говоришь, командир, — Давид провел замасленными руками по и так черному от недосыпа лицу. — Ладно. Против приказа не попрешь. Спасибо.

Давид устроился на теплых жалюзи, завернувшись в три слоя брезента. Нормально. Провалился в сон сразу.

Снилось грязное поле, дорога с глубокими кюветами. На дороге — короткий строй бойцов, без ремней, без оружия. Перед строем — немецкий офицер с неразличимым лицом. Рядом — несколько совсем уж расплывающихся в глазах фигур — тоже немцы, конечно. Офицер что-то говорит коротко, ноги несут Давида из строя. И уже на излете из задних рядов — тычок в спину, недобрый тычок — давай-давай, дескать, иди. Он и еще десяток бойцов встают спиной к кювету, немцы поднимают оружие, на кончиках стволов вспыхивает огонь...

Давида подбросило, он чуть не скатился вниз, под гусеницы. Крепкая рука схватила под

локоть, втянула обратно.

— Что, приснилась гадость какая-то? — Командир сидел, прислонившись к башне, дымил самокруткой. Не дождавшись ответа, продолжил:

— А мне вот собаки снятся. Я бегу по лесу, они за мной. С ног сбивают, начинают рвать.

Он затынулся, отщелкнул бычок.

— Даже не знаю, что после войны делать. Вернусь домой — первым делом Лайку удавлю. Плакать буду, а удавлю. А потом в город подамся. Все одно в тайге без собаки не жить. А ты не переживай, Давид. У меня как началось, в июле еще — первое время каждую дневку во сне собаки рвали. Ребята, как по тылам брели, чуть не прибили. В паре сотен метров шоссе, немцы прут валом, а я ору во сне... Потом реже стало, а сейчас — совсем редко. И у тебя пройдет.

Давид молчал. Потом завернулся обратно в брезент и лег. Уснул не сразу. Спал, к счастью, без сновидений. Завывание автомобильных моторов на проходящей рядом с лесом дороге помешать сну, разумеется, не могло.

Полуторка мелко тряслась на «лежневке». Если в аду и есть дороги, то устроены они именно так. Длинные бревна кладутся одно к другому, от одной обочины до другой и скрепляются скобами. Если таковые есть. Два бревна — полметра, четыре — метр. И на каждом метре машин) четыре раза бросает вверх-вниз на деревянной «гребенке». Люди еще выдерживают, а вот подвеска — никак. Рессоры как бы не раз в неделю менять приходится. Неопишное удовольствие. Точнее, неопишное в рамках нормативной лексики.

Зубы стучали не то от тряски, не то от холода. Дул ледяной северо-западный ветер, кидались на лобовик одинокие снежинки — разведчики огромной армии Генерала Мороза.

Генерал, по мнению Андрея, задерживался с развертыванием основных сил, и не сказать, чтобы лично Андрея это расстраивало.

Оно конечно — то, что вермахту зимой будет хреново — душу грело. Но только душу. Тело в настоящий момент грелось только неверным теплом от сорокасильного движка, пробивающимся в щели из-под капота в кабину и моментально выдуваемым холодным воздухом из других щелей, которых было немало, немало больше. Ни привычного по фильмам полушубка, ни валенок. Ботинки с обмотками (даже не сапоги с байковыми портянками — что-то такое помнилось из «Теркина»), да телогрейка на вате. Пока терпимо, а ну минус сорок? Ну ладно, водители — тыловые крысы по фронтовой табели о рангах, но и на передовой — шинели да те же ватники. И сапоги только у командиров. Так что шарахнет Генерал Мороз из всех своих снегометов — «Френдли Файр», точнее «Френдли Фрост» будет ого-го.

За поворотом на неразъезженном островке грязюки обозначилась фигура регулировщика. Опять привычный облом — вместо укоренившихся в подсознании симпатичных веселых девах с флажками, как правило, махали злые на весь свет пожилые мужики. Фильмов надо меньше смотреть, чтобы не разочаровываться, ага. Следуя сигналу, Андрей притормозил, благо ехал один и сзади не подпирали, съезжать с «лежневки» в бурое месиво не пришлось.

По обочине подошли двое заградотрядовцев (заградотряды приказом Ставки ввели как бы не месяц назад) в зеленых пограничных фуражках и с ними какой-то мужик с сержантскими петлицами. Что-то было в нем не так, но Андрею было не до копаний в

ощущениях. Один из погранцов заглянул в водительское окно, проверил путевку, потом красноармейскую книжку. Другой стоял поодаль, страховал. Вообще, работали «зеленые» профессионально, напоминая северокавказский ОМОН в самые горячие деньки второй чеченской — занесло Андрея к родственникам на юга как раз в то время. Так что манеры погранцов были и знакомы, и понятны. И что характерно, пережив здесь уже несколько отступлений, Андрей у «заградовцев» пулеметов «для стрельбы в затылок своим» так и не увидел. Может, повезло, а скорее — приходящие на ум ассоциации с омовцами на Ставрополье были оправданы на все сто. Делом люди заняты, тыл охраняют. На войне у каждого своя работа.

Погранец проверил путевой лист, козырнул.

— Младший сержант Чеботарев, возьмете сержанта, подкинете до поворота на хозяйство Смирнова, — конечно, заградотрядовец ему не указ, можно было пойти на принцип, сославшись на приказ не брать пассажиров, но попутчик в дороге лишним не бывает. Вдруг толкать придется, за нехваткой людей его отправили на склад в одиночку. А от картошки в кузове помощи не дождешься.

Сержант ловко, с шиком запрыгнул в машину, прислонив к дверце карабин. Бывалый дядька. Сверхсрочник, что ли? Для младшего комсостава староват, а для призванного из запаса выправка чересчур военная. «Андрей». — «Семен». — «Ну, погнали». Попутчик минут пятнадцать ерзал, приноравливаясь к зубодробительному ритму «лежневки», потом вроде привык. Через узкие конуса чистого стекла, прорезанные ручными дворниками, смотрел с интересом, цепко. Разговор — любимую забаву водителей дальних рейсов, не поддерживал, ограничивался однословными ответами. Ну, пару раз выдал подряд аж слова три, причем с неудовольствием, свойственным ни разу не сержанту, но капитану, как минимум. Как раз по возрасту кстати, да. Но даже в этих односложных ответах что-то... не то чтобы царапало, нет. Скорее, как и манеры пограничников, было каким-то домашним. Да он же с Сибири! «Подкидывают», «Заметат», вместо «Подкидывает» и «Заметает» — точно сибиряк. Блин! Только что ведь об это думал! Да он в полушубке!!!

Сибиряк, причем явно кадровый военный в полушубке под Москвой — это же... Рановато вроде? «В тот раз» сибирские дивизии подтянулись вроде как к декабрю или нет? Панфиловцы с Казахстана, да, еще в обороне отметились. А дальневосточные дивизии, которых привыкли сибиряками называть? Они вроде как раз под контрнаступление подошли. Неужели шарахнем? По слухам, немец плотно завяз на западной окраине Москвы и под Тулой, так что же — время? Похоже, время! Время, Андрюха!

И уже у поворота с указателем на «хозяйство Смирнова» Андрей повернулся к ссаживающемуся сибиряку и, улыбнувшись во все оставшиеся зубы, подмигнул:

— Вы бы, *товарищ командир*, полушубочек-то пока заменили на что-то более неприметное. У нас такое богатство в редкость, а немец — он, сволочь-то, глаза *имет* и *наблюдат*, зараза. Так что как бы вас не срисовали раньше времени. Привет землякам! — И прежде чем ошарашенный начальник разведки разгружающейся в неглубоком тылу дальневосточной дивизии успел открыть рот. вдарил по газам.

Понятно, по возвращении в часть о чересчур глазастом шоферюге был поставлен в известность начальник особого отдела дивизии. Понятно, какое-то время заняло выяснение имени-фамилии этого самого глазастика. А потом — завертелось, закрутилось, и висящие по всем особым отделам контрольки на фамилию «Чеботарев» остались нетронутыми просто за

недостатком времени.

*Параюты рванулись, приняли вес,
Земля колыхнулась едва.
А внизу — дивизии «Эдельвейс»
И «Мертвая голова».*

М. Анчаров. «Баллада о парашютах»

Железное брюхо старого, первых еще выпусков, «ТБ-3» дрожала от рева работающих почти на полной мощности «М-17». Другим повезло — более новые машины с «М-34» ревели не так сильно, а в «Ли-2» десант вообще летел почти что первым классом. Впрочем, эта разница в комфорте ненадолго. Земля уравнивает всех.

Десантники были похожи на медвежат, причем белых — в маскхалатах с поддетыми под них и под ватники меховыми безрукавками, в ватных штанах и привязанных веревочками к штанинам валенках. Запасного парашюта не было ни у кого — высаживаться группа должна была плотно, внизу, возможно, ждал бой, так что самолеты шли низко, сотнях на четырех метров. Благушинский хулиган Мишка Анчар наклонился к уху соседа и, скаля зубы, проорал:

— Боишься, старшой? — Лемехов усмехнулся и заорал в ответ:

— А ты думал? Это вон они, — он кивнул в сторону двух контейнеров, лежащих рядом со створками бомболюка, — ничего не боятся. А нам положено. А кстати — знаешь, как от страха верней всего избавиться?

— Как?

— Да очень просто. Надо побольше страху на немца нагнать. Чтоб на тебя не хватило.

Оба заржали, немного нервно. Из прямоугольного люка между кабиной и бомбоотсеком выглянул краснорожий штурман, показал три пальца. Неуклюжие белые фигуры на скамьях зашевелились, закрепляя карабины вытяжных систем на тросах под потолком. Штурман показался снова, створки бомболюка поползли вниз, открывая проносающуюся внизу бездну. Сигнализации, как на более новых транспортах, на «ТБ» не было, и поэтому штурман просто махнул рукой. Двое крайних бойцов споро швырнули контейнеры вниз и нырнули в люк сами, за ними — остальные. На земле горели три костра, длинный конец треугольника указывал направление ветра. Свист потока в ушах на три долгих секунды заглушил рев моторов, потом хлопок, рывок — и тишина, нарушаемая лишь удаляющимся ревом моторов.

Земля набегала быстро, прыгнувшие раньше уже взрывали ногами снежные фонтаны, гасили парусящие на ветру купола. Кого-то протатило аж до недалекой стены леса, и повисший на ветвях купол светился на черном фоне, как гигантская бледная луна, восходящая над снежным полем.

Старший сержант погасил парашют, скинул «упряжь». Собирать купола времени не было, как, впрочем, не было и смысла. Ели немцы еще не узнали про десант — то к утру узнают точно. Ниче, если кто из деревенских найдет — будет бабам счастье. Достал из-за пазухи оптический прицел, успевшими заоченеть пальцами прикрутил к винтовке. Костры горели метрах в трехстах. У одного из них несколько раз мигнул фонарик — красным, зеленым, потом опять красным. Значит, встречали свои.

Он поковылял по глубокому снегу на свет. Метров через пятьдесят догнал еще двух десантников, тащивших объемистый тюк.

— Ну что, братва, помочь?

— Помогай-помогай, старшой, — недавний сосед по алюминиевому брюху коротко улыбнулся. Сзади проломился по целине Славка Иванченко по кличке Кузнец, кабан еще тот, и дело пошло веселее. Гул моторов уже стих, где-то на западе глухо ухало — бомбардировщики что-то обрабатывали, а может, просто кидали бомбы в чисто поле, чтобы замаскировать высадку.

При свете костра распотрошили тюк, явив свету связку дубоватых армейских лыж. Из второго тюка, оттащив его подальше от костра, освободили огнемёт, ротный миномёт и два ящика с минами.

Из темноты к костру подкатились еще фигуры, у двух других также наблюдалось шевеление. На импровизированных носилках из парашюта и двух жердин подтащили скрежещущего зубами лейтенанта — приземлился неудачно, бывает. Почти сразу из лесу подкатили запряженные мохнатой лошадежкой сани, на которые погрузили страдальца.

Разобрали лыжи, построились. Подходили другие группы, слышались переклички взводов. Дальние костры уже загасили, около ближнего комбат и бородатый мужик, впрочем с выправкой кадрового командира, шаманили над картой. Наконец капитан взглянул на часы и повернулся к строю.

— Батальо-он! Слушай мою команду! Нам поставлена боевая задача — совместно с партизанским отрядом товарища Бялого в ночном бою овладеть деревней Троицкое и удерживать ее до подхода наших войск. Приказываю — выдвинуться в точку сбора к четырем ноль-ноль. Порядок движения...

Сержант мысленно присвистнул. За оставшиеся пять часов предстояло протропить почти десять километров по снежной целине. А потом в бой. И даже если штурм пройдет гладко — вряд ли немцы здесь, в тылу, ожидают нападения регулярных частей, — то уж очухаются-то они быстро. И сколько придется держаться до подхода наших — знает только бог и товарищ Сталин. Впрочем, насчет второго старший сержант Лемехов, снайпер двести первой воздушно-десантной бригады, бывший командир заставы Брестского погранотряда, разжалованный в рядовые и вновь дослужившийся за какой-то месяц до старшего сержанта, был не вполне уверен. Хотя, какая разница?

Ночью как следует подморозило, казалось, все проблемы со снабжением остались позади. Но эта проклятая страна не исчерпала своего коварства. Грязь схватило льдом, на уклонах образовались настоящие ледяные горки. Танки буксовали в снегу, пробираясь по обочинам. Машины второй танковой группы, ныне — второй же танковой армии, шли на север. Тула оказалась в полукольце, оставалось всего одно-единственное усилие — и этот город-арсенал будет сначала отрезан, а затем и занят.

— Герр генерал-полковник! — Подбежавший майор-танкист мерз в своей куртке. — Герр генерал, дальше нельзя. Русская артиллерия ведет обстрел.

— Не беспокойтесь, майор. Я не собираюсь вести танки в атаку лично... если в этом не будет необходимости. Что там?

— Мы перерезали железную дорогу Тула — Узловая. Сейчас ожидаем заправщики, чтобы продолжать наступление на Сталиногорск.

— Русские?

— Ведут артобстрел, но не слишком интенсивный. Передвижений войск не замечено. Захвачены пленные, прибытие новых частей не подтверждают.

— Как вы находите их?

— Все так же, герр генерал. Они достаточно стойкие... До тех пор, пока против них не сосредоточены подавляющие силы. Впрочем, даже в такой ситуации они теперь отходят в полном порядке.

— Да, они быстро учатся.

— Так точно, герр генерал. Разрешите задать вопрос?

— Спрашивайте, майор.

— Что с зимним снабжением? Господин генерал, ситуация ухудшается. Наши солдаты мерзнут без зимнего обмундирования. Наша техника с большим трудом заводится на морозе. Боже праведный, да мы вынуждены на ночь сливать из радиаторов воду, чтобы их не разорвало к дьяволу.

— В ближайшее время вы получите необходимое снабжение, майор.

«Проклятье! Если бы это было так!» — Гудериан уже устал бомбардировать ОКХ, ОКБ лично фюрера своими требованиями о теплой зимней форме, зимней смазке, антифризе, окопных печках... О сотнях или даже тысячах мелочей, необходимых для войны зимой. Но тыловым крысам застили глаза снимки с Воробьевых гор — башни Кремля (уже большей частью разрушенные артиллерией, разумеется), панорама кварталов... Кто мог знать, что русские вцепятся в каждую избу, в каждый цех, каждую рошу... Точнее, кто из *тыловиков* мог знать это?!

— Это был ваш единственный вопрос, майор?

— Так точно, герр генерал!

— Отлично. Где командир?

— Генерал-майор Брайт на НП, герр генерал. Разрешите проводить? Только придется пройти пешком. Машинам трудно подняться — лед.

Снега было не очень много — сантиметров тридцать. Они поднялись по склону, по протоптанной сотнями армейских сапог тропке. В небольшой рошце был оборудован наблюдательный пункт, стояли палатки, несколько штабных вездеходов. Майор провел Гудериана к одной из ощерившихся антеннами машин.

— Герр генерал-полковник!

— Здравствуйте, Брайт! Вам все равно не удастся щелкнуть каблуками в этом чертовом снегу, — оба засмеялись, — но, по крайней мере, после разгрома русских можно будет поиграть в снежки.

— Увы, я не особо верю, что нам удастся покончить с ними до весны.

— Я тоже.

— Ну что же, если медведя не получается съесть сразу — придется есть его кусочек за кусочком. Только сначала нужно поразить его в сердце.

— Вот об этом-то я и хотел с вами поговорить, Брайт. Насколько прочна ваша рогатина?

— Она слегка потрескивает на морозе, — опять этот мороз! — но достаточно прочна для того, чтобы пробить медведю шкуру. У меня осталось сорок пять танков, включая три трофейных русских «Т-34». Берем пример с соседей — генерал невесело усмехнулся, — «Великая Германия», как и все СС, вынуждены использовать русские танки достаточно широко. Мы даже посылали к ним людей обмениваться опытом.

— И какого мнения ваши люди о русских танках в деле?

— У них есть три достоинства, герр генерал-полковник, все остальное — недостатки.

— И что же это за достоинства? По вашему мнению?

— Мощная пушка, прочная броня и широкие гусеницы.

— Хм. Всего-то. Впрочем, я вас понимаю.

— Это действительно хорошая заготовка для танка — но это не танк Обзор, оптика, радиооборудование — все это ниже всякой критики. Двигатель и трансмиссия, кстати, заметно улучшились с августа. Впрочем, главный недостаток русских танков — это русские экипажи и, что еще важнее, русское командование.

— Они все так же плохи?

— Они учатся, герр генерал. Быстро учатся. И экипажи, и командование. Пожалуй, командование учится даже быстрее. И если мы не покончим с ними за год...

— Значит, придется добивать их сейчас, причем быстро. Поэтому не будем терять времени. Покажите мне их оборону.

— Пройдемте на НП, герр генерал.

Передний край русских просматривался плохо, маскироваться они умели всегда, а зимой — особенно. Без пояснений майора — весьма, надо сказать, четких и толковых, разобраться было бы сложно. Русские опорные пункты были достаточно подробно нанесены на карту. Прорвать оборону было трудно, но, как считал Брайт, возможно. Вопрос тщательной подготовки и концентрации усилий. Генерал был уверен в успехе. За спиной послышался торопливый скрип снега — от радиостанции бежал адъютант.

— Герр генерал-полковник! Прошу вас пройти к машине. Русские нанесли мощный удар по флангам третьей и четвертой танковых армий! Генерал-фельдмаршал фон Бок полагает ситуацию критической!

При двухстах орудиях на километр фронта о противнике не запрашивают и не докладывают.

Доклаживают о достижении намеченных рубежей и запрашивают о дальнейших задачах.

А.М. Василевский

... Откуда командование взяло эту цифру — двести орудий на километр фронта, майор Джугашвили не знал. Но артиллерию отщипывали по кусочкам отовсюду, откуда могли, везли ночами, с драконовскими предосторожностями, прятали по лесам и перелескам. Леса и рощи были величайшим сокровищем, за которое насмерть дрались артиллеристы, танкисты, пехота. И, кажется, не зря.

Артиллерийский налет оказался для противников полной неожиданностью. Взлетающие в воздух бревна ДЗОТов и блиндажей, разлетающиеся колеса грузовиков и телег, засыпаемые заживо в окопах солдаты — все это было только прелюдией. Скинувшие телогрейки артиллеристы таскали снаряды как заводные. От горячих гимнастеров шел пар, редкие снежинки таяли, не успев долететь до согнутых спин. Когда не осталось ни сил у подносчиков, ни снарядов в ровиках, сзади раздался страшный, никогда не слыханный ранее ни своими, ни немцами скрежет.

В километре справа и сзади другой майор, Флеров, смотрел на часы. Уханье гаубиц справа и слева подбадривало пехоту, но профессиональный артиллерист понимал, что этого мало, мало. Немцы окопались качественно, так, как им не приходилось окапываться с восемнадцатого года. Майора бил мандраж. Его полк еще не принимал участия в бою, даже под Оршей его первую батарею внезапно отозвали с боевых позиций. Затем — вызов в Москву, Кремль, сам Сталин. «Мы, товарищ Флеров, очень рассчитываем на вас. Вы уж нас не подведите...» Подводить товарища Сталина не хотелось совершенно. И закрутилось. Лихорадочное развертывание сразу в полк, минуя дивизион. Учебные стрельбы, тренировки. Перезарядку установки его бойцы теперь проводили с закрытыми глазами за время, втрое меньшее первоначальных нормативов. Флеров понимал, что все это — ради нескольких минут вот этого залпа. И если этот залп не даст нужного эффекта... Хуже всего, что успех зависел не только от него, но и от тех, кто проектировал и производил установки, которые через пятнадцать минут должны были впервые вступить в дело.

Канонада замолкла, красные хвосты сигнальных ракет устремились в небеса за туманной рощей. Еле слышный вой, доносящийся с севера, для поднимающихся сейчас в атаку батальонов был громовым «ура». Но здесь, в двух километрах от передовой он был слабым, уязвимым эхом, которое уже рвал на части треск очередей уцелевших при артподготовке немецких пулеметов.

Майор следил за секундной стрелкой. Словно следуя ее движению, все новые и новые очереди рвали слабый отголосок — немцы вылезали из полузасыпанных блиндажей, трясли головами, пытаясь вернуть слух, и припадали к прицелам, выцеливая бегущие на них фигурки в рыжих шинелях. Стрелка коснулась цифры «12», майор выдохнул застоявшийся за последнюю минуту в легких воздух и сказал простое и даже, вроде бы, обыденное для

военных слово: «Огонь». Одновременно с этим впереди поднялся еще один рой ракет, на этот раз — черного дыма. Там, впереди, с внутренним облегчением подчинившись команде, передовые батальоны залегли, уткнувшись лицами в сухой снег. А из-за спины майора, справа и слева, с оглушительным воем и шипением взмыли в небо огненные стрелы. Первый гвардейский минометный полк дал первый боевой залп в своей истории. Подивизионно: первый дивизион — двенадцать машин по двадцать четыре направляющих. Второй такой же — еще двести восемьдесят восемь «эрэсов» — реактивных снарядов, примерно соответствующих по могуществу стапятимиллиметровым снарядам немецкой гаубицы. Третий дивизион — на шасси артиллерийских тягачей — «Сталинцев», восемь по шестнадцать, сто двадцать восемь ракет. И через считанные минуты снова — первый и второй, успевшие перезарядить машины за рекордный промежуток времени. Третий дивизион также принял на направляющие очередной боекомплект, но огня не открыл. Да этого пока и не требовалось. Одна тысяча двести восемьдесят снарядов, рухнувших на передний край немцев меньше, чем за минуту, не могли бы просто выжечь дотла оборону. Все-таки общий вес залпа был для такого дела сравнительно небольшим. Но моральный эффект... Вновь поднявшиеся в атаку батальоны, с диким ревом преодолевшие разделяющее окопы пространство, вступили на черную от вывороченной почвы и гари землю. Между засыпанных окопов и отдельных фрагментов тел временами попадались раскачивающиеся в транше или безумно смеющиеся фигуры.

Рыжий фельдфебель с белыми глазами на закопченном до черноты лице опорожнял один магазин за другим в серое от дыма небо. Патроны кончились, и вслед за щелчком затвора стал слышен вопль: «Feuerteufels! Feuerteufels!». [\[16\]](#)

Вынести это зрелище было невозможно. Усатый старшина на бегу прошил немца короткой очередью из «ППШ». Тот завалился навзничь и замер с умиротворенным, счастливым лицом.

Вал пехоты следовал дальше, на флангах переваливались через брустверы окопов тяжелые «КВ», сопровождаемые бронированной мелочью, облепленной десантом.

За второй волной пехоты двигались хищные «тридцатьчетверки» — тоже с десантом на броне. Изредка то один, то другой танк останавливался, выпуская один-два снаряда по видимой только им цели. Впрочем, то было в основном так, для проформы. Сопротивление было парализовано огненным шквалом.

Машины полка, уже со снарядами на направляющих, медленно ползли вслед за валом наступающих войск. Бывшее шоссе, обезображенное воронками, все еще годилось для «ЗиСов», тем более что заблаговременно подтянутый отдельный дорожный батальон уже наспех засыпал образовавшиеся на дорожной насыпи воронки. За «ЗИСами» шли машины приданного автобата с дополнительными ракетами.

Во главе колонны и параллельно ей, справа и слева, двигались «тридцатьчетверки», еще чуть дальше — кавалерия, резерв атакующей армии. Пока им велено было держаться в тылу, оберегая заодно бесценные установки от всяческих случайностей.

Пыль и дым делали видимость у земли почти нулевой, смотреть следовало в оба. В полосе синего неба слева блеснули крылья. Немцы использовали каждую возможность задействовать свой авиационный козырь, благо еще — таких возможностей было мало. Несколько — десятка полтора, что ли — «Юнкерсов» пытались выйти на цель, но были перехвачены неполным полком на «ишаках». Очереди пулеметов с такого расстояния казались детскими трещотками. Выше шла своя свадьба — новые «ЛаГГи» и «Яки»

разбирались с прикрытием «худых». Несколько черных полос отмечали последний путь тех, кому не повезло. Кто кого — было неясно, но, по крайней мере, к вламывающемуся в глубь немецких позиций клину «лаптежники» не прорвались. В принципе, хватило бы одной бомбы — и фейерверк до неба был бы обеспечен. Но, видимо, фрицам было не до них — шестым чувством все ощущали, что паника во вражьих штабах та еще.

До второго огневого рубежа, рядом с хилой рощицей на бывшей нейтралке, добирались почти полчаса. Небритый младший лейтенант из пешей разведки встретил колонну сразу за линией наших окопов и всю недолгую дорогу до рощицы трясся на подножке головного «ЗиСа». Вдоль дороги сидели и курили группки саперов, кое-где рядышком был свален «улов» — противотанковые «тарелки» и маленькие ящички противопехотных мин.

На выбранном месте развернулись быстро, но затем дело застопорилось. Как всегда, тормозила связь. Наконец координаты были переданы, расчеты закончены. Бог войны — артиллерия, и сегодня именно он, майор Флеров, был Его Пророком. На крыльях взлетающих из-за его спины огненных змей на вторую линию обороны врага рушились смерть и безумие.

Наблюдая за валом огня и дыма, закрывшим горизонт в четырех километрах южнее, части немецкой второй линии уже были немного деморализованы. А когда, обогнав русские танки всего на пятнадцать минут, примчался на «Цундапе» обожженный лейтенант, орущий что-то совсем невообразимое, безотказный солдатский телеграф молниеносно привел окопную публику в состояние тягостного ожидания. Надо сказать, ненадолго. Так что огненные зерна упали на хорошо подготовленную и унавоженную страхом почву. Местами — унавоженную в буквальном смысле.

Ноябрь 1941 года стал началом звездного часа советских танковых войск. Накопленный в период отступлений и неудачных попыток контрударов опыт командиров, длительные тренировки экипажей и доведенная, наконец, до требуемых показателей надежность сплелись воедино, предоставив Советскому командованию грозное оружие, способное на равных противостоять немецким танковым клиньям.

Д. Пелед. «Красная Броня». Латрун, 1960

Давида бросало на водительском месте взад-вперед, артиллерия поработала на совесть. Здесь их не ждали — то ли немцы забыли, что зимой реки и прочие водоемы имеют свойство замерзать, то ли они двигались достаточно быстро — но сопротивление было не по-немецки малоубедительным. Справа между вздыбленных бревен капонира мелькнула разметавшая колеса противотанковая пушка, вокруг, раскиданные попаданием гаубичного снаряда, валялись останки расчета. Под еле слышное за прочими звуками завывание электромотора башня поехала вправо. «Короткая!» — Давид плавно тормознул, грянул выстрел, и без дополнительной команды танк снова рванулся вперед. Впереди, на линии окопов мелькали огоньки винтовок и пулеметов. Не задерживаясь, танк перевалил траншею и рванулся дальше. По броне застучало — может, какой ошалевший немец садит из пулемета, а может, кто-то из сзади идущих снял с брони особо борзого фрица с теллерминой.^[17] Ну и краску попутно попортил спасаемому товарищу, не без того. Насколько можно было разобрать из невнятицы в шлемофоне, потерь пока не было.

Линия окопов осталась позади, слева показалась колонна кавалерии — кони продирались через глубокий снег, мотали головами, но несли седоков параллельно лавине «тридцатьчетверок».

Через полчаса стремительной гонки полная везуха кончилась: то ли черт занес в попавшуюся на пути деревеньку немецкую часть, то ли они тут давно сидели — но идущая справа «тридцатьчетверка» дернулась и встала, получив в бок что-то достаточно крупное с полукилометра. Танки развернули башни, засыпая околицу снарядами, но командирский голос в рациях гнал железное стадо вперед — деревенькой займутся другие, ваша задача впереди. Еще один танк задымил, но остальные вышли из-под обстрела, продолжая рывок.

К цели первого дня наступления вышли только вечером. Поселок невелик, но по зимнему морозу немцы без гарнизона оставить ее не могли никак. Так что бригаду «тридцатьчетверок» придержали до подхода батальона усиления на «КВ», лыжного полка и реактивных установок в поддержку.

Пока следовавшие на марше за танками «Катюши» разворачивались, танкисты успели покурить по кучкам и обменяться впечатлениями. Зрелище разгрома, отмечающего путь ударной армии, согревало душу, одновременно наполняя ее веселой злостью. «Совсем, уроды, матчасть не учат. На арапа взять хотели. Книжки умные почитали б, что ли... Коленкура там... Про наполеоновский поход!» — Комвзвода Кошкин был в мирное время

школьным учителем где-то под Мурманском. Мужик был правильный, бывший кавалерист, а впечатление такое, что в танковой башне родился. Начитан был до невозможности. Догрызая сухпай, дружно пришли к выводу, что Гитлеру остров Святой Елены не светит. Два квадратных дециметра под осиновый кол в центре Берлина всегда найти можно. Город большой, Европа, блин.

Давид щенячьего оптимизма товарищей не разделял, но пока все шло достаточно гладко...

Сержант Фофанов остановил переоборудованный тягач, не доходя пару сотен метров до жидкой рошцы, и опустил на стекла бронешитки, после чего выскочил из машины. Во-первых, находиться в кабине во время залпа — сомнительное удовольствие, а во-вторых, при перезарядке ни одна пара рук, тем более таких здоровенных, лишней не будет. Расчет рассеялся на безопасном расстоянии, командир установки, поколдовав с маховичками, полез в кабину. «Лучше вы, товарищ командир, чем я». Фигура на правом фланге строя «Сталинцев» махнула флажком, полтора десятка рук повернули ручки коммутаторов. Казалось, машины присели, выплевывая в небо ракеты. Это, конечно, было, иллюзией, как и то, что в пяти километрах, на окраине огрызающейся деревеньки, разверзся настоящий ад. Пехота второго эшелона, «чистильщики», поднималась в атаку еще два раза, и раз пришлось перезаряжать установки и накрывать деревеньку огнем, прежде чем фигуры в белых халатах ворвались на окраину.

Два залпа с одной позиции, конечно, риск — но погода, как на заказ, действиям авиации не способствовала. Сворачивались, на всякий случай, быстро, в темпе вальса. Танки головной бригады ушли вперед, полк, сопровождаемый десятком трофейных «ганомагов», потеснил пехоту на обочину относительно целой дороги.

Пехтура с завистью поглядывала на трофейные полугусеничники — но им ничего не светило. Машины были по обрез бортов нагружены ракетами и еще пара несла что-то счетверено-крупнокалиберное. Зенитное прикрытие было, конечно, хиленьким, но больше выделить просто не смогли. И так, видимо, трофеи со всего фронта подбросили.

Ничего, ребята. Мы своим огнем сбережем ваши шкуры понадежнее, чем миллиметры брони. Хватило бы ракет.

Лучшее средство ПВО — наши танки на аэродроме противника.

Автор неизвестен

Танки шли по звенящей от внезапно наступивших морозов, чуть припорошенной снегом земле. Когда-то это было дорогой, за всю прошедшую осень сновавшие туда-сюда машины — сначала наши, потом немецкие, превратили вполне приличное «в среднем по больнице» шоссе в реку грязи. Потом грязевые волны выстудило, и танки раскачивались на них, как лодки на перекате. Десантники держались за обжигающие руки ледяные скобы, стараясь не сверзиться под траки следующей машины. Кое-кто прихватился ремнями и дремал. Конники из приданного кавполка тоже, похоже, дрыхли прямо в седлах. Солдат умеет спать в любом положении, если по нему не стреляют.

Стрелять было некому. Не ожидавшие подобного нахальства от истекающих кровью в кварталах собственной столицы большевиков, немцы проморгали удар под Молодями и позволили танковой бригаде и кавалеристам уже на второй день наступления прорваться в глубокий тыл. Сейчас колонна шла пустошами и проселками между железкой и рокадой, по которой немцы лихорадочно стягивали к участку прорыва снимаемые из Москвы и с других участков фронта резервы. Калужское шоссе форсировали с ходу, чему немало поспособствовали шедший в голове трофейный «Pz-III», захваченный командиром бригады ради лучшего обзора и связи. По крайней мере, раньше, чем пост на перекрестке успел разглядеть на бортовой броне красные звезды, десант «привел к молчанию» и пост, и караулку. Наро-Фоминск обошли с востока, попутно разнеся в хлам немецкий ремонтный поезд, занимавшийся не тем делом, не в том месте и не в то время. Идеально было бы обойтись без шума — но время уже поджимало. До утра оставалось всего ничего.

Давид до рези в глазах пялился в люк, ловя обветренным лицом весь снег, который успело накопить небо. Колонна повернула на запад и шла по известной только комбригу, прослужившему на полигоне в Кубинке как бы не десяток лет, просеке. Внезапно ритм движения сломался, мимо проплыли замыкающие танки первого батальона бригады, сдавшие влево и дожидаящиеся остальных. Повинуясь взмаху фонарика, Давид тоже затормозил. Командир грохнул каблуками по броне и побежал в голову колонны. Третий батальон проходил справа, ревя и воняя дизелями. Стрелок-радист, извернувшись, ткнул Давида кулаком в бок. Говорить было трудно — полсотни с гаком моторов, пусть и крутящихся на холостых, забивали все звуки внутри железной коробки.

— Я что заметил, — орал стрелок, — смотри, остальные бригады как? Первый батальон — на «КВ» или «тридцатьчетверках», остальные — легкие, так?

— Ну?

— А у нас — только «немка» командирская, остальные все «красавицы», — откуда взялось это слово применительно к почти тридцатитонной махине танка, никто не знал, но на языке прижилось. Правда, «старики», успевшие хлебнуть лиха, предпочитали настороженное «примадонна».

— Выпуск развернули? Вот и хватает на всех теперь.

— Не, шестьдесят вторая тоже нового формирования, а у нее два батальона на БТ. Что-

то нашу бригаду откормили. Не к добру.

— А ты-то что жалуешься? Мы во втором, так что радуйся. Не на бэтэхе за жестяной сидишь, а за нормальной броней в нормальном танке.

— То-то оно то. Да только нормальную броню сверх штата по нынешним временам просто так не дают. Отработать надо.

— А и отработаем. Даром, что ли, в самое гнездо пришли. О, глянь!

В просветах между известково-белыми танками на фоне темного леса скользили призрачные фигуры конников. Им навстречу из вяло падающего снега, после остановки как по волшебству ставшего мягким и пушистым, появились несколько фигур в черных танковых комбинезонах. Командир Давидовой «тридцатьчетверки» запрыгнул на лобовой лист, уцепился за пушку и влетел в башенный люк: «Мы идем к аэродрому. Первый и третий атакуют поселок и станцию, — буркнул он, едва подключив колодку ТПУ, — говорят, туда пикировщиков нагнали. Есть шанс поквитаться». — Вот это дело! — «Батя приказал сыграть под немцев. Идем колонной, не скрываясь. Фары зажечь!» Колонна осветилась огнями фар, десант морщился от слепящего глаза света. Над передней машиной взметнулись флажки, кто-то из ее десанта запрыгнул обратно на броню (отливал, шельмец), и колонна тронулась, оставляя первый и третий батальон за спиной.

На аэродроме Кубинка царил предзвездный сумрак. Аэродром был полностью готов к работе. Саперы оттащили в сторонку обломки взорванных русскими при отступлении плит, воронки засыпали гравием и крошкой и залили бетоном. Стоящие крыло к крылу транспортники и перелетевшие три дня назад на аэродром пикировщики 8-го авиакорпуса прогревали моторы. Русские воспользовались плохой погодой и нанесли удары по флангам московской группировки вермахта, почти не встречая сопротивления со стороны немецкой авиации. Но сегодня все изменится — синоптики обещали скорое прекращение снегопада. Пилот выпил свой ежеутренний, почти ритуальный стакан молока и перемигнулся со стрелком. Жалко, что пока не удастся слетать на Кремль — но Кремль никуда не денется. Сначала остановим вклинившиеся в германскую оборону большевиков, а потом добьем их в самом их логове. Интересно, Сталин еще в Кремле? Или сбежал в Сибирь? Ничего, не сбежал, так побежит.

В привычный звон моторов «штук» вмешался какой-то чуть более грубый тон, напоминающий рычание. Пилот со стрелком переглянулись и вышли посмотреть. За мягкой стеной снежинок в темноте двигались яркие огни. В рычание моторов вплетался лязг гусениц. Часовой у шлагбаума бросился наперерез колонне, размахивая руками, его проклятий заблудившимся танкистам не было слышно за ревом и лязгом. Головной танк и не подумал останавливаться. Стальной монстр снес бронированную грудь шлагбаума, с кормы прозвучала первая очередь — и отпрыгнувший было в сторону часовой сложился, падая в снег. С несущихся обезумевшим стадом туш спрыгивали белые признаки, стреляя на бегу. Пилот вышел из ступора, дернул стрелка за руку, увлекая того под прикрытие стен. До самолета было метров двести, техники прогревают двигатель, так что можно успеть прорваться.

Грохнула пушка, и стоящая в окопчике неподалеку зенитка подпрыгнула, завалившись набок. Давид, не закрывая люка, чуть повернул и проехался по гнезду счетверенного автомата. Стрелок орал, поливая из «ДТ» стоящие рядом самолеты, над ухом бухала пушка,

щедро рассылая трехдюймовую смерть. Танки кружили по полю жутким балетом. Кому-то не повезло, закопченная «тридцатьчетверка» нелепо развернулась поперек полосы, изрыгая черный соляровый дым, рядом факелом догорал кто-то из экипажа. Заныл электромотор, башня поворачивалась в поисках опасности. Судя по вздыбленной корме, снаряд прилетел справа. Давид, не дожидаясь команды, рванул рычаг. Вовремя. Тяжелый снаряд прошил воздух в каком-то полуметре, и тут же звонко шарахнули сразу несколько танковых орудий, приведя к молчанию еще одну зенитку.

Кто-то из летчиков то ли сидел в кабинах с самого начала, то ли прорвался к самолетам через этот страшный броневой вальс. Один «Юнкерс» дрогнул и, вынося вперед левое крыло, начал выкатываться из строя с явным намерением взлететь. «На таран!!!» — Давид с изумлением понял, что хрип в наушниках шлемофона — его собственный вопль, а руки уже бросили тяжелую машину в лоб пикировщику. В споре танка и самолета на земле танк всегда прав, это его жизнь, его стихия — стремительным рывком прорваться к мягкому, нежному где-нибудь в тылу и грубой правдой брони превратить его в сломанное и неопасное. Винт «Юнкерса» рубанул по броне, оглушив звоном весь экипаж, срывая закрепленные на броне инструменты и ящики с ЗИПом. Потом скошенный нос танка поддел крыло самолета, перевалив его через себя, опрокинув набок. Железное самбо. «Бей их всех!» — Давид повернул и пошел вдоль шеренги самолетов, сминая мягкие хвосты в алюминиевый хлам. Белые тени десанта слетались к казармам и служебным постройкам, трещали «ППШ» и «ДП», щелкали карабины. Фыркнул огнемет, и из здания штаба послышался многоголосый ор, заглушающий рев дизелей и заполошную стрельбу.

В кабине сложенного набок пикировщика добежавший-таки до своего самолета пилот лихорадочно пытался вытащить зажатую смятой стенкой кабины ногу. Из скомканного бака вытекал бензин, кругом все горело и взрывалось. Массивные тени проносились взад-вперед, доламывая то, что в спешке или по недосмотру пропустили. Чьи-то грубые руки выдернули пилота из кабины, протащили метров десять, бросили на снег. В затылок уперся ствол. Пилот скосил глаза и увидел совсем рядом, сантиметрах в тридцати, приминаемую огромными катками опасно блестящую ленту траков. До конца своей жизни пилот «штуки» возненавидел русские танки, которые сейчас уходили, уходили, уходили дальше на север.

*И сказал Господь — Эй, ключари!
Отворяйте ворота в сад!
Команду даю — от зари до зари
В рай пропускать десант!*

М. Анчаров. «Баллада о парашютах»

Гореть в деревне было уже нечему. Закопченные остовы печей укоризненно тянули пальцы труб к небесам. Лемехов пробежал по открытому в плотном снегу ходу сообщения (вгрызться в промерзшую землю было невозможно) к устроенной в развалинах одного из домов огневой точке. Трофейный «МГ» прятал дырчатый ствол в щели между бревен, выглядывая на белой равнине своих недавних хозяев.

— Как дела, Слава?

— Нормально, командир. Патроны есть пока, спасибо фрицам, — пулеметчик кивнул на тянущуюся правее страшноватую баррикаду из заледеневших трупов в серых шинелях, нимало не смущаясь соседством, — на пару атак хватит.

— Что немцы?

— Пока сидят в роще, носа не высовывают. Одно не в радость — вроде моторы у них там подвывали. Как бы по нам танками не проехались. Сбегали бы вы к партизанам, хоть какая — а все же артиллерия.

— Где вы слышали моторы? — Лемехов сразу помрачнел. Танки — это серьезно, десант танки, когда они по ту сторону стволов, не любит совершенно.

— Роща справа тридцать. Точнее сказать не могу.

— Хорошо. Благодарю за службу, красноармеец Иванченко. — Тот не ответил, прикинув к прицелу. Лемехов, не обращая внимания на нарушение субординации, пригнулся и побежал дальше. Трофейная противотанковая пушечка укрывалась за ледяным бруствером, чуть в сторонке от домов. Трое партизан — в полушубках, в армейских шапках со звездочками, привалились к брустверу, дымили трофейными же, оставшимися от бывшего гарнизона, сигаретами. На новость о танках отреагировали спокойно. Танки так танки, для того, мол, здесь и стоим. Сектор обстрела подходящий, снаряды в наличии. Не беспокойтесь, товарищ командир.

Мишка Анчар со своим «ДП» лежал за чудом уцелевшей жердевой оградой. Не сказал ни слова, одновременно показав большой палец и оскаленные в шпанистой улыбке зубы.

Обежав позиции батальона — хотя какой уж там батальон, максимум рота осталась, старший сержант спустился в погреб, оборудованный под лазарет. Раненых было мало — после первого боя ночью кого-то увезли на лошадях партизаны, а иные умерли.

— Как комбат?

— Плохо, товарищ старший сержант. Бредит.

— А Васильев?

— Помер Васильев. Так что вы теперь, товарищ старший сержант, командир батальона и есть. Больше некому.

Серия минометных разрывов прошла по пепелищу, вздымая снежные фонтаны, сажу и щепки. Кто-то заорал страшно, затем умолк. Под аккомпанемент взрывов из рошницы показались серые фигуры, нетяжело продвигающиеся по пояс в снегу. Иванченко повел стволом, примериваясь и выжидая.

Очередной разрыв пришелся прямо на кирпичях разваленной до основания печи справа-сзади. Осколки вжикнули, впиваясь в ноги и спину, голова в парашютном шлеме уткнулась в казенник, короткая очередь ушла вверх, сбив снег с верхушек сосен.

Идущий к деревне большак изрядно подзавалило, однако глубина снежного покрова все-таки была не той, что на полях вокруг. Узкие гусеницы плохо цепляли грунт, так что отмеченные крестами машины могли двигаться только по дороге. Шесть «двушек» и «единичка» — несерьезно по фронтовым меркам, но для истекающего кровью батальона десанта, сведенного за два дня и три ночи боев до неполной роты — более чем достаточно.

В ледяном редуте артиллерист-окруженец, а ныне партизан отряда Вялого, повидавший за четыре с гаком месяца войны значительно больше, чем хотелось бы, прильнул к прицелу. Головная «двушка» повела башней, очередь прошла по равнине с недолетом, вздымая фонтанчики снега. Дорога слегка изгибалась, обходя деревенский погост. Танк крутанулся на гусенице, следуя изгибу колеи, подставляя борт. Артиллерист криво усмехнулся, выжимая кнопку спуска. Бронебойный снаряд трофейной пушки пробил соплеменную броню, заклинив мотор. Второй вошел в бок не успевшей развернуться башни, послышался треск рвущихся внутри снарядов.

Выучка немецких танкистов поражала, реакция была мгновенной. Второй в колонне танк ушел вправо, третий — влево. Буксуя, ревя перегруженными моторами, машины с крестами разворачивались фронтом, охватывая позиции русских. Третий снаряд отрикошетил от лобовой брони танка, и сразу несколько пушек и пулеметов прошли по ледяному брустверу. Наводчика отшвырнуло, сломанной куклой бросило на снег.

По целине танки шли значительно медленнее, часто пробуксовывали, ерзали вперед-назад. Приотставшая было пехота подтянулась, сгруппировалась за броней. Со стороны деревни стучали редкие очереди.

Лемехов, пристроившись за присыпанным снегом бревном, выжидал. Все приказы розданы, да и перемещаться по обороняемой десантниками деревне под градом пуль и снарядов было невозможно. Откуда-то слева звонко бухнуло «ПТР», росчерк рикошета заставил танки остановиться. Пушки и пулеметы шевелились, посылая короткие очереди в сторону его десантников. Ясно — сейчас на зачистку пойдет пехота. Точно. Лемехов выцелил машущую пистолетом фигуру, мягко потянул за спуск.

Офицер сложился. Ствол переместился вправо, но он опоздал — длинная очередь из «дегтяря» уложила и вторую фигуру в высокой фуражке, и несколько немцев рядом с ним. Надо же, выжил зубоскал. Пехота залегла, танки опять двинулись вперед. «ПТР» выстрелило еще пару раз, безуспешно — и замолкло. «Единичка» вырвалась вперед, на зажатую между двух пепелищ улицу. Фыркнул огнемет, танкетка вспыхнула и, горя, врезалась в печной остов, обрушив его на себя. Очередь двадцатимиллиметровки прошла по позиции огнеметчика, с неясным результатом. Лемехов отложил винтовку, потянул заготовленную связку гранат. Метров тридцать еще...

— Короткая! — Давид рванул рычаги на себя, «тридцатьчетверка» клюнула носом и остановилась. Пушка рывкнула, звякнула падающая в брезентовый мешок гильза. Серая

угловатая коробка на белом снегу пынула бледным бензиновым пламенем. Танки рассыпались веером, пропахивая глубокие борозды в целине. За лесом тоже грохотало — там попали под раздачу минометчики и еще кто-то случайно подвернувшийся. Двадцать минут грохота схватки — и тишина. Из развалин, из-за черных остовов печей, из ледяных редутов на флангах поднимались фигуры в бело-черных (от копоти) маскхалатах, ошалелыми глазами смотрели на проносящуюся мимо свою — свою! — броню. На колонну лыжников, огибающую пепелище с запада, на сбившихся в небольшую кучку немцев с поднятыми руками.

И уж совсем изумленно смотрели они на конную лаву, вырвавшуюся из леса с другой стороны снежного поля и с криком «ура» летевшую навстречу танкам.

В последний час.

Успешное наступление наших войск в районе столицы нашей Родины — города Москвы.

На днях наши войска, расположенные на подступах Москвы, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Москвы. Прорвав оборонительную линию противника протяжением 20 километров на северо-западе (в районе Крюкова), а на юге от Москвы — протяжением 30 километров в районе Молоди, наши войска за три дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на 60–70 километров. Нашими войсками заняты гор. Истра, станция Кубинка, станция и город Наро-Фоминск. Таким образом, все железные дороги, снабжающие войска противника, расположенные на подступах к Москве, оказались прерванными.

Сообщение Совинформбюро от 11 ноября 1941 года

— Значит, соединились. Поздравляю, товарищ Рокоссовский. Сколько немцев в кольце?

— Почти все, что осталось от третьей и четвертой танковых групп, плюс пехотные части. По нашим оценкам, примерно триста тысяч солдат и офицеров.

— Впечатляет. Такого, как мне кажется, еще не случилось... С немцами. Вы уверены, что сможете удержать кольцо окружения?

— В этом я не могу быть уверен, товарищ Сталин. Опыта все-таки маловато, — главнокомандующий кивнул. — Но мы делаем все возможное. Сейчас танковые соединения продвигаются вперед, вынося внешний фронт окружения подальше, а пехотные части отжимают немцев внутрь, к востоку — в тех же целях.

— Что Гудериан?

— Ушел, подлец. Не успел зарваться, — с некоторым даже сожалением сказал Рокоссовский, — одним рывком выдернул свои танки из-под Тулы. Не иначе, не сегодня-завтра начнет взламывать кольцо снаружи. Правда, южной группировке жаловаться грех, полторы сотни километров прошли почти без сопротивления. Курск и Орел взяли, как немцы осенью, — с ходу. И линия фронта на южном участке нравится мне теперь гораздо больше.

— Да вы, товарищ Рокоссовский, прямо художник. «Нравится». Хм. Вернемся к попыткам немцев прорвать кольцо.

— Я уверен в их неизбежности. По расчетам штаба, удар состоится уже завтра. Вероятно, в секторе от Серпухова до Малоярославца. Но возможен также Можайск Вскрыты намерения немцев досконально разведке пока не удастся. Главная проблема в том, что у нас осталось очень мало танков, а противотанковые части мы подтянуть не успеваем. И если немцы нанесут скоординированный удар извне и изнутри...

— Мы никоим образом не собираемся вмешиваться в ваши решения, товарищ

Рокоссовский, — деликатный Сталин! Что происходит в этом мире?! — но мы рекомендуем вам учесть не только военные, но и политические факторы. Есть мнение, — Сталин смотрел на карту с неким сомнением, как будто не до конца верил нанесенной обстановке, — мнение, да... Что для Гитлера — да, именно для Гитлера, оставление немцами той части Москвы, которую им удалось занять, будет серьезным политическим поражением. Они широко оповестили весь мир, что Москва ими уже занята. Так?

— Так, товарищ Сталин.

— А если немцы нанесут встречный удар — они будут вынуждены оставить занимаемые позиции. Так?

— Так точно.

— И их генералы это понимают. И, полагаю, они также понимают, что, удерживая уже занятую ими часть города, они не смогут собрать достаточно сил для встречного удара. Думаю, что генералы, основываясь на положениях стратегии, будут проталкивать идею встречного прорыва. А вот Гитлер — Гитлер, есть такое подозрение, это им запретит. Уже из соображений политики. Чем очень осложнит им жизнь. Согласны?

— Согласен, товарищ Сталин. Но...

— Но?

— Но я бы не исключал такую возможность.

— Хм. Тогда прошу учесть еще один фактор. Товарищ Сталин несколько отличается от господина Гитлера. Товарищ Сталин понимает, что всякая наука, в том числе и военная, имеет свои непреложные законы. И если эти законы требуют учитывать вероятность встречного удара немцев из кольца — товарищ Сталин не будет уподобляться господину Гитлеру и ставить генералам палки в колеса. От вас требуется одно — разгромить немцев так, чтобы не просто отогнать их от Москвы. Ваша задача в том, чтобы подорвать силы немецкой армии. Чтобы лишить их возможности вести активные операции минимум до следующего лета. Вот что является целью вашей операции, товарищ Рокоссовский. И отвечать за нее вам.

Гальдер чувствовал себя препаршиво. Отдуться пришлось одному. Гудериан остался в войсках — предпочел русский мороз ледяному тону фюрера. И правильно сделал.

— Меня не устраивает продвижение по два-три километра в сутки! Совершенно не устраивает! Такими темпами Гудериан пробьется к окруженным войскам через два месяца! Это совершенно неприемлемо. Уже сейчас, пользуясь затруднительным положением оказавшихся в кольце войск, большевики оттесняют наши части от важнейших точек города.

— Мой фюрер! Низкие темпы продвижения объясняются совершенно объективными причинами. Русские перебросили под Москву свежие силы, наши части страдают от недостатка снабжения и отсутствия зимнего снаряжения.

— Эти отговорки я слышу уже давно! Я приказал отправить зимнее обмундирование в войска еще в сентябре! А окопные печки? Я лично одобрил их конструкцию и приказал развернуть производство! Только не говорите, что войска их до сих пор не получили!

Не говорить, так не говорить. Когда фюрер входил в раж, аргументы становились бесполезными. Что толку от наскоро собранных, причем в недостаточном количестве, шинелей и канистр с антифризом, если они так и лежат на варшавских складах из-за перегрузки железных дорог спешно перебрасываемыми подкреплениями, топливом и боеприпасами?

— Мой фюрер! Солдаты вермахта делают все возможное и невозможное. Однако соотношение сил крайне неблагоприятно. Сил одной танковой армии Гудериана явно недостаточно. Я еще раз прошу вашего разрешения на встречный прорыв кампфгруппы Гота из кольца окружения!

— Не разрешаю. Мы не можем оставить Москву. Это будет грандиозным поражением германского оружия. Мы не можем допустить этого. Какие части мы можем перебросить в помощь Гудериану?

— Практически никаких, мой фюрер. Линия фронта, — указка Гальдера прошла по гигантской дуге, прихотливо выгнутой к востоку, — сковывает огромное количество войск. Впрочем, как наших, так и русских. Кроме того, операции против Ленинграда и Киева требуют большого количества сил.

— Прекращайте эти операции. Я приказываю. Судьба Германии сейчас решается под Москвой и только под Москвой. Все танковые и мотопехотные части, всю артиллерию, кроме необходимой для удержания фронта, — перебрасывайте к Москве. Румынские, итальянские, венгерские части используйте для замены германских войск на спокойных участках фронта. Я поручу Риббентропу договориться с союзниками.

Фюрер вновь был воодушевлен, простые решения трудных вопросов вводили его в экстаз. Он снова был прав, он покажет этим задравшим нос генералом, что значит быть вождем нации, величайшим полководцем мира, ведущим германскую нацию к сияющим вершинам могущества.

— Рейхсмаршал! Немедленно перебрасывайте к Москве максимум авиации. Как ударной, так и транспортной. Все остальные участки фронта подождут, Роммель... Роммель тоже подождет. Москва сейчас важнее Каира и Суэца. Наши войска в кольце врагов не должны испытывать недостатка ни в чем — ни в боеприпасах, ни в снаряжении. Гальдер! Сообщите люфтваффе суточную потребность войск в предметах снабжения. Я приказываю люфтваффе обеспечить все заявки ОКХ в полном объеме.

Геринг важно кивнул. Он был уверен в успехе.

— Гальдер! Когда вы сможете перебросить под Москву танковую армию фон Клейста?

— Первые части начнут прибывать в район Можайска через две недели, двадцать шестого — двадцать седьмого ноября. Полагаю, мы сможем начать наступление через сутки после их прибытия.

— Ускорьте переброску, насколько это возможно. Если русские партизаны постараются помешать перевозкам — безжалостно выжигайте все жилье в радиусе пятидесяти, нет, ста километров от дорог! — Гальдер, державший карту европейской России в уме, хотел было заметить, что тогда придется уничтожить вообще все русские деревни. Не то чтобы он имел возражения морального плана, но на такую грандиозную «операцию умиротворения» (кстати, записать! Удачный термин!) у него просто не хватит фойеркоманд. Даже если бросить на уничтожение все тыловые войска, СС и вспомогательные части. Однако озвучивать свои сомнения он не стал, чтобы еще больше не распалить фюрера.

Союзник — это тот, кто пока не нашел удобного момента для того, чтобы нанести удар вам в спину.

Дж. Кларк. «25 лет в разведке»

Товарищ Сомов был счастлив. Шутка ли — его деятельностью были довольны все. Буквально все. Материальные блага лились рекой. Казалось, вся деятельность отдела вращается вокруг товарища Сомова. Вся необходимая документация поставлялась товарищем Сомовым точно в срок и в полном объеме, причем всем интересующимся ею корреспондентам. Жизнь удалась, думал товарищ Сомов, изображая деятельное внимание на очередном совещании. Скоро, скоро в его жизни наступит новый этап. За последний месяц в отделе появилась масса новых лиц, по сведениям из надежных источников, вскоре намечалась реорганизация. И уж, конечно, товарищ Сомов никак не может быть обойден повышением в ее ходе. Разумеется, это открывало новые перспективы. Поэтому товарищ Сомов совершенно не удивился, когда, по окончании совещания, начальник отдела, перекинувшись с прибывшим из самой Москвы приятным молодым человеком, представленным в качестве инструктора ЦК, обратился к нему:

— Товарищ Сомов! Пожалуйста, задержитесь!

— А вас я больше не задерживаю, адмирал, — взгляд фюрера был ледяным, у Канариса засосало под ложечкой, — полагаю, вы слишком перетрудились. Я рекомендую вам отдохнуть пару недель. Желательно, где-нибудь в горах. — Адмирал щелкнул каблуками, развернулся и вышел из кабинета. Мозг лихорадочно работал — и во время подъема в лифте, и весь недолгий путь до ожидающего на стоянке автомобиля.

Автомобиль величаво вырулил на шоссе. Адмирал приказал ехать не спеша, юркий синий «Опель-Кадет», долго не решавшийся обогнать лимузин, наконец, осмелился и без труда скрылся за поворотом. Адмирал размышлял.

Это еще не конец. Но конец уже близок. Все, все пошло не так с того самого чертова доклада, с этой чертовой коробки из будущего. «Бойтесь данайцев» — в блестяще рассчитанный, логичный и рациональный план вторжения было внесено нечто, совершенно чуждое стратегии — иррациональность. Бумаги из испорченной водой папки были невозможны, иррациональны... Но они, вкуче с поразившей Гитлера коробочкой телефона — инженеры «Сименса» уже научили коробочку устанавливать какое-то подобие связи, правда, для этого понадобилось два десятка шкафов с оборудованием — стали тем аргументом, который убедил Гитлера начать наступление на Москву, не дожидаясь разгрома русских армий под Киевом и Ленинградом.

Эта авантюра уже обернулась концом рейха, и неважно, что от этого конца его отделяют несколько лет и несколько тысяч километров, которые предстоит пройти русским. Впрочем, его конец, конец адмирала Канариса, пока еще (ненадолго, он знал это) шефа абвера, наступит значительно раньше. Фюреру был нужен козел отпущения — фельдмаршалы и генералы уже летели со своих постов взводами и ротами, но ни один из них не делил с фюрером ответственность с самого начала, с того рокового дня, когда что-то не

объяснимое рациональным германским умом вмешалось в железную работу военной машины рейха.

Если бы не эта чертова коробка, если бы фюрер не отложил начало войны, если бы он не послушал этого сумасшедшего Гудериана и разделался бы с Ленинградом и Киевом, прежде чем идти по стопам Наполеона... Впрочем, что толку сожалеть об упущенных возможностях.

Нужно было действовать, причем быстро. Других кандидатур на роль козла отпущения, кроме самого адмирала, у рейхсканцлера и фюрера германской нации не было. И эта роль Канариса не устраивала. Впрочем, адмирал был готов всегда. Иначе он был бы недостойн своего поста начальника военной разведки.

Войдя в свой кабинет, адмирал вызвал секретаря.

— Эрвин, приготовьте мой «Хорьх». Позвоните в пансионат, я прибуду туда на две недели, пусть подготовят номер. И... позаботьтесь о связи. Я хочу быть в курсе событий.

Секретарь, ничуть не похожий на плакатную белокурую бестию, обычное неприметное средневропейское лицо, козырнул и вышел. Канарис сел в кресло и закрыл лицо руками. Теперь все зависело не от него. Если в заготовленном им плане есть изъяны или кто-то из «конкурентов» — СД, СС — переиграл его, да если просто вмешается какая-то случайность — останется только не попасть в лапы этих самых конкурентов живым. Из потайного ящика стола адмирал достал небольшую продолговатую капсулу. Покачал на ладони, бросил обратно в ящик. Все равно, если что — не успеть. Да и слишком театрально. Оставалось только надеяться.

Через полтора бесконечно длинных часа секретарь открыл двойную дверь кабинета и вошел, держа в руке небольшой стальной чемоданчик.

— Машина подана, герр адмирал!

— Эксцессы?

— Никаких, герр адмирал. Ваша предусмотрительность поражает. Однако осмелюсь доложить, через три часа — смена караула. Нам нужно успеть.

— Хорошо. Подождите пять минут, — отсылать Эрвина смысла не было. Адмирал достал из потайного сейфа ключ, набрал код, отключая систему пиропатронов, щелкнул замком и открыл крышку чемоданчика.

Все было в порядке. Жемчужная коробочка телефона в специальном гнезде, коробка зарядного устройства втрое большего размера — тоже «Сименс», но, естественно, современный. Отчеты сименсовских инженеров, желтоватые протоколы русских допросов в матерчатом кармашке. Все на месте. Поднять голову он не успел...

Эрвин, уже в перчатке на правой руке, поднес к виску адмирала компактный «вальтер ППК» и спустил курок. Выстрел почти игрушечного пистолета прозвучал также почти игрушечно. В любом случае, охрана в коридоре за двойными дверями ничего не услышит. Эрвин вложил «вальтер» в руку адмирала, снял перчатки, закрыл чемоданчик. Сунул ключ в карман и вышел в коридор, плотно затворив за собой дверь.

Выйдя из особняка, секретарь подошел к адмиральскому «Хорьху», шелестящему мотором у подъезда. Водитель опустил стекло.

— Шеф выйдет минут через двадцать, Генрих. Счастливо отдохнуть в Альпах!

— А ты? Или шеф тебя на хозяйстве оставил?

— Я — городская крыса, природа навевает на меня тоску. Сейчас заброшу почту — и свободен. Прошвырнусь по девочкам, посижу в казино.

— Удачи, камрад.

Эрвин улыбнулся и быстрым шагом скрылся за углом. Пройдя два квартала, он свернул в подворотню и распахнул дверь маленького синего «Кадета», лениво пофыркивающего на холостых.

— Все здесь!

— Хай! — чья-то рука из глубины салона приняла чемоданчик.

— У нас пятнадцать минут, не больше! — Он быстро юркнул внутрь «Опеля», тот скрипнул шинами, выскочил из подворотни и затерялся в лабиринте улиц. Через полчаса машина выехала из города и понеслась на юг. Эрвин, уже с усиками и новой прической, сразу придавшими ему восточный вид, в дорогом штатском костюме, откинулся на спинку сиденья и, казалось, спал. Его спутник вел машину с истинно японской невозмутимостью.

*От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С «лейкой» и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.*

К. Симонов, музыка М. Блантера. «Песня военных корреспондентов»

Работа под журналистской «крышей» — один из наиболее удобных способов действий для сотрудника секретных служб. Если вас не очень волнуют вопросы свободы прессы, разумеется.

Дж. Кларк. «25 лет в разведке»

Давид сидел на «фрицкой лавочке» и курил. Закурил он не так давно и как следует втянуться не успел. Так, развеяться в спокойную минуту. Лавочка была местной достопримечательностью — положенная на два чурбачка гофрированная консоль от немецкого трехмоторного транспортника грязно-песочного колера, дикого для подмосковной черно-белой палитры, накрытая сложенным немецким же брезентовым чехлом — чтоб задницы не застудить, на морозе-то.

Лавочка прилетела к ним сама — вместе с упавшим немецким самолетом. Летуны вели настоящую охоту за «коровами», таскавшими окруженным немцам снабжение, только в ближайших окрестностях нароняли штук пять, а этого сбили особенно (для танкистов) удачно. Грохнулся он метрах в двухстах от пополняющейся и приводящей себя в порядок бригады и еще до прибытия трофейщиков был оприходован «по самое не могу».

За каким чертом фрицы таскали в котел красное вино, было решительно непонятно — но уцелевшие бутылки испарились из черно-желтого брюха почти мгновенно. И как бы ни бесилось командование — настроение у большинства танкистов держалось на семь-восемь градусов выше нормы — закоулков и ящичков, способных вместить пузырь, в танке достаточно. На часы с приборной панели наложил лапу командир Давидовой роты, за что вскорости получил кличку Полвторого, ремонтники поставили на крышу кабины летучки турельный пулемет. Снимки из пилотской кабины — верблюды, пальмы, немцы в пробковых шлемах и то ли коротких штанах, то ли длинных, до колена, форменных трусах, были использованы комиссаром для наглядной агитации, пока бригадный особист не устроил скандал и не отправил фото «куда надо».

Ну а почти целая консоль была утащена в курилку, вящего комфорта для. Причем каждый куряка считал своим долгом, откинув угол брезента, пошкрябать выделяющийся на желтом фоне черный крест чем-нибудь пожелезнее, так что осталось от креста к текущему моменту меньше половины. Давид такими глупостями не страдал — и так времени для отдыха не хватало категорически. Уж лучше посидеть, спокойно подымить, подумать...

Скрип тяжелых сапог по снегу заставил его поднять голову и вскочить, вытягиваясь в струнку.

— Товарищ капитан!

— Вольно, сержант! — Комбат-два Жилин, похожий на изрядно отощавшего на нервной почве медведя-шатуна, потер широченную физиономию ладонями. — Отдыхаете?

— Так точно, товарищ капитан! Машина в порядке, только подкрасить не успел.

— Это хорошо, что не успел. Не каждый день, знаешь ли, танком в лобовую на самолет ходят. Так что, к нам в бригаду из «Правды» корреспонденты приезжают. По твою, Гольдман, душу. Снимут тебя на фоне брони. Прославишься. Я тут, кстати, на тебя представление написал, к «звездочке». Красной, не золотой, не лыбься.

— Служу трудовому народу, товарищ капитан!

— Служи давай. А сейчас — дуй к своей машине, корреспонденты уже туда умчались.

Около стоящей под стеной ангара «тридцатьчетверки» с рядом косых, сверкающих металлом, царапин припарковалась высоко посаженная «эмка»-вездеход. Как водится, из-под боковой дверцы капота торчала шоферская задница, а сбоку размашисто жестикулировал длинный парень в щегольской комиссарской шинели, что-то объясняя статной, вроде бы знакомой — со спины не разобрать — женщине, тоже в шинельке и армейской ушанке.

— Здравия желаю, товарищ батальонный комиссар!

— Здравствуйте, товарищ сержант. Вы, как я догадываюсь, Гольдман?

— Дави-ид! — Женщина обернулась, и на ошарашенного танкиста налетел немаленьких размеров вихрь, знакомо пахнувший «Красной Москвой».

— Наташка? Хромова? Ты! Как тебя занесло-то сюда? — Вопрос остался без ответа, Наташка щебетала и щебетала, между делом ставя Давида на фоне оставленных винтом «Юнкерса» царапин, щелкая затвором «лейки» (ну да, она же еще на заводе по фото с ума сходила). Затем затребовала весь экипаж, расставляя его с тем же тщанием, что когда-то для групповых фото для стенгазеты. Потом за Давида взялся длинный. Расспрашивал он долго, во всех подробностях. Сначала про бой на аэродроме, про таран, потом про войну вообще. Когда Давид упомянул о выходе к своим, вертящаяся вокруг со своей камерой Наташка замерла.

— Андрей? Андрей Чеботарев? — Батальонный зыркнул в ее сторону тяжелым взглядом, она умолкла, но теперь сидела как на иголках, слушала. Только тихо ойкнула, когда Давид рассказал про спланированную Андреем засаду на связистов. Наконец корреспондент кончил писать, спрятал блокнот в планшетку и пошел беседовать с остальным экипажем. Тут-то Давиду и была кончина. Едва батальонный отвлекся, Наташка вцепилась в него со страстью, Давиду вполне понятной, — о ее романе с Андрюхой знал весь завод и его окрестности.

Про все, связанное с Андрюхой — учебку, налет на колонну, засаду на связистов, выход к своим, — рассказывать пришлось как бы ни три раза еще.

— Представляешь — три выстрела и все в яблочко. Как Андрюха стреляет, ты помнишь. Ну и я один раз попал. Завалили гадов за две секунды. Оружие собрали и ходу.

— А теперь он где?

— Не знаю. Нас почти сразу на сборный пункт отправили, а там разметало. Меня на курсы мехводов, а его не взяли, хотя просился. Опять за баранку, наверное. Так что мы даже почтой обменяться не смогли. Слушай, Наташка, может, ты его найдешь?

— Найду. Обязательно найду, — Давид поверил ей сразу и бесповоротно.

Вездеходная «эмка» — кто понимает, командармовского уровня машина, тряслась по рокаде в сторону Наро-Фоминска.

— Значит, вышел, — задумчиво сказал «корреспондент», — вышел — и опять воевать.

— Он такой. Я его еще с довойны знаю, — Наталья задумчиво смотрела в запотевшее окно. Ей было в общем-то неважно, почему простого военного водителя в свое время поручили ее персональной опеке, почему по всем фронтам огромной войны его ищет специальная группа военной контрразведки, да еще с такими предосторожностями. Она искала бы его и в одиночку. И она его действительно найдет.

До тех пор, пока армии Гота не выйдут из окружения, не имелось надежды на восстановление ситуации в полосе группы армий «Центр». Если 3-я и 4-я танковые армии останутся в Москве, они погибнут. В ходе любой операции по деблокированию войск необходимо пробить дорогу для выхода из окружения, но не для того, чтобы восстановить линию снабжения. Наверняка, убеждал себя Гудериан, со временем у Гитлера прояснится в голове и он позволит группе Гота отступить.

*Александр Бевин. «10 фатальных ошибок Гитлера».
Оксфорд, 2000*

Первая танковая армия разгружалась прямо в Можайске. Каким чудом, какими усилиями удалось дотащить эшелоны по взрывающейся на каждом километре, почти буквально горящей под ногами магистрали до самого русского фронта — знал, пожалуй, только Тодт собственной персоной. Один эшелон с бесценными «роликами» пустили под откос партизаны. Танки, конечно, поднимут, подремонтируют, если надо — но время, время... а нужны они были сейчас. Еще один состав разнесли бомбами и ракетами «Железные Густавы».^[18] Однако даже сто двадцать танков вместо ста шестидесяти в ситуации, когда обе стороны считали машины едва ли не поштучно, были отнюдь не соломинкой, скорее бревном, готовым обрушиться на спину медведю и переломать ему, наконец, хребет. Гудериан встречал Клейста лично. Дыхание оседало иголками льда на красных отворотах генеральских шинелей. Они прошли вдоль перрона. Быстроногий Хайнц смотрел на сползающие с платформ машины как голодающий на чашку супа.

— Семьдесят пять километров.

— Что?

— Сто двадцать ваших танков и тридцать моих. Этого достаточно, чтобы пройти семьдесят пять километров. За последние дни в среднем я терял два танка на один километр продвижения.

— А сколько осталось до Гота?

— Шестьдесят. Шестьдесят километров. К сожалению, фюрер прямо запретил Готу пробиваться к нам навстречу.

— Я не могу комментировать решения фюрера.

— Я тоже не хочу. Если бы войска в котле нанесли встречный удар сразу... Тогда шансы были бы. А теперь — я боюсь, они неспособны помочь нам даже при желании. Снабжение по воздуху явно недостаточно. Вместо тысячи тонн — это минимально необходимая цифра — мальчишки Геринга сбрасывают едва триста.

— Почему?

— Морозы. В морозы очень трудно летать. И большевики.

— Они летают? Их Дед Мороз делает им поблажку?

— Нет. Просто у них больше опыта жизни в таком климате. Этот фактор стоил нам

почти двухсот «Тетушек».^[19] Мы вынуждены были ограбить Роммеля, но даже с африканскими машинами самолетов не хватает.

— И?

— Танки Гота сейчас годятся только на роль неподвижных огневых точек. Впрочем, их у него осталось всего шестьдесят.

— Вторым эшелоном мы пустим машины с топливом, боеприпасами и продовольствием.

— Да, это будет кстати. Но увы, боюсь, такими простыми мерами восстановить боеспособность войск не удастся. Русская артиллерия лупит по ним день и ночь. А вести контрбатареиную борьбу им нечем. К тому же наша артиллерия в кольце понесла тяжелые потери от огня «Форта Сталин».

— «Форт Сталин»?

— На месте какого-то русского храма иваны хотели построить очередной пролетарский дворец. И частично успели построить. А с началом войны превратили стройку в гнездо артиллерии.

— Вот как... Судя по названию, это что-то впечатляющее.

— Ну что вы. Русские называют этот узел просто «Опорным пунктом номер три». «Фортом Сталин» его окрестили наши солдаты.

— Тогда еще хуже. Русские склонны к бахвальству. А если форт назвали так мы сами... — Фон Клейст покачал головой.

— Не переживайте, Эвальд. К счастью, русские не успели приделать к «Сталину» гусеницы, — командуящего первой танковой армией передернуло от такой перспективы, — так что, пока мы снова не войдем в Москву, он нам не опасен.

— Ну что ж. Эту проблему будем решать, когда она действительно станет проблемой. Как у русских с танками?

— Похоже, они на последнем издыхании, как и мы. В основном в последние дни мы жгли старые модели. Никаких особенных проблем они не доставляют. А вот кончились у них новые танки или же они их где-то спрятали... Во втором случае нас ждет неприятный сюрприз.

— Надеюсь, этого не случится. На юге нам пришлось столкнуться с плодами «русской смекалки» — тяжелые пушки на шасси «Т-34». Нам не понравилось.

— Тогда готовьтесь, генерал. Эти твари появились уже и здесь. К счастью, их пока мало.

— Думаю, это наши старые знакомые. Железнодорожные коммуникации у русских короче. Видимо, они отследили нашу переброску и смогли нас опередить.

— Хорошо если так. Тогда хотя бы не стоит ждать неожиданностей на юге.

— Очень надеюсь на это.

За светской беседой генералы зашли в здание вокзала, где царил благодатный армейский Ordnung,^[20] который случайный человек принял бы за апофеоз хаоса. Ну на то он и случайный. Беготня офицеров с разноцветными выпушками, трезвон телефонных аппаратов — людской муравейник, как и его природный собрат, жил по четкому, хотя и непонятному посторонним распорядку. В огромном зале ожидания на собранном из разнокалиберных столов подиуме раскинулась грандиозная склейка карт. Штабные умники обеих армий голова к голове согласовывали районы сосредоточения, маршруты выдвижения, направления ударов. Деловое мельтешение мундиров успокаивало нервы, укрепляло веру в

победу. Внезапно стекла в фигурных рамах дрогнули. Сопровождаемый разрывами зенитных снарядов, в занавешенные окна ворвался рев моторов, яркий свет осветительных бомб подсветил плотные шторы снаружи. Все, включая обоих командующих, рухнули на щербатые плитки пола, закрыв голову руками. Однако взрывов бомб не последовало.

— Поздравляю, герр генерал, — Гудериан отряхивал цементную пыль с шинели. — Это был русский разведчик. Теперь они знают о вашем прибытии. И подготовятся к встрече.

— Ого! — В неверном свете САБов^[21] танки на платформах казались больше, чем на самом деле. Конечно, аналитики генштаба анализировали снимки с холодной головой, но Сталин мог позволить себе ненадолго впечатлиться. Или сделать вид, что впечатлился. — Вот теперь они, похоже, действительно собрали все, что у них было. И это... весомо, да. Ваше мнение, товарищ Василевский?

— С учетом ранее понесенных потерь мы предполагаем, что объединенная танковая группа Гудериана будет насчитывать до двухсот танков. Кроме того, хотя немецкие пехотные дивизии и понесли серьезные потери, их потенциал в прорыве нашей обороны далеко не исчерпан. Прошу также отметить большое количество разгружаемой полевой артиллерии. С аэродромов в районе Смоленска их смогут поддерживать до четырехсот бомбардировщиков под прикрытием истребителей.

— Серьезно. Вы в состоянии остановить их, товарищ Рокоссовский?

— Полагаю, да, товарищ Сталин. Хотя и с трудом. Это — весомая гиря на их чашу весов. Двести танков — это очень много. Конечно, у нас достаточно много противотанковой артиллерии, но ее маневренность по такому снегу крайне ограничена. К счастью, на снегу маневренность немецких танков также оставляет желать лучшего. Мы перекроем наиболее явные направления, в частности дороги, но в случае если им все-таки удастся осуществить маневр танковыми частями вне дорог, они будут выигрывать темп. Конечно, мы оттянем часть танков ударами на смежных участках фронта — но для отражения действительно опасных прорывов сил у нас пока не хватит.

— Значит, тогда у нас останутся только?..

— Так точно, товарищ Сталин. Танки против танков. Это плохо, это неправильно — но это так. И тут уж кто кого переманеврирует.

— Плохо. Насколько я помню, у границы они пе-ре-ма-неврировали нас, — Сталин произнес это слово почти по складам, — вчистую.

— Мы уже не те, — заметил приглашенный на совещание Федоренко.

— Вы — да, — Сталин был согласен, танкисты действительно многому научились. В том числе и у незваных «учителей», — но танковые операции — это не только лихие атаки. Это прежде всего снабжение. Кому страшны танки без снарядов и без горючего? Как у наших танкистов со снабжением, товарищ Василевский?

— Хорошо, товарищ Сталин.

— Вы уверены? Товарищ Рокоссовский, ваше мнение, вам воевать.

— Мы потеряли очень много машин, товарищ Сталин. И автотранспорта не хватает всегда.

— Значит, и сейчас не хватает. Товарищ Василевский, что можно сделать? Запчасти, бензин, масло?

Весьма показательно, что в общей массе первых американских поставок преобладали нефтепродукты: из всего количества грузов (186 144 тыс. т), отправленных в СССР с 22 июня 1941 г. по 30 сентября 1941 г., они составляли 78, 4 % (145 996 тыс. т).

В. Н. Косторниченко. «Нефть в системе ленд-лиза: нефтяной союз СССР и США в годы Второй мировой войны»

— Тихо! Идут!

Андрей вжался в снежную толщу, невидимый под выменянной у медсестрички в госпитале белоснежной простыней. Вот и пригодилась. А хотел на тряпки пустить. Две черных хохочущих над чем-то непонятным фигуры прошли в пяти метрах. Чиркнула зажигалка, ветер донес запах немецких сигарет. Затем скрип шагов под сапогами затих вдали.

— Вперед!

Они перескочили через тропку, занырнули за ощерившийся голыми прутьями кустарник и снова плюхнулись в снег. В ста метрах левее застыли черные туши танков, ходил часовой. Оба медленно и осторожно поползли к невысокому штабелю бочек, из-за которого доносилось тихое посапывание.

— Дрыхнет, скотина.

— Тихо! — Посвистывание прекратилось, бесконечно долгую минуту Андрей обливался холодным потом. Затем на смену посвистыванию пришел богатырский храп. Теперь ак-курат-но!

Они закатились под самую стену бочек. Остро воняло горючим.

— Здесь!

Отогнув угол брезента, Андрей нащупал ряд квадратных жестянок. Оно! Теперь главное не загреметь.

— Взял?

— Ага. Я тоже. Уходим.

Ползти с двумя пятикилограммовыми банками было неудобно, но другого выхода не было. Пропахав метров двести снежной целины, Андрей ухватил ползущего впереди напарника за пятку.

— А?

— Все, вставай. Тут уже наши.

Оба оглянулись, затем медленно поднялись. Тут же из-за елок раздалось грозное: «Стой! Кто идет?»

— Чеботарев, Сеницын!

— Ага. Достали?

— А то! Американское! — продемонстрировал Андрей надпись «Shell» на боку тяжелой жестянки.

— С ума сойти. Ладно, как договаривались — две нам, две вам. Да, мужик, ты силен.

Ну, давай пять. Пассатижи — с меня.

— Пассатижи и набор напильников. Уговор дороже денег.

— Вот же черт памятный. Присылай Рустама.

— В пехоту спишу! Грязь месить! — В гневе комбат был страшен, Давид вместе со всеми благодарил судьбу, что не попал в злосчастный караул.

— Раззвиздяи! — продолжал разоряться Жилин, размахивая пустой жестяной из-под американского масла.

— Какие-то шоферюги задроченные обвели лучший танковый батальон Красной Армии вокруг пальца! И посмеялись еще — пустые банки аккуратно вдоль дорожки вывесили. С благодарственной, мать ее, запиской! И-лю-стри-ро-ван-ной! Ни в грош не ставят, засранцы. И поделом! Грош за вас только на ярмарке в базарный день предложат. И то с перепоею. В общем, так, — Жилин бросил банку на снег, смял в кулаке листочек с «благодарственной запиской», рассерженным медведем прошелся взад-вперед.

— Будь у меня возможность — лично бы заставил тебя, Ляховский, у каждой каракатицы автобата щупом масло проверять. И тех орлов, у кого наше масло обнаружил бы, взял бы вместо вас. Потому что мне лихие ребята нужны во как! А вас, долбодятлов — вместо них, за баранку! Но поскольку, на ваше счастье, *завертелось* — по машинам! И если воевать будете так же, как караулы нести, — похорошки на себя можете писать заранее. Немцы — не я, раздолбайства не прощают. Все всё поняли? Р-разойдись!

Пробегаючи мимо комбата, Давид испытал сильнейшее желание хоть краем глаза взглянуть на записку с карандашным рисунком. Но попасть под раздачу находящегося в дурном расположении духа майора было не лучше, чем под фланговый огонь батареи «восемь-восемь».^[22]

Жаль.

Давид пробежал мимо полуторки, которую заводил «кривым стартером» водитель в относительно чистом по меркам шоферской братии ватнике. От спины шел пар. Вспомнился Андрей — тот тоже умудрялся сохранять вид даже посреди грязюки. Но времени остановиться и поговорить, естественно, не было, а водителю, ясно дело, было не до «мазуты» — поди-ка заведись ручками на морозе. Разве что на американской смазке...

— Нашли?

— Нашли, товарищ Сталин. Жив-здоров. После выхода из окружения был направлен в 232-й отдельный автобат Западного фронта.

— Почему сразу не сообщили?

— Ошибка писаря, товарищ Сталин. Записан как Неботаев вместо Чеботарева.

— Все равно должны были сообщить, — сварливо заметил Сталин. — Развели, понимаешь, горе типографию. Эдак возьмут Гудериана в плен — и с перепоею Губерманом запишут. И что тогда? Разберись с этим. Ладно. Докладывай. Как он там поживает?

— Нормально, товарищ Сталин. При выходе из окружения он и еще один боец, через него мы его и нашли, кстати, уничтожили команду немецких связистов, захватили одну единицу автоматического оружия, — Берия явно цитировал донесение. — Проверку прошел успешно, направлен на переформирование. Выступил с рядом предложений по облегчению зимней эксплуатации техники. Командованием характеризуется положительно, в настоящее время назначен командиром отделения. Представлен к медали, — со стороны могло

показаться, что один грузин нахваливает другому грузину успехи сына. Не иначе, с целью сватовства.

— Смотри-ка. Собачий парикмахер — и с медалью. Ну что ж. С медалью пусть там внизу разберутся. Достоин — дадут. Им виднее. Вмешиваться не будем. Ни туда ни сюда. Вот что. Как думаешь, пора его вытаскивать?

— Давно пора, товарищ Сталин.

— И куда его?

— Думаю, к Ляпунову. Пока лаборантом.

— Согласен. Самое место — досконально он ничего не знает, но если вспомнит что интересное — будет удобный случай, как ты там сказал — «выступить с рядом предложений». Да. Кстати, о лаборантах. Какого там лаборанта ты из Ленинграда бронепоездом вывозил? Еще до того, как немцы зубы обломали?

— Не совсем лаборант. Некто Лосев. Помните такие маленькие цветные лампочки на приборе? Товарищ Термен называет их «светодиодами». Оказывается, этот Лосев уже разработал подобные устройства. Еще до войны. И до других элементов схем на том же принципе, на котором приборчики сделаны, он тоже додумался. И даже лабораторные образцы у него были.

— И опять размером со шкаф?

— Намного меньше. С ноготь примерно.

— Смотри-ка. А то я уже привык — как что похожее, так обязательно со шкаф размером. Создай ему все условия. Уж очень хочется пластинки без шума и треска послушать, — Сталин усмехнулся. — Только эту... «Чугунную бабу» не ставь, очень тебя прошу.

— Насчет условий — плохо, товарищ Сталин, — Берия шутку проигнорировал, — и Королев, и Курчатов требуют станков, лабораторного оборудования, инженеров. А вы ж все отобрали. Я понимаю — не до того было.

— Понимаешь — не возражай. И так еле отмахались. И то не до конца. И пока обратно на границу не выйдем — будут твои номерные ученые-моченые сидеть на голодном пайке. Кроме разве что Курчатова. Ему — с нового года подкинем мощностей. Кстати, что там у американцев?

— Пока ничего, товарищ Сталин. По нашим сведениям, документ по финансированию проекта «Трубные сплавы» поступит Рузвельту на подпись со дня на день. Шестого-восьмого декабря.

— Задержать бумагу на недельку твой человек не сможет? Глядишь, японцы ударят — а они ударят, да. Флот они уже вывели. Ты не знал?

— Это, видимо, информация ГРУ, товарищ Сталин? — Берия поджал губы.

— Обиделся? Обиделся, вижу. Обскакали тебя военные. А ты ушами не хлопай. И войну разведок мне тут затевать не смей. Лучше своим сотрудникам хвосты накрути, чтобы у меня на столе всегда два документа были — твой и их, ноздря в ноздю, да. Так вот. Постарайся по возможности документ задержать. Нападут японцы раньше, чем Рузвельт документ по бомбе подпишет — американцам может не до того стать.

— Задержать документ... Не уверен, товарищ Сталин. Времени в обрез. И риск. Не попробуем.

— Не зарывайся. Если есть вероятность засветиться и испортить отношения — лучше не рискуй. Американское оборудование и материалы для нас важнее. Лучше пусть у нас

появится своя корова, чем у соседа сдохнет. И еще... — Сталин не договорил, требовательно затрещал телефон.

— Да. У аппарата. Что? Как допустили? Понятно. Товарищ Константинов. Вы понимаете, что вы должны предотвратить прорыв любой ценой? Понимаете? Действуйте.

И, уже обращаясь, к Берии, сухо проинформировал:

— Прорвались, гады. Нашли проходимый участок вне дорог и прорвались. Еще двадцать километров — и все пойдет к чертям собачьим.

Застигнутая на марше артиллерия является законной добычей танков.

Х. Винцель. «Стальные кошки», Бонн, 1958

— Та-а-анки! — ничего страшнее этого вопля для застигнутой на марше артиллерии быть не может, тем более — для реактивной. Даже тяжелую гаубицу, если достанет времени, можно успеть развернуть и при особой благосклонности фортуны вклепать тяжелый «чемодан» в лоб вражине. А «Катюша», пусть даже она трижды на гусеничном шасси, для огня прямой наводкой не приспособлена в принципе. И лежащие прямо на направляющих ракеты в такой ситуации — никакой не боекомплект, а всего лишь лишний шанс сдохнуть быстро, в огненном шаре взрыва. Танки стреляли с предельной дистанции — брони у лакомой цели не было вообще — ну не считать же броней тоненькие щитки, чья задача — предохранять хрупкие стекла от залпа... Хотя пулю из «МГ» с большой дистанции, может, и удержат...

Воронка! Большая — от двухсот пятидесяти кило, а то и от пятисотки! Решение созрело мгновенно. Дверь — выбить ударом ноги. Взгляд на немцев — на остающуюся сзади воронку, на немцев — на воронку... Стоп, доворот, задний ход. На дне воронки — лед, проходим его на разгоне. Задние катки карабкаются вверх по склону, еще чуть выше, черт, даже ствола нет и в дырку, как тогда, в деревеньке, не посмотришь. Вроде нормально — стоп! Двигатель стукнул и стих, мертвой хваткой застопорив гусеницы на склоне.

Командир установки, девятнадцатилетний пацан, смотрел на Василия белыми от шока глазами. Открыл рот — и, видимо, от этого усилия его расколодило — понял. Вывалились из кабины, схватились за тент. Тянуть было трудно — «Сталинец» стоял носом вниз, рельсы направляющих смотрели почти в горизонт.

На дороге по обе стороны от тягача творился настоящий ад — взрывались ракеты на направляющих, трассы шальных пусков чертили небо косыми крестами. С борта одного из трофейных «ганомагов» (переименованных солдатами несколько неприличным образом, а зря — знатная машинка) работала крупнокалиберная счетверенка, в надежде дотянуться до чего-то не сильно бронированного в надвигающейся цепи. Тент, почти уже сдернутый, потяжелел — командир повис, вцепившись мертвыми пальцами в брезент. Еще немного. В плечо тупо стукнуло, рука повисла плетью. Ничего, тент уже на земле. Теперь назад.

Цепляясь одной рукой, Фофанов вскарабкался обратно в кабину, плюхнулся животом на сиденье, потянулся к «адской машинке». Лихорадочно, с третьей попытки, воткнул штекер в гнездо динамки. Пробитый строчкой пуль радиатор травил прямо в кабину пар, мгновенно оседающий на холодном железе, стекле и дереве кабины инеем. Видимость — ноль. Рука нащупала рукоятку вертушки, ага, крутим! Импульсы высокого напряжения прошли по проводам, один за другим воспламеняя запалы. Пороховые заряды швыряли ракеты вперед, почти параллельно земле.

— Achtung! Stalinorgel!^[23] — Сквозь узкие перископы танков летящие в лоб ракеты смотрелись... страшно. Железный строй смешался — ненадолго, на минуту всего. Но этой

минуты хватило, чтобы уцелевшие русские машины сориентировались и начали отползать. Бешеный русский пулеметчик в захваченном полугусеничнике сменил диски и теперь коротко, но плотно работал трассирующими, прикрывая отход.

Генерал Хубе потер заледеневший на ветру нос. Половина русских ушла, черт. Правда, его потери были небольшими. Не повезло приданной танкам мотопехоте — шальной снаряд «Сталинского органа» попал прямо в открытый сверху кузов БТРа. Смотреть в выжженное нутро не хотелось. И еще одному «Pz-IV» одна из крупнокалиберных пуль пробила ствол пушки. В другое время — ерунда, три часа работы ремонтникам. Но сейчас ремонтники отстали, а каждый танк был на счету.

Помощи от других двух дивизий группы ждать не приходилось — русские непрерывно атаковали на смежных участках фронта, и командование волей-неволей было вынуждено реагировать, раздвигая последний оставшийся танковый кулак вермахта по частям.

Но он, Хубе, справился. До окруженных армий Гота оставалось пройти еще десяток километров, и он пройдет эти километры. Лично.

Давид вел машину задним ходом, ориентируясь лишь по командам башнера. Танк пятился осторожно, почти вслепую лавируя между берез. Рошица обещала хоть какую-то передышку, а при неудачном раскладе — возможность пойти в последнюю атаку рывком, с короткой дистанции. Командир висел в люке без движения, и затаскивать его под броню было некогда. Сначала выжить самим, потом — почести мертвым. По полу, перебивая звоном мотор и канонаду, катались снарядные гильзы — много. Немцы почему-то тоже не спешили развивать успех, добивать отползающие почти без снарядов русские танки. Устали, бедняжки. Ничего, отдохните. Это вы здорово придумали. Сейчас подбросят снаряды — отдохнете окончательно. В могиле. Кое-кто, кстати, уже — на широком поле между «тридцатьчетверок» и недавно подброшенных в бригаду двух похожих на них танков поменьше, с сорокапятками, бледным бензиновым пламенем горела серая угловатая броня.

Танки, лишенные снабжения — то есть горючего и снарядов, представляют собой очень дорогой металлолом.

Д. Пелед. «Красная броня». Латрун, 1960

Лучи прожекторов пронизывали белесые клубы, подсвечивали крутой бок паровозного котла, башню броневика-трехоски на выезде с разъезда. По живой цепочке из черного провала двери вагона плыли из рук в руки ящики со снарядами. Горизонт на востоке отливал перламутром, на западе — мерцал багровым. Из-за линии вагонов, где стоял еще один состав, доносился рев моторов и лязг — разгружались танки. Тяжелые «КВ» и, что было до крайности странно, «Т-50». Редкая птица, а под Москвой, как помнил Андрей, в его истории и вовсе не встречавшаяся. Значит — что? Блокады Ленинграда нет, получается?!

— Давай, давай! Быстро, славяне, быстро! Немец ждать не будет! — Рустама Файзуллина славянином можно было назвать весьма условно, однако шестидесятикилограммовые ящики он подавал как из пулемета, Андрей едва успевал принимать. Вообще, шоферня, хоть штатская, хоть фронтовая — народ с понятием и со своими принципами. Загнать военного водителя на погрузку-разгрузку можно только начальственным окриком (не ниже комбата, и с постоянным присутствием непосредственного начальства для сколько-нибудь продолжительного эффекта) или возможностью сныкать под ветошь что-нибудь полезное в хозяйстве, типа «случайно выпавшей» из ящика банки сгущенки. И то сказать — профессиональная болезнь шофера — радикулит, что в мирное время, что в военное, какая уж тут погрузка. Однако сейчас пахали все, включая «аксакала» из московских таксистов Петренко, который, по слухам, с радикулитом из мамки выпал. До рассвета оставалось всего ничего, и чем раньше стартуешь, тем меньше придется пилить днем, привлекая внимание «лаптежников» и прочей летающей шушеры.

Немец, конечно, стал уже сильно не тот, но тем, кто попадал под раздачу, было не легче. А уж с таким грузом... Сто двадцать снарядов в кузове, близкий разрыв, а то и вовсе одна зажигательная пулька — и прощай, Родина, сержант Чеботарев полетел передавать привет Жукову. Закидались минут за пятнадцать. Пока Андрей грелся, заводя полторку «кривым стартером», Рустам сбегал куда-то к палаткам и вернулся с котелком каши и трофейной канистрой, кои тут же оприходовали. Кашу — в желудки, бензин — в бак. Мелочь — а приятно. Лишних полста километров. Канистру, кстати, Рустам зажал — невесть откуда взявшейся провололочкой прикрутил к раме. Глядишь, не вспомнят потом. Татары — народ хозяйственный.

Мотор взрыкнул и заработал, ровно и уверенно. Ремонтники давно уже просили комбата отпустить Андрея к ним, но комроты устроил дикий скандал — отдать одного из лучших водителей в такое время он согласился бы только под угрозой трибунала Впрочем, обязанности «зампомпотеха», как шутил тот же Рустам, на него навалили и так. Во всяком случае, в Андреевом взводе простоев по поломкам матчасти было раза в два меньше, чем по батальону в целом. Комроты клялся и божился, что выбьет Андрею «За боевые заслуги», но верилось с трудом — чай, не сорок третий год, с которого, как помнил Андрей, медали, а то

и ордена, стали раздавать горстями. Торопливо проскрипели валенки, и со стороны станционной будки к Андреевой полуторке, широко отмахивая рукой с планшеткой, подбежал комроты собственной персоной.

— Чеботарев, ко мне! — Пацан, двадцать два или двадцать три, на фоне сорокалетних в массе мужиков всячески старался казаться солиднее. На сапогах даже каблуки себе нарастил, отчего переход на валенки, где подобная операция затруднительна, воспринял как личную трагедию. Так что пытался брать нарочитой строгостью, поминая трибунал в каждом втором предложении.

— Товарищ лейтенант!..

— Вольно! Значит так, сержант Чеботарев! Пойдешь сразу за «БА-10», — указал он на броневик у выезда, твой взвод — за тобой. Я на «шестидесятом» пойду замыкающим, вытаскивать заглохших. Встанет кто-то из твоих — отдам под трибунал. Дойдешь без остановок — будет тебе медаль, обещаю. Если броня встанет — его не жди, со своим взводом двигайся вот сюда, — синий от холода палец ткнул на перекресток дорог километрах в пятидесяти к северо-западу. Андрей достал очередную свою «карту-самопалку», отметил место и маршрут, — там танкисты загорают без снарядов. Маскировку с фар не снимать, спать запрещаю, обоим. Расчетное время прибытия — десять двадцать. Часы есть?

— Так точно! — Часы Андрей снял с замерзшего насмерть немца где-то под Наро-Фоминском, причем никаких угрызений совести вследствие данного факта биографии, естественно, не испытывал. — Будем вовремя, товарищ лейтенант! Дорога как?

— Дорога нормальная, вчера туда прошли два заправщика с парой танков пополнения, так что замести еще не успело. Ладно, собирай своих, ставь задачу. Выступаем через пятнадцать минут.

Да, вот еще что, — обернулся он через три шага, — запрос на тебя пришел из дивизии. Как, что — не знаю, то ли в училище, то ли еще куда, после ходки сам выяснишь.

Подполковник Шестаков взмахнул рукой и задвинул фонарь. Мотор ровно гудел, нагоняя тепло к затянутым в унты ногам. Скоро будет жарко, несмотря на минус семнадцать за бортом. Ладно, зима — а как при такой печке летом воевать? Впрочем, до лета надо дожить. А там, может, что и придумают. Истребитель вырулил на бетонку, за ним пристраивалась первая эскадрилья. На рулежке, рядом с неубранными тушами подавленных танками немецких пикировщиков, выстраивались вторая и третья, за ними — угловатые «Иль», оцетинившиеся крупнокалиберными пулеметами стрелков. Низкое оранжевое солнце светило в спину, это было хорошо — больше шансов будет слету атаковать немцев в его лучах. От посеченного осколками здания КП взлетела красная ракета. Двигатель взревел, разгоняя новый, только что с завода, «ЛаГГ-5» навстречу бою.

«Во-оздух!!!» — изломанные силуэты «Юнкерсов» черным клином подходили с запада, доворачивая на остатки деревни. Похоже, это все. Машин тридцать, не меньше. А после налета опять заработает артиллерия, опять двинутся танки. Впрочем, с них и одних танков хватит. Оставшийся от воздушно-десантной бригады неполный батальон, дважды пополненный и дважды сгоревший почти до основания, просто заруют в заледенелую землю — и пишите письма. Хотя какие письма, в самом-то деле? В лучшем случае — придет треугольник с коротким и горьким «Смертью храбрых», а скорее — с еще горшим «Без

вести». Да и кому придет? Родителей бывший беспризорник, воспитанник самого Макаренко, а ныне вновь лейтенант Лемехов не помнил. Жена с дочкой накануне войны уехали по путевке в Сочи. Должны были вернуться двадцать пятого, но вернулись или нет, а если вернулись — то успели ли эвакуироваться, отдохавший в то время в «лубянском санатории» Лемехов не знал. И родители жены, жившие до войны в Барановичах, по понятным причинам, не отзывались. Так и потерял семью в военных завихрениях.

Ну и ладно. Не придет никому похоронка — меньше горя будет в тылу. А в остальном... В роте порядок. Бойцы забились по щелям. Орлы Анчара с двумя «ДП» и двумя «МГ» готовы косить пехоту. Зубоскал даже эрзац-дот оборудовал в кулацком подвале. Бутылки с «жидкостью КС» розданы. Две оставшиеся противотанковые пушки с шестью снарядами на ствол раскиданы по флангам. Что-то уцелеет, при удаче спалит еще пару танков. Из двух-то десятков. А за ними уже никого. Километров пять чиста поля, а потом — еще деревенька, на которую уже прут с востока озверевшие в котле немцы. Эти, к счастью, пехом. И на танки, как в прошлый раз, надежды никакой — десяток «тридцатьчетверок» парой километров южнее (тоже бывшая бригада, что характерно), загорает без снарядов. «Юнкерсы» уже близко, вот-вот врубят сирены. Ладно, что сможем — то и сделаем. Закроем дыру в очередной раз, последний — так последний. А обо всем остальном пусть уже думают другие. После нас.

«Achtung! Super-Rata!»^[24] — предупреждение запоздало. Из-под рыжего солнца, подстегиваемые воем собственных тысяччетрехсотсильных моторов, «ЛаГГ» и Шестакова валились на черные силуэты пикировщиков. Двадцать четыре самолета, сорок восемь пушек. Строй «Юнкерсов» сломался сразу, кто не задымил и не ушел в последнее пике — бросал бомбы куда придется. Проморгавшие русских «мессеры» дернулись было спасать своих... Зря.

В двух километрах ниже карусели идущие строем фронта угловатые штурмовики жались к самым верхушкам берез. Завинченные струи от винтов срывали с черных веток снег и иней, за строем «Илов» тянулся метельный шлейф. Какая уж тут маскировка — но обратить на это внимание было некому. «Мессершмитты», втянутые в гигантское «чертово колесо» воздушного боя, были заняты собственными проблемами.

Расчеты гаубиц, готовящиеся открыть огонь по русским заслонам, просто не успели ничего понять. Новая нота в какофонии воздушного боя — и почти сразу перевалившие через верхушки деревьев черные тени выпустили огненные хвосты ракет, на основании консолей замигали яростные огоньки пушек, на стальные каски, на задравшие к небу стволы гаубиц, на уложенные в спешке рядом с позициями снаряды посыпались стокилограммовые бомбы.

Командир 16-й танковой дивизии выругался. Русские штурмовики обошли его позиции стороной. Ни один из восемнадцати оставшихся панцеров не был даже задет — но наступать на усиленную танками неподавленную оборону было опасно. Зверски опасно. Левую, потерянную четверть века назад, руку скрутило фантомной болью. Дурной знак. Их было мало, очень мало — фактически от всей первой танковой армии осталась только его дивизия, а от его дивизии — полторы роты. Остальные, кто уцелел, работали пожарными командами на севере и на юге, истаивая под русскими ударами, как сахар в кипятке. Одна

надежда — что у большевиков здесь и сейчас не осталось боеприпасов. По крайней мере, рассветную атаку они отражали крайне экономно, он шестым чувством ощутил, с какой бережливостью засевшие на другой стороне поля иваны выпускают каждый снаряд. Конечно, он принял меры, чтобы так оставалось и впредь — разведбатальон его дивизии, единственная маневренная группа, которую он мог выделить, уже сообщил о блокировании дороги. А кому страшны русские танки, уже неделю кусавшие его дивизию за бока, когда они без снарядов?

Эх, дороги...
 Пыль да туман,
 Холода, тревоги
 Да степной бурьян.
 Знать не можешь
 Доли своей,
 Может, крылья сложишь
 Посреди степей.
 Вьется пыль под сапогами -
 Степями, полями.
 А кругом бушует пламя
 Да пули свистят.

Л. Ошанин, музыка А. Новикова

Сколько километров намотал Андрей по военным дорогам — уже не сосчитать. И почти всегда в колонне, то есть впереди маячит чья-то железная задница, да лес или поле сбоку уплывает за обрез окна. Рустам привалился к дверце, изо всех сил старается не спать. Зряшный труд, двое суток на ногах да за баранкой без перерыва. Всю ночь держался, а тут как рассвело — организм, подлюка, норовит взять свое. Броневик в двух десятках метров впереди уминает свежевыпавший снег надетыми поверх задних скатов гусеницами, башня чуть повернута на левый борт. Лес по обе стороны дороги снизу темный, поверху — в белом кружеве. Красиво, прямо не хуже, чем тогда, в сентябре... Как тогда...

Резкая вспышка из кустов, росчерк снаряда в борт. Броневик дернулся, съезжая в кювет. «Как тогда...» Руль влево, вторая, педаль газа в пол. Из кустов выламывается что-то длинно-серое. Лес взорвался очередями и хлопками гранат-«колотушек», где-то сзади грохнуло, осыпая снег с деревьев метров на сто в округе. Спасибо, ребята, простите и спасибо — немцы пару секунд ничего не видят из-за вызванных взрывом снежных потоков, вывози, родная! Мотор ревел, задок ощутимо водило по снегу, но рефлексy не давали перегруженной машине уйти в занос. Рустам уже стоял на подножке, целясь поверх распахнутой дверцы в серые фигуры, выскакивающие на дорогу. Наверное, у них было одно боевое вдохновение на двоих — два немца осели, третий не успевает поднять винтовку, ее вырывает ударом капота. Харя с расширенными глазами проносится за боковым окном, угол кузова бьет прямо по каске. Рустам развернулся на пятке, винтовка на борту кузова, в магазине «СВТ» еще шесть патронов, выстрел, выстрел, выстрел!

В зеркальце видно выползающий на дорогу сквозь потоки снега «ганомаг», пулеметчик ворочает свою бандуру. Ходу, милая! Я ль тебя не обихаживал, я ль тебе масло у танкистов не тырил? Очередь! Рустама на подножке уже нет, лишь красные брызги изнутри лобового стекла. Прости, товарищ, и спасибо. Очередь! Тяжело ударило в бок, но мы живы, мотор молотит ровно, руки пока крутят баранку. Еще немножко — и поворот. Осталось километров пять, там наши, там танки, им нужны снаряды. Очередь! Левая нога немеет, плевать, вторая передача — она для такой дороги в самый раз. Солнце? Глаза слепит, лес по

сторонам уходит в дымку, остается только дорога. Чтобы поглядеть в треснутое зеркало, приходится ворочать легкой-легкой головой, все, немец за поворотом. Металлический звон в ушах, металлический привкус на языке. «В этих деревянных кабинах сидели железные люди». Прорвусь! Сзади глухо ухаёт, рвутся снаряды в кузовах. Кто-то жив — отстреливаются, во втором взводе кто-то таскает с собой «ДП», ага... Нет, это не солнце. В глазах темнеет, держись, Андрюха, держись! Глухой стук пулемета сзади — немец тоже прошел поворот, слава богу, дорога с осени в ухабах, пули идут выше. Еще поворот, левой ноги уже как нет, да и не надо. Из всех трех педалей сейчас нужен только газ. Скорость — километров двадцать, больше не дать, лишь бы дойти, еще километра три, ааа... черт, руль вправо, вправо руль! Чуть не унесло, руль тяжелеет, но мотор тянет. Лес уже багровый, это закат? «И едва не зашло на востоке», дорога все уже, сейчас она сомкнется, еще поворот, пла-авненько, как учили... Батя, извини, я в столб врезался, крыло помял — нет, нельзя, на ремонт нет денег, зарплату на «Полюсе» не платят полгода. Железный гроб сзади поотстал, хорошо! Опять несет влево... Так точно, товарищ старшина, водовоз! Темнеет, ночь. Это плохо, это нельзя! Ночью меня не найдут танкисты. Танкисты... Танкисты. Вспышка справа!

— Гольдман! — Давид резко обернулся, оторвав взгляд от леса, за которым что-то застрочило-заухало. — У тебя снарядов сколько?

— Два бронебойных, три ОФ.

— Запасливый. Так, прошвырнись по дороге. Не дай бог там нашу колонну потрошат. Только осторожнее, на рожон не лезь. Мухой!

Давид нырнул вниз, захлопнув широкую крышку башенного люка, щелкнул тангентой ТПУ.

— Леша! Давай вдоль дороги, по левой опушке. Саня, башню на правый борт градусе тридцать, заряжаю бронебойный.

Все оставшиеся снаряды были под рукой, Давид закинул в казенник девятикилограммовую чушку и опять вынырнул из башни, выглядывая из-за тяжелой крышки. Да, риск поймать пулю, но танк в лесу слеп, нужно использовать каждый шанс.

Мехвод — безлошадный из второй роты, сидящий за бывшими Давидовыми рычагами, плавно стронул махину танка с места и повел ее вдоль дороги. Впереди ухнуло еще несколько раз, взрывы перемежались треском. Точно, колонна. Ладно, комбат сам все слышит, сориентируется, что и как.

«Леша, наддай!» — Танк заревел громче, снег двумя фонтанами летел вперед из-под надгусеничных полок. Наводчик, судя по всему, тоже насторожился, башня плавно ходила вправо-влево, нащупывая угрозу. Рев дизеля перебили две пулеметные очереди, близко, километр-два. Затем комариным звоном прорезался вой насилуемого автомобильного мотора. «К бою! — Давид захлопнул люк, приник к перископу. — Наводить на поворот дороги, без команды не стрелять!»

Водитель сбавил ход, чтобы на ухабах не сбить прицел, танк буквально крался, если это слово вообще применимо к лишенной глушителя пятисотсильной машине.

Первой из-за поворота выскочила вымазанная известкой полуторка с выбитыми стеклами и рвущимся на ветру из кузова брезентом. Машину водило вправо-влево, как она держалась на дороге, было совершенно непонятно. За ней, всего метрах в двухстах, если считать вдоль колеи, показался серый сплюснутый нос. Немецкий полугусеничник поднимал снежные волны, прорезаемые очередями «МГ». «Ог-гонь!» — болванка вошла

четко в двигатель, фрица развернуло боком, с бортов посыпались и прыснули в лес мышастые фигуры. Давид закинул в казенник последний оставшийся бронебойный, но стрелять не стал. Радист и наводчик поливали отползающих от загоревшегося гробика немцев в два «ДТ». Как будто сбитая выстрелом с траектории, полуторка вильнула и уткнулась носом в сугроб. Светлое пятно в черной на свету кабине качнулось вперед и пропало — водитель ткнулся лицом в руль.

«Давай к нему! На буксир!» — в два разворота мехвод подвел танк кормой к зарывшемуся в снег грузовику. Башня крутанулась на погоне, не упуская из поля зрения прицела подбитый БТР и поворот дороги.

«Следи!» — Давид ссыпался с башни, подхватил закрепленный на броне трос и по колону в снегу побежал к полуторке. Дизель постукивал на холостом, башенный пулемет посылал редкие очереди в сторону немцев, которые, впрочем, подавать признаки жизни отказывались напрочь. Давид зацепил один конец троса за серьгу на кормовом листе, с другим ринулся сквозь сугробы к грузовику. Что-то знакомое было в упавшем на руль лице водилы. Потом. Руками Давид расшвырял снег, накинув петлю на клыки. Подергал — нормально. Запрыгнул на руках в люк, не соединив еще ТПУ, извернулся и ткнул каблук в плечо мехвода. Тот плавно потянул грузовик к своим. Башня продолжала смотреть назад, следя за поворотом — вряд ли немцы рассекали здесь в одиночестве.

Сто двадцать снарядов — по дюжине на каждый оставшийся танк. Величайшее, невообразимое сокровище — здесь и сейчас. Скидывая с борта в подставленные руки драгоценные ящики, Давид мельком бросил взгляд на лежащего на плащ-палатке водилу полуторки. Заостренное лицо было белым, оскаленный рот безобразил его черным провалом, особенно страшным на фоне покрытого копотью снега. «Кто-то знакомый, до боли знакомый — кто?!» — Мысль пришла и ушла, за явной несвоевременностью.

Давид с натугой потянул через борт очередной ящик. Радист с наводчиком подхватили его и потащили на опушку рощицы, где их ждал Лешка. Комбат уже стоял по пояс в башне. Встретился глазами с Давидом, махнул флажком, поторапливая, указывая на северо-запад, в сторону опушки, где в километре с небольшим, разворачиваясь по направлению к сгоревшей, но огрызающейся пока деревне, нежным, лакомым бортом к изголодавшимся пушкам «тридцатьчетверок», выползали немецкие танки.

... Генерал Хубе поднял руку. Одну. Оставалось надеяться, что иваны правильно поймут его жест. Русские танкисты и русские десантники обнимались среди законченной брони. Он не смог проломить позиции большевиков и потерял почти все свои машины в результате внезапного флангового удара. Все было напрасно... Зря вермахт пошел в Россию, зря фюрер рвался к Москве, невзирая на осторожность, зря он, Хубе, лично возглавил атаку. Все было зря.

... Тяжелый паровоз стронул звякнувший буферами состав. Закрытые тентом самоходки поплыли мимо платформ, мимо водозаборной башни, мимо семафора. Зеленая улица открыта, к утру они будут в Конотопе. Маршрут, что называется, наезженный — сколько таких вот составов перетаскала лучшая паровозная бригада Харьковского депо за две недели — шесть или семь? Машинист сбился со счета, да это и неважно. Пускай начальство считает.

... Капитан Мунтяну докурил сигару и бросил окурок в снег. Поднял воротник шинели и зашагал в землянку, ежась на холодном влажном днепровском ветру. В двух километрах северо-восточнее матерящиеся саперы на руках тащили к свинцовой незамерзающей воде лодки и понтоны. Декабрьская ночь длинна, но времени было в обрез. Надо было успеть. Успеть во что бы то ни стало.

... Первый торпедоносец оторвался от палубы и начал тяжело карабкаться в декабрьское небо. Адмирал Нагумо провожал взглядом взлетающие самолеты. Он был уверен в успехе. Точный расчет и самурайский дух сломят сопротивление гайдзинов и обеспечат великое будущее народам Азии под мудрым руководством сынов Аматерасу. Тэнно хэика банзай!

... Стоявший на коленях перед лежащим в подмосковной рощице телом фельдшер снял шапку и вытер рукавом ватника закопченный лоб.

Эпилог

Город Москва, 12 июля 1948 года

Тридцать первого марта отец был весел, много шутил. Из Тюратама приехал Яков, с Дальнего Востока — Артем. Сидели весь вечер, немного ели, немного пили. Засиделись за полночь. Когда пробило двенадцать, отец совсем развеселился, ущипнул меня за щеку, как в детстве. «А ведь сегодня — день дурака! Сегодня все дураки! А я умный! Обманул! Всех обманул! Даже ее обманул!» — Я так и не поняла, что и кого он имел в виду. Ночью я вышла в коридор и увидела свет под дверь его комнаты. Заглянула внутрь. Отец сидел перед камином и, листочек за листочком, кидал в огонь бумаги из какой-то папки. Я испугалась — отец не любил, когда за ним подсматривали. Но он заметил меня и сказал непривычно-ласково: «Иди спать, Светик. Это тебе знать не нужно. Это никому знать не нужно». Я тихо закрыла дверь и ушла. Утром первого апреля тысяча девятьсот пятьдесят третьего года я переборола себя и вошла к отцу в комнату. Он лежал на постели, спокойный, со скрещенными на груди руками.

*Светлана Мартынова-Сталина. «Двадцать писем внуку».
Красноярск, 1973 г.*

Должно быть, слухи о том, что русские умеют и не стесняются управлять погодой, не лишены оснований. Еще вчера с полудня моросил противный мелкий дождь, а сегодня с утра небо сияло перевозданной голубизной, которую накрест пересекали инверсионные следы.

Гостиницы иностранным журналистам, видимо, специально отвели на юго-западе Москвы, чтобы, проезжая до центра города, они могли оценить масштаб строек — и что уже было сделано, и что делалось прямо сейчас. Краны вонзались в торжествующую синеву, колонны грузовиков, подобно муравьям, сновали туда-сюда с поддонами кирпича, оконными рамами, панелями перекрытий. Конечно, до пробок Лондона или Нью-Йорка русским было далеко — но Джереми Херц из «Вашингтон Пост» предлагал пари всем и каждому, что через каких-нибудь двадцать лет в Москве будет не протолкнуться.

Такси выскочило на Октябрьскую площадь (всезнающий Херц утверждал, что раньше площадь именовалась Калужской) и покатило по улице Димитрова (Якиманка — опять-таки по сведениям американца). Здесь, в центре, раны войны были уже залечены. На месте разрушенных до основания купеческих особняков высились монументальные здания — попроще, чем довоенный ампир улицы Горького, но вполне достойные не самых окраинных районов Большого Яблока, по мнению Майкла Коэна из «Ньюсуика».

Пролетев мимо серой громады «Дома на набережной», такси влетело на Большой Каменный мост.

— Тут было наше посольство, — Артур Дженнингс, пожилой джентльмен из «Таймс», славился в сообществе иностранных журналистов Москвы как своей сонливостью (следствие

полученной во время бомбежки Лондона контузии), так и способностью просыпаться в самый, по мнению коллег, неподходящий момент. По крайней мере, ни одна сенсация в радиусе досягаемости его фотоаппарата еще не уходила незафиксированной.

— Иногда я думаю, что вовсе не немцы разнесли его на клочки. Знаете, Сталина всегда злило гнездо «проклятых империалистов» прямо напротив его кабинета. Так что я не удивлюсь, если русские не пожалели пару грузовиков динамита, чтобы под шумок подарить своему премьеру маленькую радость. Я жалею, что в момент, когда посольство взлетело на воздух, находился в Мурманске.

Все засмеялись, кроме водителя. Возможно, он и был агентом ГеПеУ, знающим английский по должности, но виду не подал.

Стены Кремля, освобожденные от земляных насыпей, больше не напоминали своей беззубостью рот нищей старухи. Разве что треть зубцов немного отличалась по тону от остальной стены, впрочем, со временем разница обещала сойти на нет. Правда, башни, лишённые островерхих шатров, потеряли свою восточную экзотику и почти не отличались от башен обычных европейских замков. Именно поэтому никто не хотел заключать с Херцем пари на то, что русские, дай им время, восстановят башни в прежнем виде — все были уверены в этом и так.

Слева от моста буравила небо целая пачка кранов. Что русские собирались строить на месте знаменитого «Форта Сталин», пока не знал никто, то ли восстанавливали собор, то ли возобновили стройку «Palace of Soviets». Вот тут основание для пари было — Коэн ставил на собор, упирая на символизм, Херц — на дворец, упирая на символизм же. Дело явно шло к тому, что кто-то из них в ближайшее время станет на десяток долларов богаче, а кто-то беднее на ту же сумму.

Около сверкающего новой крышей и свежей краской Манежа такси остановилось — движение по площади было закрыто. Таксист выписал квитанцию, несмотря на дежурные возражения, отсчитал сдачу. Всю мелочь у Херца выкупил Коэн — его сын коллекционировал экзотические монетки. Дженнингс выбрался из машины последним, стремительная «Победа» с прогазовочкой рванула с места и влилась в поток.

Через площадь к мосту Кутафьей башни шел народ — мужчины в пиджаках и военной форме, женщины в ситцевых платьях и военной форме же. Коэн заметил, что снимки русских женщин «in uniform» — а кое-кто из них имел на погонах по два просвета, Коэн клялся, что видел даже женщину-генерала, — будут настоящей красной тряпкой для американских феминисток. Херц пошутил, что говорить о красных тряпках в самом логове коммунистов небезопасно.

Дженнингс смотрел на стоящие рядами танки — те самые, со вчерашнего парада. Он помнил и берлинский парад сорок четвертого, где приземистые стремительные «Forty-Three» — русские танкисты, как ему сказали, называли их «крокодилами», произвели фурор среди военных миссий союзников. Рядом стояли довершившие тогда моральный разгром тяжелые «Сталины» — впрочем, союзникам пришлось легче, чем немцам до того — для них разгром был только моральным.

На этот раз русские выставили кое-что новенькое — помимо шести— и восьмидюймовых гаубиц на тяжелых шасси, чуть поодаль стояли зенитные спарки и меньшего калибра счетверенки, тяжелые бронетранспортеры, из распахнутых и на всякий случай зафиксированных люков которых доносился детский гомон: «По фашистским гадам — ого-о-онь!» Чуть дальше, уже за легкими заграждениями, на дощатых постаментах,

расположились прошедшие вчера косяком над Красной площадью ноздрястые реактивные «МиГи» и тяжелые «Ильюшины»

Он поднял прошедший с ним (в буквальном смысле) и Крым, и Рим «Кодак» с мощным телеобъективом — перед Кремлем пленку стоило дощелкать. Стоящий рядом с тяжелой артиллерийской установкой в качестве гида военный с погонами лейтенанта нахмурил было брови, но, увидев карточки «Пресса», развернулся обратно к машине, с беспокойством наблюдая за оседлавшими самоходку детишками. Дженнингс его отлично понимал — десяток отпущенных на каникулы школьников вполне сравнимы по разрушительной силе со стокилограммовым немецким фугасом.

Майор Давид Пелед (прежнюю фамилию он уже и не вспоминал, да и сталь здесь и сейчас была важнее золота) внимательно оглядывал оливковую рощу в пятистах метрах к югу. Появившиеся на ее краю «Тетрархи» с черными пальмами в белом круге явно напрашивались на гостинец в бочину. Слишком явно напрашивались. Значит, подождем. «Без команды не стрелять. Урою!» — в бою наскоро выученный иврит мгновенно забывался, впрочем, даже командир второго танка его бригады, сабра, уже перестал кривить физиономию и даже русский язык выучил незаметно для себя и вопреки своим принципам — признал авторитет «шель харуси».

Ага. Вон они, родимые. Две «четверы» в глубине рощицы. Что-то слишком грамотно замаскировались для арабов-то. Немцы недобитые? Похоже, да. Плевать. «Валентайн» с «ЗиС-Ф», конечно, далеко не «Т-43», но и тут ни разу не Кёльн. Ничего. Вмазали вам пось Москвой — вмажем и под Иерусалимом: «Бронебойный!»

Здание Дворца Советов снаружи напоминало терема еще Ивана Грозного — белые стены, узкие, забранные затейливыми решетками, переходы, крытый золотом купол. Внутри же делегатов съезда и зарубежных гостей встречали высокие просторные залы, широкие лестницы и эскалаторы. Впрочем, до эскалаторов еще надо было добраться. Дольше всех мурыжили Коэна — тот никак не хотел расставаться со своей гордостью — портативным магнитофоном.

Впрочем, русские полицейские были максимально корректными и при том совершенно непрошибаемыми. «К сожалению, мистер Коэн, мы вынуждены настаивать, чтобы вы сдали вашу технику в камеру хранения. Мистер Дженнингс, ваш фотоаппарат можете положить сюда, вы получите его после проверки. Это займет не более пяти минут. Надеюсь, пленки в аппарате нет? Спасибо. Что же касается стенограмм заседаний — то все открытые материалы съезда будут раздаваться по предъявлению аккредитационного удостоверения в отделе прессы оргкомитета, второй этаж, комната двести пять. Будьте добры».

Красный от возмущения Коэн догнал Херца и Дженнингса уже перед входом в ложу для корреспондентов, ругая русскую паранойю на чем свет стоит, на что Дженнингс резонно заметил, что сама по себе открытость большевиков беспрецедентна — до того коммунисты допускали на свои съезды только репортеров коммунистических же газет. Немедленно возник жаркий спор — с чем это может быть связано. Сошлись на том, что русские планируют какую-то сенсацию, но вот какую — было неясно.

Свои места нашли быстро — организаторы были предусмотрительны, на каждой карточке был отпечатан ряд и номер кресла. Так что обычный журналистский бардак длился каких-нибудь пятнадцать минут, не больше.

Внизу уже волновался громадный зал, сверкали ордена — и на военной форме, и на гражданских пиджаках. Внезапно гомон стих, зал взорвался аплодисментами — на сцену выходили члены президиума. Херц сразу начал записывать порядок шествия: гадание на таких вот вторичных признаках — кто и в каком порядке поднялся на трибуну и кто где сидел, считалось важным подспорьем в определении раскладов внутри русского руководства. Дженнингс такой ерундой не занимался, но про себя заметил любопытную деталь — «старая гвардия» и молодые, выросшие за время войны и послевоенного постановления — Устинов, Громыко, Косыгин, самый молодой, но, похоже, самый зубастый из них Андропов, сидели по разным сторонам трибуны. Внутри этих групп головы склонялись друг к другу, металась шепотки, усмешки — особенно в «молодой» части. Но вот между групп общение ограничивалось настороженными взглядами. А в центре с видом рефери на ринге царил поблескивающий пенсне Берия. Почему-то в мозгу Дженнингса само собой всплыла фраза — «Хранитель печатей». Н-да. Очень интересно. Дженнингс задумался и не заметил, как уснул. Разбудила его очередная буря оваций — свое место в президиуме занял Сталин, но буря сошла на нет и старая контузия взяла свое, тем более что тяготные доклады мандатной и прочих комиссий действовали не хуже патентованного снотворного.

«Иван-виллис» подскочил к золотящемуся свежим деревом зданию правления и скрипнул тормозами. Василий заглушил мотор, оставив машину на передаче. Засунутый за широкий ремень рукав гимнастерки колыхало ветерком. Распахнул дверь, пошаркал сапогами по тряпке.

— А, председатель! Давай быстрее, сейчас начнется! Танюха твоя побежала народ собирать! — Колька Гостев склонился к немецкой танковой рации, ловя волну. Убегающий за ворот тельняшки ирам пылал алым — не иначе успел принять «наркомовскую норму». Ладно, хрен с тобой, морячок — сегодня разноса не будет. В репродукторе, подключенном на живую нитку, заскрежетало, потом густой, сочный голос Левитана заполнил все помещение: «Внимание, внимание! Говорит Москва...»

Очередной взрыв оваций, перешедший в аналог знаменитой русской артиллерийской подготовки, снова вырвал Дженнингса из объятий сна. Сталин шел к трибуне сквозь грохот аплодисментов, как танк его имени через метель. Поднялся на возвышение, полминуты стоял, подняв руку, улыбаясь в усы. Потом нахмурился, махнул рукой — дескать, хватит. Зал продолжал неистовствовать, крики и овации не стихали. Вождь опустил руку, перевернул несколько бумажек, откашлялся. Это помогло, хотя и не сразу. Рев стих — сначала до простого шума, потом совсем.

— Дорогие товарищи! Сегодняшний съезд — итоговый. Итоговый потому что на нем мы можем подвести итоги самой страшной войны, в которой наш советский народ вышел победителем.

Зал снова взорвался было, но Сталин продолжал:

— Почему мы считаем эту войну самой страшной? Казалось бы, тридцать лет назад, в разгар Гражданской войны, речь также шла о существовании Советского государства. Почему же мы считаем Великую Отечественную войну и Великой, и Отечественной, а Гражданскую ни Великой, ни Отечественной — не называем? Потому что на этот раз речь шла не о том, какой строй будет установлен в нашей стране, а о том, будет ли существовать наша страна дальше. Материалы Нюрнбергского процесса, документы из архивов

гитлеровской Германии прямо свидетельствуют о том, что, согласно планам Германии, планам Гитлера, наша страна должна была перестать существовать, наш народ должен был перестать существовать.

Сталин обвел взглядом зал и продолжил:

— Однако наш народ, советский народ, не согласился с такой перспективой. Наш народ знал, что за его спиной — многие века истории русского народа и других народов, строивших наше государство, формировавших его границы, защищавших наше государство от иноземных захватчиков. И наш народ не мог согласиться с тем, чтобы на нас, на нашем поколении эта великая история закончилась.

Зал слушал.

— Однако одного желания было бы недостаточно против той силы, которую собрала гитлеровская Германия для нападения на нашу страну. Для того чтобы остановить агрессию, одного несогласия с планами агрессора — недостаточно. Нужны веские аргументы — танки, самолеты, снаряды, бомбы и, главное, подготовленные люди, ведь без смелых и умелых людей танки, самолеты и все прочее — всего-навсего груда железа. Многие помнят, что в Первую мировую войну царская Россия не смогла подготовить ни техники, ни людей, количеством и качеством достаточным, чтобы победить кайзеровскую Германию. Даже несмотря на то, что кайзеровская Германия вела войну на два фронта. Советский Союз и Коммунистическая партия подготовили людей, которые смогли сломать хребет гитлеровской Германии. Советский Союз и Коммунистическая партия дали этим людям оружие, которое дало им возможность сломать хребет гитлеровской Германии.

Коэн хмыкнул. Строго говоря, Германия и в этот раз вела войну на два фронта, сначала в Средиземноморье, последние полгода, полгода агонии — во Франции. Если уж на то пошло — на один фронт Германия воевала как раз в сороковом, и этот фронт был на западе. Но доля правды в словах Сталина была — безжалостная статистика показывала, что восемьдесят процентов вермахта и больше пятидесяти процентов люфтваффе были перемолоты на востоке.

— Мы считаем, — продолжал Сталин, — что это не является случайным. Мы считаем, что причиной победы Советского Союза, наряду с героизмом и самопожертвованием советских людей, является социализм. Мы, коммунисты, считаем социализм и коммунизм прогрессивным строем не потому, что так написано у Маркса. Мы, коммунисты, считаем, что социализм является прогрессивным строем потому, что этот строй, наш строй, наилучшим образом позволяет обеспечить нашему народу безопасность, возможность трудиться, возможность учиться, развиваться и строить свою жизнь, лучшую жизнь. Социализм доказал это в предвоенные годы, когда позволил, несмотря на разруху, отсталость страны и ошибки — да, ошибки, заложить фундамент нашей Победы. Социализм доказал это в годы войны, когда позволил превратить страну в единый военный лагерь и уничтожить Гитлера и его приспешников, которые пользовались ресурсами всей Европы.

Неугомонный Коэн опять пробурчал под нос, что в распоряжении Советского Союза были совсем немаленькие ресурсы США и Англии — но опять-таки, даже без учета встречного ленд-лиза, русские обошлись своими ресурсами процентов на девяносто.

— Социализм доказал свою прогрессивность и при восстановлении страны. За четыре года мы достигли довоенного уровня гражданского производства, за четыре года мы залечили самые тяжелые раны.

Таким образом, перед войной, во время войны и после войны социализм оказался

именно тем строем, который позволил нашему народу выжить, выстоять и снова начать строить новую жизнь, строить лучшую жизнь. Теперь перед нами стоит новая задача — пользуясь преимуществами социализма, развернуть широкое мирное строительство.

Сталин начал приводить примеры, цифры, сопоставления. Зал встречал отчет с энтузиазмом, но корреспондентам на галерке было скучно. Так и есть — старина Дженнингс уже клевал носом. Прерывающие изредка Сталина аплодисменты не набирали силы, достаточной, чтобы разбудить соню-британца. Впрочем, подумал Коэн, видимо, это все неважно. Наверняка Дженнингс проснется в самый кульминационный момент и схватит мгновение репортерской удачи за хвост. По крайней мере, так обычно и бывало.

— Отмечу еще раз — мы считаем социализм лучшим строем. Мы считаем, что именно социализм позволит обеспечить развитие страны. Это наше мнение, мнение нашего народа. И мы не намерены навязывать свое мнение другим народам. И если, скажем, народы Польши, Чехословакии, Северного Китая, освобожденной от гитлеровского режима Германии или, скажем, граждане борющегося против британского колониализма и реакционного арабского феодализма Израиля решат, что социализм является наиболее подходящим для них строем, — мы поделимся с ними нашим опытом. Потому что наш опыт — это успешный опыт, несмотря на все ошибки, в которые мы, будучи первопроходцами в деле построения социализма, вляпались.

Слово «вляпались» Сталин произнес смачно, вызвав оживление. Зал больше отреагировал на форму, на слово — а не на ту суть, которая за ним стояла. Возможно, на это расчет и был.

— И те ошибки, в которые мы вляпались, — это тоже часть нашего опыта. Если товарищи из других стран захотят последовать нашему пути — мы поможем им уберечься от этих ошибок, от наших ошибок. Но если граждане этих стран предпочтут другой строй — мы не будем навязывать им наше мнение. Единственное, что нам нужно от наших соседей — это уважение к нашему выбору и отсутствие угрозы Советскому Союзу со стороны этих стран, с территории этих стран.

Сталин отпил из стакана, слегка подался вперед.

— Но у нашего подхода есть и другая сторона. Мы не намерены навязывать свой строй другим, но мы никому не позволим вмешиваться в наши дела. — Коэн и Херц наострили уши, Дженнингс спал. — Советская армия доказала, что она в состоянии разгромить любого противника. Но задача не в том, чтобы разгромить противника, мало иметь возможность разгромить противника. Цена разгрома противника может быть высока, очень высока. Мы были этому свидетелями. Задача в том, чтобы ни у одного противника, которого не устраивает существование Советского Союза, который хотел бы разрушить, уничтожить нашу страну, не возникло бы даже мысли об этом. Чтобы цена стала неприемлемой уже для него. Есть мнение, основу решения этой задачи мы обеспечили.

Напряжение в зале и в ложе прессы достигло предела. Неужели...

— Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское Правительство официально заявляют, что вчера, одиннадцатого июля тысяча девятьсот сорок восьмого года, в девять часов тридцать минут по Московскому времени, на одном из военных полигонов Советского Союза был испытан первый советский ядерный боеприпас. Испытание прошло успешно, мощность взрыва, по данным наших ученых, составила двадцать килотонн. Теперь мы со всей ответственностью можем сказать...

Окончание фразы потонуло в реве оваций. Журналисты повскакали со своих мест,

добрых две дюжины корреспондентов столпились в дверях, стремясь проскочить перед носом конкурентов. По коленям клюющего носом Дженнинга как будто пронеслись все четыре немецких танковых группы образца сорок первого года разом. Он вскинул голову и увидел торжествующий взгляд обернувшегося Херца: «На этот раз, старина, ты проспал главную сенсацию». Через тридцать секунд в ложе остались только сам Дженнингс и невозмутимый китаец, внимательно конспектирующий речь. Тридцатью метрами ниже Герой Социалистического Труда (по секретному списку) Игорь Васильевич Курчатов усмехнулся про себя: «Как же, первый. Третий уже, слава богу. Первый серийный — это да. Впрочем, товарищу Сталину виднее».

Генерал-майор Джугашвили прильнул к перископу.

— Предварительная!

— Есть предварительная!

— Главная... Подъем!

Тяжелый рев ворвался в бункер, яростное пламя слепило даже сквозь узкие щели.

— Есть контакт подъема!

— Пять секунд полет нормальный!

— Десять секунд...

Сначала ослепительная вспышка резанула генерала и всех в бункере по глазам, потом накатился, слава богу, ослабленный расстоянием звук взрыва.

— Ч-черт. Как знал, что опозоримся. И как раз во время съезда.

— Не нервничайте, товарищ Глушко. Телеметрия прошла?

— Прошла.

— Значит, проанализируем и попытаемся еще раз. И еще столько раз, сколько будет нужно. А что до съезда... Знаете, я подумываю о том, чтобы прямо запретить запуски во время праздников и прочих... значимых политических событий. Чтобы не было соблазна «преподнести подарок».

— Это тут ни при чем. Никто никого не торопил. Просто — не выходит пока.

— Выйдет, товарищ Королев. Обязательно выйдет.

Председатель звонил в колокольчик, но зал не умолкал. Наконец, ураган стих.

— ... Теперь мы с уверенностью можем сказать любому агрессору: «Суньтесь к нам — и в течение считанных часов вы получите такой ответ, что никогда, ничего и никуда вы, господа, сунуть уже не сможете!»

Зал снова бушевал. Дженнингс сидел спокойно. Смысла срываться с места и бежать к ближайшему телефону он не видел. Во-первых, ему не угнаться за более молодыми и полными сил конкурентами. Во-вторых, он готов был поставить любимую фотокамеру против пары пенсов, что прежде, чем первый из быстроногих олухов добежит до комнаты прессы, где их уже дожидаются телефоны, сообщение ТАСС с заявлением Сталина и подробным (насколько это, конечно, возможно) отчетом об испытаниях заставит раскалиться все телетайпы мира. Ну и, в-третьих, он был уверен, что раз уж его угораздило проснуться — главная сенсация еще впереди.

— Это — большая победа наших ученых и инженеров, рабочих и военных. Это — большая победа всех трудящихся страны. Смысл этой победы не только в том, что теперь мы можем спокойно заниматься мирным трудом, но и в том, что мы сможем облегчить этот

труд. В ближайшее время в Советском Союзе начнется сооружение первой в мире атомной электростанции. Мы предпочитаем строить атомные электростанции, а не атомные бомбы. Хотя атомные бомбы мы тоже вынуждены строить. Однако мне хотелось бы особо подчеркнуть роль теории — передовой физической теории — в овладении ядерной энергией. Несколько веков весь мир использовал так называемую классическую физику. Эта физика, эта теория успешно работала, позволив обществу развиваться почти до нашего современного состояния. Но с развитием техники, с развитием практики стало ясно, что теория уже не объясняет всей сложности мира. Некоторые попытались закрыть глаза на эти несоответствия, целые разделы современной физики были волюнтаристски объявлены неправильными, «неарийскими». Думается, все поняли, о ком я говорю и как этот «кто-то» кончил.

Смех в зале.

— Значит ли это, что классическая физика неверна? Нет, не значит. Классическая теория описывает простые системы, классическая теория подтверждена всей практикой до конца прошлого века. Поэтому классическая теория в условиях до конца девятнадцатого века является верной. Но классическая физика является неверной в новых условиях, в условиях, когда мы в состоянии использовать энергию атомных ядер, когда мы в состоянии разгонять ядра и атомы почти до скорости света. В этих условиях классическая физика не может служить фундаментом для новой, сложной техники, такой, как атомная бомба. Старая теория служит основой для новой, но старая теория не работает в новых условиях. Мы, творчески используя диалектический материализм, можем уверенно заявить, что это — общий закон познания, который относится не только к физической теории, но и к теории общества. Мы, коммунисты, должны учитывать этот закон.

По залу пробежала волна ропота. «Старая гвардия» в президиуме смотрела... в общем, мрачновато. Молодые волки приоскалили клыки.

— Но кроме теории, есть еще и житейский опыт. Этот опыт говорит нам, что старые теории уступают новым, только когда уходят приверженцы этих старых теорий. Тогда их место занимают их молодые наследники, приверженцы более совершенных теорий. Причем мудрые приверженцы старых теорий уступают дорогу молодым, не дожидаясь, пока их вынесут из их кресел вперед ногами. Наша страна изменилась. Наша страна победила в страшной войне, наша страна создала передовую науку, передовое общество. Мы добились этого. У нас была слабая промышленность — теперь у нас сильная промышленность. Наш рабочий класс был слабо образован — теперь у нас образованный рабочий класс. Нашу техническую интеллигенцию можно было пересчитать по пальцам — теперь наша советская техническая интеллигенция становится важной производительной силой. Теперь перед страной стоят новые задачи, более сложные задачи. Мне бы хотелось, — Сталин запнулся, он не привык говорить «я», «мне», — мне бы хотелось участвовать в решении этих задач. Но я уверен — мы подготовили отличную смену. Наши дети, дети нашего поколения вынесли на плечах войну и готовы двигать страну дальше.

Зал замер.

— Поэтому я прошу партию принять мою отставку с поста Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии. Я обращаюсь к нашим сыновьям и нашим дочерям. Теперь судьба Советского Союза — в ваших руках. Держите ее крепко. Передайте ее внукам — могучей и процветающей. И воспитайте ваших внуков такими, чтобы они могли сберечь и преумножить уже ваши труды.

Зал не дышал. Дженнингс оторвался от фотоаппарата. Он знал, что его снимок будет включен в летопись находящегося в своем расцвете века. Один из титанов, старый, седой человек, стоял на трибуне, склонив голову. Мыслей человека Дженнингс не слышал. А если бы слышал — не понял бы все одно. «Ты — сделал что мог, собачий парикмахер. Теперь — была моя очередь. А потом — снова будет ваша».

Памятник стоял в стороне от шоссе, на пересечении двух грунтовых дорог, что называется — местного значения. Бетонная глыба безо всякой облицовки, бетонные, грубо обозначенные бревна у подножия. Наверху, на трехметровой высоте, рвалась в небо полупорка. Военного выпуска — угловатые крылья, единственная фара. Деревянная (правда, покрытая лаком — для сохранности) кабина. Стекла — целы, отливают синевой, но пробоины в бортах и в кабине обведены красным. Из-под кузова вылетали и ныряли обратно стрижи, жаворонки в полях звенели с высоты.

Наташа стояла и смотрела на машину. Долго. Потом наклонилась, положила на бетонную «лежневку» букет полевых цветов. Выпрямилась. Задумчиво погладила рукой выбитую в бетоне звезду. Повернулась и пошла по дороге. Небо было голубым и безоблачным.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Первый в мире электронный музыкальный аппарат. Высота звука и его громкость определяются положением рук исполнителя относительно рамок колебательных контуров.

Отбывшие наказание осужденные во времена СССР зачастую получали т. н. «поражение в правах», в частности им было запрещено жить ближе 100 километров от крупных городов.

Кукрыниксы — коллективный псевдоним популярных советских карикатуристов — Михаила Куприянова, Порфирия Крылова и Николая Соколова.

Испытательный полигон бронетанковых войск располагался вблизи подмосковной станции Кубинка.

Адмирал Вильгельм Канарис — с 1935 года руководитель абвера, германской военной разведки.

Исмет Инёню, президент Турции.

Чин германской армии, соответствующий званию капитана.

Ганс! Ульрих! Вперед! Две гранаты в окно, быстро!» (нем.)

Тяжелый французский танк конца 30-х — начала 40-х годов, отличался толстой броней, слабым вооружением и плохой подвижностью.

Порядок должен быть *(нем.)*.

Не правда ли? *(нем.)*

Служба Воздушного Наблюдения, Оповещения и Связи.

Мы в курсе, что на самом деле немецкий пистолет-пулемет со складным прикладом называется «Эрма» МП-38, да только объяснить это всем и каждому затруднительно, а именовавшим его именно так фронтовикам — и вовсе бессмысленно.

Полковник *(нем.)*.

Старинов Илья Григорьевич — известный советский диверсант, один из создателей советских войск специального назначения.

«Огненные черти!» *(нем.)*

Теллер-мина — немецкая противотанковая мина в форме диска.

«Железный Густав» — немецкое прозвище штурмовика «Ил-2». В отличие от используемого в советской литературе «Schwarze Tod» или «Черная смерть», это название действительно встречается в мемуарах.

«Tante Ju», или «Тетушка Ю» — войсковое прозвище основного немецкого транспортного самолета «Юнкерс-52».

Порядок (нем.).

САБы — осветительные (световые) авиационные бомбы.

Немецкая зенитная пушка калибром 88 миллиметров была в 1941 году наиболее грозным противником советских танков.

Внимание! Сталинский орган! (*нем.*) — прозвище советских реактивных минометов в немецких войсках.

«Внимание! Суперкрыса!» (*искаж. нем.*) — немецкие летчики называли истребители «И-16» «Крысой» еще с Испании. Появившиеся на фронте самолеты Лавочкина с двигателем воздушного охлаждения они считали развитием «И-16».